ДЭВИД МОРРЕЛЛ
ВЛАСТЕЛИН НОЧИ
Совершенно потрясающая серия.
Дин Кунц

Annotation

Писатель Томас Де Квинси, знаменитый Любитель Опиума, вместе с дочерью Эмили отправляется в Озерный край, чтобы спасти свою библиотеку, выставленную на аукцион. В поезде они становятся свидетелями убийства – первого в истории железнодорожного транспорта – и возвращаются в Лондон, чтобы помочь своим друзьям, полицейским Райану и Беккеру. Однако премьер-министр Великобритании лорд Палмерстон по непонятным причинам препятствует расследованию этого и других преступлений, парализовавших всю транспортную систему страны и вызвавших панику на бирже.

- Дэвид Моррелл
  -
  -
  -
  -
  - Введение
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Благодарности
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10

Дэвид Моррелл
Властелин ночи

David Morrell
RULER OF THE NIGHT
Copyright © Morrell Enterprises, Inc. 2016
All rights reserved
This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA
© М. Акимова, перевод, 2017
© С. Удалин, перевод, 2017
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

***

Девид Морелл написал двадцать девять популярных романов, в их числе супербестселлер «Первая кровь» о Рэмбо. Писател награжден литературными премиями «Ниро» и «Макавити», а также престижной премией «Триллермастер» за выдающиеся заслуги перед жанром. Герой его новой серии – одна из самых интересных личностей в английской истории. Томас Де Квинси ввел термин «подсознание», на полвека опередив Фрейда. Его печально известная «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум», – первое художественное произведение на тему наркомании. Он вдохновил Эдгара По, который в свою очередь вдохновил сэра Артура Конан Дойла на создание образа Шерлока Холмса.

Изобретателем современного детектива считается Эдгар Аллан По, но сейчас Девид Морелл радикально обновил этот жанр… Настоящий маэстро, только с клавиатурой вместо дирижерской палочки.
Providence Journal

Звездный стиль и сюжет… Реальные исторические персонажи перемешаны с вымышленными героями; элементы триллера и жутки́, и

гротескны. Морелл проделал безупречную исследовательскую работу… Читателю покажется, что он перенесся в викторианский Лондон, со всеми его видами, звуками и запахами.

Associated Press

Совершенно потрясающая серия.

Дин Кунц

***

Еще раз Гревелу Линдопу и Роберту Моррисону,
моим проводникам в мире Томаса Де Квинси,
а также историку Джудит Фландерс,
сопровождавшей меня в прогулках по темным улицам Викторианской эпохи

***

Всякую ночь, казалось, сходил я… в подземелья и темные бездны, лежащие глубже известных нам бездн, и сходил, едва ли надеясь возвратиться.

Томас Де Квинси.

Исповедь англичанина, употребляющего опиум

Любитель Опиума, вы и есть настоящий властелин ночи.

Ральф Уолдо Эмерсон – Томасу Де Квинси

Введение
Новая разновидность смерти

Трудно представить себе, каких размеров достигла Британская империя в XIX веке. Карты той эпохи обозначали ее владения красным цветом: Канада, Багамы, Бермуды, Гибралтар, Кипр, широкая полоса Африки, Бирма, Малайя, Сингапур, Гонконг, Австралия, Новая Зеландия и так далее. Говорили, что над Британией никогда не заходит солнце. Хозяйка четвертой части суши, она управляла третью населения земного шара – ни Александр Македонский, ни древние римляне и мечтать не могли о таком могуществе.

Сама Британия – страна, владевшая этими необъятными землями, – была сравнительно невелика. На первый взгляд это может показаться странным, но скромные размеры давали ей преимущество перед более крупными территориями, такими как Европа и Соединенные Штаты. Новые идеи быстро распространялись по ее ограниченному пространству, создавая крепкое ядро охватывающей весь мир империи, сила которой заметно возросла после изобретения новых чудес света.

Расстояние между гаванями Ливерпуля и фабриками Манчестера составляет тридцать пять миль, или пятьдесят с лишним километров. Сейчас его можно преодолеть за полчаса. Но в начале XIX века сырье и готовые изделия перевозили только в фургонах и на баржах. Оба способа требовали сил и отнимали много времени, поездка по разбитым дорогам или узким каналам при самых благоприятных условиях занимала целые сутки, а в суровые зимы могла задержаться и на несколько недель.

Но в 1830-х годах было создано нечто поразительное – Ливерпуль и Манчестер соединила между собой железная дорога, первая в своем роде. Она стоила так дорого и была настолько непривычной, что многие финансисты посчитали эту идею безумием, однако новшество оказалось успешным, и уже спустя месяц после открытия первой железной дороги было решено построить вторую – от Манчестера до Лондона. Десятью годами позже Англию уже перечертили три с лишним тысячи километров железнодорожных путей. А к 1855 году общая длина железных дорог, соединяющих все уголки страны, составила почти десять тысяч километров.

Перевозить сырье, готовую продукцию и уголь теперь можно было так

быстро и выгодно, что фабрики росли, как грибы после дождя, и в течение нескольких стремительных десятилетий Англия стала первой страной, в полной мере воспользовавшейся преимуществами промышленной революции, и достигла беспрецедентного мирового господства.

Томаса Де Квинси, одного из самых блистательных и скандально известных литераторов XIX века, печалили эти перемены. «В слепом стремлении угнаться за поездами люди скоро начнут бегать по улицам рысью, – писал Любитель Опиума, – а следующее поколение перейдет на галоп». В своем ностальгическом эссе «Английская почтовая карета» он воздавал хвалу конным экипажам, в которых путешествовал в юности. Верные десять миль в час он полагал достаточной скоростью. При этом он ощущал единство с местностью, по которой проезжал, и испытывал привязанность к лошадям, что влекли его вперед. Теперь же, когда поезда достигали немыслимой скорости в пятьдесят миль в час, ему казалось, что «железные трубы и котлы опустошают человеческие сердца». Он вспоминал, какое волнение вызывал на почтовой станции звук рожка, возвещающий о приближении кареты, с каким благоговением прислушивались люди к топоту копыт. «Все взгляды с одинаковым любопытством притягивались к одной точке. А толпа на железнодорожном вокзале объединена ничуть не в большей мере, чем текущая вода, и ее внимание разбивается на столько частей, сколько вагонов в поезде».

Де Квинси, всегда проявлявший интерес к случаям насильственной смерти, не преминул отметить, что в день торжественного открытия железной дороги из Ливерпуля в Манчестер произошел несчастный случай. Когда поезд остановился на полдороге, чтобы долить воды в котел, один политик по фамилии Хаскиссон покинул свое купе. Он хотел извиниться за недавнюю словесную перепалку перед тогдашним премьер-министром герцогом Веллингтоном, который после победы в битве при Ватерлоо стал одним из наиболее почитаемых людей в стране. Хаскиссон двинулся вдоль путей, подошел к купе премьер-министра и обменялся с ним рукопожатием, но так увлекся разговором, что лишь в последний момент заметил встречный паровоз, быстро приближавшийся к нему по параллельному пути.

Поезд премьер-министра тоже тронулся с места. Хаскиссон побежал за ним. Он ухватился за дверцу купе, но та распахнулась в сторону приближавшегося паровоза. Хаскиссон повис на ней, но не удержался и упал под колеса встречного поезда.

Весть об ужасной смерти Хаскиссона разлетелась по стране, в один момент превратив его в знаменитость. Благодаря ей люди во всей Англии и

по всему миру узнали о потрясающем изобретении и новом виде транспорта, который они прежде не могли даже вообразить.

Но железная дорога принесла с собой также новую разновидность смерти, и, как заключил Де Квинси – эксперт в изящном искусстве убийства, то была лишь первая жертва.

Глава 1
Запертое купе

Лондон

В четверг вечером, 22 марта 1855 года, хмурый джентльмен внимательно изучал документ на двух листах, что лежали на его массивном столе. Джентльмена звали Дэниел Харкурт. Пятидесятилетний поверенный имел тучное телосложение – следствие сидячей работы. Он был одет в серый сюртук и жилет превосходного покроя. Золотая цепочка его часов свидетельствовала о том, что адвокат успешен в своих делах. Горячие угли в камине пытались разогнать промозглый холод, оставшийся после недавнего дождя, но сейчас в них не было особой необходимости. Харкурта подогревало изнутри пламя триумфа.

– Вы совершенно уверены в этих сведениях? – спросил он, поднимая голову от документа. – Дом в Блумсбери? И все остальное?

Стоявший по другую сторону стола мужчина был одет в дешевое потертое пальто. Морщины на его грубом лице говорили о том, что специфика работы требовала от него часто бывать на открытом воздухе.

– Я все сделал сам, мистер Харкурт. Если бы вы, как я, десять лет патрулировали эти улицы, то знали бы, у кого нужно спрашивать. Разносчики газет, уличные метельщики, мойщики со стоянки кебов – такие ребята ничего не пропускают и могут доказать мои сведения всего лишь за шестипенсовик. Лицо этого человека нарисовал лучший уличный художник в Блумсбери. Все, что я вам сказал, – истинная правда.

Харкурт вытащил из ящика стола листок бумаги и подтолкнул его к посетителю. Затем обмакнул перо в чернила и также протянул ему.

– Напишите свое имя.

– Но вы же знаете мое имя. Я Джон Солтрем.

– Все равно напишите.

– Думаете, я не умею? – глухо возмутился Солтрем. – Думаете, в столичной полиции будут держать констебля, не умеющего писать?

Харкурт положил рядом с листом золотой соверен.

– Сделайте одолжение. Напишите свое имя.

Солтрем долго смотрел на монету и наконец исполнил просьбу, скрипя металлическим пером.

– Вот, пожалуйста, – заявил он, возвращая листок и перо.

– На той бумаге, что вы мне принесли, другой почерк, – заметил Харкурт.

– Я сказал, что умею писать. Но не сказал, что умею писать аккуратно. Это моя благоверная настрочила, под мою диктовку. Я не мог доверить такое дело кому-то другому.

– Откуда мне знать, что вы не сделали копию? Откуда мне знать, что вы не попытаетесь продать эти сведения человеку, за которым следили?

– Это было бы не очень разумно с моей стороны, вам так не кажется, мистер Харкурт? Мне нужна постоянная работа и не нужны неприятности от такого человека, как вы.

Поверенный задумался на мгновение, а затем выложил на стол еще пять соверенов. Это равнялось пятинедельному жалованью констебля.

– Вот плата, о которой мы договаривались, – сказал он. – И еще один соверен сверху.

– Благодарю, мистер Харкурт. Покорнейше благодарю. – Солтрем засунул монеты в карман брюк. – Если я могу еще что-то для вас сделать…

– У меня всегда найдется поручение для человека, умеющего держать язык за зубами. На самом деле ваши услуги понадобятся мне очень скоро. Но сейчас уже поздно, и я уверен, что вам не терпится вернуться к своей жене.

– Да, мистер Харкурт. Хорошо, мистер Харкурт.

Уходя, Солтрем провел рукой по губам, и по этому жесту можно было предположить, что он скорее отправится в таверну, чем к себе домой.

Харкурт посмотрел вслед удаляющейся по коридору фигуре и прикрыл дверь в кабинет. Он подождал, пока затихнут шаги спускающегося по лестнице Солтрема, и только потом дал волю пламени триумфа, подталкивавшему его к действию.

Поверенный решительно вытащил золотые часы из жилетного кармана. Двадцать семь минут девятого. Он редко задерживался на работе так поздно, но выбирать не приходилось – встретиться с Солтремом можно было лишь тогда, когда здание опустеет, чтобы никто не заметил посетителя.

Харкурт спешно выбросил в мусорную корзину листок с именем. Затем торопливо надел пальто, перчатки и цилиндр. Положил двухстраничный документ в кожаную папку для бумаг, прихватил зонтик, погасил лампу и вышел в коридор. Он быстро спустился по лестнице, туша одну за другой лампы, освещавшие холл.

Контора поверенного располагалась на Ломбард-стрит, нынешним

вечером затянутой холодным туманом. Это была одна из самых коротких улиц в деловом квартале Лондона – квадратной миле, почтительно именуемой Сити, непременно с заглавной буквы «С». Несмотря на скромные размеры Ломбард-стрит, близость к величественному Английскому банку и Королевской бирже ставила ее в один ряд с самыми престижными улицами в мире.

Широкими шагами Харкурт двинулся по мокрому тротуару к стоянке кебов. Днем здесь скапливалось до двадцати экипажей – больше, чем разрешено законом, но теперь, когда все конторы уже закрылись, и пара кебов была большой удачей.

Быстро забравшись внутрь одного из них, Харкурт крикнул вознице в высокой шляпе, устроившемуся на задке экипажа:

– Юстонский вокзал! Мне нужно успеть к девятичасовому поезду!

– Времени в обрез, почтеннейший.

– Плачу втрое больше обычного.

Обрадованный кебмен щелкнул кнутом, и двухместный экипаж резво помчался вперед. Стук копыт отражался от стен опустевших зданий. Возница то и дело петлял в неожиданной толчее направлявшихся на север от моста Блэкфрайрз экипажей. Щелкнув кнутом еще сильнее, он погнал лошадь по Холборн-хилл, а затем повернул направо на Грейс-Инн-роуд.

Кеб проехал мимо погруженного в туман уличного фонаря, и Харкурт, то и дело поглаживающий папку с бумагами, взглянул на часы – оставалось всего десять минут.

Поверенный постарался успокоить дыхание. Он всегда нервничал перед поездкой по железной дороге, с грустью вспоминая эпоху почтовых карет, когда скорость доставляла удовольствие, а не пугала.

– Скоро приедем, почтеннейший, – крикнул кебмен, поворачивая влево на Нью-роуд.

– Уже почти девять часов!

– Не волнуйтесь, почтеннейший. Просто приготовьте монеты.

Впереди показалась Юстон-сквер. Харкурт в нетерпении схватил папку с бумагами и зонтик, пока кеб проезжал под огромной римской аркой перед вокзалом. Спрыгнув на тротуар, он бросил монеты вознице и помчался к Большому залу. Не удостоив взглядом колонны, статуи и величественную лестницу, адвокат подбежал к окну единственной еще не закрывшейся билетной кассы.

– На девятичасовой поезд до Седвик-Хилла, – сказал он, протягивая кассиру крону.

Тот не стал спрашивать, желает ли пассажир ехать первым классом;

золотая цепочка от часов говорила сама за себя.

– Вам лучше поторопиться, сэр.

Харкурт выхватил у него билет и устремился к поезду.

– Вы забыли сдачу, сэр!

Не обращая внимания на крик за спиной, Харкурт выскочил через ворота на перрон. Классическую архитектуру Большого зала сменил уродливый потолок из стекла и стали, покрытый копотью от бесчисленных паровозов.

Харкурт показал контролеру билет и поспешил вдоль состава к нетерпеливо шипевшему паровозу. Он миновал вагоны третьего класса, в которых пассажиры могли ехать лишь стоя. Затем второго класса, с жесткими сиденьями. Общественный статус заставлял богатых пассажиров ездить в голове поезда, несмотря на шум и снопы искр, извергаемые паровым двигателем.

Наконец запыхавшийся Харкурт добрался до двух вагонов первого класса. Каждый из них делился на несколько купе с отдельным входом.

Он заглянул в первую открытую дверь, но купе уже оказалось занято. Ему не нравилось находиться в ограниченном пространстве с незнакомыми людьми. Правила приличия требовали обменяться с ними несколькими учтивыми фразами, но потом наступало неловкое молчание. Днем он мог бы уклониться от разговора, читая газету, купленную в книжном киоске У. Г. Смита на вокзале, но сейчас единственная лампа давала недостаточно света для чтения, так что ему пришлось бы ехать всю дорогу, уставившись в темноту за окном.

К тому же пассажиры, которых Харкурт разглядел в открытую дверь, были, мягко говоря, странными. Костюм одного из них, низкорослого пожилого человека, больше подходил для скромных похорон. Даже в тусклом свете лампы было заметно, что мужчина взволнован. Сидя он продолжал поочередно поднимать и опускать ноги, будто топтался на месте. Незнакомец также судорожно сжимал и разжимал кулаки, а его лицо покрывали бисеринки пота.

Его молодая спутница, сидевшая напротив, тоже выглядела достаточно странно. Она взглянула на поверенного голубыми сверкающими глазами, и он не смог не признать ее привлекательности, однако одежда девушки также была неуместной. Вместо кринолина, приличествующего даме из высшего общества, она носила шаровары, выглядывающие из-под юбки. Нет, Харкурт определенно не имел намерения провести в одном купе с такими людьми даже двадцать минут.

Он двинулся дальше по направлению к паровозу и посмотрел в

следующую открытую дверь. К счастью, купе оказалось свободно.

В нем располагалось по четыре сиденья справа и слева таким образом, чтобы пассажиры сидели лицом друг к другу. В конце купе располагалась вторая дверь. Общего коридора, соединяющего все купе, в вагоне не было, каждое из них представляло собой отдельную комнату с двумя выходами.

Харкурт забрался в купе и устроился на подушке из синего атласа, положил рядом с собой папку и зонтик и только после этого осознал, как разволновался во время погони за поездом. Он снял перчатку и коснулся ладонью лица: щека была влажной от пота. Вспомнив о маленьком человечке в соседнем купе, Харкурт задумался о поспешности, с которой он осудил незнакомца.

– Успели в последнюю минуту, сэр, – произнес кондуктор в открытую дверь.

– Да уж, – ответил Харкурт, стараясь не выдать своего облегчения.

Однако оказалось, что кондуктор обращался вовсе не к нему.

Тяжело дыша, в купе поднялся еще один пассажир и тут же тактично опустил глаза, чтобы не принуждать попутчика к разговору. Он оказался настолько любезен, что прошел к дальней двери и уселся на той же стороне, что и Харкурт, спасая поверенного от неловкого обмена взглядами.

Харкурт прислонился спиной к стенке купе, но так и не смог успокоиться. Он не успел послать телеграмму тому человеку, с которым ему так не терпелось встретиться, но решил, что, когда он достигнет Седвик-Хилла, в местной таверне найдется кто-нибудь, кто согласится за полкроны доставить сообщение в близлежащее поместье, и оттуда вышлют экипаж. Обитатели особняка наверняка переполошатся из-за столь позднего визита, но когда Харкурт покажет своему клиенту два драгоценных листка, тот, вне всякого сомнения, по достоинству оценит старания своего поверенного.

Кондуктор захлопнул дверцу и запер ее на ключ. Как бы громко ни шипел паровоз, Харкурт все-таки расслышал скрежет металла, когда служитель закрывал следующее купе… затем еще одно и еще.

Поверенный невольно вспомнил, как когда-то в детстве старшие браться заперли его в сундуке, стоявшем в кладовой. Скорчившись в темном, тесном ящике, он отчаянно колотил в крышку, умоляя, чтобы его выпустили. Воздух внутри сундука сделался теплым и влажным от его дыхания. Он кричал все слабее, дышал все реже, в голове у него помутилось. Внезапно его ослепил яркий свет, братья с шумом откинули крышку и, смеясь, убежали прочь.

Мужчина, оказавшийся в одном купе с Харкуртом, тоже выглядел

встревоженным и сидел в напряженной позе, выпрямив спину.

Паровоз запыхтел, чугунные столбы и закопченный стеклянный потолок перрона поплыли назад. Харкурт решил было полюбоваться окружающим пейзажем, если можно так выразиться, но латунная решетка на окне мешала сосредоточиться. Ее установили, чтобы помешать пассажирам высунуться наружу и удариться головой о какой-нибудь предмет, мимо которого проезжал поезд. По схожей причине купе запирались снаружи, иначе кто-нибудь мог случайно или даже умышленно открыть дверь в глупой попытке улучшить обзор и тоже удариться обо что-то или же потерять равновесие и упасть под колеса поезда.

Харкурт прекрасно понимал, зачем нужны эти предосторожности, но лицо его все равно покрылось потом. Из-за решеток на окнах и запертых дверей ему представлялось, что он находится не в купе поезда, а в тюремной камере.

Мужчина, деливший с ним это тесное помещение, поднялся и пересел на сиденье напротив Харкурта, почти касаясь его колен своими.

«Какая вопиющая бестактность, – подумал адвокат. – Может быть, это коммивояжер? Может быть, он надеется что-то мне продать?»

Поверенный упорно смотрел в окно, делая вид, что не замечает попутчика.

– Добрый вечер, мистер Харкурт.

«Черт побери, откуда ему известно мое имя?»

Харкурт поневоле обернулся и посмотрел незнакомцу в глаза.

– Вы? – воскликнул поверенный.

Незнакомец набросился на него. Харкурт попытался было закрыться зонтиком, но нападавший отнял у него ненадежную защиту и бросил на пол. Одной рукой незнакомец сжал горло Харкурта, а второй выхватил нож и ударил попутчика в грудь.

Лезвие наткнулось на что-то твердое и соскользнуло вниз. Нападавший выругался. Харкурт отчаянно пытался отбросить душившую его руку.

И тут начался ад.

Из дневника Эмили Де Квинси

После трех месяцев пребывания в Лондоне я не ожидала, что наш с отцом отдых от бесконечных исков кредиторов столь внезапно

прервется. Спустя несколько недель после покушения на королеву Викторию, в свой двадцать второй день рождения я воспользовалась случаем, чтобы обратиться к чувствам отца и заставить его признать, что многолетняя зависимость от опиума может закончиться для него фатально.

За двумя бессонными днями последовали двадцать четыре часа тревожного забытья, когда сквозь посещавшие отца кошмары промаршировали все призраки его прошлого, а покойные мать и сестра говорили с ним.

Отец почти ничего не ел, кроме хлеба, вымоченного в теплом молоке. Он признался, что каждый день принимал целых шестнадцать унций лауданума – растворенного в бренди опиумного порошка. Такое количество алкоголя было достаточно разрушительным даже без добавления опиатов.

Под присмотром доктора Сноу отец начал уменьшать дозу лауданума на половину унции каждые три дня. При малейшем признаке сопротивления организма ему было велено добавлять четверть унции к обычной порции и оставаться на этом уровне, пока не утихнут дрожь и головные боли. А потом продолжать постепенное снижение дозы на пол-унции.

Этот способ оказался не только разумным, но и весьма эффективным.

Отцу удалось снизить дозу до восьми унций в день. Это по-прежнему было чудовищно много, учитывая, что люди, не привычные к опиуму, могли умереть от одной столовой ложки лауданума, но отец привыкал к нему более четырех десятилетий.

Его голубые глаза прояснились. Он начал есть бульон, временами даже с клецками.

Он снова начал писать, добавляя новый материал к собранию своих сочинений, которое готовил его шотландский издатель. Получив новые страницы, тот даже прислал нам десять фунтов. Неожиданная любезность, учитывая, что отец уже давно потратил весь свой гонорар.

Наши дорогие друзья Шон и Джозеф (я имею в виду, конечно, инспектора Райана и сержанта Беккера) радовались успехам отца и вместе со мной, как могли, подбадривали его. Но они не знали отца так хорошо, как я, и все то время, пока он боролся со своим пристрастием, я не могла не вспоминать, как уже не раз проходила вместе с ним этот путь. Особенно меня тревожило, что он задумал новую версию своей «Исповеди англичанина, употреблявшего опиум» – не только отредактированную, но

и дополненную.

Как только я начала надеяться, что отец сможет освободиться от наркотика, он принялся пересматривать мучительный текст, написанный как будто в прошлой жизни, еще раз воссоздавать ужасные события, что привели его к зависимости от опиума. Снова он описывал, как семнадцатилетним юношей едва не умер на заснеженных улицах Лондона. Снова вспоминал несчастную Энн, свою первую любовь, пятнадцатилетнюю девушку с улицы, которая спасла его, ослабевшего от голода, но потом пропала без вести.

Я делала все возможное, чтобы отвлечь его. В тот четверг, вечером, Шон и Джозеф отвели нас в недавно открывшийся, но уже нашумевший ресторанчик в Сохо, чтобы отпраздновать середину пути к освобождению отца от пристрастия к лаудануму.

Рана на животе Шона к тому времени вполне зажила, и у Джозефа больше не двоилось в глазах из-за удара по голове.

Укрепившееся здоровье каждого из нас и стало поводом для торжества. Отец даже предложил оплатить банкет из тех десяти фунтов, которые мы недавно получили.

– Не стоит беспокоиться, сэр. Мы забыли сказать вам, что Джозеф и я теперь богачи, – сообщил Шон.

– Богачи? – озадаченно переспросил отец.

– В самом деле. В качестве компенсации за наши ранения каждый получил премию в пять фунтов из особого фонда Скотленд-Ярда. И мы не можем придумать лучшего способа потратить часть этого громадного состояния, чем угостить вас и вашу дочь ужином.

Цветочный орнамент на потолке ресторана, яркие стеклышки в люстрах и искусно обрамленное зеркало над камином были чудо как хороши. Все складывалось так славно, что за шумом разговоров никто не обратил внимания ни на мои блумерсы, ни на шрам на подбородке Джозефа, ни на рыжие волосы Шона, когда тот снял кепи. Посетителей даже не заинтересовал низкий рост отца.

Но едва мы все расположились за столом, моя улыбка померкла. Это всегда начиналось с его глаз. Их голубизна стала хрупкой, как старинный фарфор. Затем лицо отца побледнело и внезапно заблестело от пота. На щеках появились новые морщины. Он схватился за живот и, дрожа всем телом, выдавил из себя лишь одно слово:

– Крысы.

Мужчина за соседним столом уронил вилку:

– Крысы? Где?

– Они грызут мой желудок, – пожаловался отец.

– Вам подали крыс?

– Мой отец болен, – объяснила я. – Сожалею, что побеспокоили вас.

– Крысы в желудке? Тогда пусть проглотит кошку.

Отец застонал, и Шон с Джозефом помогли ему выбраться из-за стола и выйти на улицу. Дождь, пролившийся вечером, придал лондонскому воздуху редкую для него свежесть. Я надеялась, что вместе с окутавшим нас холодным туманом они укрепят отца и смягчат его муки.

– Эмили, не отвести ли нам его к доктору Сноу? – спросил Шон.

– Не думаю, что он сможет нам чем-то помочь. Подобное случалось и прежде. Всегда есть уровень опия, ниже которого отец не в состоянии опуститься.

Повинуясь указаниям врача, я достала из кармана бутылочку с лауданумом и чайную ложку.

– Вот, отец.

Из печального опыта я знала, что другого пути не было. Ложечка рубиновой жидкости сделала свое дело. Дыхание отца начало успокаиваться. Постепенно он перестал дрожать.

– Мистер Де Квинси, у вас лишь небольшое обострение, – сказал Джозеф. – Завтра все снова будет в порядке.

– Да, лишь небольшое обострение, – пробормотал отец.

В слабом свете уличного фонаря я увидела, что у него в глазах стояли слезы.

Обычно отец ходил бодро, как будто опиум был для него возбуждающим, а не успокоительным средством. Но в ту ночь, пока мы возвращались по Пикадилли в дом лорда Палмерстона напротив Грин-парка, он шагал медленно и вяло.

Огромный особняк был одним из немногих на Пикадилли, что располагались в глубине от улицы. Одни ворота предназначались для подъезда, другие – для выезда. Изогнутая дорожка за ними вела к величественному крыльцу, на котором часто появлялась королева Виктория, когда ее двоюродный брат герцог Кембриджский владел зданием, до сих пор известным как Кембридж-Хаус.

Швейцар, не слишком довольный тем, что ему пришлось выбираться на улицу в холодный туман, отпер ворота.

– Лорд Палмерстон ожидает вас, – сказал он. – Пришла телеграмма.

– Для меня?

Судя по тону, Шон опасался, что свершилось еще одно страшное

преступление.

– Для мистера Де Квинси.

Отец поднял голову в замешательстве:

– Для меня? Кто, скажите на милость…

– Может быть, ваш издатель, – предположил Джозеф.

К отцу вернулась часть его жизненной силы, пока лакей открывал тяжелую дверь.

Мы вошли в огромный холл, ярко освещенный люстрой и сверкающими хрустальными лампами на стенах. Греческие статуи, восточные вазы и огромные портреты благородной семьи лорда Палмерстона никогда не переставали поражать меня. Принимая во внимание все те сырые и тесные жилища, в которых приходилось ютиться нам с отцом, я и мечтать не смела поселиться в таком дворце, хотя лорд Палмерстон всегда относился к нему как к обычному дому.

Его светлость тут же появился на верхней площадке громадной лестницы, словно все это время поджидал нас.

– У меня для вас кое-что есть! – объявил он.

Держа в руке распечатанную телеграмму, он поспешно спустился. Таким подвижным я не видела его светлость с тех пор, как в начале февраля он стал премьер-министром; слишком уж тяжелый груз новых обязанностей свалился на него. Его грудь и плечи по-прежнему излучали силу, но бремя войны с русскими легло новыми морщинами на некогда красивое лицо, и подкрашенные коричневой краской густые длинные бакенбарды уже не скрывали почтенного возраста.

Проворно достигнув подножия лестницы, лорд Палмерстон передал отцу телеграмму.

– Похоже, премьер-министр страны стал вашим личным секретарем. Я открыл ее прежде, чем понял, что она предназначалась не мне.

Мы с отцом были благодарны его светлости за три месяца гостеприимства. Однако меня не отпускало ощущение, что лорд Палмерстон дал нам приют не столько из признательности за помощь, которую мы оказали в ходе недавних чрезвычайных происшествий, сколько для того, чтобы удерживать нас подле себя на случай, если мы узнаем о нем нечто компрометирующее. «Держи друзей близко, а врагов еще ближе», – однажды услышала я его слова, сказанные министру об одном из членов оппозиции. Не вызывало никаких сомнений, что это же правило он применяет и к нам. Со временем он явно устал от нас, особенно от ночных прогулок отца по коридорам его огромного особняка.

Если бы не симпатия к нам королевы Виктории и принца Альберта,

он, несомненно, давно попросил бы нас уехать.

– Похоже, вас вызывают, – сказал лорд Палмерстон.

Лицо отца, и так почти лишенное всяких красок, побледнело еще сильнее, когда он прочел телеграмму и в отчаянии застонал.

– Отец, с тобой все в порядке? – спросила я.

– Это катастрофа! Чудовищная, как пожар Александрийской библиотеки!

– Какой пожар? – переспросил Шон.

– Поуп! Драйден! Это надо остановить! Брэдшоу! Дайте мне Брэдшоу!

Как бы ни озадачила меня внезапная вспышка отца, по крайней мере, одна фраза была понятной. Отец требовал железнодорожный справочник Брэдшоу.

– Вы слышали, – сказал своему лакею лорд Палмерстон. – Принесите ему моего Брэдшоу.

Слуга повиновался, хотя, казалось, ему хочется задержаться и узнать тайну странного поведения гостя.

– Шекспир! Спенсер! О нет! – стонал отец.

Я взяла у него телеграмму и прочла: «Терпение лопнуло. Книги продадут с молотка. Полдень. Пятница».

– Я же говорил, что он получит свои проклятые деньги! – настаивал отец.

– Это было шесть месяцев назад, но ты их так и не послал, – мягко напомнила я.

– Я объяснял ему, что нужно всего лишь немножко подождать! Почему он меня не послушал?

– Кому он объяснял, Эмили? – спросил Джозеф.

– Домовладельцу, – ответила я.

– Из Эдинбурга? Я думал, ваш домовладелец знает, что нынче вы живете в Лондоне и ему следует сдать вашу квартиру.

– Из Грасмера, в Озерном крае, – объяснила я остальным. – Отец жил там долгие годы. Одна из причин наших долгов состоит в том, что он коллекционирует книги.

На лицах у всех было написано недоумение.

– В огромном количестве, – скрепя сердце продолжала я. – Где бы отец ни жил, он заполнял книгами комнату за комнатой, пока в них не оставалось места, чтобы войти внутрь. Тогда он запирал дверь и снимал другое жилье.

– И много ли таких мест, доверху заполненных книгами, вы оставили

после себя? – уточнил Шон.

– Три. Но раньше были и другие.

– Три? Но как, ради всего святого, ваш отец оплачивает ренту?

– Он и не оплачивает, только обещает. Иногда он отправляет деньги за месяц или два, заставляя домовладельцев надеяться, что вот-вот придут и следующие взносы. Со временем кто-то теряет терпение.

– Может быть, продав часть книг, он смог бы оплатить долг и сохранить остальные, – предложил Джозеф.

– Продать мои книги? – с ужасом переспросил отец.

По тому, как лорд Палмерстон выступил вперед, у меня сложилось впечатление, что он едва скрывает свой восторг.

– Вы просили Брэдшоу. Значит, вы задумали путешествие? Возможно, в Озерный край? В Грасмер?

– Книги выставят на аукцион завтра в полдень! Я должен ехать! – воскликнул отец.

– Да, и немедленно, – согласился премьер-министр.

Когда лакей прибежал с железнодорожным справочником Брэдшоу, его светлость принялся жадно листать толстый том.

– Так. Поезд отходит в девять часов вечера с Юстонского вокзала. Останавливается в Манчестере. Завтра в шесть утра выезжает из Манчестера в Уиндермир и прибывает туда в десять. Быстрый экипаж успеет доставить вас в Грасмер к полудню. Вы можете спасти свои книги. Скорее. Нельзя терять ни минуты.

– Но уже девятый час. – Я указала на большие часы у дверей. – Мы не успеем собраться.

– Об этом позаботятся, – заверил меня лорд Палмерстон. – Я поручу слугам упаковать ваши вещи и отправить их в Грасмер. Вы получите багаж завтра к вечеру. Возьмите кеб, – велел он лакею, а другому слуге сказал: – Принесите мое пальто, шляпу и перчатки.

– Вы отправитесь с нами, мой лорд? – спросил отец. – Разве вам не нужно сегодня в парламент?

– Я хотел бы попрощаться подобающим образом.

В итоге мы впятером набились в наемный экипаж, который был рассчитан лишь на четверых. Женщина в кринолине не смогла бы уместиться в переполненном салоне, но мои блумерсы позволили мне втиснуться в узкое пространство между Шоном и Джозефом, чувствуя их тепло по обеим сторонам от себя.

Я отправлялась в ресторанчик в приподнятом настроении. Но пока мы мчались по туманным улицам, ведущим к Юстонскому вокзалу, имея в

запасе всего лишь пять минут, оно исчезло без следа. В кебе, в присутствии лорда Палмерстона, я не могла сказать Шону и Джозефу, как сильно не хочу покидать их.

– Я буду скучать, – все, что мне удалось произнести, пока мы торопливо пересекали Большой зал.

– Но вы, я надеюсь, скоро вернетесь, – быстро отозвался Джозеф.

Прежде чем я успела ответить, лорд Палмерстон сунул мне в руку два билета.

– Первый класс. Все, что угодно, для вас и вашего отца. И вот вам пять соверенов на дорогу. А теперь поторопитесь, иначе опоздаете.

Его светлость явно смутился, когда я поцеловала в щеку сначала Шона, а потом Джозефа. Но он не выказал ровным счетом никаких эмоций и торопливо повел нас по галерее к мрачному перрону с крышей из стали и стекла, где контролер проверил наши билеты.

Торопясь к исходящему паром поезду, я оглянулась и помахала Шону и Джозефу, стоявшим у турникета. На их лицах было написано уныние. Лорд Палмерстон, напротив, весь сиял и махал мне в ответ, радуясь возможности избавиться от нас так, чтобы не разгневать королеву. Я представила, как он говорит ей: «А что еще я мог сделать, ваше величество? Это была их идея».

Мы нашли пустое купе первого класса, и я предложила отцу сесть у дальнего окна.

Он выглядел настолько нетерпеливым, сжимая и разжимая кулаки, продолжая шевелить ногами даже сидя, что я хотела находиться как можно дальше от любого попутчика, который решил бы разделить с нами купе. Будто в ответ на мои мысли какой-то мужчина заглянул в открытую дверь и, явно недовольный увиденным, помчался дальше.

Кондуктор закрыл дверь на ключ. Хотя мне и неприятно было оказаться запертой в похожем на тюремную камеру купе, по крайней мере, мы избежали неловкости, разделяя тесное пространство с незнакомцами, которые смотрели бы на нас с осуждением.

Поезд тронулся. Туман за окном потихоньку начинал рассеиваться.

Мы промчались мимо газовых фонарей заводов, потом мимо тусклых огоньков ветхих домишек в трущобах. Наконец за окном остались лишь деревья и пастбища, залитые светом звезд и луны.

В купе было холодно. Света одинокой лампы на стене напротив меня не хватало, чтобы разогнать тени. Поезд покачивался, ускоряясь, перестук колес нарастал с каждой минутой.

– Эмили, позволишь открыть окно? Думаю, резкий ветер поможет

мне успокоиться. – Он приподнял раму. – Возможно, еще одна чайная ложка лауданума тоже смогла бы мне помочь…

– Не сейчас, отец.

– Увы, не сейчас.

Со вздохом он откинулся на подушку. Я заняла место напротив, так что ветер обдувал его, а не меня.

– Смотри, чтобы в тебя не попали искры, отец.

Он отряхнул свое пальто.

Поезд мчался все быстрее.

– Во времена почтовых карет, – сказал отец, – особенно если ехать рядом с кучером, можно было без труда разглядеть пейзаж, что простирается впереди. Но здесь мы все равно что слепые.

За моей спиной раздался глухой удар.

– Что это было? – удивилась я.

– Ты о чем? – переспросил отец.

Снова что-то глухо ударило позади меня, на этот раз с большей силой.

– Стена, – сказала я. – Что-то бьется в нее.

Отец подался вперед. Даже в скудном свете я смогла заметить в нем перемену: отчаяние в глазах сменилось любопытством.

Следующий толчок был настолько силен, что перегородка задрожала.

Затем прозвучали подряд несколько громких ударов, за ними последовал приглушенный крик. И удары, и крик, казалось, доносились из соседнего купе.

Внезапно звезды и луна пропали – мы въехали в тоннель.

В замкнутом пространстве рев паровоза и неистовый стук колес усилились, зато удары и крики в соседнем купе стихли.

Когда поезд вылетел из тоннеля, грохот уменьшился. По закрытой части окна стекала какая-то жидкость, она покрывалась рябью на ветру, созданном стремительным движением поезда.

– Должно быть, пошел дождь, – предположил отец. – Капли залетели внутрь. Я чувствую их на своем лице.

– Но перед тем как мы въехали в тоннель, я взглянула небо, и оно было ясным, – возразила я. – Не понимаю, как облака могли так неожиданно нас обогнать.

– Тогда почему я чувствую, как дождь бьет мне в лицо?

Отец вытер щеку, обращенную к открытому окну, и посмотрел на свою руку.

– Эмили… – позвал он.

От его тона меня бросило в дрожь. Он протянул ко мне ладонь с темными пятнами, словно опасаясь, что впал в опиумный бред.

– Все в порядке, отец, я тоже это вижу. Повернись к свету.

Он обратился ко мне другой стороной лица, и я вздрогнула. Его щека была покрыта той же самой жидкостью, что измазала окно. Это была чья-то кровь.

Лестера Олдриджа мучил кашель. Само по себе это было неудивительно. После необычно холодной, снежной зимы кашель донимал многих, но Олдридж кашлял потому, что работал железнодорожным кондуктором. Его жена считала, что постоянное воздействие паровозного дыма и копоти вредит легким супруга и его коллег, как каминная сажа вредит легким трубочиста – а никто еще ни встречал трубочиста, который бы не кашлял.

Когда девятичасовой юстонский поезд сделал первую остановку, Олдридж опять кашлянул в кулак и повернул колесо тормоза замыкающего вагона. Остальные вагоны не имели тормозной системы, поэтому одна из обязанностей кондуктора состояла в том, чтобы останавливать поезд.

Олдридж спрыгнул на перрон и пошел вдоль состава, открывая двери купе. В случае столкновения или схода с рельс это было особенно важно. Иначе пассажиры окажутся в западне.

Впереди послышались крики, но Олдридж решил пока не отвлекаться на них. Сначала нужно было сделать все, чтобы поезд не отстал от расписания. А потому кондуктор открыл дверь багажного вагона – благо она была всего одна и не потребовала много времени – и поспешил к вагонам третьего класса. Однако крики становились все громче: какая-то женщина требовала кондуктора – и Олдридж помчался вперед.

Со всего перрона начали подтягиваться зеваки, спеша узнать причину переполоха. Олдридж протиснулся сквозь толпу и увидел в окне одного из купе первого класса привлекательную голубоглазую девушку со встревоженным лицом. Он вспомнил, что она вместе с пожилым спутником села на Юстонском вокзале. Еще тогда, заметив ее шаровары, выглядывающие из-под подола простой юбки без кринолина, Олдридж удивился, что эти пассажиры путешествуют первым классом, а не третьим.

– Выпустите нас! – потребовала девушка.

Еще раз кашлянув, Олдридж вставил ключ в замок.

– Вас что-то беспокоит, мисс?

– У моего отца кровь на лице!

– Кровь? – изумился кто-то в толпе. – Где?

– С вашим отцом произошел несчастный случай, мисс? – спросил Олдридж, торопливо отпирая дверь. – Он обо что-то порезался?

Кондуктор не мог вспомнить в купе ни одного острого предмета, которым можно было пораниться.

– Окно, – ответила девушка, помогая пожилому мужчине выбраться из купе. Перронный фонарь осветил его лицо, одна щека которого действительно была залита кровью.

– Боже мой! – пробормотал кто-то из зрителей, отшатнувшись.

– Кто-то разбил окно? – уточнил Олдридж, стараясь не показывать своего волнения. Он знал, что хулиганы иногда бросают камни в проходящий поезд, а также слышал, что летящая птица может врезаться прямо в стекло и разбить его.

– Нет, нет. Окно было открыто.

– Выпустите нас! – заголосили пассажиры из вагона второго класса.

К Олдриджу подбежал станционный охранник.

– Что случилось?

– Сам пока не знаю. – Олдридж справился с новым приступом кашля и сделал вид, будто контролирует ситуацию. – Откройте остальные двери и выпустите всех пассажиров.

Кондуктор снова обернулся к девушке.

– Охранник приведет врача. Так что же все-таки произошло?

– Кровь брызнула в окно.

– Брызнула в окно? – испуганно повторил кто-то в толпе.

– Откройте соседнее купе, – сказал пожилой пассажир. Багровые капли, текущие по щеке, придавали ему такой устрашающий вид, что окружающие опасливо попятились.

– Причем здесь соседнее… – начал было Олдридж.

– Послушайтесь моего отца, – посоветовала девушка. – Откройте соседнее купе.

Олдридж рванулся к соседней двери, открыл ее и нахмурился: тусклый свет лампы озарял пустое купе.

– Но ведь здесь точно были пассажиры, – заявил он. – Я помню, как один из них заговорил со мной, прежде чем я запер дверь. Затем, в самую последнюю минуту, появился второй. Куда они пропали?

Отец девушки протиснулся мимо Олдриджа и заглянул в купе.

– Коврик смят, – отметил он. – И подушки тоже.

Олдридж шагнул внутрь.

– Нет, не сюда, – остановил его низкорослый пассажир. – Идемте со мной. Скорее.

Девушка в блумерсах взяла сбитого с толку Олдриджа под локоть и потянула за собой так настойчиво, что он покорно направился следом за ее отцом в их купе.

– Посмотрите на закрытую створку окна. Видите, на ней кровь? – произнес низкорослый человек. – Отоприте дальнюю дверь.

– Но на той стороне темно. Мы ничего не увидим.

Стараясь не задеть девушку, Олдридж выбрался из купе и снял фонарь, висевший на чугунном столбе.

Затем вернулся обратно, опять обошел девушку и протянул фонарь присевшему боком на подушки низкорослому пассажиру. Затем вытащил из кармана ключ, просунул руку между решеткой окна, дотянулся до замка и открыл дверь.

Олдридж с облегчением спустился из купе на гравийную насыпь – здесь ему не придется осторожничать, чтобы ненароком не коснуться странной девушки или ее платья. Она же вместе с отцом тоже вышла из купе и остановилась между двумя железнодорожными путями – тем, по которому прибыл поезд, и встречным.

– Боже милостивый, – охнул Олдридж, поднеся фонарь к двери соседнего купе.

Чугунные ступеньки под дверью были залиты кровью, так же как и колесо, расположенное между двумя купе. Стену вагона и закрытую створку окна тоже забрызгало кровью.

– Ради всего святого, что здесь…

– Отоприте эту дверь, – распорядился отец девушки.

Олдридж уже привык выполнять их команды и подчинился без раздумий. Но едва он вставил ключ в замок, та распахнулась сама.

– Открыто, – удивленно проговорил кондуктор. – Но я уверен, что все двери на этой стороне были заперты. Я сам их проверял.

– Кто-то сломал замок, – показала рукой девушка.

Олдридж поднес лампу ближе. Не только замок, но и сама дверь из полированного красного дерева получила серьезные повреждения – или, точнее говоря, то, что раньше было дверью из красного дерева; большая ее часть была исцарапана и испачкана кровью, так же как сброшенные на пол подушки и смятый коврик. Даже потолок покрывали багровые пятна.

Олдридж кашлянул и ступил было на подножку, собираясь войти в купе.

– Нет! – остановил его низкорослый пассажир. – Так вы наступите в кровь на ступеньках и испортите улики. Не нужно ничего здесь трогать до прихода полиции. Передайте фонарь моей дочери, а сами приподнимите

меня и подержите на весу, чтобы я мог осмотреть купе, не вставая на пол.

От этой странной парочки исходила такая уверенность, что Олдридж снова подчинился, довольный уже тем, что низкорослый пассажир почти ничего не весил.

– Я вижу только шляпу и испачканный кровью зонтик, – донесся изнутри его приглушенный голос. – Возможно, именно зонтик и был орудием преступления.

– А кожаной папки там нет? – спросил Олдридж, продолжая удерживать пожилого мужчину над полом. – Я помню, что первый пассажир держал эту папку в руках.

– Нет, только шляпа и зонтик. Хотя, подождите, кажется, что-то лежит под сиденьем. Опустите меня чуть ниже. – Низкорослый пассажир повис над самым полом и присмотрелся. – Нет, я ошибся. Там ничего нет.

– Похоже, у вас хронический кашель, – сказала девушка Олдриджу.

– Это из-за паровозного дыма, мисс.

– Вскипятите воду в горшке, добавьте немного сосновой смолы и подышите над паром, – порекомендовала она. – Это очистит ваши дыхательные пути.

– Вы разбираетесь в медицине? – спросил Олдридж, чувствуя, что держать пожилого отца собеседницы становится все труднее.

– Я беру уроки у одного врача. Через какое-то время ваши легкие пойдут на поправку, но вы никогда не вылечитесь, если и дальше будете дышать дымом.

– Что же мне делать, мисс? У меня жена и четверо детей, мне нужна эта работа.

– Возможно, вам помогла бы маска, носите ее, когда сидите в хвосте поезда и вас никто не видит.

– Спасибо за заботу, мисс.

Ее отец, все еще висевший над полом купе, крикнул:

– Кажется, больше ничего нет. Пожалуйста, опустите меня на землю.

Грудь Олдриджа продолжала болеть даже после того, как ноги низкорослого пассажира коснулись гравия.

– Ничего подобного раньше в поездах не случалось. Не знаю даже, что теперь делать.

Паровоз зашипел, и раздался резкий свисток.

Олдридж торопливо захлопнул дверь купе. Он не смог запереть ее из-за сломанного замка, но, по крайней мере, она не осталась открытой.

– Я вызову констебля, он постарается разобраться, что здесь произошло.

– Проследите, чтобы констебль не входил в купе и ничего там не трогал, – решительно заявила девушка. – И пошлите телеграмму в Скотленд-Ярд, инспектору Райану. Сообщите, что его здесь ждут мисс Де Квинси и ее отец. Он сразу же приедет.

Паровоз свистнул еще раз.

– Неважно, насколько быстро инспектор может приехать, поезду нужно отправляться, – объяснил ей Олдридж.

– Что?

– Мы выбились из графика.

– Не понимаю.

– Поезд должен немедленно отбыть, чтобы наверстать потерянное время.

– Но ведь здесь на кого-то напали! – воскликнула девушка.

– У нас нет выбора. Железнодорожное расписание неумолимо. Ничто не может изменить график. Если задержится один поезд, то вслед за ним начнут задерживаться и другие. И все движение встанет.

– Тогда отцепите вагон и оставьте его здесь до приезда инспектора Райана, – упрямо ответила она.

– Ничего не выйдет. На станции нет запасного пути, куда можно отогнать вагон. Для этого нужно доехать до Манчестера. Вагон вернется сюда только завтра к полудню.

Снова раздался протяжный свисток паровоза.

Олдридж поднялся в купе, где ехали низкорослый пассажир с дочерью.

– Вам тоже нужно занять свои места.

– По пути сюда мы проезжали тоннель. Он далеко отсюда? – спросила вдруг девушка.

– Тоннель? В четверти мили. А зачем он вам?

– Нападение произошло, когда мы въехали в тоннель. – Она повернулась к своему спутнику. – Ты знаешь, что нужно делать, отец.

– Да.

– Мне очень жаль твои книги.

– Мне тоже.

– Дайте мне, пожалуйста, ваш фонарь, – попросила девушка Олдриджа.

– Но…

Она взяла у кондуктора фонарь и пошла вдоль путей.

– Подождите! – окликнул ее Олдридж. – Что вы задумали?

– Возможно, тот, на кого напали, еще жив, – отозвалась она. – Может быть, я смогу помочь ему, остановить кровотечение!

– Но ведь это опасно!

– Пришлите кого-нибудь из охранников нам на помощь, и как можно скорее, – не отступала она.

Девушка побежала вдоль рельсов, а ее пожилой отец каким-то образом ухитрялся не отставать. Огонек фонаря дрожал в темноте, становясь все меньше и меньше. Паровоз еще раз настойчиво свистнул, и Олдридж поспешил вернуться к своим обязанностям.

Холодный воздух жалил щеки Де Квинси.

– Отец, мне в самом деле жаль, что ты потеряешь свои книги, – сказала Эмили, шагая по темным шпалам. – Я понимаю, какую жертву ты сейчас приносишь.

– Жертва принесена давным-давно, Эмили. Наконец-то я осознал, что просто обманывал самого себя.

За спиной у них запыхтел паровоз, лязгнули сцепки вагонов, проскрежетали колеса. Де Квинси на ходу оглянулся. Красный фонарь на стене тормозного вагона медленно уплывал в ночь. Прошло несколько мгновений, и позади не осталось ничего, кроме отдаленного света станционных фонарей и темноты вокруг.

– Даже если бы я успел в Грасмер вовремя, как бы я помешал домовладельцу выставить на аукцион мои книги? Вынужден признать, что они были обречены с того самого момента, когда я закрыл за собой дверь дома.

Гравий хрустел в такт их торопливым шагам.

– Я вижу тоннель, – сообщила Эмили и подняла фонарь выше.

Зловещий вид темного прохода заставил ее остановиться.

– Эй! Вы слышите меня? – прокричал в тоннель Де Квинси.

Его слова растворились в ночи.

– Мы пришли помочь вам! – добавила девушка.

В темноте отозвалось одно только эхо.

– Вероятно, он так ослабел, что не может ответить нам, – решила Эмили. – Дай Бог, чтобы мы не опоздали.

Она взяла отца за руку, и они вместе шагнули в темноту.

Воздух мгновенно сделался еще холоднее, дышать стало тяжело. Они слышали только эхо собственных шагов и звук падающих с потолка капель.

Эмили направила фонарь в проход между рельсами, но свет был слишком слабым, чтобы разогнать тьму, скопившуюся возле изогнутых стен.

– Бездна из моих опийных кошмаров, – пробормотал Де Квинси.

– Отец, может быть, тебе стоило остаться на станции? Ты чувствуешь в себе силы, чтобы идти дальше?

– Я чувствую себя…

– Да? – обеспокоенно спросила девушка.

– …живым.

Воодушевление оттого, что у него опять появилась цель, приглушало усталость шестидесятидевятилетнего Де Квинси, отгоняя прочь годы бесплодных сожалений о ловушке, в которую он угодил. Привычка ходить по пятнадцать миль ежедневно, чтобы справиться с тягой к опиуму, так раздражавшие лорда Палмерстона полуночные прогулки старика укрепили его ноги, так что ему удалось не отстать от своей дочери.

– Там, впереди, на насыпи что-то есть, – указал рукой Де Квинси.

Фонарь высветил темный бугорок между железнодорожными путями.

Эмили рванулась вперед, но тут же остановилась.

Даже если бы мужчина не лежал неподвижно, так, как могут лежать только покойники, все равно было ясно, что помощь ему уже не нужна. Убийца перерезал ему горло, превратил лицо в кровавое месиво и едва не отрубил ногу.

– Ох, – только и могла вымолвить Эмили.

Она поставила фонарь на насыпь и опустилась на колени рядом с огромной лужей крови, окружавшей труп. Преодолев секундную нерешительность, она протянула руку к запястью мертвого мужчины, чтобы нащупать пульс. Затем сокрушенно покачала головой.

– В декабре я подумала, что уже видела самое худшее в своей жизни. После февральский событий я окончательно уверилась в этом. Но сейчас… – Она вздохнула. – Помоги, Господи, этому человеку, потому что я уже ничем помочь не могу.

Де Квинси старался отогнать от себя медный запах крови.

– Надеюсь, ты не станешь утверждать, что это убийство тоже было изящным искусством? – поинтересовалась Эмили.

– Пусть судит Аристотель, а не я. Страх и сострадание – вот что требовал от искусства великий философ.

Де Квинси помог дочери подняться.

– То, что сделали с этим человеком, безусловно, вызывает ужас. – Он повернул Эмили так, чтобы она не видела труп. – Но как насчет сострадания?

– Отец, я догадываюсь, что ты сейчас делаешь.

– Просто пытаюсь создать в твоей голове реальность более возвышенную, чем та, что лежит у тебя за спиной.

– Спасибо.

– Этот человек, запертый, словно в клетке, в несущемся, словно пуля, поезде, чувствовал свою беспомощность, как и все мы, путешествуя подобным образом, и вот гнусное воображение подтолкнуло убийцу к преступлению в запертом купе. Не начнет ли в скором времени весь мир двигаться с такой скоростью, что в нем не останется места, где мы не будем ощущать страха? Да, мне жаль этого человека, – тихим голосом произнес Де Квинси. – Мне жаль всех нас.

Они обернулись к далекому входу в тоннель. Пробивающийся оттуда лунный свет создавал разительный контраст с густой темнотой вокруг.

– Ты вздрогнул, отец. Тебе холодно?

– Ты тоже вздрогнула, – ответил он дочери.

– Но мы не можем уйти отсюда, – сказала Эмили, и тоннель ответил ей гулким эхом. – До тех пор, пока станционные служащие не придут сюда и не найдут труп точно так же, как нашли его мы. Шон наверняка захочет, чтобы все оставалось нетронутым до его прихода.

– Ты видишь огни станции?

– Нет, отец, они слишком далеко.

– Может быть, ты видишь силуэты спешащих к нам людей?

– Нет, их я тоже не вижу, – ответила Эмили. – Как ты думаешь, что их задержало?

– А вот я что-то вижу. Возможно, это только мое воображение, затуманенное лауданумом.

– О чем ты, отец?

Де Квинси протянул вперед руку с фонарем. На уровне его колен в темноте сверкнули отраженным светом несколько пар глаз.

Эмили отшатнулась. В ответ кто-то зарычал.

– Собаки, – определила девушка.

Глаза пододвинулись ближе – три пары, четыре, пять.

– Должно быть, их привлек запах крови, – решил Де Квинси. – Они хотят съесть труп!

Зарычала еще одна собака.

– Возможно, они и нас захотят съесть! – Эмили замахала руками и крикнула: – Пошли прочь!

Глаза ненадолго исчезли.

– Вот и правильно! – продолжала кричать девушка, решив, что собаки повернулись и убежали прочь. – Оставьте нас в покое!

Но тут глаза снова засверкали к темноте.

– Я не могу ничем помочь этой несчастной душе, но клянусь Богом,

что не оставлю его тело! – заявила Эмили.

В темноте сверкнули оскаленные зубы.

Девушка отскочила так быстро, что едва не упала.

– Гравий, – подсказал Де Квинси.

Он набрал в руку пригоршню камней и бросил туда, где светились глаза.

Поднялся визг, и светящиеся точки вновь исчезли.

– Вот так! – воскликнула Эмили и тоже со всей силы швырнула вслед собакам горсть камней, а затем еще одну.

Собаки завизжали громче, но через мгновение опять послышалось рычание. Де Квинси обернулся. Желтые огоньки глаз приближались с противоположного конца тоннеля.

– Эмили, я возьму на себя эту сторону, а ты возьми другую! Продолжай кидать камни!

Удерживая фонарь в левой руке, он нащупал правой еще одну пригоршню гравия и швырнул в собак. Некоторые камни с шумом ударились о рельсы, но другие угодили в мягкую плоть. Хотя Де Квинси был в перчатках, острые края гравия прорвали тонкую материю.

– Чертовы твари! – крикнула Эмили после нового броска. – Я не дам вам съесть этого человека!

Судорога свела руку Де Квинси.

– Шуми как можно громче! – велел он дочери и сам запел церковный гимн, запомнившийся ему после ужасных февральских событий: – «Сын Божий вышел на войну для праведных побед». Подпевай, Эмили! «Сын Божий вышел на войну».

Их голоса гулко отражались от стен тоннеля. Де Квинси перешел на Шекспира:

– «Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!»[1] Но я отправлю вас обратно в преисподнюю! Я стану псом войны!

– Отец! – испуганно воскликнула Эмили.

Раскатистое эхо голосов не шло ни в какое сравнение с отчаянным грохотом, обрушившимся на них. Внезапно вход в тоннель заслонила темнота, в которой вспыхнули два красных огонька и с каждым мгновением разгорались все ярче.

Эмили схватила отца за руку и оттащила с насыпи за мгновение до того, как мимо промчался поезд. Яростный порыв поднятого им ветра взметнул полы пальто Де Квинси. Земля под ногами задрожала, он зажал руками уши. Вагон за вагоном проносились мимо, грохот и лязг бесчисленных колес смешался с общим хаосом. Густой дым заполнил

тоннель, шальная искра обожгла лоб пожилого человека. От копоти, повисшей в воздухе, стало трудно дышать. Он закашлялся и прикрыл глаза, чтобы уберечься от летящей в лицо пыли.

Внезапно грохот и лязг стихли. Когда развеялся дым, Де Квинси открыл слезящиеся глаза и увидел стремительно уплывающие по направлению к Лондону красные фонари курьерского поезда. Громоподобное эхо улеглось, и теперь он слышал только звон в собственных ушах.

– С тобой все в порядке, Эмили?

Они поднялись на ноги, и Де Квинси вытянул перед собой руку с фонарем. Собачьих глаз больше не было видно.

– Должно быть, поезд их спугнул, – предположил он.

– Нет, – ответила девушка.

Огоньки глаз вспыхнули вновь. Темные силуэты окружили Де Квинси и его дочь. Рычание раздавалось совсем близко. Собачьи зубы щелкнули рядом с ногой Эмили.

– Чтоб ты сдохла!

Девушка пнула ботинком в собачью морду. Заскулив от боли, собака убежала прочь.

– До сегодняшнего вечера мне не приходилось слышать от тебя таких выражений, Эмили.

– Возможно, ты услышишь кое-что похуже, отец.

Другая собака ухватила ее за шаровары и дернула с такой силой, что девушка едва устояла на ногах.

У Де Квинси похолодело в груди, он подпрыгнул и с размаху ударил фонарем по голове очередной собаки. Ошеломленное животное разжало зубы и отскочило в сторону.

Тяжело дыша, пожилой человек потянулся за новыми камнями, но его пальцы наткнулись на что-то металлическое. Он поднес находку к фонарю – это оказался обломок прута, вероятно упавший с проходящего поезда.

Де Квинси собрался с силами и заколотил прутом по рельсу. Непривычный громкий звук испугал собак, и они бросились наутек.

– Получилось, отец!

Де Квинси продолжал стучать по рельсу, но сердце его колотилось с такой силой, что он боялся потерять сознание.

– Мне так долго не продержаться, Эмили.

Тяжело опустившись на насыпь, он протянул прут дочери. Пот градом катился по его щекам, пропитав всю одежду.

Девушка снова и снова ударяла по рельсу, однако пронзительный,

резкий звук лишь заставил собак остановиться в нерешительности.

Де Квинси пытался успокоить безумно бьющееся сердце.

– Они возвращаются! – предупредила Эмили.

Пожилой человек заставил себя подняться. Несомненно, он просто видит свой опиумный кошмар, ничего этого на самом деле не происходит, он спит у себя дома в Эдинбурге и никогда не приезжал в Лондон.

Он стащил с себя пальто.

– Отец, что ты делаешь?

– Я люблю тебя, – ответил он, поднял стекло фонаря и поднес полу своего пальто к пламени.

– Отец!

Ухватившись за воротник пальто, он хлестнул горящей полой по головам собак. Огонь осветил свалявшуюся шерсть и жуткие гноящие язвы на коже животных. У одних было откушено ухо, у других в открытых ранах шевелились черви, все они казались исчадиями ада.

Де Квинси понимал, что умрет, если сердце начнет биться еще быстрее.

– Убирайтесь к дьяволу! – крикнул он и снова замахнулся горящим пальто на собак.

Искры полетели во все стороны. Запахло паленой шерстью. От бешеных толчков сердца у Де Квинси закружилась голова.

Эмили по его примеру сняла пальто и также подожгла его. Когда отец опустился на колени, она подскочила и замахнулась на собак объятой пламенем одеждой.

В тоннель влетели огни, и на мгновение Де Квинси испугался, что это приближается еще один поезд. Но огни покачивались из стороны в сторону, и он понял, что это фонари в руках бегущих им навстречу людей. В подтверждение его мыслей послышались мужские голоса: «Прочь, мерзавцы! Проваливайте отсюда!»

В свете фонарей было видно, как поднимаются и опускаются полицейские дубинки. Собаки завизжали, и их темные силуэты исчезли в устье тоннеля.

– С вами все в порядке? – спросил один из подбежавших мужчин, и фонарь осветил его форму железнодорожного охранника. – Бог мой, видели бы вы сейчас себя, сэр! У вас на лице кровь и на перчатках тоже. Как и у вас, мисс. Вы оба измазались сажей. А что случилось с вашими пальто? От них остался только пепел.

– Мы уже думали, что вы так и не появитесь, – призналась Эмили.

– Мы никак не могли разыскать врача, мисс.

– Но моя помощь здесь не понадобится, – заметил человек, стоявший рядом с телом жертвы. – С такими тяжелыми ранами никто бы не выжил.

– Я проверила его пульс, – ответила Эмили. – Ему действительно уже ничем не помочь.

Врач озадаченно посмотрел на нее. Видимо, он и представить себе не мог, что женщина способна нащупать пульс.

– Лучше держаться подальше от трупа, – добавила Эмили. – Для полицейского расследования необходимо, чтобы все оставалось нетронутым.

– Я здешний констебль, – заявил еще один мужчина, сделав шаг вперед.

– Значит, вы сами знаете, что нужно оставить все как есть, чтобы инспектор Райан мог выполнить свою работу, – заключила Эмили.

– Да, кондуктор говорил, что вы просили вызвать инспектора Райана из Скотленд-Ярда и сообщить, что его здесь ждут мисс Де Квинси со своим отцом. Это имя кажется мне знакомым.

Де Квинси почувствовал, что крысы опять накинулись на его живот, и попросил:

– Эмили, дай мне, пожалуйста, мое лекарство.

Она вытащила из складок платья бутылочку с лауданумом и чайную ложку, но он отпил прямо из горлышка.

Разглядев, что это за бутылочка, все трое мужчин изумленно раскрыли рты.

– Теперь я вспомнил, где слышал это имя, – сказал констебль. – Вы – Любитель Опиума.

Глава 2
То, из-за чего умирают люди

Неженатые детективы Скотленд-Ярда имели право ночевать в полицейском общежитии в районе Уайтхолла, неподалеку от штаб-квартиры Службы столичной полиции. Бывшие частные апартаменты состояли из нескольких комнат, уставленных теперь узкими койками.

Было десять минут двенадцатого, как позже узнал Райан, когда его разбудил констебль, тихо, чтобы не потревожить других спящих полицейских, прошептавший:

– Прошу прощения, инспектор, но на ваше имя пришла телеграмма.

– Телеграмма? – Райану хватило одного мгновения, чтобы собраться с мыслями. Он был так расстроен из-за отъезда Эмили и ее отца, что спал очень чутко. – Кто ее отправил?

– Большая Северная железная дорога.

– Железная дорога? С какой стати…

Райан встал и натянул брюки, стараясь производить как можно меньше шума. Он вышел за констеблем в прихожую и прикрыл за собой дверь, чтобы свет лампы никому не помешал спать.

Инспектор прочитал телеграмму дважды.

– Благодарю вас, – сказал он, стараясь скрыть беспокойство.

Он снова зашел в комнату и пробрался в тот угол, где спал Беккер. Едва инспектор коснулся плеча своего коллеги, как тот открыл глаза.

– Эмили попала в беду, – объявил Райан.

Они спустились по лестнице и направились в полицейское управление.

– В это время поезда уже не ходят, – сказал инспектор дежурному констеблю. – Нам нужен полицейский фургон.

– Я бы с радостью, но они все заняты.

Райан обернулся к Беккеру.

– Похоже, придется потратить нашу премию.

Они выскочили из управления навстречу ночному холоду, задержавшись лишь на мгновение, чтобы застегнуть свои пальто. Парламент заседал до полуночи, и движение по Уайтхоллу в этот час не было оживленным. Райан с Беккером выбежали на Стрэнд, где ярко светились окна театров, таверн и закусочных, а самое главное – разъезжали

многочисленные кебы.

– Мы из Скотленд-Ярда, – заявил Райан кебмену, едва два богато одетых джентльмена покинули экипаж, и в доказательство предъявил свой жетон.

– Пособить инспектору полиции – это мы с превеликим удовольствием, – ответил возница. – Куда изволите?

– Далеко.

– Только заплатите, доставлю в лучшем виде.

Беккер назвал пункт назначения.

– Так это же десять миль! – заупрямился кебмен.

– Вот вам два соверена, – сказал Райан, и они с Беккером протянули вознице по монете. – Вы не заработаете столько, даже если будете всю ночь колесить по Лондону.

– И еще десять миль обратно. Моя лошадушка совсем из сил выбьется.

– Еще два соверена, – не стал спорить Райан, и они с Беккером снова полезли в карманы. Четыре фунта – возница, скорее всего, в жизни не держал в руках таких денег.

– Должно быть, у сыщиков Скотленд-Ярда есть очень важная причина для такой дальней поездки, – решил кебмен.

– Самая важная в мире, – подтвердил Беккер.

– Ага, в мире нет ничего важней, чем хорошенькая барышня.

– Точно, – согласился Райан.

– Ну тогда, господа хорошие, держитесь крепче!

Возница взмахнул кнутом, подгоняя лошадь.

Райан и Беккер сидели в кебе, как на иголках, и долгое время молчали. И сорокалетний инспектор, и двадцатипятилетний сержант прекрасно понимали, что увлечены одной и той же двадцатидвухлетней девушкой.

По вечерам, ложась спать, Райан часто напоминал себе, что он почти вдвое старше Эмили и потому должен испытывать к ней скорее отцовские чувства. Но как ни старался, он не мог преодолеть свое влечение к девушке. Иногда ему все же удавалось думать об Эмили как о дочери, но вся его решимость разрушалась в один миг при новой встрече с ее голубыми глазами, каштановыми локонами… и ее душой, ее прекрасной, невероятно свободной и независимой душой.

Кеб добрался до северных окраин Лондона с их фабриками и трущобами.

Остановившись у заставы, чтобы оплатить проезд, они помчались дальше в темноту. Пустынная дорога, покрытая щебнем, позволяла не сбрасывать скорость даже в тусклом свете наружных фонарей кеба.

Как бы быстро они ни ехали, Беккер все равно нетерпеливо постукивал пальцами по колену, Райан же смотрел в окно. Туман рассеялся, открывая взгляду темные силуэты деревьев, поля и ручьи.

Однако инспектор видел перед собой лишь лицо Эмили.

– Я молюсь, чтобы с ней не стряслось ничего плохого, – сказал Беккер.

– А если нет, кто-то дорого за это заплатит, – пообещал Райан.

– Непременно, – решительным тоном согласился его коллега.

– Вы не прогадали, подряжая меня, господа хорошие, – крикнул возница. – Слышите, церковный колокол пробил час ночи? Я домчал вас всего за полтора часа.

Райан хмуро поглядел на штабели кирпичей и кучи песка вдоль дороги, освещенные двумя фонарями кеба. Потрескавшиеся доски свисали с голых каркасов домов. Повсюду видны были груды мусора.

– Что здесь произошло? – спросил Райан.

– Железная дорога! – ответил кебмен. – Земельные спекулянты решили построить дома для тех, кто хочет жить поблизости от Лондона. Но они сами себя перехитрили, понастроили столько, что покупателей не нашлось. Мой брат плотничал здесь одно время, пока его не уволили, и пришлось ему пойти в армию, чтобы не помереть с голоду. Храни его, Боже, он теперь на войне.

Райан разглядел впереди кучку домов и лавок, построенных возле железнодорожной станции. Немощеные улицы освещали старомодные фонари с баллонами для светильного газа.

Как только кеб остановился, они с Беккером выскочили из экипажа и с гулким топотом побежали по деревянному перрону к станции. В окнах кассы и телеграфного участка было темно, но в зале ожидания горел свет. Райан заглянул внутрь, но там оказалось пусто.

Станционный охранник встретил их у дверей.

– Я инспектор Райан из Скотленд-Ярда. А это сержант Беккер. Где Эмили Де Квинси и ее отец?

– Там, – показал на зал ожидания охранник.

Инспектор вбежал внутрь, но не нашел их.

– Где?..

Беккер жестом указал Райану на скамьи, где неподвижно лежали Эмили и ее отец.

Инспектор, испугавшись, что они мертвы, поспешил к ним, но тут же остановился и облегченно вздохнул, когда девушка приподняла голову. Однако на смену облегчению пришел ужас, стоило ему взглянуть на лицо

Эмили, измазанное сажей. Ее шляпа помялась, пальто не было вовсе, юбка порвалась и испачкалась, на руках виднелись пятна крови.

Отец Эмили выглядел еще хуже, белки глаз его разительно выделялись на покрытом кровью и сажей лице.

– Боже мой! – воскликнул Беккер.

– В поезде произошло убийство, – торопливо заговорила Эмили. – Труп лежит в железнодорожном тоннеле. Мы с отцом пытались защитить его от собак.

– Что? – только и сумел произнести в ответ Райан.

Эмили еще раз повторила сказанное, и полицейские удивленно переглянулись.

– Вы сделали это, чтобы сохранить улики? – спросил Беккер.

– Нам не хотелось разочаровать вас, – ответила Эмили.

– Вы никогда нас не разочаруете.

– Боюсь, что у меня все же получится, – вступил в разговор Де Квинси.

– Учитывая все обстоятельства, я просто не могу себе представить, каким образом. – Райан поворошил угли в камине, пытаясь выгнать из зала промозглую сырость. – Нужно раздобыть для вас одеяла.

– Я забрал одну улику с места преступления, – объяснил Де Квинси.

– Что вы сделали? – Райан удивленно посмотрел на маленького человечка.

– Кондуктор сказал нам, что поезд должен ехать дальше и вагон, в котором произошло убийство, нельзя оставить на станции.

Де Квинси поднес к губам бутылочку с лауданумом и отпил из нее, стараясь не пролить ни одной капли драгоценного опиума.

Инспектор с безмолвным сочувствием посмотрел на Эмили.

– Кондуктор утверждал, что вагон не вернется сюда раньше полудня, – продолжал пожилой человек. – Одна дверь купе, в котором произошло убийство, оказалась повреждена, и ее нельзя было запереть на замок. Я не мог быть уверен, что через пятнадцать часов место преступления останется в неприкосновенности, пока поезд движется от станции к станции до Манчестера, а затем обратно. Несомненно, новости быстро разлетятся. Первое в Англии убийство в поезде, – разумеется, купе, в котором оно произошло, привлечет внимание толпы. Когда люди узнают, что дверь не заперта, неужели любопытство не заставит их войти внутрь и потрогать все своими руками? Неужели они не захотят взять себе что-нибудь на память? Я попросил кондуктора приподнять меня, чтобы я мог осмотреть место преступления, ни к чему не прикасаясь. Я увидел испачканный в крови

зонтик. По словам кондуктора, там должна была также лежать кожаная папка для бумаг, но я ее не нашел. А потом я заметил под сиденьем кое-что еще. Сначала я решил, что это игра света, и велел кондуктору опустить меня ниже к полу. Но это оказались вовсе не отблески лампы.

Де Квинси засунул руку в карман и вытащил плоский круглый предмет желтого цвета, почти полностью закрывающий собой его ладонь.

– Такой сувенир кто-нибудь непременно захотел бы оставить себе, – произнес Де Квинси.

На мгновение в зале установилась такая тишина, что было слышно, как потрескивают угли в камине.

– О боже мой, золотые часы! – восхитился Беккер.

– Не просто золотые часы, – заметил Райан, протягивая к ним руку.

Они были около десяти сантиметров в диаметре. Инспектор ощутил тяжесть золота на своей ладони. На отполированном корпусе виднелись полоски засохшей крови.

Цепочка от часов была порвана, и лишь часть ее свисала сейчас с корпуса.

– Должно быть, оторвалась во время схватки с убийцей, – решил Райан.

На задней поверхности были затейливо выгравированы три буквы.

– Трудно разобраться во всех этих завитушках, но похоже на «Д», «У» и «Б», – определил Беккер. – Думаете, это инициалы жертвы?

Райан открыл крышку, внутри было два циферблата: один – для часов и минут, другой – для секунд.

Инспектор бросил взгляд на часы зала ожиданий. Каждое утро каждая железнодорожная станция в Англии получала телеграмму с точным временем, согласованным с Королевской Гринвичской обсерваторией.

– Время в точности совпадает, – объявил он. – Четырнадцать минут второго.

На циферблате тоже была гравировка простыми изящными буквами:

Д. У. БЕНСОН ЛОНДОН

– Значит, буквы на задней поверхности означают то же самое, – сообразил Беккер.

Райан кивнул.

– Это не просто золотые часы. Это знаменитый хронометр Бенсона.

Он открыл заднюю крышку и показал на два крохотных отверстия,

куда вставлялся ключ для завода часов.

– Мелкие детали этого сложного механизма изготовлены вручную в мастерской Бенсона на Лудгейт-хилл. – Райан имел в виду фешенебельную улицу, расположенную возле собора Святого Павла. – Как вы думаете, сколько они стоят?

– Пятьдесят фунтов, – предположил Беккер.

– Кто еще попробует?

– Может быть, восемьдесят, – сказала Эмили, но по ее голосу было понятно, что она сама не верит в это.

– Сто, – поправил Райан.

– Подозреваю, что инспектор имел в виду гинеи, а не фунты, – вставил Де Квинси.

Все с изумлением поглядели на часы. Гинеи оценивались в один фунт и один шиллинг. Хотя такие монеты больше не чеканились, само название «гинея» продолжали использовать, когда речь шла о дорогих покупках: драгоценностях, скаковых лошадях, земельных владениях. Роскошные часы на ладони у Беккера стоили сто пять фунтов.

– Такие маленькие и такие дорогие, – произнесла Эмили.

– Потрогайте, – передал ей часы Райан.

Девушка удивилась их тяжести.

– Восемнадцать карат чистого золота, – объяснил инспектор. – Беккер, вы тоже. Вот, возьмите. Не каждый день удается подержать в руках вещь, стоимость которой равняется вашему двухгодичному жалованью.

– Иногда мне кажется, что вы знаете обо всем на свете, – заметил сержант.

– Все дело в опыте. Возможно, лет через пятнадцать какой-нибудь молодой сотрудник скажет вам то же самое.

Райан тут же пожалел, что заговорил о разнице в возрасте. Но Эмили, похоже, не обратила на это внимания.

– Как-то раз я расследовал ограбление в Белгравии, – объяснил инспектор. – Граф, хозяин дома, больше сокрушался из-за утраты хронометра Бенсона, чем из-за похищенных драгоценностей жены. И я решил, что должен узнать больше об этой вещи.

– Вы нашли того, кто украл хронометр? – поинтересовалась Эмили. – Вам удалось вернуть его владельцу?

– Вор пытался продать часы в лавки, торгующие подержанными украшениями, – ответил Райан. – Но никто не осмелился приобрести их, понимая, что полиция наверняка заинтересуется столь дорогой и редкой вещью. Кое-кто из торговцев запомнил внешность человека, предлагавшего

им часы. Мы без труда определили, где он живет, и нашли хронометр в ящике комода с двойным дном. Я спросил вора, почему он не выбросил часы в Темзу, когда понял, что не сможет их продать. Тот ответил, что они слишком красивые и он временами просто доставал часы из тайника и любовался ими. Интересно, изменил ли он свое мнение, после того как…

Не было никакой необходимости договаривать до конца: «после того как отправился на каторгу». Все и так знали о суровом наказании, фактически равносильном смертному приговору, которое полагалось за кражу столь ценных вещей.

Райан решил сменить тему.

– Эмили, вы и ваш отец наверняка замерзли. – Он открыл дверь и позвал станционного охранника. – Скажите, здесь где-нибудь есть меблированные комнаты?

– Прямо напротив станции, инспектор. Но я уже навел справки – все они заняты.

– Возможно, хозяин за вознаграждение разрешит мисс Де Квинси и ее отцу смыть сажу и кровь с лица, – не отступал Райан. – И возможно, он одолжит подушки и одеяла, чтобы им было удобнее спать здесь.

– Об этом я не подумал, инспектор. Пойду разузнаю.

Райан обернулся к Беккеру. Ему очень не хотелось произносить эти слова, но предстояло еще многое сделать, и он, как старший по званию, не мог свалить такую важную работу на подчиненного.

– Позаботьтесь об Эмили и ее отце. А я пойду в тоннель и осмотрю труп.

Беккер с признательностью посмотрел на него, прекрасно понимая, что Райан с удовольствием поменялся бы с ним местами.

С фонарем в руке инспектор шагнул в душную темноту тоннеля.

Два огня впереди показывали ему дорогу. Ежась от пронизывающего холода, он подошел к констеблю и еще одному станционному охраннику. В воздухе чувствовался металлический привкус крови.

– Констебль, я инспектор Райан из Скотленд-Ярда. С вашего позволения, я осмотрю жертву.

– Вы в таких делах понимаете больше меня, – ответил констебль, благодарный за то, что кто-то другой брал его ответственность на себя.

– Раз так, – Райан собрался с духом, – пожалуйста, посветите мне фонарем.

Он присел над трупом, стараясь не вдыхать глубоко. Это было самое ужасное убийство из всех, с какими ему доводилось встречаться, считая

даже те, что произошли в декабре и феврале. По личному опыту он знал, что справится с нахлынувшими эмоциями, если сосредоточится на деталях. Убитый оказался мужчиной среднего роста, приблизительно ста семидесяти сантиметров, и плотного телосложения. Раны на шее и голове были ужасны, но Райан все же определил, что убитый был лысым и носил так называемую шкиперскую бородку – полосу волос, повторяющую очертания скул, но без усов.

Одежда на убитом была хорошего качества и явно недешевая, хотя пятна крови мешали понять, насколько дорогой был на нем костюм. На одной ноге сохранился ботинок, другой, вероятно, потерялся во время схватки. Несмотря на царапины от гравия, можно было с уверенностью утверждать, что обувь недавно тщательно начистили. Каблук почти не сносился. Да, жертва была не из простого люда.

Правая нога едва держалась на сухожилиях, судя по всему, от тела ее отрезали колеса проходящего поезда.

Кровь натекла на одежду из ран на груди, а также на шее и лице.

Охранник сдавленно булькнул и отвернулся.

Его примеру последовал и констебль.

– Не буду сегодня ни завтракать, ни обедать, – заявил охранник.

– Как вы можете смотреть на все это? – изумился констебль.

– Я повторяю себе, что жертве пришлось намного хуже, – ответил Райан, мысленно поблагодарив за науку комиссара Мэйна, и добавил: – Тринадцать лет назад человек, обучавший меня ремеслу полицейского детектива, говорил, что я должен забыть о своих чувствах и сосредоточиться на тех деталях, которые помогут найти чудовище, совершившее злодеяние.

– И вы можете это сделать? – уточнил констебль. – Можете забыть о своих чувствах?

– Нет.

Райан поднес фонарь к трупу. Раны на груди и шее, вероятнее всего, были нанесены ножом, решил инспектор. Но что насчет царапин на лбу и лице?

Эмили и ее отец упоминали кровь на ступеньках купе и на колесе поезда, а также на наружной стене соседнего купе, в котором сидели они сами.

Райан решил, что убитый был слишком тяжелым и у преступника не хватило сил, чтобы поднять его и вышвырнуть из купе, предварительно выбив ногой дверь. Скорее всего, убийце пришлось подтащить его к двери и столкнуть вниз. Именно так жертва ударилась головой сначала о

ступеньку, а затем о колесо поезда, которое и разбрызгало кровь по стенке вагона.

«Возможно, все произошло именно так», – повторил про себя Райан, сделав ударение на первом слове. Он узнает больше, когда осмотрит купе, в котором произошло убийство. Интересно, найдет ли он на полу полоску крови, подтверждающую, что жертву действительно тащили к двери?

Труп лежал на боку. Райан не без труда перевернул его на спину.

Он заметил оборванную цепочку от часов, прикрепленную к петлице жилета. Перед тем как выйти из зала ожидания, инспектор забрал у Беккера хронометр Бенсона. А теперь вытащил из кармана брюк и вновь посмотрел на диковинную вещицу.

– Что это? – спросил констебль, осмелившийся снова взглянуть на жертву.

– То, из-за чего умирают люди, – ответил Райан.

Инспектор сравнил фрагмент цепочки, прикрепленный к часам, с тем, что нашел на теле жертвы. Узор цепочки совпадал, и сломанные звенья тоже.

Райан положил хронометр обратно к себе в карман и обыскал жертву.

– Я бы так не смог, сэр, – заметил констебль.

– В случае крайней необходимости, если того потребует долг, вы бы справились не хуже меня, – заверил его инспектор. – В вашем городке есть фотограф?

– Был, пока все шло так, как обещали застройщики. А потом он вернулся в Лондон.

– А художник-портретист? Есть здесь кто-нибудь, кто смог бы нарисовать человека близко к оригиналу?

– Я знаю одного отставного офицера, который рисует птиц. Получается так здорово, что птица того и гляди спорхнет со страницы.

– Вы сказали «отставного офицера»?

– Да, его ранили в Крыму.

– Значит, он много повидал на войне и не будет слишком потрясен. Когда я закончу, пусть кто-то из вас разбудит его, а второй останется здесь.

– Разбудит его?

– Мы не можем убрать труп, пока не получим подробные эскизы, и это нужно сделать как можно скорее. Мне не хочется находиться в этом тоннеле, когда утром по нему пойдут поезда.

Инспектор продолжил осмотр. Карманы убитого оказались разрезаны. Если там и лежал кошелек с деньгами, то он исчез. Райан нашел только маленький ключ – вероятно, от часов, а также билет на поезд в жилетном

кармане. И то и другое он забрал себе.

– Билет до Седвик-Хилла, – определил он, поднеся находку к фонарю.

– Это следующая станция, – объяснил охранник. – Как жаль. Бедняга был безжалостно убит, не доехав до цели совсем немного.

– Но почему его убили? – пробормотал Райан.

– Прошу прощения, инспектор, но разрезанные карманы говорят сами за себя. Его убили из-за денег.

– Возможно, – задумчиво повторил Райан.

– Здесь не так удобно, как в особняке лорда Палмерстона, Эмили, но, по крайней мере, вы согреетесь и, возможно, сумеете поспать. И вы тоже, мистер Де Квинси.

Беккер расстелил одеяла на двух скамьях в зале ожидания и уложил на них подушки.

– Спасибо. – Эмили посмотрела на сержанта с благодарностью.

– Всегда рад помочь. Вы знаете, что я хотел бы сделать для вас больше.

– Да, – ответила девушка. – Знаю.

Они обменялись понимающими взглядами, подтверждающими, что и он, и она не забыли о разговоре, случившемся месяц назад. Тогда Беккер спросил, не думает ли она о замужестве, но Эмили объяснила, что необходимость заботиться об отце не позволяет ей заглядывать так далеко в будущее. Однако сержант не терял надежды, что когда-нибудь она изменит свое решение.

– Как вы себя чувствуете, мистер Де Квинси? Могу я что-то сделать для вас? – спросил Беккер.

– Вы могли бы принести мне немного лауданума.

– Боюсь, что все лавки сейчас закрыты.

– К сожалению, действительно закрыты, – вздохнул Де Квинси и опустился на скамью.

– Спокойной ночи, – сказал сержант, оглянувшись на Эмили.

Она коснулась его руки.

– Мы очень благодарны вам, Джозеф.

Все еще чувствуя ее прикосновение, Беккер уменьшил свет лампы. Эмили укрыла отца одеялом, а затем улеглась сама. Сержант вышел из зала и прикрыл за собой дверь.

– Проследите, чтобы с ними ничего не случилось, – сказал он охраннику, стоявшему на улице. – Эти люди очень дороги для меня.

– Я с них глаз не спущу, – пообещал тот.

Темноту разрезал свет фонаря, быстро приближающегося к станции. Через мгновение на перрон взобрался Райан.

– Эмили и ее отец пытаются уснуть, – доложил Беккер.

– Сколько запросил хозяин меблированных комнат за подушки и одеяла?

– Два шиллинга.

Райан порылся в карманах и протянул Беккеру свою часть платы.

– Я стараюсь представить, что делал убийца после того, как сбросил жертву в тоннель, – признался Беккер.

– Очень хорошо, – похвалил его Райан. – Поставьте себя на его место. Думайте, как убийца.

– Он не рискнул бы спрыгнуть с поезда на ходу, особенно в такой темноте, не зная, куда приземлится.

– Согласен.

– Он должен был дождаться, когда поезд остановится, – предположил Беккер. – Эмили и ее отец позвали кондуктора, чтобы тот открыл купе. В наступившей суматохе убийца мог выйти через сломанную дверь с другой стороны поезда, а потом подняться на платформу и смешаться с толпой, делая вид, будто потрясен случившимся точно так же, как и все остальные.

– Значит, вы считаете, что убийца снова сел в поезд? – спросил Райан.

– Эмили рассказывала мне, что машинист очень спешил и боялся нарушить расписание. Возможно, убийца сейчас уже в Манчестере.

– Сомневаюсь.

– Почему? – удивился сержант уверенности своего коллеги.

– Вы помните, как выглядел отец Эмили сразу после убийства? – ответил Райан вопросом на вопрос.

Беккер мгновенно понял свою ошибку.

– Лицо мистера Де Квинси было все в крови.

– И убийца тоже был измазан кровью, – продолжил Райан. – Если бы он поднялся на перрон и попытался затеряться в толпе, на него обязательно обратили бы внимание.

– Но куда же он тогда делся?

Беккер молча проследил за взглядом Райана, устремленным на темную полосу леса за железнодорожными путями.

– Кто там? – послышался испуганный голос. – Отстаньте от нас, мы ничего плохого не делаем.

Как бы осторожно ни крался Беккер по лишенному листьев кустарнику, шорох веток выдал его. Он вышел на расчищенный участок и

увидел в свете фонаря деревянный каркас недостроенного здания. Судя по грудам мусора, работы приостановили внезапно – вероятно, еще один разорившийся застройщик.

– Я сержант Беккер из Скотленд-Ярда.

– Скотленд-Ярд в Лондоне! – возразил другой голос. – Лучше скажите там, на станции, чтобы они нас не трогали. Мы ничего плохого не делаем. Наоборот. Мы следим, чтобы никто не растащил их кирпичи и доски.

Сквозь кусты пробился свет от фонаря Райана, идущего следом.

– Джентльмены, – начал инспектор, – мы бы рады были не будить вас, но нам нужна помощь.

– Слыхал, он назвал нас «джентльменами». Вот потеха!

– Нам действительно нужна ваша помощь, – продолжил Райан. – За это мы попросим железнодорожное начальство, чтобы вам разрешили и дальше охранять это здание.

– И никто не будет гонять нас? – спросил тот же голос.

– Никто.

– А что за помощь?

Из темноты, прихрамывая, вышел мужчина в ужасных лохмотьях. Следом за ним из-под полуобвалившегося штабеля кирпичей вылез второй бродяга, такой худой, что одежда висела на нем, как на вешалке.

– Похоже, вы здесь неплохо устроились, – заметил Райан. – А что, если пойдет дождь?

– С дождем мы справимся. А вот с холодом ничего не поделаешь, – с хриплым придыханием ответил один из них. – Но нынче ночью Гарри крупно повезло.

– Да? И в чем же?

– Здесь проходил какой-то чужак.

– Вот как? – По примеру Райана, Беккер попытался скрыть свое нетерпение и говорил нарочито спокойным тоном.

– Он кое-что выбросил, пробегая мимо, – прохрипел в ответ один из бродяг и шагнул вперед. – Прямо перед кучей досок, под которыми я спал. Мне оставалось только протянуть руку.

Бродяга был довольно высокого роста. Длинные грязные волосы и густые бакенбарды не могли скрыть коросту на его лице. Он был одет в пальто на удивление отменного качества.

– Можно мне взглянуть на вашу находку? – попросил инспектор.

– Только с возвратом, – опасливо проговорил долговязый бродяга.

– Возможно, я смогу предложить вам кое-что взамен.

– Взамен, говорите?

– Да. – Райан навел на него фонарь. – На вашем пальто кровь. Много крови.

– Кровь? – вздрогнул бродяга. – Где? В последнее время я плоховато вижу.

– Он прав, Гарри, – подтвердил один из его товарищей. – Теперь, на свету, я и сам вижу: оно все в крови.

Гарри издал звук, похожий на всхлип.

– А я-то думал, мне наконец улыбнулась удача.

– Возьмите мое пальто, – предложил Райан. – Уверяю вас, оно такое же теплое, как ваше, и к тому же на нем нет крови.

– Вы серьезно? Если мое пальто в крови, на меня могут напасть бродячие собаки, пока я сплю. Их здесь прорва, знаете ли, и я каждую ночь дрожу от страха.

– Возможно, мы и с этим что-нибудь сделаем – чтобы вам больше не было страшно, – пообещал Беккер. – Но сначала вы должны нам помочь. Кто-нибудь из вас видел того человека, что пробегал мимо?

– Я видел, – сказал бродяга, опирающийся на доску, словно на костыль. – По крайней мере, разглядел его фигуру. Ночь была лунная, и глаза у меня острей, чем у Гарри. Вот только бежал он очень быстро, и я мало что могу про него рассказать.

– Вы сами удивитесь, как много сможете рассказать о нем, – заверил его Беккер. – Какого он был роста – высокий или нет?

– Вроде бы высокий.

– Молодой или старый?

– Так быстро бегают только молодые.

– Худой или толстый? – продолжал допрос сержант.

– Толстый так бегать не станет.

– У него была борода?

– Не могу сказать.

– Лысый или нет?

– Тоже не знаю. Он был в шляпе.

– Я видел, как он мыл свои ботинки в ручье, чуть дальше по тропе. А потом протер их носовым платком, – добавил другой бродяга. – А еще, если припомнить хорошенько, он держал что-то в руке.

– Что он держал? – спросил Беккер.

– Кожаную папку для бумаг. Я раньше служил клерком в Сити. До того как… – Бродяга опустил голову, с грустью вспоминая прежние дни. – Одним словом, я помню, что такие папки носят люди из дельцов.

– И куда он побежал после того, как отмыл ботинки?

– Дальше вниз, по тропе.

– Вот видите, как много вы заметили, – похвалил их Райан. – А теперь скажите, джентльмены, вы доверяете друг другу?

– Приходится. Мы бродяжничаем вместе уже три месяца.

– Значит, я могу рассчитывать, что вы, получив от меня шиллинг, поделитесь с другими джентльменами. Этого должно хватить на то, чтобы побаловать себя чаем и хлебом с маслом и мармеладом в меблированных комнатах за железнодорожными путями.

– Хозяин подумает, что мы пришли попрошайничать, и прогонит нас, как всегда.

– Завтра не прогонит. Мы об этом позаботимся, – пообещал Райан. – Рады будем увидеться с вами в лучшие времена, джентльмены.

– Кажется, лучшие времена не за горами, раз нас уже называют джентльменами.

– Вы дали нищим денег на еду. Совсем как Эмили, – заметил Беккер, когда они двинулись дальше по темной тропинке.

– Три месяца назад я ни о чем таком и не подумал бы, – согласился Райан и вздрогнул, взглянув на испачканное кровью пальто, которое он повесил на локоть.

– Вот моя доля за чай и мармелад. Так мы скоро снова останемся без денег, – заключил сержант.

Они добрались до ручья, в котором убийца отмывал от крови свои ботинки, и осветили фонарями бревно, перекинутое через узкий поток. За ним начиналась грунтовая дорога с темнотой по левую сторону и огнями городка по правую.

– Куда теперь? – спросил инспектор.

– Вы остались без пальто всего десять минут назад и уже дрожите от холода, – ответил Беккер. – Сомневаюсь, что он пошел бы по дороге, рискуя замерзнуть до смерти.

– Он мог подойти к какому-нибудь жилью и спрятаться в сарае, – предположил Райан, чтобы испытать молодого коллегу.

– А еще он мог столкнуться с громко лающей собакой хозяина и двумя его крепкими сыновьями, которые заставили бы убийцу пожалеть о своем решении, – не согласился Беккер.

– Очко в вашу пользу, – кивнул его коллега.

Обрадованный похвалой, молодой человек продолжил:

– Куда проще вернуться в город и спрятаться там до прибытия утреннего поезда.

– А где он может спрятаться в городе?

– В каретном сарае или на конюшне. Там можно найти старый коврик или попону, чтобы закутаться в нее и согреться.

– А потом? – не унимался инспектор.

– Потом, как я уже сказал, он может купить билет и сесть в поезд, не привлекая к себе ничьего внимания.

– Без пальто? В такой холод? Разве это не привлечет внимание?

Беккер мгновенно понял, к чему клонит Райан:

– Ну конечно! Убийце нужно…

Отчаянный звон колокола, раздавшийся со стороны города, не дал ему договорить. Вдалеке послышались крики.

Беккер рванулся с места раньше Райана. Они перебрались через железнодорожные пути и поспешили к жилым домам, следуя за призывным набатом.

– Сюда! – определил инспектор.

Темный переулок освещало пламя пожара. Подбежав ближе, они поняли, что горела конюшня. Несколько мужчин заливали огонь водой из ведер, другие качали скрипучие рычаги помпы, соединенной с огромной бочкой на колесах. Еще двое держали пожарные шланги, пытаясь сбить пламя, с треском прорывавшееся сквозь крышу конюшни.

Улицу затянуло дымом. Детективы протиснулись сквозь взволнованно шушукающуюся толпу. Мужчины, женщины и дети поправляли натянутую впопыхах одежду.

Райан показал свой значок мужчине, который, судя по всему, был здесь главным.

– Что здесь понадобилось Скотленд-Ярду? – удивился тот.

Очевидно, он еще не слышал об убийстве в поезде, но инспектор был уверен, что это ненадолго.

– Что стало причиной пожара?

– Пока не знаю, но наверняка не ошибусь, если предположу, что все дело в горящей лампе.

Из толпы вышел еще один мужчина.

– Говорю вам, я не заглядывал в конюшню после наступления темноты. Даже близко не подходил к ней! И уж тем более с зажженным фонарем. Слава богу, я вовремя заметил огонь и успел вывести лошадь.

– Кто-нибудь пострадал? – спросил Беккер.

– Благодарение Господу, нет, – ответил тот, кто выглядел главным.

– Я имел в виду, не мог ли кто-то находиться в конюшне, намереваясь провести там ночь?

Хозяин дома и второй мужчина удивленно переглянулись.

– Думаете, кто-то мог прятаться внутри? – переспросил хозяин. – Я беспокоился только из-за лошади, но, кажется, там больше никого не было.

Второй мужчина подошел ближе к пожару.

– Из-за дыма не разглядеть, лежит там чье-то тело или нет.

– Чье-то тело? – охнула женщина из толпы.

– Мы точно не знаем, сударыня, – попытался успокоить ее хозяин дома.

– Есть ли в вашем городе магазин, торгующий мужскими пальто? – задал новый вопрос Райан.

– Чем это может нам помочь? – удивился тот, кто был за главного.

– Я содержу магазин одежды, – отозвался мужчина с вытянутым, обеспокоенным лицом и очками на носу. Рядом с ним стояли испуганная женщина и двое ребятишек.

– Покажите нам его, – распорядился Райан.

– Вы хотите приобрести пальто? В такое время? – изумился мужчина. – Но у вас уже есть одно! То, что висит у вас на руке.

– Это вещественное доказательство, так что мне действительно нужно пальто. Где находится ваш магазин?

– Там, за углом. – Сбитый с толку мужчина двинулся вперед, показывая дорогу, жена и дети шли следом. – Мы живем на втором этаже. Когда зазвонил колокол, я уже спал. Сначала я испугался, что это у нас пожар, но потом выяснилось, что горит конюшня на соседней улице.

Он указал на скромный двухэтажный дом с лестницей на заднем дворе. Ни в одном окне не горел свет.

– У вашего магазина есть черный ход? – спросил Райан.

– Да, но он запирается изнутри. Войти можно только через парадную дверь, открыв ее вот этим ключом.

– И все же я хотел бы осмотреть черный ход, – упрямо заявил Райан. – Беккер…

– Я позабочусь о леди и ее детях, – заверил сержант.

Женщина с благодарностью взглянула на него.

Райан с хозяином обошли дом сзади. Инспектор осветил фонарем дверь.

– Окно разбито! – воскликнул хозяин.

Дверь была приоткрыта. Райан распахнул ее и вгляделся в темноту.

– Держитесь позади меня, – велел он хозяину.

Фонарь разогнал тени в магазине. Повсюду на крючках висели сюртуки и пальто. Порой они напоминали силуэт человека, но, кто бы ни

ворвался в магазин, он наверняка не собирался задерживаться здесь. Тем не менее Райан с осторожностью двинулся между прилавками.

– Мы не слышали, как разбили стекло, – произнес хозяин у него за спиной.

– И не могли слышать, потому что звенел колокол и кричали соседи, – объяснил Райан. – Вор поджег конюшню, затем дождался, когда вы вместе с семьей выйдете из дома и отправитесь посмотреть, что произошло, и затем проник внутрь.

– Это все проклятая железная дорога, по которой воры так легко добираются к нам из Лондона.

– У вас что-нибудь украли?

– Дела идут неважно, так что я молю Бога, чтобы ничего не пропало… Бог мой! – вдруг воскликнул хозяин. – Вор ведь мог забраться и в жилые комнаты!

С этими словами он выбежал из магазина.

Прислушиваясь к торопливым шагам на лестнице, Райан почувствовал, что замерзает. Он подошел к стойке с бесформенными пальто, какие обычно носят рабочие, и выбрал одно неброского темно-синего цвета. Затем положил измазанное кровью пальто на пол, надел шерстяную обновку и наконец-то снова ощутил тепло.

– Дверь наверху не тронута, – учащенно дыша, сообщил вернувшийся хозяин. – По крайней мере, он не…

Тут он заметил, что Райан надел одно из его пальто, и не сдержал огорченного вздоха, решив, что на нем пытаются нажиться.

– Сколько оно стоит? – спросил инспектор.

– Э-э… для Скотленд-Ярда? Бесплатно, – немного смутившись, ответил хозяин.

Райан заметил ценник рядом со стойкой и вытащил из кармана последний соверен вместе с горсткой монет меньшего достоинства.

– Этого хватит?

– О, благодарю вас, – с облегчением пробормотал торговец.

– А теперь покажите мне ваши лучшие пальто – те, что могли бы купить пассажиры, приехавшие первым классом.

– Вот они. – Хозяин подвел инспектора к другой стене. – Стойте. Этот крючок не был пустым, когда я закрывал магазин. Мое самое дорогое пальто исчезло!

Лошадь дернулась в сторону, и кебмен вскинул голову. Он изо всех сил пытался не задремать, но в такой поздний час, да еще на пустынной дороге

трудно было не поддаться искушению.

Животное выровняло свой бег по накатанному щебню. Луна и звезды помогали фонарю освещать дорогу и канавы по обе ее стороны.

Кебмен выпрямился на своем насесте позади двухколесного экипажа, стараясь взбодриться. Ночная поездка оказалась прибыльной – целых четыре фунта. Обычно он был счастлив, если, накормив лошадь и заплатив за место в конюшне, мог положить себе в карман хотя бы несколько шиллингов.

По сравнению с суматохой разъезжающихся по домам театралов на Стрэнде эта работа была просто отдыхом, но приходилось следить за тем, чтобы не уснуть и не отпустить поводья, иначе такой удачный день может обернуться падением в канаву и свернутой шеей.

Усталое животное продолжало плестись вперед, стуча копытами в таком размеренном, завораживающем ритме, что веки кебмена опять начали слипаться.

Он с усилием открыл глаза и подумал о брате, который – как он и сказал полицейским – завербовался в армию, чтобы не помереть с голоду, и теперь беднягу отправили воевать в Крым. Прошло уже два месяца кровопролитных сражений, а от него до сих пор нет никаких известий, жив ли он вообще или…

Возница резко подался вперед, уставившись в небольшое окошко, позволяющее следить за тем, что происходит внутри экипажа.

Свет падал так, что видна была лишь небольшая часть салона, но он ясно разглядел шляпу.

Цилиндр.

На чьей-то голове.

– Что за чертовщина? – Кебмен открыл окошко. – Как вы там очутились?

Пассажир отодвинулся в угол так, чтобы возница не мог видеть его лицо.

– Я заметил ваш кеб на дороге. Так уж вышло, что мне тоже нужно вернуться в Лондон. Но вы так мирно спали, что я решил не будить вас, а просто забрался в экипаж.

Возница разглядел дорогое пальто на плечах пассажира.

– Отсюда? Ночью?

– Готов признать, что обстоятельства достаточно необычны.

– Еще бы! Почему же вы не дождались утреннего поезда?

– Ну хорошо… – Джентльмен смущенно кашлянул. – Видите ли, откровенно говоря, здесь замешана женщина… и ее муж, неожиданно

приехавший последним поездом из Лондона. Мне пришлось поспешно уйти. А он переполошил весь город, разыскивая меня. Спрятаться было негде, и я решил, что пешая прогулка до Лондона пойдет мне на пользу.

– Целых десять миль по такой темноте и холоду?

– Иначе было бы еще хуже. И тут, словно видение, появляетесь вы. Я готов заплатить два соверена, чтобы вы довезли меня до Лондона.

– Три соверена, – сказал осмелевший кебмен.

Джентльмен вздохнул и протянул в окошко три монеты.

Возница беззвучно ликовал. Итого семь соверенов! Ночь в самом деле выдалась удачной.

Опущенный шлагбаум на заставе перегораживал дорогу. В будке неподалеку дремал на стуле сторож. В прежние времена сборщики пошлины спали в доме рядом с дорогой, полагаясь на то, что добросовестные ночные путешественники сами бросят шестипенсовую монету в ящик. Тем более что по ночам тогда ездили редко, и даже если кто-то пробирался в город без оплаты, большой потерей это не было. Но с появлением железных дорог экипажей даже днем стало значительно меньше, чиновники из дорожного ведомства уже не могли допустить, чтобы их лишали дохода случайные ночные ездоки, и поэтому сторожу на заставе приказано было спать прямо в будке.

Он проснулся от топота копыт и скрипа колес, позевывая вышел из сторожки, снял со шлагбаума фонарь и поднял повыше, подавая экипажу, который оказался наемным кебом, знак остановиться.

– Вы уже проезжали здесь чуть ранее, – вспомнил сторож.

– А теперь еду домой спать. Неплохая ночка выдалась. Я даже нашел пассажира на обратную дорогу.

– В такое время? – Сторож направил фонарь на экипаж и заглянул внутрь. Пассажир тут же отвернулся, защищая глаза от яркого света. – Если джентльмену приходится путешествовать среди ночи, для этого должна быть серьезная причина.

– И весьма деликатная, – ответил пассажир, по-прежнему отводя взгляд.

– Деликатная? Я бы не отказался послушать, в чем… Скажите, вы не ранены?

– С чего вы взяли?

– У вас кровь на отвороте брюк.

– Кровь?

Сторожа удивило, что пассажир даже не взглянул на брюки.

– Нет, это вино, – объяснил джентльмен. – Я случайно пролил его, но был уверен, что хорошо почистил брюки.

– А по мне, так больше похоже на кровь.

– Может быть, это сделал муж той леди, когда увидел вас? – с усмешкой предположил кебмен со своего насеста.

– Муж той леди? – переспросил сторож, просунул голову в кабину и наконец-то смог как следует рассмотреть пассажира.

Уже испачкав кровью одно дорогое пальто и приложив немало усилий, чтобы найти ему замену, хорошо одетый пассажир решил теперь воспользоваться тупым концом ножа. Он ухватил сторожа за шею и несколько раз ударил рукояткой ножа ему в висок, проломив хрупкие кости, так что осколки вдавились в мозг.

Сильные пальцы сдавили горло, чтобы оттуда не вырвался крик о помощи. Сторож упал, но пассажир успел подхватить его фонарь.

– Что там у вас стряслось? – спросил возница.

– Не знаю. Кажется, он потерял сознание. Сейчас спущусь и помогу ему.

Однако, выйдя из экипажа, пассажир поставил фонарь на землю и быстро забрался на сиденье кебмена.

– Что вы делаете? – крикнул возница, судорожно вцепившись в поводья.

Пассажир проломил череп рукояткой ножа и ему. Затем сбросил труп вниз, снял с него шляпу и плащ и затащил в будку сторожа. Туда же он оттащил тело и первой своей жертвы.

Покончив с этим делом, он надел шляпу кебмена и закутался в плащ, скрывая свою дорогую одежду. Затем поднял шлагбаум, повесил на место фонарь, взял лошадь под уздцы и провел мимо заставы. Опустив шлагбаум, он забрался на место кебмена и продолжил путь в Лондон сквозь пелену утреннего тумана.

В такой ранний час мало кто видел, как он проезжал мимо фабрик и трущоб городского предместья. А те, кто все же попадался ему навстречу, заметив фонарь кеба, решали, что какой-то трудяга возвращается домой после долгой ночной поездки.

На пустынной улице, неподалеку от того места, куда ему нужно было попасть, он спрыгнул с насеста. В кармане плаща звякнули монеты, он пересчитал деньги – там оказались те три соверена, что он дал кебмену, и еще четыре других.

Эти монеты ничего для него не значили. То, чего он желал, не купишь

ни за какие деньги. Тем не менее он забрал эти соверены, чтобы ввести в заблуждение полицию. И тут же рассердился на себя самого, сообразив, что должен был украсть деньги из ящика для пошлины, чтобы представить дело как ограбление. А в купе поезда он совершил еще большую ошибку, не прихватив с собой золотые часы жертвы.

В ярости он забросил шляпу и плащ кебмена в экипаж. Затем надел свой цилиндр и слегка подтолкнул лошадь, чтобы она увезла пустой кеб подальше отсюда, а сам мгновенно растворился в темноте. Ночь еще не кончилась, и сделать предстояло немало.

Глава 3
Центр мира

Продолжение дневника Эмили Де Квинси

Я проснулась под пыхтение поезда, приближающегося к станции. На соседней скамейке стоял чайник с чаем, а рядом с ним лежали хлеб, масло и мармелад.

Надо полагать, подарки от Шона и Джозефа, с улыбкой решила я, а затем взглянула туда, где спал отец, но увидела только пустую подушку.

Движение за окном привлекло мое внимание. В бледном утреннем свете отец расхаживал по перрону, дыхание вырывалось паром у него изо рта, он кутался в одеяло.

Шон и Джозеф тоже были на перроне, с усталым напряжением в лицах изучая людей, ожидавших посадки на ранний поезд.

Рядом с полицейскими стоял худой и несколько нервный мужчина в очках, но его, похоже, интересовали лишь пальто пассажиров. Не то чтобы на станции было много людей. Их беспокойные взгляды заставляли предположить, что они уже слышали о ночном убийстве и сомневались, разумно ли подвергать себя опасности повторения ужасных событий.

Большие часы на стене зала ожидания показывали двадцать минут седьмого, когда поезд, заскрипев тормозами, медленно остановился и клубы паровозного дыма рассеялись.

Я выглянула в окно, и была крайне поражена увиденным. В столь ранний час я не ожидала увидеть многих пассажиров, прибывших лондонским поездом. Но стоило кондуктору открыть двери вагонов второго и третьего классов, как оттуда, с одинаковым выражением азарта на лицах, вырвались дюжины мужчин. Они набрасывались с вопросами на всех, кого видели: на Шона, Джозефа, городского констебля, на людей, ожидавших посадки на поезд, и даже на юного носильщика.

– Что вы знаете об убийстве?

– Кого убили?

– Его зарезали? Кто-нибудь видел убийцу?

– Тот коротышка с одеялом. Это же Любитель Опиума! Он знает об убийствах больше, чем Скотленд-Ярд!

Газетчики набросились было на отца, но Шон и Джозеф, заслонив его собой, увели в зал ожидания. Однако почти тут же вернулись на платформу. Их внимание привлек одинокий человек, вышедший из купе первого класса.

Плечи мужчины сутулились, создавая впечатление, будто он несет тяжкий груз. Длинные седые бакенбарды подчеркивали его изможденный вид. Я знала, что ему пятьдесят восемь лет, но выглядел он старше, и по опыту общения с ним во время опасных событий в декабре, а затем и в феврале я понимала природу лежавшего на нем бремени. Это был сэр Ричард Мэйн, возглавлявший Службу столичной полиции уже двадцать шесть лет, с самого момента ее основания. Без этого человека не существовало бы детективного отдела Скотленд-Ярда, который он самолично создал тринадцать лет назад. Никто не сделал больше его для охраны правопорядка в Англии. Но все имеет свою цену. Он до сих пор еще не оправился после нападения на него и его семью шестью неделями ранее.

Два констебля из вагона второго класса присоединились к комиссару. Когда репортеры узнали Мэйна, он стал следующей мишенью для торопливых расспросов.

– Кто убийца?

– Кого же он убил?

– Сколько раз жертву ударили ножом?

Шон и Джозеф заслонили комиссара так же, как раньше моего отца, и проводили в зал ожидания. Лондонские констебли остались снаружи, удерживая газетчиков.

– Сэр, я не ждал, что моя телеграмма доберется до вас так быстро, – сказал Шон, прикрывая дверь. – И не ждал, что журналисты так быстро прознают об убийстве.

Телеграфный участок на станции запирали на всю ночь, но оказалось, что собственный телеграф железнодорожной компании работал круглосуточно, так что по нему всегда можно было передать сообщение в случае крайней необходимости.

– Я предположил, что вы захотите быть в курсе происходящего, – продолжил Шон. – Хотя убийство произошло вдали от столицы, оно все же затрагивает и Лондон.

Комиссар Мэйн мрачно кивнул:

– Первое убийство в поезде. Я предупредил министра внутренних дел и премьер-министра. Преступления такого рода влияют на всю страну. Когда сообщения об убийстве появятся в газетах, начнется паника. Мы должны заверить всех, что железнодорожные путешествия по-прежнему

безопасны, и нет для этого лучшего способа, чем задержать убийцу как можно скорее.

– Мы получили примерное описание нападавшего: молодой, высокий и худой, – сказал Джозеф комиссару. – Не так много, но лучше, чем ничего. У нас есть запачканное кровью пальто убийцы. Местный торговец сумел определить, какое из дорогих пальто мог украсть преступник взамен утраченного. Мы проверяем всех, кто ждет посадки на поезд.

– А если он предположил, что вы так и поступите? – спросил комиссар Мэйн.

– Не так много способов покинуть это место, – ответил Шон, опередив Джозефа. – Мы предупредили возниц, чтобы те сообщали нам о всяком, кто захочет их нанять. Была еще двуколка, которая привезла нас из Лондона, но станционный охранник убедился, что она пуста, прежде чем кучер отправился назад.

– Иммануил Кант, – произнес отец.

Все повернулись в ту сторону, где он дрожал под своим одеялом. Они, наверное, думали, что отец до сих пор мерзнет, но я знала, что у этой дрожи иная причина. И словно в подтверждение моих мыслей, отец вынул маленькую бутылочку с лауданумом из-под одеяла.

– Отец, где ты это взял?

– Купил в меблированных комнатах через улицу.

Страдание на его лице разрывало сердце.

– Пожалуйста, отдай мне остальные деньги, что прислал издатель.

Отец рассеянно повиновался.

– Иммануил Кант, – повторил он. – Великий философ спрашивал: существует ли объективная реальность…

– Или же все это просто проекция нашего сознания, – быстро закончил за отца Шон. – Мы слышали эту цитату не единожды.

– Минуту назад, инспектор, вы сказали, что мы далеко от Лондона, но в моей молодости те же самые десять миль были гораздо длиннее, – сказал отец.

– Не может быть, – возразил комиссар Мэйн. – Десять миль не могли растянуться.

– Поразительная скорость поездов приучила нас к мысли, что единственный способ передвижения – самый быстрый, – ответил ему отец. – Десять миль за двенадцать минут мы называем короткой поездкой. Но в эпоху почтовых дилижансов короткой поездкой считали десять миль за час, а до почтовых дилижансов короткой поездкой были десять миль за два часа. Теперь кажется, что два часа для такого

расстояния – чрезмерно долго. Но только если ваша реальность – это эпоха железных дорог.

– Вы хотите сказать… – Джозеф замешкался, следуя за отцовской логикой, – что убийца ушел пешком?

– Пешком? До самого Лондона? – в недоумении спросил комиссар Мэйн. – Джентльмен никогда и не подумает о подобном.

– А если и подумает, то вряд ли одолеет такое расстояние, – добавил Шон.

– Это означает, что убийца – не тот, за кого себя выдает, – сказал отец. Под толстым одеялом он казался еще меньше обычного. – Возможно, будет полезно навести справки на заставе у лондонской дороги. Спросите, не проходил ли там прилично одетый мужчина около часа ночи.

Кто-то постучал в дверь. Это оказался местный констебль, которому удалось прорваться через газетчиков в зал. Он закрыл нас своей спиной от целого шквала вопросов.

– Инспектор, мы нашли это в сгоревшей конюшне.

Констебль держал предмет, который я сначала не узнала. Потом поняла, что это были обугившиеся и сморщенные останки кожаной папки для документов.

Клапан почти оторвался, когда Шон открыл ее.

– Есть что-нибудь внутри? – спросил Джозеф.

– Нет.

– Ничего? – Отец подошел ближе. – Даже пепла от сгоревших бумаг?

– Совершенно пусто.

– Но жертва не стала бы утруждать себя перевозом папки, если бы та была пуста, – твердо сказал отец.

– Инспектор, кое-что еще, – произнес констебль. – Эта телеграмма прибыла из Скотленд-Ярда. Не знаю, имеет ли она отношение к тому, что здесь произошло, но я подумал, что вы должны ее увидеть.

Будто предчувствуя недоброе, Шон развернул послание.

Впервые за этот напряженный разговор у комиссара Мэйна был шанс повернуться ко мне.

– Простите, Эмили, что не поприветствовал вас как подобает. – Оценив мою измазанную сажей одежду, он спросил: – Вы пострадали?

– Нет, но благодарю вас за заботу, комиссар.

– Мы доставим вас в Лондон как можно скорее.

– К сожалению, это будет не так скоро, как вам бы хотелось, Эмили, – сказал Джозеф. – Если вы не против, мы бы хотели попросить

вас с отцом задержаться, пока полуденный поезд не привезет вагон, в котором произошло убийство. Нам бы очень помогло, если бы вы сумели определить, не изменилось ли что-нибудь в злосчастном купе. В противном случае мы можем прийти к ложным выводам.

– Если мы не против? – переспросил отец. – Я и думать не могу ни о чем другом.

– Шон? – Я заметила, что он выглядел более обеспокоенным после прочтения телеграммы. – Случилось что-то еще?

– На заставе за Лондоном нашли тела возницы и сторожа, – с застывшим лицом ответил он. – Здешнюю полицию просят следить за любыми подозрительными личностями, которые прибудут в этом направлении.

– Но убийца отправился в Лондон, а не из него, – сказал отец, вертя в руках бутылочку с лауданумом. – Должно быть, он ушел пешком еще до того, как кеб уехал со станции. А когда наконец повозка нагнала его, он ее захватил.

– Надо полагать, он убил возницу и сторожа, чтобы они не смогли опознать его. Тут нет никакой тайны, – заявил комиссар Мэйн. – Но почему же он напал на человека в поезде?

– На первый взгляд, мотивом было ограбление, – ответил Шон. – Карманы жертвы вспороты. Его кошелек и все монеты или банкноты, что он мог везти с собой, пропали. Единственные предметы, что я у него нашел, – это ключ от часов и билет до Седвик-Хилла, следующей остановки поезда.

– Я отправлю туда констебля, чтобы опросить местных жителей: не собирался ли кто-то приехать вчера, но так и не появился, – сказал комиссар Мэйн. – Это может дать нам имя жертвы.

Отец отпил из своей бутылочки.

– Но кража денег и прочих ценностей не была мотивом.

– Так и есть. – Шон достал из кармана брюк хронометр Бенсона и показал его комиссару Мэйну. – Мистер Де Квинси нашел это на месте убийства.

Комиссар с изумлением посмотрел на диковинку.

– Я за всю жизнь видел лишь с полдюжины таких.

– Во время борьбы хронометр сорвался с цепочки, – объяснил Шон. – Почему же убийца не осмотрел купе, прежде чем сбежал? Правда, скупщики драгоценностей могли заподозрить, что часы краденые, и не взять их, опасаясь неприятностей с полицией. И все равно, разве мог вор не поддаться соблазну хотя бы полюбоваться ими какое-то время? – Шон

повертел драгоценный предмет в руке, восхищаясь его блеском. – Нет. Убийца хотел, чтобы мы поверили, что мотивом было ограбление. Но человека из поезда он убил по другой причине.

Комиссар Мэйн сел на следующий поезд до Лондона, забрав с собой окровавленное пальто, чтобы кто-нибудь из детективов показал его столичным владельцам магазинов дорогой одежды и, возможно, узнал бы имя покупателя. Несмотря на усталость, Шон и Джозеф ждали на платформе полуденный поезд из Манчестера. На случай если убийство на заставе не имеет ничего общего с человеком, на которого шла охота, они с нервным торговцем пальто упорно всматривались в тех немногих пассажиров, что садились в более поздние поезда.

Улучив момент, когда торговец не был занят, я дала ему часть денег, полученных от издателя, и попросила принести нам с отцом самые практичные и недорогие пальто, какие только у него есть. Казалось, он был благодарен мне за эту покупку.

Наконец прибыл полуденный поезд из Манчестера. Шон, Джозеф, лондонские констебли и станционные охранники образовали проход, чтобы мы с отцом смогли протиснуться сквозь шумную толпу репортеров.

– Как звали убитого? – выпалил один из них.

– Где тело? – крикнул другой.

Едва колеса со скрипом остановились и дым развеялся, я смогла разглядеть вагоны первого класса. Тот, в котором произошло убийство, был заметен сразу.

– Нет, только не это! – произнесла я с тревогой.

За время долгого пути вагон развернули, так что теперь окно с засохшей кровью оказалось с той стороны, что обращена к перрону.

Репортеры напирали, чтобы лучше разглядеть запекшиеся пятна.

Сквозь толчею из тормозного вагона позади состава торопливо пробирался кондуктор. Это был тот же человек, что говорил с нами накануне вечером.

От быстрого бега он закашлялся.

Не обращая внимания на жетоны, что показали ему Шон и Джозеф, он повернулся ко мне:

– Очень жаль, мисс. Я пытался делать то, что вы говорили. Послал телеграмму в Скотленд-Ярд. Сделал все возможное, чтобы держать всех подальше от купе, но их было невозможно остановить.

– Остановить кого?

– Мисс, вы же знаете, замок был сломан. Я не мог уследить за всеми,

кто пытался открыть дверь, и…

Я посмотрела вниз, на металлическую подножку, кровь на которой прошлой ночью оставалась нетронутой. Теперь на ней был явный отпечаток ботинка, и когда кондуктор распахнул дверь в купе, там тоже оказались следы ботинок в засохшей крови. Диванные подушки пропали.

– Что, скажите на милость, здесь случилось? – спросила я.

– Первое убийство на английском поезде, мисс. Шляпа, зонтик, подушки, коврик. Я делал все, что мог, но все разобрали на сувениры.

Из всей нашей компании только у меня были средства на покупку билетов до Лондона. Мы с отцом оставляли следы сажи на всем, к чему прикасались, и поэтому пришлось ехать в купе второго класса, где не было подушек, которые пришлось бы потом чистить. По правде говоря, учитывая наши долги, второй класс был для нас слишком дорогим удовольствием, но Шон и Джозеф не спали почти всю ночь, и мне хотелось уберечь их от поездки на ногах в вагоне третьего класса, которую оплатил бы полицейский департамент. Они настаивали на возмещении наших убытков, но я отклонила их предложение, памятуя о том, как быстро и щедро они потратили свои премии. Щадя их гордость, я заверила наших друзей, что использовала часть из тех пяти соверенов, что дал нам лорд Палмерстон.

Я разделила жесткую скамейку с Джозефом, а Шон устроился рядом с отцом.

Ключ кондуктора щелкнул, запирая нас внутри, и мое сердце забилось быстрее. Дернувшись, поезд отошел от станции.

– Не хочу даже думать о панике, что начнется, когда люди прочтут завтрашние газеты, – сказал Шон. – Все поезда будут пустыми.

– Один из репортеров задал любопытный вопрос, – вспомнила я.

– Да? И какой же, Эмили?

– Он хотел знать, что случилось с трупом.

Три месяца назад я и представить себе не могла, что окажусь в обстоятельствах, требующих обсуждения подобных тем.

И Шон, без сомнения, не представлял столь откровенного разговора с представительницей противоположного пола. Но он больше не выглядел смущенным.

– Я попросил местного гробовщика положить труп в гроб и спрятать в своей конторе. Сегодня утром гроб погрузили в багажный вагон поезда, который увез комиссара Мэйна обратно в Лондон. Сосед гробовщика сопровождал тело. Он надел черную повязку и притворился скорбящим

сыном на случай, если журналисты поинтересуются, чей это гроб. К этому времени тело должно уже находиться в Вестминстерской больнице, где комиссар Мэйн проинструктирует хирургов, чтобы они подмечали все, что может хоть что-то рассказать нам об убийце. Например, с какой стороны нанесены удары. Это даст возможность узнать, был ли убийца левшой или правшой.

Когда грохочущий поезд начал плавный поворот, я схватилась за один из ремней, свисавших с потолка. Вагон, казалось, готов был слететь с рельсов в любую минуту.

Отец вынул из кармана свою бутылочку с лауданумом.

– Двадцать пять лет назад, в день открытия железнодорожного сообщения между Ливерпулем и Манчестером началась новая эпоха. – Он сосредоточился на этикетке со скрещенными костями, словно читал с листа. – Историк упомянул зуйка, что мчался рядом с этим новым, изрыгающим дым чудищем. Птица что есть силы махала крыльями в отчаянной попытке соперничать со все возраставшей скоростью паровоза, но ее усилия были тщетны. Осознав, сколь велика перемена, произошедшая в мире, птица оставила погоню и нашла утешение в ближайшей роще. Когда весь мир ускоряется, возможно, нам всем требуется утешение в роще.

– Боже милосердный, посмотрите, на кого вы похожи! – воскликнул лорд Палмерстон, торопливо спускаясь по лестнице. – Я немедленно сообщил обо всем в Букингемский дворец, как только услышал об убийстве в поезде. Ее величество и его королевское высочество потрясены. Теперь нигде нельзя будет чувствовать себя в безопасности. Королева и принц беспокоятся за вас. Что случилось с вашими пальцами? Они все, – он невольно вздрогнул, – в ссадинах.

– Милорд, нам пришлось бросать камни в одичавших собак, – объяснил Де Квинси.

– Что?

– Мы защищали труп, лежавший в железнодорожном тоннеле, но собаки не отступали, и тогда мы подожгли свои пальто.

– Дикие собаки? Труп? Подожгли свои… – Лорд Палмерстон простонал. – Я обещал ее величеству и его королевскому высочеству заботиться о вас. Если они увидят вас в таком состоянии, то обвинят во всем меня. – Он обернулся к слуге. – Проводите мистера Де Квинси и его дочь наверх. Приготовьте для них горячую воду. Им нужно привести в порядок свою одежду. Позовите кого-нибудь из служанок, пусть поможет

им смыть сажу с волос. И побыстрее. Королева обещала заехать ко мне при первой же возможности.

– Лорд Палмерстон, моему отцу нужно отдохнуть, – вмешалась Эмили. – Инспектору Райану и сержанту Беккеру это тоже не помешало бы.

– Благодарю вас, но мы отдохнем, как только у нас будет время, – ответил Райан. – А сейчас мы должны отправиться на Лудгейт-хилл.

В названии улицы[2] сохранилась память о действительно находившемся на этом месте въезде в древнеримское поселение Лондиниум. Стены его давно исчезли, и теперь здесь располагался самый престижный район города, известный как Сити.

Хотя Сити был составной частью Большого Лондона, в этом районе действовала собственная полиция, так что сотрудники Службы столичной полиции не имели здесь никаких полномочий.

Райан и Беккер прошли мимо редакций «Таймс», «Морнинг кроникл» и других газет на Флит-стрит. Утренние выпуски, несомненно, усилят тревогу в городе.

На углу стоял констебль, наблюдая за порядком на своем участке.

– Думаю, никто не станет возражать, если мы зададим здешним обитателям два-три вопроса, – сказал Райан своему молодому коллеге. – Но лучше все-таки получить официальное разрешение.

Он подошел к констеблю и показал свой жетон.

– Нам нужно кое с кем поговорить в вашем районе. Вы не проводите нас до одной мастерской?

Констебль с нерешительным видом посмотрел на него.

– Наш комиссар все уладит с вашим начальством, даю слово, – пообещал Райан. – И это весьма занятная мастерская.

Они втроем вышли на узкую, короткую улицу, по которой погонщик вел стадо коров сквозь толчею повозок, кебов и омнибусов.

Это и была Лудгейт-хилл, над дальним концом которой возвышался купол собора Святого Павла. Но Райана и Беккера больше интересовали вывески над магазинами.

– «Аптека Ллойда», «Сигары и первоклассный табак Грейсона», «Дамские шляпки Брайанта», – бормотал себе под нос Беккер. – Вот она.

Д. У. БЕНСОН
ИЗГОТОВЛЕНИЕ ЧАСОВ И ХРОНОМЕТРОВ
В ЗОЛОТЫХ И СЕРЕБРЯНЫХ КОРПУСАХ
ЛЮБОГО ВИДА ПО ОПИСАНИЮ ИЛИ ОБРАЗЦУ

Окна по обеим сторонам от входа закрывали решетки. За ними, на покрытом голубым фетром прилавке, были разложены золотые и серебряные часы.

– Как? Вам нужна именно эта мастерская? – удивился констебль.

– Я же говорил, что будет занятно, – напомнил Райан.

Он открыл дверь, над головой прозвенел колокольчик, и добротно одетый приказчик, старательно протирающий прилавок, поднял голову. При виде скромных нарядов детективов заинтересованность на его лице сменилась равнодушием.

Затем он увидел входящего следом констебля и постарался изобразить улыбку:

– Добрый день.

– Здравствуйте, – отозвался Райан, вместе с Беккером и констеблем восхищенно осматриваясь вокруг. Уличный шум не мог заглушить тиканье часов, что раздавалось буквально со всех сторон. – Не могли бы вы мне рассказать вот об этом?

Райан выложил на прилавок золотой хронометр. Увидев часы, приказчик распрямился и с подозрением покосился на рыжие, как у любого ирландца, волосы, выглядывающие из-под кепи Райана.

– Откуда он у вас?

– Это дело полиции, поэтому я и попросил, чтобы меня сопровождал констебль.

Клерк бережно взял часы и повертел перед глазами.

– Надеюсь, это не запекшаяся кровь? Кто посмел так обращаться с этими превосходными часами?

– Именно это мы и хотели бы узнать, – ответил Райан.

Приказчик поднес к корпусу часов лупу.

– Под кровью видна царапина, – потрясенно проговорил он.

– Да, это след от ножа.

Приказчик неприязненно взглянул на шрам, красующийся на подбородке Беккера, словно подозревая его в этом кощунстве.

За прилавком открылась дверь, и в комнату вошел чисто выбритый мужчина приятной наружности, лет тридцати. Из ярко освещенного помещения за дверью доносилось легкое позвякивание. Облаченные в фартуки мастера сидели за рабочими столами и, всматриваясь в закрепленные на них линзы, обрабатывали, замеряли и шлифовали крохотные металлические детали.

Молодой человек, который тоже был в фартуке, носил очки с необычайно толстыми стеклами.

– О, мистер Бенсон, вы наверняка захотите взглянуть на это, – обратился к нему приказчик.

– Так вы и есть Уильям Бенсон? – воскликнул Райан.

Молодой человек заметил констебля и нахмурился.

– А в чем, собственно, дело?

– Простите, я просто не думал, что вы еще так молоды, – ответил Райан.

– Мои отец и дед были часовщиками. За любым изделием нашей фирмы стоит опыт работы длиной в сто лет. Пусть вас не смущает мой возраст.

– Они принесли вот этот хронометр, – объяснил приказчик.

– Со следами запекшейся крови? – с беспокойством отметил Бенсон, которому хватило одного взгляда, чтобы оценить часы. – Это наша лучшая модель. Тринадцать камней.

– Камней? – переспросил Беккер.

– Да, рубинов.

Бенсон достал из кармана передника маленькую отвертку, вставил в щель корпуса и открыл его, демонстрируя завораживающую работу часового механизма.

Райан, Беккер и констебль замерли в восхищении. Бесчисленные шестеренки казались живыми, рычажки напоминали руки, а негромкое тиканье походило на биение сердца.

– Все равно что живое существо, – похвастался Бенсон. – Но там, где металлические части трутся одна об другую, они быстро изнашиваются. Поэтому мы устанавливаем рубины в каждой точке такого контакта.

Бенсон отметил положение стрелок на стоящих в углу высоких напольных часах в дубовом корпусе и сравнил со временем на хронометре.

– Каждое утро мы получаем точное время из Королевской обсерватории. Эти часы опаздывают на одну минуту, и это означает, что их давно не заводили.

– Вот ключ, – произнес Райан.

Ключ, как и сами часы, был изготовлен из золота. Бенсон открыл заднюю крышку корпуса, вставил ключ в одно маленькое отверстие, затем в другое, каждый раз осторожно поворачивая его.

– В этом деле важно остановиться, как только почувствуешь легкое сопротивление.

Он вытащил головку часов и подвел минутную стрелку.

– При надлежащем обращении мои хронометры должны пережить своих хозяев, – заявил Бенсон. – Но, учитывая следы крови и ваше

появление здесь, я подозреваю, что этот хронометр пережил своего хозяина несколько раньше, чем предполагалось.

Судя по тону, он не отказался бы послушать кровавые подробности преступления.

– Сожалею, но я не имею права рассказывать об этом, – сказал Райан.

– Разумеется, – с разочарованным видом согласился Бенсон. – Эти часы куплены не раньше чем три месяца назад. Чтобы это определить, мне не нужно даже узнавать их серийный номер. На крышке выгравированы только мои инициалы, и это означает, что компания принадлежит мне одному. Изменение произошло совсем недавно. До января мой брат был ее совладельцем.

– Вы можете сказать, кто купил эти часы?

– Несомненно.

Бенсон открыл дверь в кабинет с табличкой «Служебное помещение». Там он снял с полки длинный деревянный ящик с картотекой.

– Рядом с серийным номером стоит имя покупателя. – Бенсон пробежался пальцами по карточкам и вытащил одну из них. – Имя джентльмена, который приобрел этот хронометр, – Дэниел Харкурт.

– На карточке не указано, где он живет?

– Нет, но он оставил адрес своей конторы. – Торжественный тон Бенсона как бы подчеркивал престижность адреса. – Она находится на Ломбард-стрит.

Как только Райан и Беккер вышли на улицу, шум и толчея снова обрушились на них.

Сержант ничуть не удивился, когда коллега предложил ему новое испытание.

– Мы только мельком видели работников из мастерской Бенсона. Вы не заметили в них ничего необычного? – спросил инспектор.

– Все они были в фартуках, доходивших до подбородка, – ответил Беккер.

– Какие фартуки?

– Кожаные.

– Из какой кожи? – не унимался Райан.

– Из лощеной.

– Почему же именно из лощеной? – продолжал допытываться инспектор. – И не показалось ли вам что-нибудь необычным в лицах работников?

Сержант задумался.

– Они все чисто выбриты. Как и сам Бенсон. Как и приказчик.

– Еще пять лет назад в этом не было бы ничего необычного, – заметил Райан. – Но мода меняется. Разве вы не ожидали увидеть среди работников бородатых или хотя бы усатых людей?

Проходя мимо величественного собора Святого Павла, Беккер изо всех сил пытался догадаться, какой вывод хочет услышать от него Райан. Он напряг память и представил себе, как мастера склонялись над увеличительными стеклами, обрабатывая мельчайшие детали часового механизма.

– Волосы, – произнес он наконец.

– Это не такое уж и большое открытие, что борода и усы состоят из волос, – заметил Райан.

Беккер вспомнил, как приказчик протирал прилавок.

– Да, но крошечные волосинки, которые трудно заметить даже в лупу, могут попасть в часы во время сборки и нарушить работу сложного механизма. – Он улыбнулся, уже понимая, что нашел правильный ответ. – А фартуки из лощеной кожи Бенсон выбрал потому, что на ней хорошо видны пылинки, и их можно вытереть, прежде чем те попадут в часы.

– Я начинаю верить, что из вас получится отличный детектив, – сказал инспектор и тоже улыбнулся.

Улыбка Беккера сделалась еще шире, усталость как ветром сдуло. Они с Райаном двинулись дальше по Чипсайду, мимо птичьего рынка, и пронзительные крики запертых в клетки пернатых были слышны даже сквозь грохот транспорта.

Наконец они вышли на пересечение шести оглушающе-шумных улиц, напоминающих спицы гигантского колеса. На северной стороне площади стояли два величественных здания, возвышаясь над городом. Одно из них выглядело таким же огромным, как недавно отстроенная громада Парламента.

– Бывали здесь когда-нибудь? – спросил Райан.

Беккер с благоговейным страхом покачал головой:

– Ни разу. Приехав в Лондон, я устроился работать на кирпичный завод в Спиталфилдсе, и у меня не было времени на осмотр достопримечательностей. Потом я поступил на службу в полицию и сутки напролет патрулировал район Уоппинга. – Беккер разинув рот смотрел на внушительное зрелище шести пересекающихся улиц. – Никогда еще мне не доводилось видеть столько богато одетых людей в одном месте… и карет с гербами на дверях.

– Вы находитесь в центре Британской империи, – объявил Райан.

– В центре империи? А как же Букингемский дворец, Парламент и Уайтхолл?

– Правительства приходят и уходят. И монархи тоже. Я вовсе не проявляю непочтительности и не желаю зла королеве, – поспешно добавил Райан. – Но миром правят деньги, и когда речь заходит о богатстве, то нигде не найдется более могущественного места. Вот это монументальное строение с колоннами – Английский банк. А это, похожее на римскую базилику, – Королевская биржа, в которой застраховано каждое судно со всем своим грузом. А этот колосс рядом с ней принадлежит Ост-Индской компании. Вот где собираются истинные владыки империи, те, кто правит ею в гораздо большей степени, чем парламент или королева. Здесь объявляются войны и создаются колонии. А прямо перед нами – Ломбард-стрит.

Они подошли к лакированной кленовой двери каменного здания между конторами торговцев недвижимостью и биржевых маклеров. На сияющей медной пластине был выгравирован номер 42.

К ним тут же направился констебль, обративший внимание на двух мужчин в мешковатых костюмах в этом мире роскошных пальто и пиджаков.

– Мы детективы из Скотленд-Ярда, – представился Райан и показал свой жетон. – Расследуем убийство. Поскольку на этот район наши полномочия не распространяются, не могли бы вы проводить нас в этот дом?

– Пожалуй, мне лучше переговорить с моим сержантом.

– Если вы поможете нам найти убийцу, уверен, что сержант поощрит вас за самостоятельность.

Райан открыл дверь на ярко освещенную, убранную коврами лестницу. Они поднялись наверх и оказались в просторном коридоре. Каждую дверь украшали только сверкающие буквы: «A, «B» и «C» – по одну сторону, «D» и «E» – по другую. Там, где должна была оказаться буква «F», дорогу преграждал пустой стол секретаря.

– Ни указателей внизу, ни фамилий на дверях, – шепнул Беккеру инспектор. – Хозяева этих кабинетов настолько успешны, что им нет никакой необходимости называть свои имена.

Райан постучал в дверь с буквой «A», как и было сказано в адресе, который ему дали. Не получив ответа, он постучал еще раз.

– Чем я могу вам помочь? – послышался голос за их спинами.

Райан и Беккер обернулись. По коридору к ним шел изысканно одетый

мужчина крайне худощавого телосложения, с тонкими губами и очками на кончике длинного носа.

– Нам сказали, что здесь находится контора мистера Дэниела Харкурта, – сказал инспектор.

– Так и есть, – ответил мужчина. Вероятно, вид Райана и Беккера не внушал ему доверия, поэтому он обратился к констеблю: – Я секретарь мистера Харкурта. Позвольте поинтересоваться целью вашего визита.

– Мы из Скотленд-Ярда, – объявил Райан, и они с Беккером показали свои жетоны.

– Здесь это не имеет значения.

– Дело касается убийства, – смущенно объяснил констебль.

– Убийства?

– Мистер Харкурт – мужчина приблизительно пятидесяти лет, среднего роста и плотного телосложения? – спросил Райан. – Лысый, с бородой, но без усов?

Ошеломленное лицо секретаря подсказало, что приметы верны.

– Бог мой, что с ним случилось?

– Нам нужно поговорить с его женой.

– Он не был женат. Но почему это так важно?

– Тогда, может быть, его родители еще здравствуют?

– Нет.

– Братья или сестры?

– У него были два брата, но оба умерли.

– Сожалею, но в таком случае нам придется обратиться к вам. Готовы ли вы вместе с нами отправиться в Вестминстерскую больницу и опознать труп мистера Харкурта?

– Опознать труп… – Лицо секретаря посерело, он тяжело вздохнул. – Спаси его, Господи. Да, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь… Меня весь день мучили дурные предчувствия. У мистера Харкурта были назначены на сегодня важные встречи, но он не приехал в контору. А это не те клиенты, которых разумно заставлять ждать.

Райан взялся за ручку двери.

– Ничего не получится, – сообщил секретарь. – Уходя, мистер Харкурт всегда закрывает кабинет на ключ.

– Так откройте его, пожалуйста.

– Не могу. Единственный ключ мистер Харкурт носит с собой.

– Но при нем ключа не оказалось, – заметил Райан.

Повинуясь внезапному порыву, он дернул за ручку, и дверь распахнулась настежь. Секретарь охнул от изумления.

– Вы даже не проверили, заперт ли кабинет? – спросил Райан.

– Мне это и в голову не пришло, – ошеломленно пробормотал секретарь.

Из темного кабинета с массивным столом и роскошным восточным ковром дохнуло холодом. Беккер подошел к окну и отдернул занавеску, теперь стали видны и другие детали интерьера: два марокканских кресла, глобус на поставке и пейзаж, изображающий развалины аббатства на берегу ручья. Райан не сомневался, что картина написана известным художником.

– А кем был мистер Харкурт по профессии? – спросил секретаря Беккер.

– Э-э-э… – Секретарь снял очки, и глаза под ними оказались совсем маленькими. – Он был адвокатом.

– Барристером? – предположил Райан.

Барристеры имели право выступать в суде.

– Нет, солиситором.

– И его контора находится на такой престижной улице? – удивился Райан.

Солиситоры стояли ниже барристеров. Они в основном занимались бумажной работой: составляли завещания, договоры, оформляли кредиты.

– Мистер Харкурт был необычным солиситором, – ответил секретарь.

– Прошу вас, поясните.

– Я не могу нарушить конфиденциальность. Разрешите мне переговорить с одним из коллег мистера Харкурта и выяснить, какова в этом случае моя ответственность перед законом.

– Конечно.

Однако секретарь не двинулся с места, с подозрением наблюдая за тем, как Райан расхаживает по кабинету, подмечая детали обстановки.

– Здесь что-то не так, – заявил вдруг секретарь.

– Простите, что?

Он указал на дубовый комод в углу.

– Мистер Харкурт держал в нем самые важные бумаги.

– И что вас встревожило? – спросил Беккер.

– Дагеротип в рамке.

– Прекрасное изображение ее величества.

– Подарок одного из клиентов мистера Харкурта, – со значительным видом объяснил секретарь. – Но он стоит слишком близко к краю комода. – Он подошел и передвинул рамку. – По утрам солнечный свет падает прямо на комод, и мистера Харкурта предупредили, что это может повредить

дагеротип. «Мы не допустим, чтобы изображение ее величества выцвело», – сказал мне мистер Харкурт и отодвинул его дальше к стене.

Райан выдвинул один из ящиков.

– Но комод тоже должен быть заперт! – воскликнул секретарь.

Инспектор выдвинул следующий ящик: папки с именами были разложены в строгом алфавитном порядке. Райана удивило, как много пэров и членов парламента оказались клиентами Харкурта, но он постарался сохранить безразличное выражение лица, читая имена самых влиятельных людей Лондона.

Одно из них особенно поразило его: Генри Джон Темпл. Так звали лорда Палмерстона.

– Я все же вынужден настоять на том, чтобы проконсультироваться у коллег мистера Харкурта, – вмешался секретарь, закрывая ладонью документы.

– Вы можете определить, не пропало ли отсюда что-нибудь? – поинтересовался инспектор.

– Нет, мистер Харкурт держал каталог у себя.

Секретарь задвинул ящики в комод, и Райан переключил внимание на обстановку кабинета. Он прошел вдоль дальнего края стола к подставке с глобусом, затем резко развернулся, отодвинул вращающийся стул и вытащил из-под стола корзину для мусора.

– Мистер Харкурт прячет ее там, чтобы клиенты не подумали, будто в его кабинете царит, как он выражался, кавардак, – объяснил секретарь.

– Когда вы видели своего хозяина в последний раз?

– Вчера вечером, около семи. Он сказал, что хочет еще просмотреть кое-какие документы и я ему больше не нужен.

Райан вытащил из корзины смятый лист бумаги.

Секретарь нахмурился.

– Должно быть, мистер Харкурт бросил его туда уже после разговора со мной. В шесть часов вечера все ненужные бумаги были собраны и сожжены.

– Вы знаете некоего Джона Солтрема? – спросил инспектор.

– Кого?

– Джон Солтрем. Так написано на этой бумаге. – Райан протянул секретарю листок. – Это почерк мистера Харкурта?

– Нет, и я никогда не слышал это имя. Не нарушая конфиденциальности, могу сказать, что это определенно не наш клиент.

– Джон Солтрем? – заинтересовался Беккер.

Инспектор обернулся к нему.

– Это имя что-то вам говорит?

– Возможно. – Беккер подошел ближе и шепнул Райану на ухо: – Может быть, это другой человек, но Джон Солтрем служил констеблем в те времена, когда я патрулировал улицы Ист-Энда.

– Найдите его, – распорядился Райан.

Название Ист-Энд лишь недавно стало синонимом худшей части Лондона. Четырьмя годами ранее, в 1851-м, была издана книга журналиста Генри Мейхью «Лондонские работяги и лондонская беднота» об ужасных условиях жизни в Ист-Энде, и это слово вошло в обиход. Для состоятельных людей из таких респектабельных районов, как Мейфэр или Белгравия, Ист-Энд казался не другой частью Лондона, а другой частью мира, его грязь и болезни были от них так же далеки, как самые страшные уголки Индии и других восточных владений империи.

Но Беккер, пять лет патрулировавший улицы Уоппинга в Ист-Энде, был хорошо знаком со всеми его ужасами, и сейчас ему казалось, будто бы он возвращается домой. Правда, воспоминания об убийствах, случившихся здесь в прошлом декабре, делали это возвращение не очень радостным.

Некоторые здания Уоппинга можно было назвать старейшими в городе, часть из них пережила даже Великий лондонский пожар, бушевавший двумя столетиями ранее. Покосившиеся стены и просевшие крыши давали приют десяткам несчастных. Запах был таким же отвратительным, как и грязь на булыжной мостовой. Убогие, оборванные существа жались к дверям и узким переулкам. Смешанный с дымом туман казался еще гуще и темнее в лучах заходящего солнца.

Из-за скрытого в тумане поворота появился чей-то силуэт, и Беккер приготовился к неприятностям. Где-нибудь в другом месте его одежда выглядела бы весьма скромной, но здесь превращалась в желанную добычу.

Силуэт, как выяснилось, принадлежал констеблю. Он придирчиво изучил Беккера в тусклом свете, словно пытаясь понять, что здесь может делать человек, не одетый в лохмотья.

– Ты вернулся сюда, чтобы немного поразбойничать, да? – усмехнулся констебль. – Не думал, что снова увижу твою гнусную морду.

– Это ты, Эванс?

Они рассмеялись и пожали друг другу руки.

– Я тоже не думал, что когда-нибудь снова увижу твою отвратительную физиономию, – сказал Беккер.

– Без формы тебя и не узнать. Ты пришел покуражиться над нами, да? Каково это, быть детективом?

– Если бы я знал. Пройдет немало времени, прежде чем я узнаю достаточно, чтобы почувствовать себя настоящим детективом.

– Думаю, только служебные дела могли завести тебя в это проклятое место, – предположил Эванс.

– Я иду в полицейский участок. – Сержант затопал каблуками по грязным камням, чтобы ноги не окоченели, как частенько поступал прежде, когда патрулировал в этом районе. – Мне нужно переговорить с одним констеблем. Может быть, ты помнишь его имя по утренним перекличкам? Джон Солтрем.

– Помню. Но не возьму в толк, зачем он тебе понадобился. – Судя по выражению его лица, Эванс был не прочь посплетничать. Беккер пожал плечами. – Становишься скрытным, как сам дьявол, да? Ну да ладно. Я избавлю тебя от прогулки до участка. Солтрем оставил службу.

– Оставил… Когда это случилось?

– Вскоре после того, как тебя повысили. В штаб-квартире ему выдали разрешение жениться, и невеста Солтрема, прачка с большими запросами, убедила его, что такой опытный констебль может стать успешным частным детективом.

Эванс выделил голосом последние два слова. Тремя годами ранее частных детективов в Англии практически не было. Но все изменилось в 1852 году, когда самый известный лондонский сыщик, инспектор Чарли Филд, подал в отставку и основал частное сыскное бюро. Поговаривали, что именно он стал прототипом загадочного инспектора Баккета из романа Чарльза Диккенса «Холодный дом». Филд предложил клиентам конфиденциальные сыскные услуги, которые не могла оказать полиция.

– Оказалось, что у жены Солтрема не только запросы, но и неплохая голова на плечах, – продолжал Эванс. – Она велела ему оправиться туда, где крутятся большие деньги, и поискать работу у адвокатов из Сити.

– У адвокатов?

Сержанту с трудом удавалось сохранить спокойствие.

– Похоже, у него получилось, – добавил Эванс. – Я слышал, что дела Солтрема пошли на лад и он сменил квартиру. Может быть, мне тоже стоит податься в частные детективы и сбежать из этого забытого Богом района.

– Ты не знаешь, где теперь живет Солтрем? – спросил Беккер.

– Он хвастал, что перебрался в Саутворк.

Саутворк располагался к югу от Темзы. Рабочий район со знаменитым собором и еженедельными ярмарками не производил такого безысходного впечатления, как Ист-Энд.

Беккер перешел через Лондонский мост, окутанный морозным туманом.

Дожевав последний из трех черствых бисквитов, купленных в кондитерской, которая уже закрывалась, он совсем было решил уступить собственной усталости и отправиться в полицейское общежитие, а поиски отложить на завтра.

«Но что бы сделал на моем месте Райан?» – спросил он себя.

На Веллингтон-стрит, возле станции «Лондон-бридж», он повстречал констебля.

– Где ваш полицейский участок?

– В ту сторону, через два квартала.

Полицейский участок занимал целое здание – или, скорее, два смежных дома, перестроенных под кабинеты и камеры для арестованных.

Радуясь теплу, исходившему от камина в углу, Беккер предъявил свой жетон сержанту за столом.

– Вы слышали когда-нибудь о Джоне Солтреме?

– А как же, конечно слышал, – ответил сержант. – Он заходил сюда две недели назад, хотел, чтобы мы все запомнили, что он раньше служил констеблем. Назвался частным детективом, да еще таким тоном, будто он член королевской семьи. Сказал, что мы в случае нужды можем рассчитывать на него, и добавил, что надеется на нашу ответную помощь, если ему понадобятся какие-либо сведения. У него был такой самодовольный вид, что мы долго потешались над ним после его ухода.

– Знаете, где он живет?

– О да, он несколько раз повторил, где его можно найти, если потребуется. Кроме того, он оставил мне записку с адресом и попросил по возможности присматривать за его улицей. А зачем он вам понадобился?

– Просто хочу расспросить, не помнит ли он кое-что с тех времен, когда патрулировал в Уоппинге.

– И вы пришли сюда чуть ли не ночью, дрожа от холода, просто для того, чтобы спросить его о том, как он патрулировал в Уоппинге?

– Ну хорошо. Возможно, мне от него еще кое-что нужно. Не дадите ли вы мне констебля в сопровождение?

– Я сам пойду с вами. Нельзя же упустить случай поддеть его.

– Уильямс, – позвал он констебля из прихожей. – Останешься за меня. Я отлучусь ненадолго.

К радости Беккера, идти пришлось недалеко. Освещая дорогу «бычьим глазом»[3], сержант довел коллегу до таверны на следующем углу.

– Вот здесь Солтрем по большей части и ошивается, – объяснил

сержант, открывая дверь.

Узкое помещение было наполнено табачным дымом, громкими разговорами и запахом несвежего пива. Сержант прошел мимо двоих крупных парней у стойки и обратился к бармену:

– Мы ищем Джона Солтрема.

– Не видал его с прошлого вечера, – ответил бармен, вытирая мокрой тряпкой прилавок. – Он хвастал, что получил крупный куш, и заказал выпивку на всех.

Беккер с сержантом вышли на улицу. Пройдя немного, полицейский указал рукой на лестницу между мясной лавкой и бакалеей:

– Он живет вот здесь, над лавкой мясника.

Беккер посмотрел на окна, но свет не горел ни в одном из них.

– Так рано он спать не ложится, – заявил сержант. – Наверное, отправился вместе со своей благоверной тратить деньги, которыми так хвастался. Если это так важно для вас, можете вернуться в участок и выпить горячего чая, а потом снова наведаетесь сюда.

Предложение было крайне заманчивым. Ноги Беккера заныли: за последние несколько часов он не присел ни на минутку.

«Но что бы сделал на моем месте Райан?» – снова подумал он.

В мясной лавке горела лампа. В окно можно было рассмотреть мужчину в запятнанном кровью переднике, убирающего с прилавка куски мяса. Беккер открыл дверь, и мясник с надеждой посмотрел на него, приняв за покупателя, но тут же разглядел позади сержанта.

В лавке было холодно. Мартовский мороз помогал сохранять мясо, но густой запах крови все равно ударял в нос.

– Вы видели сегодня Джона Солтрема? – задал вопрос Беккер.

– Нет, и его счастье, что не видел.

– Почему?

– Я бы нашел для него два-три отборных словечка, за то, что он не давал мне спать, – объяснил мясник.

– В каком смысле?

– Я живу в комнате позади лавки. Сегодня рано утром Солтрем и его жена, – мясник показал на потолок, – закатили такой скандал, что я так и не смог уснуть снова.

– Рано утром? – переспросил Беккер.

– Кричали, стучали кулаками по столу и все такое.

Беккер вышел из лавки и посмотрел на темную лестницу. От дурного предчувствия у него похолодело в груди.

– Ступайте за мной, – велел он сержанту.

– Зачем? Что случилось?

Беккер взбежал по узким ступеням. Сержант с фонарем поднялся следом. Доски скрипели пугающе громко.

Беккер подошел к двери, прислушался, но изнутри не донеслось ни единого звука.

Он вытащил нож из ножен, закрепленных под брюками на правой лодыжке по примеру Райана. «Но сначала ударяйте тупым концом, а не острым, – советовал инспектор. – И не забудьте подготовить убедительное объяснение для комиссара Мэйна».

– Эй, что вы собираетесь делать? – забеспокоился сержант.

– Тихо.

Беккер постучал в дверь, и она тихонько приоткрылась.

Тогда он рывком распахнул ее настежь. Возможно, запах крови, который он ощущал, поднимался из мясной лавки, но Беккер считал иначе.

В свете фонаря он увидел небольшую комнату, в которой не было ничего, кроме стола и стула. Последний валялся на полу.

Рядом с ним лежал человек.

– Сержант, оставайтесь там, где стоите, – распорядился Беккер.

Фонарь осветил засохшую кровь. Осторожно, стараясь не наступать на нее, Беккер подошел к трупу.

Мужчина растянулся на спине. Он был высокого роста, крепкого телосложения и с обветренным, как у большинства констеблей, лицом.

Ночная рубашка тоже была покрыта коркой запекшейся крови.

Беккер сразу узнал Солтрема, с которым вместе служил. Он постарался успокоить дыхание. «Помни, что тебе говорил Райан, – подумал он. – Сосредоточься на деталях. Переключи внимание на поиск улик, которые помогут сделать так, чтобы преступник никогда не повторил содеянного».

Во рту у Беккера пересохло, он оглянулся на дверь и попытался представить, как все произошло. Ночная рубашка подсказывала, что Солтрем лежал в постели. Значит, его разбудил стук в дверь. Еще толком не проснувшись, он открыл убийце, получил удар ножом в грудь, пошатнулся и упал, ухватившись за стул и повалив его вслед за собой.

Беккер разглядел еще одну дверь в дальней стене. Он пересилил себя и направился к спальне, готовясь к нападению, хотя сомневался, что убийца мог оставаться в доме все это время.

У входа в спальню пол тоже был испачкан кровью. Фонарь отбрасывал глубокую тень, закрывавшую обзор. Беккер шагнул в сторону и увидел женщину, лежавшую поперек кровати лицом вверх.

Ее потухшие, немигающие глаза смотрели в потолок, ночная рубашка была вся в крови.

С бешено бьющимся сердцем Беккер вывел сержанта из комнаты и закрыл за собой дверь.

– Оставайтесь здесь, – торопливо распорядился он. – Не входите внутрь и не пускайте туда никого, кроме тех, кого к вам пришлю я.

Заботиться о соблюдении тишины больше не имело смысла, и Беккер с оглушительным топотом помчался вниз по лестнице.

Глава 4
Женщина, принимавшая крыс за привидения

Заседания парламента обычно заканчивались не раньше часа ночи. Газовые фонари на стенах озаряли зал желтоватым светом, и лорд Палмерстон беззвучно простонал оттого, что время едва перевалило за полночь. Самый влиятельный политик Англии, бывший секретарь по военным делам, бывший министр иностранных и внутренних дел надеялся, что за пять десятилетий государственной службы притерпелся к скуке подобных заседаний, но сейчас, закончив речь в защиту своей военной политики и опустившись в кресло, он почувствовал страшную усталость.

Несмотря на холодную мартовскую ночь, в зале заседаний – каким бы огромным он ни был – стояли жара и духота. Хмурые лица парламентариев, сидевших на установленных ярусами скамьях, заставили лорда Палмерстона пожалеть о том, что он согласился на предложение королевы занять пост премьер-министра, когда прежнее правительство ушло в отставку из-за грубых просчетов, допущенных в ходе войны. Теперь ему самому ставили в вину те же ошибки, и пришлось напрячь всю свою волю, чтобы не заявить этим тупицам, что, если бы они предоставили ему свободу действий, если бы каждое решение не приходилось согласовывать в бесчисленных комитетах, идя на компромисс за компромиссом, русские были бы разбиты в течение года.

Представители оппозиции встречали язвительными замечаниями каждое выступление в защиту лорда Палмерстона. Он уже готов был подняться с места, чтобы опровергнуть опровержения опровержений, когда к нему склонился посыльный:

– Премьер-министр, комиссар Мэйн просил передать вам вот это. – Посыльный протянул ему конверт, запечатанный воском. – Он сказал, что дело срочное.

Стараясь казаться равнодушным, лорд Палмерстон оглядел зал и заметил, что министру внутренних дел, сэру Джорджу Грею, вручили точно такой же конверт. Изобразив на лице недовольство, из-за того что его отвлекают по всяким пустякам, лорд Палмерстон вскрыл печать, вытащил листок бумаги и тут же прикрыл руками беспощадные слова:

УБИТЫЙ В ПОЕЗДЕ ЧЕЛОВЕК – ДЭНИЕЛ ХАРКУРТ.

Короткая записка заставила премьер-министра похолодеть. Впервые в истории человека убили прямо в поезде – на самом деле даже не убили, а зарезали, и не какого-нибудь рабочего в вагоне третьего класса, а джентльмена в лучшем купе, какое только могла предложить железная дорога, и это шокировало само по себе. Но теперь, когда лорд Палмерстон узнал имя жертвы, потрясение многократно усилилось. Сохраняя все тот же раздраженный вид, он положил листок обратно в конверт.

– Комиссар ожидает вас в коридоре, – добавил посыльный и удалился.

Лорд Палмерстон поднес ладонь к губам, слово бы сдерживая зевоту. Он посмотрел на сэра Джорджа, чуть заметно кивнул и поднялся как раз в тот момент, когда очередной оппозиционер начал выражать свое недовольство. Лорд Палмерстон очень рассчитывал, что его внезапный уход примут за выражение безразличия, а не за неотложную необходимость. Распахнув дверь, он вышел в длинный каменный коридор, где, к счастью, было ощутимо прохладнее, чем в зале заседаний.

Комиссар Мэйн с обычным усталым выражением лица стоял возле ниши под погашенной лампой. Как только сэр Джордж также покинул зал, лорд Палмерстон подвел его к нише.

Все трое укрылись в тени.

– Вы уверены, что убили именно Дэниела Харкурта? – понизив голос, спросил комиссара премьер-министр.

– Инспектор Райан установил личность убитого только сегодня вечером. Он уверяет, что не может быть никаких сомнений.

Лорд Палмерстон еще не пришел в себя от мысли, что жертвой убийства в поезде оказался его личный поверенный, его друг, один из самых влиятельнейших адвокатов во всей Англии.

– Смилуйся над ним, Господи.

– Зачем кому-то понадобилось убивать его? – с беспокойством спросил министр внутренних дел. Занимаемый пост возлагал на него ответственность за работу всей полиции Британской империи, так что комиссар Мэйн был его непосредственным подчиненным.

– Райан уверен, что убийство совершено не ради денег, – ответил Мэйн. – Он полагает – и Де Квинси считает так же, – что это как-то связано с документами, которые вез с собой Харкурт.

– Де Квинси, – пробормотал лорд Палмерстон, чувствуя, как к его горю примешивается раздражение.

– Они с инспектором Райаном считают, что Харкурт отправился в

Седвик-Хилл, чтобы передать кому-то некие документы. Но констебли, которых я туда послал, не нашли никого, кто был бы с ним знаком.

«Седвик-Хилл… – Конечная точка путешествия жертвы заставила премьер-министра напрячься. – Не самый подходящий момент, чтобы привлекать внимание к Седвик-Хиллу. Но за каким чертом Дэниел туда собрался?»

– Если инспектор Райан и Де Квинси правы в своих рассуждениях, мы должны выяснить, какие документы могли стать причиной убийства мистера Харкурта, а также того частного детектива, который на него работал, – продолжал комиссар Мэйн.

– Как? Убит еще и частный детектив? – удивился министр внутренних дел.

– Мы только что узнали об этом. Вам знакомо имя Джон Солтрем? – спросил комиссар.

– Нет.

– Мне тоже, – сказал лорд Палмерстон. – Значит, частный детектив? Вы считаете, что мистера Харкурта убили из-за того, что он выяснил в ходе расследования?

– Это вполне вероятно, учитывая то, что клиентами Харкурта были многие члены парламента.

– Откуда вы знаете? – резко спросил министр внутренних дел.

– Инспектор Райан видел имена на папках в кабинете мистера Харкурта, включая ваше, сэр Джордж, и ваше, премьер-министр, – объяснил Мэйн.

– Надеюсь, вы не подозреваете в убийстве мистера Харкурта меня или кого-либо из правительства? – осведомился лорд Палмерстон.

– Конечно нет, – заверил его комиссар. – Но Харкурт владел секретами, настолько важными, что его могли убить ради них.

– Кто еще знает имена клиентов мистера Харкурта? – потребовал ответа лорд Палмерстон.

Дверь в коридор распахнулась, и из нее вышел один из оппозиционеров. Он заметил стоявшую в нише троицу, кивнул и направился дальше, вероятно гадая о предмете такой оживленной беседы.

Собеседники подождали, когда его шаги затихнут и в коридоре будет слышно лишь монотонное бормотание из-за дверей.

– Кто еще знает эти имена? – повторил лорд Палмерстон.

– Инспектор Райан не называл их никому, кроме меня, – ответил комиссар Мэйн. – Прошу вас простить меня, премьер-министр, если моя просьба покажется дерзкой, но я обязан рассмотреть все версии. Не

поручал ли кто-либо из вас Харкурту провести некое неофициальное расследование?

– Я не обращался к нему с такой просьбой, – сказал лорд Палмерстон.

– Как и я, – добавил министр внутренних дел. – Но что вы имеете в виду под неофициальным расследованием?

– Еще раз прошу прощения, если вам покажется, что я превышаю свои полномочия, но, учитывая тесную связь мистера Харкурта с членами правительства и продолжающуюся войну…

– Войну? Вы полагаете, это имеет какое-то отношение к русским? – удивленно спросил лорд Палмерстон.

– Газеты еще не сообщили о случившемся, но слухи об убийстве мистера Харкурта уже распространились по городу. Мои констебли слышали опасения, будто бы русские хотят, чтобы мы боялись ездить на поездах. Скажите, премьер-министр, мог ли министр иностранных дел или кто-либо из военного ведомства дать мистеру Харкурту секретное задание выследить русского шпиона?

Лорд Палмерстон вернулся на свое место, стараясь сделать вид, будто бы его отсутствие было вызвано обычными физиологическими потребностями. Известный своим красноречием, он решительно ответил на упреки оппозиции, прилагая все силы, чтобы не показать, как встревожил его доклад комиссара Мэйна.

Премьер-министр покинул здание Парламента незадолго до половины второго ночи, выйдя в холодный бурый туман, смешанный с горьким дымом почти полумиллиона лондонских труб. Лорда Палмерстона сопровождали двое членов парламента и личный секретарь – широкоплечий мужчина, чьи канцелярские способности играли куда меньшую роль, чем боевой опыт, полученный в Крыму. События прошлого декабря и февраля заставили премьер-министра принять меры безопасности, и напряженная беседа с комиссаром Мэйном убедила его, что эти меры, еще недавно казавшиеся немыслимыми, в современном мире стали необходимостью для любого политика.

По окончании парламентских дебатов кебы пользовались повышенным спросом, и лорд Палмерстон заранее договаривался о том, чтобы один и тот же кебмен поджидал его в одном и том же месте. Но сегодня ночью он даже с сопровождающими с трудом находил в тумане дорогу от одного уличного фонаря к другому. Повернув за угол, он попытался продолжить разговор с двумя спутниками. К счастью, от него не требовалось ничего большего, чем просто кивать в знак согласия.

– Спокойной ночи, премьер-министр, – сказали члены парламента на прощание.

– И вам.

Лорд Палмерстон подошел к кебу, поджидавшему его возле фонарного столба.

– Как всегда, в Кембридж-Хаус, милорд?

– Да.

Дрожа от холода, он поднялся в кабину, сел и накрыл себя пледом. Личный секретарь устроился рядом, высматривая из окна кеба, не прячется ли кто-нибудь в тумане.

Стук железных подков по гранитной мостовой звучал громче, чем обычно. Экипаж тронулся, и лорд Палмерстон поглядел вперед, чувствуя, что словно бы растворяется в темноте. Он хорошо знал маршрут и мог, не поднимая головы, определить, когда кеб проезжал мимо темной громадины Букингемского дворца или поднимался по пологому склону Конститьюшен-хилл. Наконец экипаж повернул направо, к не различимой в ночи Гайд-Парк-Корнер и двинулся по Пикадилли.

– Можете остановиться прямо здесь, – сказал лорд Палмерстон кебмену.

– Но мы еще не доехали, милорд.

– Небольшая прогулка пойдет мне на пользу.

– Это может быть опасно, – возразил его спутник.

– Я так долго сидел неподвижно, что хочу немного размять ноги. Не нужно меня провожать.

– Премьер-министр, я настаиваю на том, чтобы пойти с вами.

Лорд Палмерстон удивленно взглянул на своего секретаря:

– Настаиваете?

Тот опустил глаза:

– Как вам угодно, милорд.

Лорд Палмерстон отбросил плед и вышел наружу. Свет уличного фонаря на углу помог ему даже в тумане отыскать уходящую на север от Пикадилли Парк-лейн.

Туда он и направился. Когда вдали затих грохот кеба, он сжал в руке набалдашник трости и прислушался, но ничьих других шагов, кроме его собственных, слышно не было. Колокол церкви в Мейфэре прозвонил дважды. Где-то залаяла собака, потом завизжала кошка, за ней еще одна.

Туман немного поредел, отчасти потому, что в этом районе Лондона, окруженном парками, было меньше домов (а значит, и печных труб), чем в других частях города. Здания располагались только по Парк-лейн. Слева

простирался Гайд-парк, и лорд Палмерстон, даже ничего не видя, ощущал его простор. Кембридж-Хаус был одним из самых дорогих особняков в Лондоне, но дома на Парк-лейн стоили еще дороже. Деревья и лужайки Гайд-парка создавали почти сельский пейзаж в центре величайшего города мира. Особняки с колоннами и причудливыми башенками напоминали замки и, что не менее важно, находились поодаль один от другого, а не стояли стена к стене, как в других частях города. С просторных балконов и галерей открывался прекрасный вид, в том числе на озеро Серпентайн в глубине Гайд-парка. Необычно широкие эркеры давали возможность наслаждаться живописными окрестностями не только перед фасадом здания, но и по бокам от него. Если человек проживал на Парк-лейн, это многое говорило о его происхождении и достатке.

Пройдя приблизительно четверть улицы, лорд Палмерстон остановился под газовым фонарем, огляделся и понял, что оказался на месте. Он открыл ворота и прошел по дорожке из белого гравия к величественному каменному крыльцу. Затем поднялся на портик, освещенный единственной тусклой лампой над двойными дверями, сверкающими голубым лаком даже в тумане.

Сквозь веерное окно над ними было видно, что в прихожей горит свет. Остальная часть дома была погружена в темноту.

Он помедлил немного, не решаясь тревожить обитателей особняка, но затем протянул руку к молоточку в форме львиной головы.

– Генри? – послышался у него за спиной женский голос, в котором сквозило удивление.

Он обернулся. Туманная завеса перед ним словно бы дрогнула, и из нее вышла женщина в плаще с капюшоном, негромко шурша гравием на дорожке.

Генри. Не так уж много людей позволяли себе вольность называть лорда Палмерстона по имени: жена, близкие родственники, несколько пэров, что обучались вместе с ним в школе Харроу или в Эдинбургском университете, два-три политика, которых он знал целую вечность… и эта женщина, поднявшаяся по ступенькам и протянувшая ему руку в перчатке в знак приветствия.

– Что-нибудь случилось, Генри? Что ты делаешь здесь в такое время? – спросила она.

Лампа над дверями осветила лицо женщины под капюшоном – ей было лет шестьдесят с небольшим. Она не утратила своей красоты, морщины лишь добавляли строгости изящным чертам ее лица. Осанка оставалась все такой же царственной. Длинные локоны выбивались из-под

капюшона цвета корицы, и хотя в них виднелись седые пряди, цвет волос почти не отличался от окраса плаща.

– Кэролайн… – Он не нашел в себе сил ответить на ее вопрос. – Откуда ты появилась? Я не слышал шума кареты.

– Я гуляла в парке.

Тембр голоса Кэролайн был таким же чарующим, как и ее красота.

– В парке? Надеюсь, ты шутишь.

– Я часто хожу туда, когда не могу уснуть.

– В таком тумане?

– По ровной тропинке идти нетрудно. Прогулки меня успокаивают.

– Но ведь это может быть опасно.

Лорд Палмерстон неожиданно вспомнил, что теми же самыми словами секретарь ответил на его желание прогуляться.

– Никто из состоятельных людей не пойдет в парк ночью, поэтому и у грабителей нет причин подстерегать их там. Но на всякий случай…

Она показала трость, еще более крепкую, чем его собственная.

Лорд Палмерстон невольно улыбнулся ее уверенности. Было время, когда он по своей любвеобильной натуре пытался добиться еще более близких отношений с этой женщиной. Но он давно уже не прежний лорд Купидон, как окрестили его когда-то газетчики.

– Ты улыбаешься, но взгляд твой остается мрачным. – Кэролайн достала ключ из-под плаща. – Мой муж уехал по делам в Манчестер. Но все равно будет лучше, если ты зайдешь.

За исключением их собственных шагов по мраморному полу и стука захлопнувшейся двери, в огромном доме было совершенно тихо. Газовая лампа на стене освещала просторный вестибюль с картинами и древнеримскими скульптурами, знакомыми лорду Палмерстону по предыдущим визитам.

А вот странный светильник в виде блюдца у подножия изогнутой полукругом лестницы, испускающий зеленое сияние, был для него в диковинку. Второе блюдце освещало верхнюю площадку.

– Я велела слугам по ночам выносить их на лестницу, чтобы кто-нибудь не споткнулся в темноте, – объяснила Кэролайн, заметив его недоумение.

– Это фосфор? – спросил он.

– Фосфорная смесь. Мой муж консультирует компанию, которая ее выпускает, как раз для предотвращения подобных несчастных случаев.

Они разговаривали вполголоса, чтобы не разбудить прислугу. На лорда

Палмерстона тут же нахлынули горьковато-сладкие воспоминания о былых полуночных визитах к своим возлюбленным.

Кэролайн подошла к изящному резному столику у стены, взяла спички, лежавшие рядом с восточной вазой, и зажгла фитиль серебряной лампы.

Разгоняя темноту, она направилась к двери под лестницей. Лорд Палмерстон прекрасно помнил, что за ней находится. Они вошли в библиотеку с высоким потолком, массивным столом из красного дерева, мягкими креслами и множеством книг с золотым тиснением на корешках.

Во избежание лишних сплетен Кэролайн оставила дверь открытой, хотя, если кто-то из домашних увидит их вместе, тем более в такой час, слухи все равно расползутся. Но она не побоялась принять его, и это был еще один признак уверенности в себе.

Кэролайн поставила лампу на стол, а рядом положила свою трость. Затем откинула капюшон, открыв взору золотисто-каштановые с проседью волосы.

– Ты не ответил на мой вопрос, Генри. Что-то случилось?

– Твои осведомители всегда узнают новости раньше меня. Но если тебе еще не сообщили…

– О чем?

– Ты слышала об убийстве в поезде в четверг вечером? – спросил лорд Палмерстон.

– Все акционеры железной дороги слышали. После этого случая цена на билеты упала на двадцать процентов.

– Да, цена упала, – мрачно повторил премьер-министр. – Тот человек, которого убили…

– Ты знаешь, кто он такой?

– Только что узнал. Это Дэниел Харкурт.

Услышав это имя, Кэролайн застыла на месте.

– Дэниел Харкурт? – пробормотала она, опустив взгляд к затейливому узору на персидском ковре. Затем вздохнула и подняла голову. – Вчера, после отъезда мужа, мне понадобилось переговорить с Дэниелом по неотложному делу. Но когда я приехала к условленному времени, его не оказалось на месте. Сначала я решила, что он, по своему обыкновению, просто не хочет вести дело с женщиной, но его секретарь заверил меня, что Дэниел в этот день вообще не появлялся в конторе и никто не знает почему. Я представить не могла, что это его… – Голос Кэролайн дрогнул. – У полиции есть какие-то версии?

– Нет.

– Дэниел жил в Лондоне. Что же заставило его сесть в тот поезд, да еще в столь поздний час?

– На этот вопрос полиция тоже не может ответить, – признал лорд Палмерстон. – Газетчики не должны были ничего пронюхать, но думаю, твои осведомители уже сообщили тебе, что убитый купил билет до Седвик-Хилла.

– Это меня крайне удивило, – сказала Кэролайн. – В конце концов я решила, что это случайное совпадение. Убитый мог быть обычным банковским клерком, который задержался на работе и поэтому возвращался домой в Седвик-Хилл поздно вечером. Но теперь, когда я знаю, кто оказался жертвой…

– У тебя нет предположений, с кем хотел увидеться Дэниел?

Она покачала головой:

– Муж моей дочери владеет поместьем неподалеку оттуда, но если бы Дэниел вел с ним какие-то дела, я бы наверняка знала об этом. Еще кое у кого из аристократов есть там владения. И конечно же, гидропатическая клиника.

– Меньше всего нам нужно, чтобы полиция заинтересовалась клиникой, – заметил премьер-министр. – Инспектор, ведущий расследование, считает, что Дэниел вез кому-то некие документы.

– Документы? – нахмурилась Кэролайн.

– Довольно важные, раз уж они стали причиной убийства. Один… как бы это сказать… консультант Скотленд-Ярда, мнению которого можно доверять, несмотря на приступы опиумного бреда, тоже уверен в этом.

– Приступы опиумного бреда? – переспросила Кэролайн.

– Да. Этот человек написал скандально известную «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум».

– Исповедь… – ошеломленно пробормотала Кэролайн. – Ты ведь не имеешь в виду Томаса Де Квинси?

– Значит, ты о нем слышала?

– Не просто слышала! О боже, мы дружили в детстве.

– Что?

– Когда Томас нищенствовал на Оксфорд-стрит, мой отец – который служил поверенным – заботился о нем. Я не видела его с тех пор…

– Ты зовешь его Томасом?

– Это просто поразительно! Я думала, он живет в Эдинбурге. Ты сказал, что он консультирует Скотленд-Ярд?

– Последние три месяца. Смилуйся надо мной, Господи, ибо королева и принц находят его забавным, поэтому он вместе с дочерью остановился у

меня.

– У Томаса есть дочь? – удивленно спросила Кэролайн. – И они живут прямо за углом?

– В газетах упоминалось его имя в связи с некоторыми событиями в прошлом декабре и феврале. О нем много говорили. Неужели ты ничего не слышала? Ах да, – внезапно вспомнил лорд Палмерстон. – Ты и не могла слышать, потому что в это время была в Италии.

– Столько лет… И Томас считает, что убийца хотел завладеть документами Дэниела?

– Как нам с тобой известно, в папках Дэниела действительно хранятся кое-какие тайны, – заметил лорд Палмерстон.

– Да, но только до завтрашнего дня, – напомнила Кэролайн.

Премьер-министр кивнул:

– Я прослежу, чтобы все прошло гладко.

Кэролайн смотрела с портика, как лорд Палмерстон спускается по каменным ступенькам и исчезает в темноте.

«Томас», – беззвучно прошептала она.

Когда прозвонили колокола в церкви Мейфэра, отмечая прошедшие полчаса, она зашла в дом и заперла дверь.

«Томас», – мысленно повторила Кэролайн с еще большим смятением.

Она вернулась в библиотеку, поставила на стол лампу и открыла дверцу застекленного шкафа, все полки которого были уставлены книгами с именем одного и того же автора на корешках: Томас Де Квинси. Здесь было и собрание сочинений, выпущенное американским издателем, и первые тома собрания, подготовленного шотландским издателем. Здесь были и отдельные книги, написанные Томасом за долгую жизнь, а также стопки журналов с его рассказами, эссе и критическими статьями – и так полка за полкой.

«Томас уже давно живет в Лондоне, буквально по соседству, в доме Генри, и я ничего не знала об этом?» – подумала Кэролайн.

Она благоговейно провела рукой по корешкам книг, но выбор для нее был очевиден. Взяв с полки «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум», Кэролайн поднесла томик к лампе.

Потрепанная книга сама собой открылась на странице, которую женщина перечитывала много раз.

Читая воспоминания Томаса о том, как он в семнадцатилетнем возрасте нищенствовал на улицах зимнего Лондона, она вспоминала его измученный голос, каким он был целую жизнь назад, и почти слышала, как

он описывает тот день, когда они встретились в ужасном доме на Греческой улице: *«Я претерпевал жесточайшие мучения голода, понять которые способен лишь тот, кто сам испытал подобное. Мой рацион состоял из нескольких кусочков хлеба, что оставлял мне один человек, да и то не всякий день. Мне редко доводилось спать под крышею. Когда холодная погода усилила мои мучения, тот же самый человек позволил мне оставаться на ночь в огромном и пустом доме. Называя его пустым, я имею в виду, что там не было никакой мебели. Однако я неожиданно нашел в нем еще одного обитателя – бедную, всеми брошенную девочку лет десяти. Я выяснил, что она уже давно живет здесь в совершенном одиночестве, и бедняжка несказанно обрадовалась, узнав, что отныне я буду делить с нею страшные ночные часы. Из-за полного отсутствия мебели пустынные лестницы наполнялись гулким эхом крысиной возни. И бедное дитя, терпевшее телесные муки недоедания и холода, вообразило, будто бы дом населен привидениями, отчего страдало еще сильнее. Мы спали на полу, а покрывалом служило нам нечто вроде конской попоны. Несчастная девочка прижималась ко мне, спасаясь от холода и призрачных врагов своих. Я обнимал бедняжку…»*

Кэролайн будто заново пережила разрывающую сердце сцену, которой закончилась та давняя зима. Наконец она вернула книгу на место и закрыла шкаф. Все еще оставаясь во власти воспоминаний, она взяла серебряную лампу и трость и вышла из библиотеки.

Светильник в виде блюдца по-прежнему озарял зеленым огнем подножие лестницы.

Кэролайн сказала лорду Палмерстону, что компания, которую консультирует ее муж, испытывает фосфорную смесь, помогающую предотвратить несчастные случаи в темноте. Это была правда. Но изобрели эту смесь вовсе не те, кто ее производил, и поначалу она служила для другой цели. Сам рецепт – мука, сахар, свиной жир, бренди и грязно-белый комок какого-то вещества, хранящийся в банке с водой, – Кэролайн подарил Томас в день их последней встречи.

– Я сделаю из этого бисквиты, – обрадовалась девочка, и в животе у нее заурчало.

– Нет, это нельзя есть, – остановил ее Томас.

– Но я очень голодная!

– Кэролайн, выбирай, чего ты больше хочешь – успокоить на время свой желудок или избавиться от крыс?

– Терпеть не могу крыс.

– Тогда я покажу тебе, что нужно сделать.

В затянутой паутиной кухне заброшенного дома на Греческой улице Томас вытащил из рваных карманов кусочки угля и положил их в пустой камин.

– Где ты нашел уголь? – удивленно спросила она.

– Мне повезло.

– Расскажи, расскажи!

– Как-нибудь потом, – ответил он непривычно холодным тоном.

Томас развел огонь и налил в старую миску немного бренди. Когда жидкость нагрелась, он добавил в нее свиной жир, сахар и муку.

– Теперь смотри и слушай внимательно, Кэролайн. Это самая важная часть.

Обломанной веткой он отделил кусочек от грязно-белого комка, по-прежнему лежавшего в банке с водой, и бросил в кипящую смесь.

– Что это такое? – растерянно спросила Кэролайн.

– Фосфор.

Ей было всего десять лет, и такой ответ только сильнее запутал ее.

– А что такое фосфор?

– Это особое вещество, которое нужно все время хранить в воде, – объяснил Томас со всей мудростью своих семнадцати лет. – Как только оно высохнет, то сразу вспыхнет. Вот так.

Он подул на ветку с оставшимися на ней следами белого вещества, и дерево тут же загорелось.

Кэролайн ахнула.

– Продолжай перемешивать, пока все части не растворятся в воде. Видишь, какая густая смесь получилась? В таком виде фосфор безопасен. Хорошо, теперь идем со мной. Мы обмажем этой смесью все крысиные ходы, какие только найдем. Зеленый свет и запах сахара и бренди привлечет крыс, они съедят приманку, а потом фосфор выжжет им желудки. А ты с этими огоньками не будешь чувствовать себя одинокой.

– Одинокой? Конечно не буду. Ведь со мной будешь ты.

Печальный взгляд Томаса испугал ее не на шутку.

– Что с тобой? Случилось что-то плохое? – умоляющим голосом спросила она.

Даже теперь, полвека спустя, Кэролайн ощущала жгучую горечь своих слез, когда Томас сказал, что должен уехать.

Сжимая в руке трость, которую она использовала только в качестве самозащиты, Кэролайн подняла лампу и двинулась вверх по лестнице ко второму сияющему зеленым огнем блюдцу. Еще выше темноту рассеивал третий такой же светильник. Стиснув трость покрепче, она поднялась к

четвертому блюдцу.

Шкряб-шкряб.

Кэролайн застыла в напряжении. В отличие от того отвратительного дома на Греческой улице, здесь лестницы и коридоры были покрыты роскошными коврами. Крысиные когти могли скрести только по мраморному полу в вестибюле, но звук доносился с другой стороны.

«Нет, он существует лишь в моем воображении», – решила Кэролайн.

Она продолжила подъем. На верхнем этаже она осветила лампой коридор и вошла в первую дверь слева.

Окна ее спальни выходили на Гайд-парк. Служанка уже раздвинула балдахин, сняла с постели покрывало и раздула угли в камине.

Закрыв за собой дверь, Кэролайн поставила лампу на комод, положила трость и сняла верхнее платье. Под ним не оказалось корсета. У нее была такая тонкая талия, что эта деталь гардероба ей попросту не требовалась. К тому же она не любила стеснять свои движения и вместо жесткого обруча под платьем, вошедшего в моду четыре года назад, после выставки в Хрустальном дворце, носила свободную юбку. Раздевшись до нижнего белья, она потянулась к ночной рубашке, лежавшей на кровати.

И застыла, снова услышав знакомое «шкряб-шкряб».

«Это всего лишь шуршит моя ночная рубашка» – попыталась уверить себя Кэролайн.

Томас писал, что человеческий ум лишен способности забывать, что он походит на страницу, на которой постоянно что-то записывают, потом стирают и записывают снова. Но старые записи никогда не исчезают полностью. Они сохраняются под новыми.

«Да, самый нижний слой остается навсегда», – подумала Кэролайн.

Она достала из шкафа светящееся блюдце, поставила на пол возле комода и лишь после этого погасила лампу и забралась в кровать, плотно задернув балдахин. Как бы ни хотелось ей видеть зеленый огонек, для этого потребовалось бы оставить щель в занавесе, через которую кто-нибудь мог пробраться, пока она спит.

Маленькой девочкой Кэролайн принимала скребущихся по углам крыс за привидения. Теперь она достигла высокого положения в обществе и спала на мягких подушках из перьев, на шелковых простынях и под атласным одеялом, но все же время от времени просыпалась со сдавленным криком, в полной уверенности, что к ней явились призраки, чтобы съесть ее. А за свою долгую жизнь Кэролайн, несомненно, притянула к себе множество призраков, в особенности один из них.

Глава 5
Дом на Греческой улице

Продолжение дневника Эмили Де Квинси

Я проснулась от стука в дверь, но не в мою, а отцовскую. Сквозь занавески в комнату проникал солнечный свет.

– Мистер Де Квинси, к вам посетитель.

Голос принадлежал одному из лакеев лорда Палмерстона.

– Посетитель?

Незамедлительный ответ отца подсказывал, что он уже какое-то время бодрствовал. Я надеялась, что он писал, но опасалась, что на самом деле он ходил по комнате, стараясь отвлечь свой разум от потребности в опиуме.

– Женщина, мистер Де Квинси.

– Женщина? Кто, скажите на милость…

– На ее визитной карточке значится миссис Эдвард Ричмонд.

– Я не знаю никого с таким именем, – приглушенно ответил отец.

– Она утверждает, что вы с ней дружили в детстве.

– Я все еще не…

– Имя Кэролайн Брунелл что-нибудь говорит вам, мистер Де Квинси? Она написала его на оборотной стороне карточки.

– Кэролайн… Боже мой!

Дверь в комнату отца с шумом распахнулась.

На протяжении этого обмена репликами я поспешно одевалась, радуясь, что не нужно возиться с корсетом или обручем. Мне удалось нагнать отца и лакея почти в самом низу парадной лестницы.

– Отец, кто такая Кэролайн Брунелл? – спросила я.

Он, казалось, меня не услышал и бросился навстречу уличному холоду, едва лакей открыл входную дверь. Многие недели прошли с тех пор, как я видела его таким возбужденным.

Выйдя на подъездную дорожку, я сосредоточила все внимание не на грохоте движения по Пикадилли, а на женщине, которая стояла за решеткой ворот.

На ней был плащ, но его капюшон лишь частично прикрывал ее волосы

– самого ослепительного золотисто-каштанового оттенка из всех, что мне доводилось видеть. Они свободно струились, обрамляя ее лицо, подчеркивая изящество скул и необычайную яркость глаз. Если бы не легкая седина, я не поверила бы в то, о чем вскоре узнала: даме было около шестидесяти. Она благоразумно не носила платье с кринолином, отдавая предпочтение свободной, расходящейся колоколом юбке. Это делало ее наряд самым компактным из всех, какие мне приходилось встречать, за исключением моего собственного.

– Томас? – спросила дама.

Я редко видела отца настолько ошеломленным, как в ту минуту.

– Это ты, Томас? – продолжала женщина. – После стольких лет мне ни за что не узнать тебя. Боюсь, что и тебе я тоже кажусь незнакомкой.

– Кэролайн?

Отец, казалось, сомневался в том, что видел собственными глазами.

– Помнишь, как ты учил меня читать? – спросила она. – Помнишь, как заставлял меня декламировать стихи Чаттертона, чтобы отвлечься от мыслей о крысах?

Отец сделал то, что в последнее время стало для него непривычным. Он рассмеялся.

Затем протянул руки между прутьями ограды и сжал ее пальцы, затянутые в перчатки.

– «Вздымался бурей океан, и шквал густые тучи в клочья разрывал, – процитировала она. – Когда Нику, священных од герой, багряный меч подняв над головой…»

Отец снова рассмеялся и закончил стих:

– «Вел черных воинов, яростных в борьбе, навстречу славе и своей судьбе»[4].

– Чаттертон. Чудный Чаттертон, – воскликнула Кэролайн. – Ночь за ночью ты читал мне его, пока я не выучила эти стихи наизусть. И в моем воображении багряный меч Нику разгонял крыс. «Навстречу славе и своей судьбе», – повторила Кэролайн. – Я прочитала все твои книги и эссе, Томас. Ты достиг своей цели. Стал известным.

Отец опустил голову:

– Многие сказали бы «печально известным».

Кэролайн наконец обратила внимание на меня, стоявшую позади отца. Она не бросила ни единого косого взгляда на мои блумерсы, как делали многие другие люди при первой встрече. Напротив, она смотрела исключительно на мое лицо.

– Томас, ты позабыл о манерах.

– Ох! – Отец вдруг понял, что я была рядом. – Эмили, это моя стародавняя приятельница, мисс Кэролайн Брунелл, хотя, как я понимаю, ты теперь миссис Эдвард Ричмонд. Не так ли, Кэролайн?

Она улыбнулась и кивнула.

Отец продолжил:

– А это моя дочь Эмили.

– Твоя дочь? – с удивлением спросила Кэролайн. – У меня тоже есть дочь. – Она еще пристальнее вгляделась в мое лицо. – Томас, у нее твои голубые глаза!

Она протянула мне между прутьями ладонь для рукопожатия.

– Я искренне рада, Эмили.

– И я тоже. Мне редко удается встретиться с кем-то из друзей отца, ничего о них заранее не зная.

– Но, Эмили, ты знаешь Кэролайн, – поправил меня отец. – Ты читала о ней.

– Разве?

– Я не называл ее имени, но в моих сочинениях Кэролайн была десятилетней девочкой, с которой мы делили заброшенный дом на Греческой улице, когда я нищенствовал в Лондоне.

– Конечно! – воскликнула я. – Там еще говорилось о крысах, и это место врезалось мне в память. Вы с отцом спали под одной попоной.

– Если бы я не была тогда столь мала, это вогнало бы меня в краску, – ответила Кэролайн. – Но, как и сказал Томас, мне было всего десять, и сон рядом с ним казался вполне пристойным.

Она указала на решетку.

– Томас, мы не можем пообщаться без этого барьера между нами?

– Барьера? – Отец был в таком восторге, что лишь теперь, кажется, заметил преграду. Мы стояли у тех ворот, через которые экипажи отъезжали от дома лорда Палмерстона. Он повернулся к привратнику. – Будьте так любезны…

Когда створки ворот открылись и мы вышли наружу, отец снова всплеснул руками, радостно глядя на гостью:

– Похоже, ты выросла, а я остался все того же размера. Что же ты делала все эти годы, Кэролайн? Откуда, во имя Создателя, ты узнала, где меня найти?

– Для меня было полной неожиданностью узнать, что ты живешь в двух шагах от моего дома, – ответила Кэролайн.

– В двух шагах? Не понимаю.

Она указала налево, в сторону Гайд-парка:

– Я живу на Парк-лейн.

Мы с отцом чуть было не раскрыли рты от изумления.

– Да, Томас, я преуспела в жизни. Больше никакого сна под попоной, никакой крысиной возни в заброшенном доме.

– Ты удачно вышла замуж? – спросил отец.

– Очень удачно. А о том, где вы остановились, мне сказал один из знакомых. Хозяин этого дома.

– Лорд Палмерстон?

– Я ведь уже говорила, что преуспела в жизни.

Неожиданно наше внимание привлекли крики с улицы. Мальчишка, продававший газеты, размахивал свежим номером и орал во всю глотку:

– Первое убийство в поезде!

Люди толпились вокруг него, раскупая экземпляры так быстро, что он едва успевал собирать за них деньги.

– Зверское убийство уважаемого адвоката! Преступник скрылся!

Кэролайн мрачно слушала крики разносчика газет.

Словно представив себе страшную сцену убийства, она обернулась к нам и произнесла:

– Я читала, что вы ехали в соседнем купе. Слава богу, никто из вас не пострадал. Томас, ты не хочешь развеяться? – Она схватилась за края раздувшегося от ветра плаща. – Я бы не прочь посидеть где-нибудь в более теплом месте. Мы встретились спустя полвека, так давай отпразднуем это.

К моей радости, Кэролайн отвела нас в тот же новый ресторанчик в Сохо, где мы с Шоном и Джозефом надеялись приятно провести время два дня назад.

– Все говорят, что еда здесь замечательная. А посмотрите на эти цветные стеклышки в лампах! – Кэролайн восхищалась всем, словно ребенок.

Никто, казалось, не заметил моей немодной одежды или небольшого роста отца. Посетители были слишком заняты, обсуждая убийство в поезде.

– Мало того что приходится беспокоиться из-за столкновений и крушений, – жаловался какой-то мужчина, – так теперь еще и попутчиков придется бояться.

– Мне говорили, что поезда сегодня утром шли почти пустые, – сокрушался его приятель. – Хорошо, что биржа не работает по выходным, иначе цена на мои железнодорожные акции упала бы еще

ниже.

Как и крики газетчика, этот разговор чем-то встревожил Кэролайн. Когда она опять обратила внимание на нас, ей понадобилось время, чтобы вернуться в благодушное настроение.

– Чай для всех, – велела она официанту. – Тебе что-нибудь посолиднее, Томас?

– Что-нибудь сладкое.

– Принесите нам десерты, – попросила Кэролайн. – А вам, Эмили?

– Что ж, это место славится стейками. – Я старалась говорить непринужденно. – И я не могу уйти, не отведав отбивную, не так ли?

Вынужденное гостеприимство лорда Палмерстона могло закончиться со дня на день. Поэтому я научилась есть про запас, когда выпадала такая возможность, особенно если угощение было бесплатным.

– Да, отбивную, зелень, отварной картофель и капусту, – сказала я небрежно. – Да, и почему бы вам не принести немного сыра и хлеба с маслом?

– Действительно, – ответил официант, выражение его лица не оставило никаких сомнений в том, что он услышал, как урчит мой живот.

Брови отца блестели от пота. Он сжимал руки, чтобы унять дрожь.

– Томас, если чувствуешь, что тебе нужно выпить лауданума, пожалуйста, не стесняйся меня, – сказала Кэролайн. – Ты выглядишь, словно заболел тифом. Но я подозреваю, что это болезнь иного сорта.

– Ты не будешь возражать? – спросил отец.

– Я не в первый раз вижу, как кто-то пьет лауданум, – ответила Кэролайн.

Официант принес чай, хлеб и печенье. Пока я наливала отцу чай, он незаметно вынул из кармана сюртука бутылочку и добавил немного рубиновой жидкости в дымящуюся чашку.

Его правая рука дрожала, когда он подносил напиток к губам. Он подул на горячий чай и сделал глубокий глоток. Подождал и снова выпил. Тонкая пленка пота на лбу, казалось, втянулась обратно под кожу.

– Томас, прости мне мое любопытство, но сколько настойки ты выпиваешь в день? – спросила Кэролайн.

– Слишком много.

– Подражаешь Чаттертону?

Отец не ответил.

Кэролайн посмотрела на меня:

– Как вы наверняка знаете из «Исповеди» вашего отца, в юности он посещал школу, директор которой издевался над ним. Томас умолял свою

мать отправить его в иное учебное заведение, но она отказывалась верить этим жалобам. В конце концов он сбежал в Лондон.

Я кивнула.

– Но в книге не написано, что одной из причин, почему ваш отец выбрал Лондон, было его увлечение поэзией Томаса Чаттертона, который тоже приехал в Лондон в семнадцать лет. То, что у них с поэтом одно и то же имя, лишь подстегнуло интерес вашего отца. На самом деле он хотел стать таким же известным, как юный гений.

Я с тревогой вспомнила о печальной судьбе поэта. Выросший в бедности со своей матерью и сестрой, Чаттертон восхищался историями о средневековых рыцарях. Блуждая в окрестностях церкви, он обнаружил старые пергаменты пятнадцатого века и воображал те древние времена, пока сочинял свои собственные стихи. Приписав стихи Томасу Роули, чье имя он видел в одном из свитков, Чаттертон убедил богатых покровителей, что этим творениям сотни лет. Как только ему исполнилось семнадцать, он отправился в Лондон, чтобы снискать славу и богатство. Всего лишь четыре месяца спустя, раздавленный городом, он отравился. Почти все великие поэты последующих поколений – Вордсворт, Кольридж, Китс и Шелли – идеализировали его как непризнанного гения, который страдал и умер за свое искусство.

– Томас, ты помнишь, что за яд использовал Чаттертон? – спросила Кэролайн.

– Мышьяк.

Упоминание о яде заставило меня замешкаться, прежде чем откусить кусок хлеба с маслом.

– А помнишь ли ты, что за жидкость он выпил, перед тем как принял мышьяк? – настаивала Кэролайн.

Отец не ответил.

– Это был лауданум, – сказала она. – Полвека назад, следуя тропой Чаттертона, ты почти поддался жестокости Лондона. Но ты вырвался. И сможешь вырваться снова.

– Если бы, – вздохнул отец.

– Съешь печенье, Томас.

Отец последовал ее совету. Он до того наслаждался компанией Кэролайн, что его мрачное настроение из-за лауданума длилось лишь мгновение.

Я поняла, что в лице Кэролайн у меня появился союзник.

– Томас, а не хотел бы ты отправиться на Греческую улицу?

– На Греческую улицу? – удивленно переспросил отец.

– Я не видела этот проклятый дом с тех пор, как была ребенком, но воспоминания о нем никогда не прекращали преследовать меня, – призналась Кэролайн. – Возможно, вернувшись туда, мне удастся избавиться от них. Кажется, ты сомневаешься. Так ты искренне веришь в то, о чем я читала в одной из твоих книг? Веришь, что ум лишен способности забывать?

– «Наши воспоминания подобны звездам, которые скрываются перед обычным светом дня и ждут, чтоб проявиться вновь, покуда затмевающий их день не сокроется сам»[5]*. – Отец посмотрел на бутылочку с лауданумом, которую сжимал между коленей. – Дом тебе все равно не поможет.*

– Что ты хочешь этим сказать?

– От этого места ничего не осталось. Его уничтожило взрывом.

– Отведи меня туда, – попросила Кэролайн.

Греческая улица находилась в Сохо, достаточно близко к ресторану, в котором мы обедали, так что, несмотря на холодный ветер, мы не стали нанимать кеб. Узнав от Кэролайн, что в декабре она была в Италии, отец рассказал о произошедших тогда убийствах и об одержимости убийцы тем домом, что описан в «Исповеди».

Мы заметили его еще издали. От того, что прежде было домом под номером тридцать восемь, осталась лишь зияющая пустота в череде зданий. За прошедшие три месяца кирпичи и прочий мусор убрали, открыв взгляду небо и задний дворик, но подпалины на стенах соседних домов свидетельствовали о силе взрыва и последовавшем за ним пожаре. Деревянный барьер не давал прохожим упасть в подвал.

– Если бы хозяева других домов вовремя не оплатили ежемесячные взносы пожарной команде, вся улица могла бы быть уничтожена, – сказал отец. – Эмили, когда я впервые приехал сюда, мне пришлось несколько раз постучаться, прежде чем нервного вида мужчина наконец выглянул из-за занавески. И он не позволял мне войти, пока не осмотрелся по сторонам. Мне говорили, что этот человек мог бы сжалиться надо мной и пустить переночевать. Так и обернулось. Его фамилия была Брунелл. Кэролайн, ты написала ее же на карточке, что прислала мне. Я всегда считал, что он был твоим отцом.

– Если и так, то он никогда этого не признавал. Однажды я назвала его отцом, и он очень разозлился.

Кэролайн коснулась рукой, затянутой в перчатку, своей правой щеки, словно почувствовав удар по лицу.

– Брунелл был адвокатом, который работал на ростовщиков, – объяснил мне отец. – Иногда он пользовался псевдонимом Браун. В доме он появлялся лишь раз в несколько дней, чтобы разобраться с бумагами в задней комнатке. Он кого-то боялся, и складывалось впечатление, что он никогда не ночевал в одном и том же месте две ночи подряд.

Кэролайн указала дальше, в сторону облетевших деревьев, на Сохо-сквер:

– Мы с Томасом часто просили милостыню в парке.

– И вдоль Оксфорд-стрит, вместе с Энн. Ты помнишь Энн? – спросил отец.

– Как я могла ее забыть? Мы были словно семья. Ни один из нас не выжил бы без остальных.

– Как давно это было! – Голос отца сорвался. – Энн.

В самом ярком отрывке своей «Исповеди» отец описывал Энн, пятнадцатилетнюю девушку с улицы, которая была его первой любовью. Они вдвоем ходили рука об руку среди равнодушной толпы, иногда останавливались послушать шарманщика, воображая себе лучшую жизнь. Однажды, когда отец потерял сознание от голода на ступеньках дома в Сохо-сквер, Энн спасла его, помчавшись на Оксфорд-стрит и на свои жалкие гроши купив горячий глинтвейн – единственное, что мог принять желудок отца. Если бы обстоятельства сложились иначе, отец женился бы на Энн до того, как встретил мою мать.

– Кэролайн, что тогда с тобой случилось? – спросил отец с неожиданной горячностью. – Я рассказал тебе, что друг моей матери узнал меня в уличном попрошайке. Ему было известно о наших с ней спорах и что я скорее сбежал бы, чем позволил учителю и дальше меня мучить. Он дал мне денег, чтобы доехать до Итона, где жил еще один друг семьи, у которого было огромное влияние на мать. Я надеялся, что он убедит ее отпустить меня в другую школу.

– Я ничего не забыла, – сказала Кэролайн, из-за сильного ветра кутаясь в плащ.

– Я привез тебе ингредиенты для фосфорного крысиного яда в надежде, что при свете тебе будет не так одиноко в темном доме, и обещал увидеться с тобой через пять дней, – продолжил отец в огромном волнении. – Но когда я вернулся в этот дом, тебя и след простыл. Стоял ужасный запах. И это место выглядело еще более заброшенным, чем раньше. Даже бумаги Брунелла пропали из задней комнаты.

– Это воняли мертвые крысы, – объяснила Кэролайн. – Но мы ушли по другой причине. Что-то испугало Брунелла еще сильнее. Что-то,

связанное с человеком, которого он всегда старался избегать. Он заставил меня отправиться с ним в Бристоль. Я умоляла, чтобы он позволил мне остаться и подождать тебя, но Брунелл был слишком напуган и ни в какую не соглашался. Мне удалось лишь взять с него обещание, что он напишет записку о том, куда мы отправились, чтобы ты мог последовать за мной. Но ты так никогда и не пришел.

– Записка? – Отец сокрушенно покачал головой. – Где он ее оставил?

– На полу, где мы обычно спали.

– Я ее там не видел.

– Может быть, Брунелл так и не оставил записки. – Голос Кэролайн прозвучал так, будто ее предали. – Будь он проклят.

Ветер завывал в проломе между домами. Низкие серые тучи проносились над нами. Из-за плохой погоды на улице почти никого не было.

– Отец, ты простудишься. Пожалуйста, вернемся в дом лорда Палмерстона, – попросила я.

Но он продолжал разговор с Кэролайн:

– Ты знаешь, что случилось с Энн?

– Что случилось с Энн? После того как ты уехал, она пару ночей составляла мне компанию. Затем Брунелл меня увез. Повзрослев, я предположила, что вы с Энн по-прежнему вместе попрошайничаете на улицах Лондона. Как я жалела, что не могу быть с вами. Но потом, спустя годы, я прочитала в твоей «Исповеди» о ее исчезновении.

Отец отпил из своей бутылочки. Он уставился в пустоту на том месте, где раньше стоял дом. Его бил озноб, но я сомневалась, что это из-за ветра.

– Той ночью, когда почтовая карета должна была увезти меня в Итон, я сказал Энн, как и тебе, что вернусь через пять дней. Обещал встретиться с ней на Грейт-Титчфилд-стрит в шесть часов вечера, но, когда приехал, ее там не было. Я ждал ее несколько вечеров подряд. Она по-прежнему не появлялась. У нее был кашель. Я боялся, что за время моей отлучки ее состояние могло ухудшиться. Но когда я пришел на улицу, где она жила, никто не знал, что с ней стало. Снова и снова я возвращался на Грейт-Титчфилд-стрит и в этот дом, разыскивая тебя, надеясь, что ты что-нибудь знаешь о ней. Долгие годы, когда мне выпадала возможность побывать в Лондоне, я продолжал поиски, но тревожился, что в лабиринте улиц мы с Энн могли просто не заметить друг друга. Кэролайн, ты когда-нибудь думала, что в жизни есть один особенный момент, который меняет все, – что если бы что-то не случилось или случилось бы иначе, то все могло бы сложиться по-другому? Есть ли что-то, что ты

хотела бы изменить в своей жизни?

– Нет, – ответила она. – Если бы моя жизнь сложилась иначе, я бы не наслаждалась тем положением, которого сейчас достигла. Вместо этого я могла бы оказаться на самом дне или в могиле.

Отец уставился на свою бутылочку с лауданумом.

– Если бы я не уехал в Итон, пытаясь вернуть благосклонность своей матери, если бы я принял удел нищего и остался в Лондоне с тобой и Энн, возможно, моя жизнь была бы счастливее.

– Томас, как ты думаешь, что чувствует твоя дочь, слыша подобные признания?

Отец смущенно поглядел на меня.

– Если бы ты не учился в Итоне, если бы остался со мной и Энн, то не встретил бы женщину, которая стала твоей женой, – сказала ему Кэролайн. – Я читала о ней в твоих сочинениях. Кажется, ты любил ее.

– Вордсворт оскорбил меня, назвав мою избранницу «дояркой». Но в Маргарет было больше достоинства и благородства, чем в нем самом. Мы с ней прожили двадцать лет – так недолго! – пока она не умерла. Я тоскую по ней каждый день. – Голос отца сделался тише. – Да, я ее любил.

– Но если бы ты остался со мной и Энн, то никогда бы не встретил Маргарет и Эмили никогда бы не родилась.

Глаза отца вспыхнули, когда он повернулся ко мне.

– Эмили, ты – единственное в моей жизни, чего мне не хотелось бы изменить. Прости, если мои слова причинили тебе боль. Я люблю тебя так сильно, как только способен отец любить свою дочь. От всего сердца обещаю, что постараюсь стать лучше.

– Томас, возможно, я смогу помочь тебе в этом, – сказала Кэролайн.

– Да? – Его голос звучал озадаченно. – Каким образом?

– Завтра я собираюсь поехать к своей дочери. Ее муж так тяжко болен, что они не могут выезжать в Лондон. Я бываю в их загородном доме каждое воскресенье. Не составите ли вы мне компанию? Ваше общество станет приятной переменой для моей дочери. Мы могли бы провести там ночь, а на следующее утро я бы хотела, чтобы ты встретился с врачом, который заведует клиникой неподалеку.

– С врачом? – переспросил отец.

– Его зовут доктор Уэйнрайт. У него своя гидропатическая клиника. Он говорил мне, что вода – весьма эффективное средство от многих болезней. Не только от подагры и ревматизма, но и от меланхолии и пристрастия к алкоголю.

– А возможно, и от пристрастия к опиуму? – предположил отец.

– Безусловно.

Он обдумал предложение Кэролайн и покачал головой:

– Как бы я ни был рад познакомиться с твоей дочерью, мне важно оставаться в Лондоне. Я должен помочь в расследовании, это отвлекает меня от мыслей о лауданум.

– Тогда почему же ты так сильно нуждался в лауданум, пока мы были в ресторане? – спросила Кэролайн.

Отец уклонился от прямого ответа:

– Уверен, что моя потребность в настойке уменьшится, едва следствие наберет ход. На самом деле я буду чувствовать себя неловко, находясь вдали от детективов Скотленд-Ярда в такой критический момент охоты за убийцей.

– Отец, один день ничего не изменит, – сказала я.

– Или же, напротив, он может изменить все, – ответил он.

– Томас, поможет ли тебе, если я скажу, что моя дочь живет рядом с Седвик-Хиллом? – поинтересовалась Кэролайн.

– Седвик-Хилл? – повторил отец.

Я почувствовала, как он весь обратился в слух при упоминании городка, в который направлялся убитый.

– Кэролайн, эта клиника тоже расположена возле Седвик-Хилла? – спросила я.

– Так и есть.

– В таком случае отец удовлетворит все свои желания, а мы – свои. – И, не давая ему возможности возразить, я добавила: – Он принимает ваше приглашение.

Райан стремительно взбежал по гулкой лестнице, ведущей к кабинету Дэниела Харкурта, и обрадовался, увидев, что два констебля делового района дежурят возле двери.

Однако радость была недолгой, быстро сменившись неприятными подозрениями, когда из кабинета вышел хорошо одетый мужчина, несущий папку, очень тяжелую на вид. Из приоткрывшейся на мгновение двери донеслись голоса, в том числе и знакомые инспектору. Тем временем мужчина начал спускаться по лестнице.

Райан предъявил свой жетон констеблям.

– Ваши полномочия здесь недействительны, – отметил один из них.

– У меня назначена встреча с вашим капитаном.

– Приказано никого к ним не пускать.

– К ним?

Заслышав шаги по лестнице, Райан оглянулся и увидел еще одного богато одетого мужчину. Он тоже нес папку для бумаг. Подошедший показал свою визитку констеблям.

– Проходите, сэр, – отозвался один из них.

– Мне показалось, вы сказали, что не должны никого туда пропускать, – заметил Райан.

– Его ждут.

– Меня тоже.

– Вас нет в списке. – Констебль показал Райану лист бумаги с множеством имен. – Вам лучше пока отойти в сторону, а потом, когда они закончат свои дела, вы сможете заняться своими.

Дверь снова открылась. На этот раз из нее вышел секретарь Харкурта. Он поджал губы и с удивлением посмотрел на Райана через очки на тонком носу, но не успел произнести ни слова, как инспектор юркнул за дверь.

– Эй! – крикнул вдогонку констебль.

Находившиеся в кабинете люди встревоженно оглянулись. Райан ожидал увидеть капитана полиции этого района, но уж никак не комиссара Мэйна, имевшего здесь не больше полномочий, чем сам инспектор. И уж тем более неожиданным было присутствие строгого джентльмена, в котором Райан узнал министра внутренних дел, сэра Джорджа Грея, которому подчинялись оба полицейских подразделения Лондона, как и все силы правопорядка в Британии.

Новый посетитель доставал документы из комода. Он бросил на Райана недовольный взгляд через плечо.

– Что это означает? – потребовал ответа министр внутренних дел.

– Сэр Джордж, это один из моих полицейских инспекторов, – объяснил комиссар.

– Но что он здесь делает? Он не имеет права врываться сюда и…

Райан показал на комод:

– Почему этот человек уносит улики?

– Улики? – переспросил министр внутренних дел.

– Убийце Дэниела Харкурта нужен был какой-то из этих документов, – сказал Райан.

– И он, несомненно, забрал то, что ему было нужно, когда заходил сюда позавчера вечером, – возразил министр.

– Мы не можем знать наверняка, сэр. В этих папках может храниться информация, которая поможет нам найти…

– В них хранятся личные документы, – перебил Райана министр, – которые клиенты мистера Харкурта пожелали забрать назад, опасаясь, что

и эти бумаги тоже украдут и конфиденциальная информация будет предана огласке. Вы нашли все, что хотели? – спросил он у мужчины, стоявшего возле комода.

– Да, сэр. Благодарю вас.

В кабинет вошел еще один человек с папкой для документов.

– Ящики уже наполовину опустели, – заметил Райан. – Сколько еще клиентов собираются забрать…

– Как ваше имя? – спросил министр внутренних дел.

– Райан, сэр. Инспектор полиции Шон Райан.

– Возможно, вы больше не будете инспектором. Ваше имя мне знакомо, Райан. Не у вас ли золотые часы мистера Харкурта?

– Они были найдены на месте убийства, – напомнил Райан.

– И их необходимо вернуть законному владельцу, – настаивал на своем министр.

– Вернуть? Но ведь это ценная улика, сэр.

– Да, это действительно ценная вещь. Где они сейчас?

– В управлении, в Скотленд-Ярде, – солгал инспектор, чувствуя, как часы оттягивают его карман.

– Подождите меня за дверью, Райан, – распорядился комиссар Мэйн.

– Но документы в комоде…

– За дверью, – повторил комиссар с нажимом.

Райану потребовалось мгновение, чтобы справиться с эмоциями, затем он глубоко вдохнул и вытянул руки по швам.

– Да, сэр, – сказал инспектор и направился к двери.

– Какое вопиющее нарушение субординации, – услышал он возмущенный голос министра за спиной. – Я удивлен, комиссар, что вы еще не уволили его.

– Это не так просто сделать, сэр. Ее величество и его королевское высочество благоволят этому человеку. Именно инспектор Райан тринадцать лет назад спас жизнь королеве, когда Джон Френсис стрелял в нее.

Министр внутренних дел что-то проворчал в ответ, а затем дверь закрылась, окончательно приглушив голоса.

Пока Райан ждал комиссара, секретарь Харкурта что-то писал, сидя за столом и стараясь не смотреть на инспектора. Два человека вышли из кабинета с туго набитыми папками. Им на смену, один за другим, пришли еще двое. Наконец появился комиссар Мэйн, недовольно посмотрел на Райана и, уже спускаясь по лестнице, махнул рукой, приказывая следовать за ним.

Выйдя на шумную улицу, комиссар сердито сверкнул глазами.

– Прошу прощения, сэр, – начал Райан, – но как мы будем проводить расследование, если возможные улики…

– Не здесь, – резко бросил комиссар.

Мэйн, провожаемый руганью кебменов, нетерпеливо двинулся сквозь толчею уличных тележек и экипажей к таверне на противоположной стороне улицы. Таверна называлась «Счастливая крона», и на вывеске красовалась сверкающая монета.

В наполненном табачным дымом помещении стоял почти такой же шум, как и на улице. Пробираясь мимо столов с посетителями, Райан заметил, как четверо мужчин выходят из отдельной кабинки, и поспешил занять освободившееся место. Мэйн сел напротив, и кое-кто из состоятельных посетителей явно удивился, увидев джентльмена в компании с бедно одетым человеком, который, судя по рыжим волосам, выглядывающим из-под кепи, был ирландцем. Решив наконец, что Мэйн просто встретился здесь с начальником строительной бригады, чтобы дать ему необходимые распоряжения, посетители вернулись к обсуждению своих важных финансовых вопросов.

– Сэр, я просто беспокоился за наше расследование, и…

К удивлению Райана, Мэйн наклонился к нему и негромко проговорил:

– Сегодня утром меня вызвал к себе министр внутренних дел. Когда я зашел в кабинет Харкурта, то сразу понял, что от меня требуется объяснить сотрудникам столичной полиции – и в первую очередь вам: все эти документы нас не касаются.

– Даже если они помогут найти убийцу? – еще тише и раздраженнее, чем сам комиссар, спросил Райан. – Если люди решат, что в поездах их могут поджидать грабители, сумасшедшие и русские шпионы, начнется паника. Надеюсь, министр внутренних дел не желает, чтобы мы прекратили расследование?

– Напротив, у меня сложилось впечатление, что многие влиятельные люди заинтересованы в том, чтобы убийцу Харкурта нашли как можно быстрее. Но нам ясно дали понять, что некоторые подробности не должны интересовать полицию. Вы ведь сами видели имена на папках из комода в кабинете Харкурта.

– Да, – ответил Райан. – Это были аристократы и политики.

Он оглянулся, опасаясь, не наблюдает ли за ними кто-либо из посетителей таверны.

– Когда я вчера вечером рассказал об этом премьер-министру и

министру внутренних дел, они крайне огорчились, что кто-то мог узнать имена клиентов Харкурта, – продолжил Мэйн. – Несомненно, убитый был посвящен в особого рода тайны своих клиентов: судебные тяжбы, долговые обязательства, отступные распутным женщинам, с которыми имели неосторожность связаться их сыновья, и прочие личные дела, которые, будучи преданы огласке, привели бы к катастрофическим последствиям.

– Вы говорите о шантажистах? – спросил Райан.

– Разумеется, их тоже опасаются, – согласился комиссар. – Но кто мог бы извлечь из этих сведений максимальную выгоду? Предположим, их цель состоит не в том, чтобы вымогать деньги, а в том, чтобы запугать этих влиятельных людей.

– Значит, мы снова возвращаемся к русским, – заключил Райан.

– Какими бы ни были мотивы убийцы, – заявил Мэйн, – я уверен в одном: когда мы его арестуем, бывшие клиенты Харкурта используют все свое влияние, чтобы повесить его как можно скорее.

Сутулый мужчина в теплом пальто и надвинутом на самые глаза кепи появился на вокзале Ватерлоо сразу после того, как церковные колокола прозвонили двенадцать раз. Один из девяти вокзалов, обхвативших Лондон кольцом, располагался к югу от Темзы, неподалеку от моста, в честь которого и был назван.

Спасаясь от холода, мужчина замотал нижнюю часть лица шарфом, но все равно дрожал, когда покупал в кассе билет второго класса до Портсмута. Теперь, когда лондонские газеты подтвердили слухи о первом убийстве на железной дороге, пассажиров на вокзале, даже в обычно оживленный субботний полдень, было немного (и выглядели они крайне взволнованными), так что контролеру, проверяющему билеты у выхода на перрон, хватило времени, чтобы заметить, как дрожит пассажир.

– Вы хорошо себя чувствуете, сэр? – спросил контролер.

Пассажир не ответил и направился к поезду. Но вдруг пошатнулся, опустил полотняную дорожную сумку на землю и прислонился к чугунному столбу.

Он закашлялся, и другие пассажиры, проходя мимо, опасливо косились на него.

Мужчина кашлял все сильнее, затем резко наклонился над краем перрона, и его вырвало прямо на рельсы.

– Охрана! – закричал кто-то.

Мужчину снова стошнило, на этот раз кровью.

– Охрана, скорее! – крикнул кто-то еще. – Человеку плохо!

Ни один из богато одетых пассажиров не отважился прийти на помощь бедняге. Он развернулся и неуверенно направился к выходу из вокзала; завидев кровь на пальто, проходящие шарахались во все стороны.

– Врач, – пробормотал он контролеру, недавно проверявшему его билет. – Мне нужен…

– Сейчас я найду вам кеб! – торопливо ответил контролер.

– Индия, – с усилием выговорил несчастный.

– Что?

– Три дня, как из Индии. Лихорадка.

– Лихорадка?

Темно-красные капли стекали по подбородку мужчины.

– Этот человек болен тропической лихорадкой! – воскликнул кто-то.

Мужчина, пошатываясь, побрел к выходу.

– Следуйте за мной, сэр! – сказал контролер и повел его мимо билетных касс, стараясь при этом не прикасаться к больному. – Стоянка кебов в той стороне.

– Стойте! – окликнул их кто-то. – Он забыл свою сумку.

Контролер обернулся.

– Что?

– Он оставил сумку на перроне.

– Сэр, подождите меня здесь, я принесу ее.

Но больной мужчина словно не услышал его и исчез за дверью.

– Кто-нибудь, остановите его, пока я сбегаю…

От внезапного грохота контролер подскочил на месте. Словно чей-то огромный и мощный кулак ударил его в грудь, отбрасывая назад. Падая, он ударился с такой силой, что у него перехватило дыхание, зазвенело в ушах и помутилось в глазах. Вокруг заклубился дым, раздались чьи-то крики, сверху посыпались обломки.

– Ваше величество. Ваше королевское высочество, – стараясь скрыть беспокойство, произнес лорд Палмерстон.

Он стоял в тронном зале, а они свысока с недовольством взирали на него. Голова премьер-министра находилась на уровне их коленей, и он прекрасно понимал, что встреча нарочно обставлена так, чтобы он ощутил собственную незначительность.

Лорд Палмерстон понятия не имел, зачем его вызвала королева. Вчера он уже беседовал с ней и принцем Альбертом. Их неприязнь к нему – особенно после случившегося несколько лет назад скандала, когда он попытался соблазнить одну из фрейлин королевы, – была настолько сильна,

что они не желали встречаться с ним чаще одного раза в неделю. Какова бы ни была причина сегодняшнего вызова, этот визит не сулил ничего хорошего.

– Премьер-министр, – произнесла наконец королева после долго молчания.

В тронном зале снова установилась тишина, так что было слышно, как за высокими окнами свистит холодный ветер.

Роскошное темно-синее платье придавало королеве еще более величественный вид, чем накануне, когда на ней было не столь броское одеяние. Она добавила к наряду новые драгоценности: кольца, браслеты на запястьях, ожерелье и серьги с жемчугом, рубинами и алмазами, демонстрирующими скорее власть, чем богатство.

Принц Альберт был облачен во внушительный военный мундир с золотыми эполетами и блестящими медными пуговицами, в которых, так же как и в медалях на его груди, отражался свет продуманно расположенной лампы.

Они казались полной противоположностью друг другу: маленькая, полная королева и высокий, стройный принц. Она сидела подчеркнуто прямо, тогда как он имел привычку сутулиться. Она была круглощекой, а лицо принца отличалось худобой. Похожи они были только в одном – в нелюбви к лорду Палмерстону.

Молчание затягивалось, и премьер-министру захотелось откашляться, но он сдержался.

– Civis Britannicus sum, – со строгим видом заявила королева.

– Прошу прощения, ваше величество?

– Это латинское изречение означает: «Я подданный Британии».

– Безусловно, ваше величество.

– Я перефразировала одно выражение из вашей речи в палате общин пять лет назад, – тем же резким тоном продолжила королева Виктория. – Civis Romanus sum[6]. Вы заявили тогда, что Британская империя никогда не достигнет величия Рима, если не будет защищать своих подданных так же, как это делали римляне, – в любом месте и до последней возможности.

– Это была просто фигура речи, ваше величество.

– Но как вы определяете эту последнюю возможность? – поинтересовался принц Альберт. Он уже полтора десятка лет проживал в Англии, но так и не избавился от немецкого акцента. – Пять лет назад вы без чьего-либо одобрения, и уж во всяком случае без одобрения ее величества, отправили Королевский флот в Грецию, чтобы защитить права одного-единственного британского подданного, чье имущество пострадало

из-за волнений в Афинах.

– Осмелюсь поправить ваше королевское высочество, это была лишь одна эскадра, а не весь флот, и…

– Если вы зашли так далеко, чтобы защитить одного британского подданного, то на что вы готовы ради защиты большинства из них? – оборвала его королева Виктория. – И самой империи.

– Боюсь, что не вполне понимаю вас, ваше величество.

– Что вы знаете о докторе Мартине Вильгельме фон Мандте?

– Фон Мандт? Это имя мне незнакомо, ваше величество, – ровным, несмотря на всю свою обеспокоенность, голосом ответил лорд Палмерстон.

– Он немец, – объяснил принц Альберт, и его акцент еще сильнее подчеркнул тот факт, что он говорил о соотечественнике. – Он является… или, лучше сказать, являлся лейб-медиком русского царя.

– Вы сказали «являлся», ваше высочество?

– Сегодня утром мы получили сообщение о том, что царь скончался.

– Скончался? – удивленно переспросил премьер-министр.

– Десять лет назад он гостил у нас в Виндзорском замке, – вспомнила королева Виктория. – Мы очень мило побеседовали о наших родственниках в различных королевских домах Европы. В перерывах между официальными встречами он пытался убедить нас, что, если мы поддержим его план раздробления Османской империи, это пойдет на благо Британии. Он вернулся в Россию с ошибочной уверенностью в нашем согласии с его планом, хотя на самом деле мы просто обсуждали такой шаг как один из возможных.

– Вы проявили мудрость, не согласившись с этим предложением, ваше величество, – заявил лорд Палмерстон. – Наша цель заключается в том, чтобы не мешать континентальным странам враждовать между собой. Таким образом мы останемся сильными, а они ослабнут.

– Некоторыми из этих стран правят наши родственники, – раздраженно напомнил принц Альберт.

– Я имел в виду не эти страны, ваше высочество, – поспешно поправился лорд Палмерстон.

– Но война с Россией затянулась, и мы больше не выглядим сильными, – отметила королева Виктория. – Возможно, нам стоило внимательнее прислушаться к предложениям русского царя.

– Ваше величество, если бы я стоял во главе кабинета министров в тот момент, когда Россия начала угрожать Крымскому полуострову, я бы немедленно направил наш флот в Черное море, а не стал бы тщетно полагаться на дипломатические меры. Если бы царь осознал, с какой

решительностью мы будем противостоять его агрессии против нашего торгового партнера, он не стал бы так настойчиво добиваться осуществления собственных планов.

– Мы не сомневаемся, что вы с превеликой радостью послали бы туда наш флот, – признала королева Виктория и резко сменила тему разговора: – О докторе Мандте нам сообщил один из наших родственников с континента. Мандт хорошо зарекомендовал себя в Германии, и русский царь предложил ему стать своим личным врачом. Царские советники настаивали, чтобы он доверился кому-то из русских медиков, но царь отмел все их возражения, заявив, что нуждается в лучшем враче, какой бы национальности тот ни был. Когда царь умер, доктор Мандт назвал причиной смерти пневмонию.

– Но вскоре поползли слухи, – добавил принц Альберт.

– Какие слухи, ваше высочество? – спросил лорд Палмерстон.

– О том, что он умер вовсе не от пневмонии; его якобы отравил доктор Мандт.

– Но это невозможно.

Королева подалась вперед и посмотрела на него с высоты трона.

– Как же еще можно объяснить внезапное исчезновение доктора из Петербурга? Царь еще не испустил дух, а доктора Мандта уже видели спешащим к карете с саквояжем в руках. Когда организовали погоню, было уже поздно.

– Возможно, он испугался, что завистливые русские коллеги обвинят его во врачебной ошибке, ваше величество.

– Вы сами-то верите в то, что говорите? – возмутилась королева Виктория. – Вспоминая о покушении на наши жизни, случившемся всего месяц назад, мы очень беспокоимся, не вынудил ли кто-нибудь Мандта убить царя, чтобы повлиять на исход войны. Если это правда, то русские захотят отомстить нам. Скоро вообще не останется ничего святого. Никаких законов и правил.

– Даю вам слово, что лично изучу этот вопрос.

– Изучите его как можно тщательнее, премьер-министр. – Королева особо выделила голосом должность лорда Палмерстона. – Если в смерти царя замешан кто-то из членов вашего кабинета, это крайне огорчит нас. В ваших же интересах сделать все возможное, чтобы доказать ошибочность этих подозрений. Люди и так опасаются, что за убийством в поезде стоят русские, и не исключено, что это правда. Скотленд-Ярд еще не отыскал преступника?

– Они стараются изо всех сил.

– Возможно, они стараются недостаточно. Надеюсь, вы привлекли к расследованию мистера Де Квинси?

– Мистера Де Квинси, ваше величество?

– Его удивительные умозаключения помогли защитить нас шесть недель назад. Мы полагаем, что и сейчас он может принести пользу. Проследите, чтобы он консультировал полицию.

Лорд Палмерстон мысленно простонал, но в это мгновение в дверь постучали.

– Прошу прощения, ваше величество, – сказал вошедший в зал слуга, – но министр внутренних дел прислал сообщение для лорда Палмерстона с просьбой доставить его как можно скорее.

Королева Виктория жестом подозвала слугу, и тот передал лорду Палмерстону конверт.

Встревоженный премьер-министр взломал печать и вытащил из конверта листок бумаги.

– В чем причина такой спешки? – спросила королева, как только слуга вышел.

– На вокзале Ватерлоо взорвалась бомба, ваше величество.

Глава 6
Гигантский глобус Уайльда

Взволнованная толпа заполнила всю улицу перед вокзалом. Звенели сигналы тревоги, клубами вился дым.

– Полиция. Дайте пройти, – попросил Райан.

– Отвали, – огрызнулся кто-то. – Из тебя такой же полицейский, как из меня принц Альберт.

Внезапно грубиян охнул и отлетел в сторону.

– Простите, я не хотел вас толкать, – сказал инспектор. – Это вон тот тип налетел на меня сзади.

Пробравшись сквозь толпу, они с Беккером подошли к стоявшим в оцеплении констеблям.

– Стойте на месте, – рявкнул один из полицейских. – Дальше никому хода нет. Ох, простите, инспектор Райан, не узнал вас в этой суматохе. Проходите, комиссар уже там.

– Спасибо, Гарри.

Констеблю, с которым Райан работал в прошлом году, явно польстило, что инспектор запомнил его имя.

Детективы вошли в охваченный суетой зал ожидания. В воздухе висел запах пороха, пол усыпало обломками. Обычно в кондитерской и возле книжного киоска скапливалось куда больше пассажиров, делающих покупки перед отъездом. Те немногие, что оказались здесь сегодня в полдень, теперь лежали на полу и стонали. Врачи торопливо накладывали им повязки, а пострадавших более серьезно констебли относили на носилках к каретам скорой помощи.

Заметив комиссара Мэйна, о чем-то беседующего с другим детективом, Райан направился к нему.

– Будет исполнено, сэр, – сказал полицейский и удалился.

Комиссар обернулся к Райану и Беккеру.

– Бомба взорвалась чуть позже полудня. Два человека убиты, тринадцать тяжело ранены. Остается радоваться, что люди теперь боятся ездить на поездах, иначе жертв было бы намного больше.

– После такого они станут бояться еще сильнее, – заметил Райан. – Где взорвалась бомба?

– На одном из перронов. Преступник оставил ее в дорожной сумке.

Вот этот контролер разговаривал с ним незадолго до взрыва.

Комиссар подошел к груде обломков, на которой сидел контролер, устало склонив голову и положив руки на колени.

– У вас хватит сил, чтобы рассказать все еще раз? – спросил Мэйн.

Контролер поморщился:

– Все, что угодно, лишь бы поскорее поймать эту сволочь… простите за грубое слово, сэр.

– Учитывая обстоятельства, можете не извиняться.

Контролер сокрушенно вздохнул:

– Он был одет так, как будто ожидал сегодня снежную бурю. Теплое пальто, кепи надвинуто до самых бровей. Нижняя часть лица замотана в шарф. И при этом… – Контролер прикрыл глаза, собираясь с силами. – При этом он все равно не прекращал дрожать. Я спросил, не болен ли он, но этот гад ничего не ответил и пошел прямо к поезду.

– Через вон ту арку, – показал Мэйн на ворота, ведущие к перрону.

– Возможно, он дрожал не от болезни, а от страха, – перебил его кто-то.

К удивлению Райана, рядом с ним оказался Де Квинси.

– Приветствую, джентльмены, – беспечно произнес он.

– Что вы…

Еще не успев договорить, Райан сообразил, что раз уж Де Квинси здесь, то и Эмили наверняка пришла вместе с ним. Но где же она?

И тут же услышал ее голос:

– Доктор, нет ничего сложного в том, чтобы остановить кровь и наложить повязку. Пожалуйста, разрешите мне позаботиться об этом пострадавшем, пока вы занимаетесь той женщиной с более тяжелыми ранами.

Оглянувшись, Райан увидел, как Эмили взяла из медицинской сумки бутылочку, смочила содержимым ватный тампон и приложила к кровоточащему лбу какого-то мужчины.

Инспектор сдержал улыбку.

– Не ожидал встретить вас здесь, – обратился он к Де Квинси.

– Но это не значит, что мы не рады вас видеть, – поспешно добавил Беккер, не спуская глаз с Эмили.

– Мы провели это утро с моим давним другом, – объяснил пожилой человек. – А когда вернулись в Кембридж-Хаус, нас там поджидало сообщение от лорда Палмерстона о том, что королева Виктория и принц Альберт желают, чтобы мы приняли участие в расследовании.

Райан, Беккер и комиссар Мэйн ошеломленно переглянулись.

– Королева и принц прислали вас помочь нам? – переспросил Райан.

Де Квинси кивнул:

– Но я приехал бы сюда в любом случае. – Он повернулся к контролеру. – Дорогой сэр, вы слышали когда-нибудь об Иммануиле Канте?

– Это тот негодяй, что взорвал бомбу?

– Нет, но Кант поможет нам найти того, кто это сделал, – ответил Де Квинси. – Вы сказали, что этот человек был одет так, словно ожидал сегодня снежную бурю, правильно?

– Да.

– И при этом он дрожал? – продолжил Де Квинси.

– Да, у него тряслись руки. И плечи тоже.

– И поскольку погода сегодня холодная, вы решили, что он дрожит от холода?

Контролер поморщился и поднес руку к перевязанной голове.

– Можете не сомневаться, он был болен.

– Почему вы так уверены?

– Потому что его рвало кровью. И он сказал, что ему нужен врач.

Райан уже понял, к чему клонит Де Квинси.

– Теперь моя очередь показать, чему я научился у Иммануила Канта. Куда стошнило этого человека?

– Прямо на рельсы, возле первого столба, – с усилием проговорил контролер. – Там он и оставил свою сумку.

Райан прошел в арку, остальные последовали за ним. Когда каменные колонны зала ожидания сменились чугунными столбами перрона, запах дыма усилился.

Взрыв повредил стеклянную крышу, ее осколки хрустели под ногами Райана.

– Беккер, видите три пятна крови? Они растеклись в форме крыла, постепенно истончаясь. Здесь стояли ближайшие к месту взрыва жертвы. Если вы протянете веревки вдоль каждого из этих пятен, они пересекутся в той точке, где произошел взрыв, – думаю, возле этого покореженного столба преступник и оставил сумку.

Инспектор нагнулся и поднял осколок стекла, измазанный кровью, затем подошел к краю перрона и спрыгнул на рельсы.

– Мистер Де Квинси, не хотите составить мне компанию?

Любитель Опиума озадаченно посмотрел на него, но кивнул.

Райан обхватил его за талию и снял с перрона, словно маленького ребенка.

Воздух на железнодорожных путях был еще холоднее, запах

смазочного масла заглушал пороховую гарь.

– Если бы вы не упомянули Канта, я бы не спустился сюда, – признался Райан. – Существует ли объективная реальность, или же все это просто проекция нашего сознания? Контролер говорит, что этого человека рвало кровью. Но откуда он знает, что это была именно кровь? Единственная возможная причина: рвотная масса была красного цвета. Из этого он сделал вывод, что злоумышленник был болен.

– И увидел свою версию реальности, – согласился Де Квинси.

Райан показал на темно-красные пятна на гравии рядом с рельсами:

– Когда-нибудь химики научатся определять, кровь это или нет. А до тех пор… – Он присел и положил осколок стекла рядом с красным пятном. – Когда кровь засыхает, она приобретает коричневатый оттенок. Вещество на осколке стекла имеет именно такой цвет, а пятно осталось ярко-красным. Вещество на стекле загустело, а эта жидкость – нет.

Де Квинси кивнул:

– Перед тем как прийти на вокзал, этот человек выпил подкрашенную воду. Он наклонился над краем платформы, чтобы никто не заметил, как он засунул пальцы в рот и спровоцировал рвотный рефлекс. Поскольку он выпил слишком много подкрашенной воды, его спектакль удался. Жидкость, выглядевшая как кровь, ужаснула всех, кто был рядом.

– Выглядевшая как кровь, – повторил Райан. – Вот, значит, как вы видите реальность.

– Существует множество реальностей. Из-за опиума я иногда с трудом различаю их.

– И какая из версий реальности, по вашему мнению, имела здесь место?

– Это был театр. Актер на сцене. Теплое пальто не позволяло разглядеть, как надулся от воды его живот. Шарф и надвинутая на глаза шляпа скрывали его внешность. В то же время необычная одежда привлекала к нему внимание, и когда его вырвало чем-то, что напоминало кровь, люди уже пристально разглядывали его и не могли не заметить, что его рвота имела красноватый оттенок.

– Но зачем ему понадобилось это представление? – спросил Райан.

– Чтобы контролер ничего не заподозрил, когда он решил выйти с вокзала почти сразу же после того, как туда зашел, – объяснил Де Квинси. – Он сказал, что ему нужен врач, и контролер, конечно же, сделал все возможное, чтобы больной пассажир поскорее покинул вокзал, пока его снова не вырвало «кровью». В поднявшейся суете никто сначала не заметил, что он забыл свою сумку, – а потом было уже поздно.

Воздух под платформой внезапно сделался еще холоднее.

– Если он на самом деле не был болен, значит он только притворялся, что дрожит, – рассудил Райан.

– Нет, он не притворялся, но его дрожь не имела никакого отношения к болезни.

– Не понимаю.

– Как, по-вашему, была взорвана бомба? – задал новый вопрос Де Квинси.

– Единственный удобный способ – это поджечь фитиль. Я слышал о попытках использовать часовой механизм, приводящий в движение ударник, который, в свою очередь, бьет по капсюлю и воспламеняет порох. Но это крайне ненадежно. Фитиль – самый безотказный способ.

– Значит, вы считаете, что он остановился неподалеку от вокзала, в таком месте, где его никто не мог видеть, и поджег фитиль, а затем закрыл сумку и принес ее на вокзал, – заключил Де Квинси.

– Звучит весьма правдоподобно.

– В таком случае ему не нужно было притворяться, изображая дрожь. Он проносил сумку мимо контролера на перрон, зная, что фитиль уже подожжен и бомба может взорваться в любое мгновение. Так что он и в самом деле дрожал – от страха.

Райан потрясенно уставился на Де Квинси:

– Опиум должен был повредить ваш разум, но вместо этого… Послушайте. Кроме вас, Беккера, комиссара Мэйна и Эмили, я больше никому не могу доверять. Сегодня утром лорд Палмерстон пытался помешать расследованию.

– Помешать… Но зачем? – удивился Де Квинси.

– Именно это я и хочу выяснить.

Кэролайн свернула с Парк-лейн к воротам своего дома, прошла по белой гравийной дорожке и поднялась на широкое каменное крыльцо, отметив, как старательно слуги вычистили его.

Лакей открыл роскошную зеленую дверь.

– Добрый день, миссис Ричмонд.

– Все готово?

– Согласно вашим инструкциям, госпожа.

Кэролайн взглянула на высокие напольные часы в углу: без двадцати минут три. У нее не оставалось времени переодеться к прибытию гостей, ожидаемых к трем часам, но мгновение спустя она решила, что ее элегантный наряд более чем подходит к такому случаю.

Отдав лакею перчатки и шляпу, она поднялась по лестнице на второй этаж и вошла в просторный зал, где обычно устраивала званые обеды. Теперь здесь располагались пять столов, покрытых тонкими льняными скатертями с цветочным орнаментом, и по четыре стула возле каждого из них. Буфеты из красного дерева предлагали богатый выбор разнообразных сладостей – в особенности пирогов с лимоном. Там же стояли чашки, блюдца и тарелки из самого лучшего фарфора.

Серебряные вилки и ложки вычистили до такого блеска, что он был заметен от самых дверей. Внимательно осмотрев приборы, каждый из гостей смог бы различить крохотные клейма, указывающие, где, когда и каким мастером они сделаны. Владельцы такой посуды, отправляясь в путешествие, как правило, отдавали ее на хранение в банк.

Кэролайн прошлась по восхитительным восточным коврам красно-зеленой расцветки и убедилась, что малиновые атласные шторы на окнах полностью раздвинуты. Большинство обитателей Вест-Энда предпочитали не открывать штор, чтобы менее состоятельные люди не могли заглядывать в окна. Однако Кэролайн совершенно не заботило, если кто-то из прохожих увидит, в какой роскоши она живет. Гораздо важнее, чтобы гости оценили просторный балкон ее дома и вид на зеленые просторы Гайд-парка по другую сторону улицы.

Она вновь повернулась к столам и придирчиво взглянула на стопки бумаги и оправленные в серебро карандаши (из лучшего магазина канцелярских принадлежностей на Риджент-стрит, с подтверждающими этот факт этикетками). Рядом были разложены запечатанные колоды карт (изготовленные на заказ и, забавы ради, отмеченные печатью Casino de Richmond).

Кэролайн подошла к буфету и осмотрела четыре серебряные чайницы, рядом с каждой из которых лежала изящная карточка, подсказывающая, какой именно чай находится внутри: зеленый, красный, белый или желтый.

– Мэрибет! – позвала она служанку, ничуть не сомневаясь, что девушка ждет ее приказаний за боковой дверью.

– Что прикажете, госпожа? – Девятнадцатилетняя Мэрибет, одетая в безукоризненно белый фартук, вышла из-за двери и сделала книксен.

– Вода для чая?

– Уже вскипятили, госпожа, я прослежу, чтобы она оставалась горячей. Мы все принесем, как только появятся гости. Сюрприз прикажете подать до или после чая?

– До. Вашей матери стало лучше?

– Да, госпожа, благодаря доктору, которого вы прислали.

– Что ж, вы не могли бы как следует выполнять свои обязанности, если бы все время волновались за здоровье матери.

– Вы очень добры, госпожа.

Стук дверного молоточка предупредил Кэролайн о приходе гостей. Держась за блестящие бронзовые перила, она спустилась по лестнице в вестибюль, чтобы поздороваться с каждой из вошедших леди. Все они действительно имели право именоваться «леди», поскольку были женами герцогов, маркизов, графов, виконтов или баронов. Только представительницы аристократических семейств дважды в месяц получали от Кэролайн приглашения на игру в вист.

Служанки, приведенные с собой знатными дамами, помогли своим хозяйкам снять перчатки и сменить уличные шляпки на домашние чепчики с голубыми лентами и затейливыми кружевами.

– Какой ужасный день, – пожаловалась одна из леди.

– И становится только холоднее, – поддержала вторая. – Все небо в тучах, и, кажется, скоро пойдет дождь.

– Это же март, – заметила третья гостья. – Что еще от него ожидать, если не туч? Но это пустяки – нужно нечто более существенное, чем плохая погода, чтобы помешать мне прийти на вечер к миссис Ричмонд.

– Вы крайне великодушны, леди Уорвик, – ответила Кэролайн.

В открытую дверь за спинами гостей она видела роскошные кареты, запряженные парами великолепных лошадей. Пышные гербы подчеркивали знатность их хозяев, так же как и яркие ливреи кучеров.

– Рада видеть вас, миссис Ричмонд, – сказала еще одна гостья.

– Благодарю вас, леди Бересфорд, я тоже рада снова видеть вас. Вы чудесно выглядите.

– Этим я обязана неделе, проведенной в клинике доктора Уэйнрайта, в Седвик-Хилле. Я так благодарна за вашу рекомендацию. Сначала я решила, что влажные простыни, погружающие ванны и душ слишком грубы и агрессивны для меня, но я никогда не чувствовала такого расслабления, как после массажа. Порой мне казалось, что я грежу наяву.

– Я собираюсь поехать туда на будущей неделе, – заявила графиня.

– Как удачно. Я слышала, что график процедур у доктора заполнен до самого июня, – отметила леди Бересфорд. – Но я надеюсь убедить своего мужа прийти к нему на консультацию. Доктор Уэйнрайт считает, что расслабление благотворно скажется на диспепсии[7] его светлости.

– Если кто-нибудь вообще сможет почувствовать расслабление после того, что творится в поездах, – вставила леди Монтегю.

– В поездах? Во множественном числе? Только не говорите, что

произошло еще одно…

– Неужели вы не слышали? На вокзале Ватерлоо взорвалась бомба.

– Боже милосердный!

– Куда катится эта страна? Тот, кого убили в четверг вечером, – это Дэниел Харкурт, наш поверенный!

– И наш тоже. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь снова сесть в поезд, ничего не опасаясь.

– А я никогда и не чувствовала там себя в безопасности, – призналась леди Гарвис. – Я все время жду, что паровоз сойдет с рельсов.

Кэролайн приглашающим жестом указала на лестницу.

– Прошу вас, леди.

Под шорох бархата гостьи одна за другой поднялись наверх – широкие платья с кринолинами мешали им идти парами.

– И война все еще продолжается. Я спросила моего мужа, почему он позволил втянуть нашу страну в это безобразие. Но он так и не дал мне внятного ответа.

– Разве можно их понять, когда речь идет о деньгах или о политике? Не уверена, что они сами понимают, о чем говорят.

Гости вошли в зал и увидели на столах карточки со своими именами. Кэролайн всегда меняла игроков местами, чтобы не образовались постоянные пары, которые могли бы иметь преимущество перед другими.

– Мой муж очень переживает из-за акций железной дороги, – заявила одна леди.

– Это временное падение, – постаралась успокоить ее Кэролайн.

– Временное? – усомнилась леди Бересфорд, распечатывая колоду карт.

– Да, фондовый рынок ведет себя так же, как человек, – объяснила Кэролайн. – Ему требуется время, чтобы оправиться от потрясения.

– Как я оправилась от потрясения после первой брачной ночи, – отозвалась леди из-за соседнего стола.

Кое-кто из женщин рассмеялся.

– То же самое происходит и с рынком, – продолжила Кэролайн. – Не сомневаюсь, что мой муж объяснил бы все лучше, чем я.

– Миссис Ричмонд, когда мужчины говорят о финансах, это кажется мне китайской грамотой, а вот вас я прекрасно понимаю.

– Благодарю вас, леди Гарвис. Прислушиваясь к словам моего мужа, я сделала два вывода относительно фондового рынка.

– Расскажите нам. – Леди Уорвик раздала карты. – Проверьте, у всех ли по тринадцать карт.

– Первый секрет успеха: нужно вкладывать деньги в дело, а не спекулировать, – сказала Кэролайн. – Тем, кто любит азартные игры, лучше ограничиться картами.

– Ха, – хмыкнула одна из леди и зашла с трефовой девятки. – А второй секрет?

– Нужно иметь терпение, – ответила Кэролайн.

– Что ж, любая женщина, прожившая с мужем-политиком столько лет, сколько прожила я, должна понимать, что такое терпение, – призналась леди Гарвис.

– Козыри черви, – напомнила игрокам за своим столом одна из женщин.

– Уверена, что мой муж посоветовал бы скупать акции железной дороги, потому что их стоимость в конце концов вернется на прежний уровень и даже чуть выше. Так всегда происходит.

– Пики, – произнес кто-то за соседним столом.

– Хватит обсуждать эти угнетающие новости, – решила леди Бересфорд. – Миссис Ричмонд, у вас всегда припасено для нас что-нибудь занимательное. А что на этот раз?

– Тонизирующая вода.

– Что еще за тонизирующая вода?

– Это освежающий напиток, который доктор Уэйнрайт скоро предложит своим гостям. Если им понравится, эту воду можно будет приобрести в лучших магазинах Лондона.

– Но что она собой представляет?

– Газированная вода с добавлением хинина. Как вам должно быть известно, леди, хинин используют наши солдаты в Индии, чтобы не заболеть малярией. Это порошок, хорошо растворяющийся в воде. Но она становится очень горькой. Доктор Уэйнрайт нашел способ сделать из нее освежающий напиток, добавив в воду сахар и насытив углекислотой. Возможно, самое главное его достоинство в том, что, в отличие от лондонской воды, его можно пить спокойно, не опасаясь заболеть.

– Значит, доктор Уэйнрайт кипятит воду, чтобы избавиться от вредных примесей? – спросил кто-то.

– В этом нет необходимости, – ответила Кэролайн. – Те из вас, кто побывал в его клинике, наверняка знают, что в ручьях Седвик-Хилла вода на удивление чистая. Говорят, даже королева отозвалась о ней одобрительно.

– Но почему вы решили угостить ею нас? – удивилась леди Бересфорд. – Нам ведь вовсе не угрожает малярия.

– Хинин также помогает справиться с дрожью в руках, которой некоторые из нас страдают. Но в первую очередь доктор Уэйнрайт намерен побороть пристрастие наших солдат в Индии к спиртному, поскольку они решили, что принимать хинин можно только одним способом – подмешав его в джин.

– В джин? – ужаснулся кто-то.

– Тонизирующая вода доктора Уэйнрайта настолько приятна на вкус сама по себе, что он собирается послать целую партию в Индию, надеясь, что наши солдаты смогут теперь получать необходимый хинин, не смешивая его с джином. Однако он полагает, что основным рынком для этой воды станет Британия. Его цель – забота о здоровье людей. Чистая вода, вкусная и освежающая, должна отвратить людей от употребления не только джина, но и бренди с содовой.

– Весьма похвально! – воскликнула леди Гарвис.

Кэролайн обернулась к боковой двери и позвала:

– Мэрибет!

Юная служанка принесла поднос с бутылочками, напоминающими маленькие кегли.

Открыв пробки, она разлила прозрачную жидкость по бокалам и предложила каждой леди. Некоторые из них поморщились, когда у них защипало в носу.

– Действительно немного горьковато, но вкусно, – отметила леди Монтегю, сделала еще глоток и прибавила: – И она в самом деле бодрит.

– Я дам каждой из вас по бутылочке с собой, чтобы вы угостили своих мужей. Может быть, после этого они заинтересуются нашими карточными вечерами.

– Все, что угодно, только бы отвлечь моего мужа от мыслей о железнодорожных акциях, – вздохнула леди Гарвис.

В гулкой пустоте Пэддингтонского вокзала кондуктор Мэтью Харриган шел вдоль вагонов бристольского поезда, закрывая купе. Лишь треть из них была занята. Слухи о взрыве на вокзале Ватерлоо распространялись быстро, и немногочисленные пассажиры обычно переполненного субботнего вечернего поезда с опаской смотрели на кондуктора, когда он скрежетал ключом в замке очередного купе. Судя по выражению лица, они ощущали себя заключенными, отправляющимися на казнь. Если попутчики не были им знакомы, пассажиры предпочитали найти свободное купе, где они могли бы остаться в одиночестве. Учитывая обстоятельства, сделать это было нетрудно.

Харриган закрыл последнее купе и поднялся в тормозной вагон в хвосте поезда. Несмотря на дым и сажу, не говоря уже о холодном ветре, который вскоре обрушится на него, Мэтью считал, что ему крупно повезло. Четыре месяца назад он еще был солдатом на Крымской войне. Избежав смерти от ядер и пуль, он едва не умер от голода из-за скудного пропитания, выделяемого солдатам, в то время как офицеры наслаждались роскошными обедами. В зимние метели он дрожал от холода в летнем мундире в своей прохудившейся палатке, тогда как офицеры носили теплые шинели и грели руки у печи на яхте командующего. Когда во время атаки русских Харригана контузило взрывом, провидение сжалилось над ним. Полуобмороженного, его подобрали вместе с другими ранеными и переправили в военный госпиталь под Константинополем. Удача не отвернулась от него и здесь: несчастного выходила сама мисс Найтингейл, благословенная Леди-с-Лампой, и добилась того, чтобы его отослали домой.

Фортуна продолжала улыбаться ему и в Англии. Друг детства, а ныне старший клерк на Большой Северной железной дороге, проникся к нему сочувствием и устроил кондуктором. Мало кто стремился занять это место из-за немалого вреда для здоровья, но Харригану работа казалась непыльной по сравнению с ужасами Крыма.

Он покрутил штурвал и снял вагон с тормоза. Затем высунулся в окно и помахал фонарем машинисту, сигнализируя, что все готово к отправлению.

Далеко впереди запыхтел паровоз, и шум разнесся по всему вокзалу. Вагон дернулся, и поезд тронулся с места.

Обычно Харриган махал на прощание людям, оставшимся на перроне, но нынешним вечером там стояли только охранники, носильщики и нищие в изодранных солдатских мундирах.

– Подождем до понедельника, – сказал ему носильщик, вероятно надеющийся на скорое возвращение клиентов. – У людей короткая память. Они вернутся, когда уже не смогут больше откладывать деловые поездки или им понадобится навестить больную бабушку.

Но так было до взрыва на вокзале Ватерлоо.

Поезд набирал ход, громыхая мимо темных фабрик и трущоб. Когда дым и сажа долетели до Харригана, он проверил, горит ли белый фонарь в передней части вагона и предупреждающий красный сигнал позади, а затем забрался в свою кабинку. Он оперся рукой о трясущуюся стену вагона и посмотрел в грязное окно.

За три недели работы Мэтью запомнил каждый прямой участок и

каждый поворот пути. Когда поезд загрохотал по знакомому мосту, воздух стал чище. Свет фонарей отразился в реке, и Харриган определил, что до первой остановки еще десять минут.

Справа виднелся силуэт деревенского дома.

Чуть впереди – и тоже по правую сторону – горел огонек, который можно было принять за фонарь следующей станции, не будь до нее так далеко. Если бы небо не затянули облака, Харриган мог бы подумать, что это луна отражается в окне переднего вагона, поскольку поезд как раз начинал поворот.

Огонек становился все ярче.

Харриган открыл дверь кабинки и вышел навстречу резкому ветру. Надоедливый запах дыма был сегодня по-особенному силен. Кондуктор ухватился за боковой столб вагона и высунул голову так далеко, как только мог. Присмотревшись к передним вагонам, покачивающимся из стороны в сторону, он вдруг понял, что это не просто огонек. Красный свет мерцал и словно бы пульсировал. Черный дым клубился над вагонами, постепенно сползая к хвосту поезда.

«Бог мой, да это же пожар!» – догадался Харриган.

Он вытащил из кабинки красные светофильтры, один укрепил на переднем фонаре вагона, а второй поставил на свой ручной фонарь и закачал им в воздухе, сигнализируя машинисту, чтобы тот остановил поезд.

«Боже милосердный, только бы он посмотрел назад!» – мысленно взмолился Харриган.

Внутри вагонов не было коридоров, связывающих купе, как не было и переходов между вагонами. Пассажиры не могли покинуть горящее купе. Харригану оставалось лишь надеяться, что оно было пустым.

Он замахал фонарем еще отчаяннее. С левой стороны пламя уже вырывалось из окна. Стук колес сбился с ритма, а значит, машинист все-таки оглянулся и заметил огонь. Как только поезд замедлил ход, Харриган повернул штурвал тормоза.

Раздался дикий визг, во все стороны полетели искры.

Пол покачнулся, и кондуктор с трудом удержался на ногах, но стоило поезду еще немного притормозить, как он выскочил из вагона на гравийную насыпь и побежал вдоль состава. Света фонаря едва хватало, чтобы не споткнуться обо что-нибудь в густом дыму.

Харриган остановился, достал ключ из кармана и открыл дверь багажного вагона.

– Пожар! – крикнул он охранникам. – Вылезайте скорее и помогите мне!

Он помчался дальше, подгоняемый знакомым еще по войне страхом. Из вагона третьего класса, где все пассажиры теснились в одном общем помещении, донеслись крики. Харриган понадеялся, что охранники догадаются открыть его, но сам не мог терять на это время. Все его внимание было сосредоточено на горящем вагоне.

Задыхаясь и кашляя от дыма, он пробежал мимо вагона второго класса. Впереди полыхнуло пламя, оно ревело, как дикий зверь.

А еще там кто-то кричал.

Харриган вставил ключ в замок, наклонился и дернул дверь на себя. Двое мужчин выскочили наружу так стремительно, что он не успел отойти в сторону и, получив болезненный толчок, повалился на гравий.

Ошеломленный происходящим, он все же поднялся на ноги и заставил себя подойти ближе к огню. Когда он открыл следующую дверь, из нее вылетел еще один пассажир в горящей одежде, чуть снова не сбив кондуктора с ног. Харриган даже не успел прийти ему на помощь: истошно вопящий мужчина упал и покатился вниз по склону, поджигая сухую траву.

Мэтью ринулся вслед за ним, стащил с себя пальто и набросил на вопящего и корчащегося от боли мужчину, чтобы сбить пламя, а затем принялся затаптывать горящую траву.

– Помогите! – кричали пассажиры из соседних купе.

«Где мои ключи? – растерянно подумал Харриган. – Куда они подевались?»

В отблесках пожара он разыскал ключи в траве, поднял и помчался вверх по склону. Наученный горьким опытом, он заранее отпрыгнул в сторону, когда еще два пассажира вырвались из купе через только что открытую дверь.

А Харриган уже бежал к следующему вагону, где огонь покорежил дверь и выгнул крышу.

Сквозь рев пламени кондуктор услышал еще один звук – пугающе знакомый и быстро приближающийся.

Он метнулся к хвосту поезда и увидел сигнальные огни другого локомотива, темной дугой мчащегося следом. Слишком быстро, чтобы вовремя остановиться.

Раздался оглушительный свист.

– Бегите! – закричал Харриган, сталкивая зазевавшихся пассажиров с насыпи.

Свист повторился, еще громче, чем в первый раз.

– Быстрее! Уходите отсюда!

Оглянувшись на бегу назад, Харриган увидел, как паровоз на полном

ходу врезался в тормозной вагон, перевернул его и сбросил с рельсов. С грохотом, напомнившим залпы артиллерийских орудий в Крыму, вагоны сталкивались друг с другом, опрокидывались, подлетали в воздух и скатывались по насыпи.

Паровоз второго поезда тоже сошел с рельсов и съехал вниз. Женщина, бежавшая впереди Харригана, споткнулась и упала. Он подхватил ее и потащил за собой по траве. Котел паровоза взорвался. Горячий пар вырвался на свободу вместе с разлетающимися во все стороны кусками железа. Харриган упал прямо на женщину, пытаясь прикрыть ее своим телом, когда его спину обдало жаром.

– К Гигантскому глобусу Уайльда, – сказал лорд Палмерстон вознице, садясь вместе с телохранителем в кеб.

– Прошу прощения, господин хороший, только он так допоздна не работает.

– Сегодня будет работать.

Лорд Палмерстон решил не принимать обычных мер предосторожности и не ехать обходным путем. Так легче определить, не следует ли за кебом другой экипаж. На этот раз было бы даже лучше, если бы кто-то наблюдал за ним.

Гигантский глобус был возведен четыре года назад, к открытию выставки в Хрустальном дворце, на которую в Лондон прибыло множество гостей. Шар диаметром около двадцати метров, ставший одним из самых высоких зданий в Вест-Энде, занимал большую часть площади Лестер-сквер в Сохо – некогда пасторального пейзажа, покрывшегося со временем сорняками, мусором и трупами дохлых кошек. Предприниматель Джеймс Уайльд взял этот участок в аренду, пообещав владельцу облагородить территорию. Облагораживание свелось к возведению на пустыре Гигантского глобуса. За один шиллинг посетители могли войти внутрь и восхититься гипсовыми моделями континентов и океанов, рек и гор. Здесь побывало три миллиона зрителей, и никому из них не показалось странным, что он видит мир, вывернутый наизнанку, поскольку эти горы не поднимались в небо, а тянулись к центру Земли.

– Еще раз прошу прощения, но посмотрите сами – там темно, – сказал кебмен, приехав на место.

– Все равно спасибо, – ответил лорд Палмерстон и вместе с верным секретарем выбрался из экипажа. Он заплатил вдвое больше обычного, чтобы кебмен наверняка запомнил, как привез его сюда.

Как только кеб с грохотом укатил прочь, из тени вышел один из

охранников.

– Она приехала? – спросил лорд Палмерстон.

– Да, премьер-министр, пять минут назад. Вот к этому уличному фонарю. Она так прелестна в своем розовом платье, что ее не могли не заметить.

– Вы обыскали Глобус?

– Он пуст, сэр, если не считать вашей гостьи.

Несмотря на холодный ветер, лорд Палмерстон распахнул пальто. Фонарь осветил его ярко-голубой жилет под серым сюртуком. Праздничная одежда обязана была привлечь к себе внимание, учитывая тот факт, что, согласно последней моде, яркая мужская одежда считалась неприличной. В юношеские годы лорда Палмерстона такой наряд сочли бы блеклым, но по современным стандартам он выглядел откровенно вызывающим.

Расправив плечи и выпрямив спину, чтобы казаться моложе своих семидесяти лет, он подошел к огромному Глобусу. У входа не горели огни, однако дверь оказалась не заперта.

Он подождал, пока глаза привыкнут к темноте, прошел через турникет рядом с билетной кассой и оказался в вестибюле с застекленными витринами. Сейчас он не мог ничего различить, но знал, что в них демонстрировались различные минералы и схемы геологических слоев Земли.

Свет проникал в вестибюль сквозь щель в занавесе с восточным узором. Лорд Палмерстон, чьи шаги гулко отдавались от стен пустого зала, раздвинул занавес и вошел внутрь шара.

Перед ним возвышались четыре расположенные одна над другой платформы, подняться на которые можно было по деревянной лестнице. К платформам были подвешены лампы. Днем свет проникал внутрь через стеклянный колпак в потолке, установленный на месте Северного полярного круга.

Лорд Палмерстон посмотрел на рельефные очертания материков и океанов, выступающие из поверхности глобуса со всех сторон вокруг него. Он словно бы очутился в пещере со сталактитами и подумал, не так ли выглядят безумные видения, посещающие Любителя Опиума.

Первой лорд Палмерстон опознал Австралию. «Британская колония», – с удовлетворением отметил он. Продолжая подниматься по лестнице, он увидел и другие владения Британской империи – Индию, Бирму, Сингапур, Гонконг, Новую Зеландию… Разумеется, все это были лишь колонии в одной части земного шара, и когда лорд Палмерстон поднялся еще выше, ему открылись и другие владения Британии. Величие

империи наполнило его гордостью. Его власть простиралась на такое множество стран и народов, каким не управлял никто за всю мировую историю.

Однако, несмотря на всю эту власть, когда лорд Палмерстон добрался до третьей платформы, у него перехватило дыхание. Усилием воли он скрыл усталость, так же как скрывал свой возраст, подкрашивая бакенбарды каштановой краской.

На верхней площадке его поджидала молодая женщина. Она была удивительно красива в этой розовой шляпке и таком же платье. Розовый цвет подчеркивал блеск ее губ. Сейчас ее звали Шарлотта, хотя за свою карьеру она поменяла немало имен. В настоящий момент она играла роль на международной политической сцене и находила, что все эти дипломаты, генералы и толстосумы намного забавнее джентльменов, что аплодировали ее игре в кровавых мелодрамах лондонских театров.

– Надеюсь, вы чувствуете себя так же блестяще, как выглядите, – сказал лорд Палмерстон.

– Неудивительно, что вы продержались в политике больше полувека, – улыбнулась Шарлотта и поцеловала его в щеку. – Ваши комплименты звучат так искренне, словно вы и в самом деле так думаете.

– Но я и в самом деле так думаю, – возразил он и поцеловал ее в ответ.

Они стояли под вентиляционной трубой, в которой свистел ветер, заглушая их слова. Если бы вопреки всем стараниям охраны лорда Палмерстона кто-то оказался свидетелем этой встречи, то соглядатай видел бы их лишь издали и смог бы сообщить только то, что их головы почти соприкасались, вероятно в поцелуе. Чего еще можно ожидать от человека, уже долгие годы скандально известного своими любовными похождениями?

– Доктор Мандт прибыл в Англию сегодня утром, – прошептала Шарлотта ему на ухо. – Сейчас он должен подъезжать к Седвик-Хиллу.

Седвик-Хилл. Услышав это название, лорд Палмерстон не удержался от вздоха. Посторонний наблюдатель решил бы, что он вздохнул оттого, что погладил ее шею.

– Наконец-то. Последнее сообщение пришло из Антверпена три дня назад. Я опасался, что русские перехватили его. – В противоположность нежному жесту, голос лорда Палмерстона звучал раздраженно. – Однако теперь, из-за убийства Дэниела Харкурта, Седвик-Хилл привлек внимание полиции. Все эти ухищрения были бы не нужны, если бы доктор Мандт не надумал бежать. Если бы он сохранил рассудок, то мог бы выждать месяц-другой, а потом сказать новому царю, что вынужден по семейным

обстоятельствам вернуться в Германию. У покойного царя и в самом деле была пневмония. Это вскоре подтвердили бы и другие врачи.

– Доктор Мандт утверждает, что у него не было выбора, – объяснила она, прижимаясь к нему щекой. – Как только царь умер, завистливые русские коллеги обвинили его во врачебной ошибке. И он полагал, что вскоре последуют обвинения в кое-чем похуже. Он сбежал сразу, как только представилась возможность.

– Но если бы русские агенты выследили его и заставили признаться, если бы во всем обвинили меня…

Лорд Палмерстон почувствовал секундный приступ головокружения, посмотрев с платформы на рельефные очертания материков и океанов.

– Кто не рискует, тот не выигрывает, – прошептала Шарлотта. – Оказалось, что военные аппетиты нового царя не так велики, как у его отца.

– Я знал, что все делаю правильно.

– Русские крестьяне взбунтовались из-за нехватки продовольствия, вызванной войной, – продолжала Шарлотта. – Следуя вашим инструкциям, мои агенты распространяют слухи о том, что русские солдаты на войне тысячами погибают от голода, а богатеи набивают чрево икрой и водкой. Мы выдали крестьянам расположение продуктовых складов, предназначенных для аристократии. Мы организовали нападения на эти склады. Мы поджигали поместья и обставляли все так, будто бы это сделали крестьяне. Новый царь не знает, что обойдется ему дороже – продолжение войны или революция. Его решимость слабеет с каждым днем.

– Возможно, наша решимость тоже слабеет, – заметил лорд Палмерстон. – Сегодня вечером произошел еще один инцидент с поездом. Скоро никто и нигде не сможет чувствовать себя в безопасности. Боюсь, что русские обратили мою стратегию против меня самого.

Повозка неожиданно остановилась. Сидевший в глубине ее мужчина с беспокойством выглянул из-под парусинового навеса. Не считая звезд и ущербной луны над головой, кругом была почти кромешная тьма.

– Доктор Мандт, вам пора выходить, – сказал возница по-немецки с английским акцентом.

– Но здесь же пустырь, – возразил Мандт.

– Так нам приказано, – добавил напарник возницы с таким же акцентом.

– Но… но ведь там темно.

– Я пойду с вами.

– Вы решили убить меня, да?

– Убить?

– Перережете мне горло и закопаете в поле.

– Доктор, поверьте, если бы мы хотели вас убить, то не стали бы тратить столько сил, помогая вам сбежать от русских. Прошу вас, идемте со мной. Этот молодой человек проводит нас туда, где вы сможете заночевать.

– Я не настолько глуп, чтобы согласиться…

– Взгляните на это с другой стороны. Если мы собираемся убить вас, то вы никак не сможете нам помешать, так что лучше поберегите свои нервы. Смотрите на жизнь с оптимизмом. Спускайтесь, и пусть молодой человек проводит нас к вашему временному пристанищу.

Дрожа всем телом, Мандт выбрался из-под навеса. Ноги едва держали его.

Единственный фонарь давал так мало света, что даже лошади с трудом находили дорогу.

– Ну и где ваш молодой человек? – спросил доктор.

Из-за фургона вышел высокий мужчина и что-то сказал по-английски. Возница перевел:

– Он говорит, что нужно идти вот по этой тропинке.

– Какой еще тропинке?

– Вот этой. Он говорит, что мы не сможем подъехать прямо к дверям, поскольку грохот повозки разбудит пациентов. Утром они начнут спрашивать, кто это приехал посреди ночи, а нам такие вопросы ни к чему.

– А что за пациенты?

– Долго объяснять. Утром сами все увидите.

– Вы хотите засадить меня в сумасшедший дом?

– Успокойтесь, пожалуйста, доктор. Это не сумасшедший дом, хотя пациенты – их здесь именуют гостями – с радостью платят за прием такие деньги, что их и правда можно заподозрить в сумасшествии. А теперь идемте, и прошу вас: с этой минуты никаких разговоров.

Молодой человек, не взяв с собой фонарь, повел доктора и его спутника по тропе. Бывший лейб-медик плотнее закутался в пальто, но продолжал дрожать. После долгого и опасного путешествия он каждое мгновение ожидал, что кто-нибудь выскочит из темноты и набросится на него.

Впереди на фоне звездного неба показался холм. У его подножия стояли три высоких здания. Под завывания ветра доктор и его сопровождающие подошли к боковой двери среднего из них.

За дверью тоже было темно. Молодой человек проводил бывшего

лейб-медика внутрь.

– Здесь вы будете в безопасности, – едва слышно произнес спутник Мандта. – Ничего не бойтесь.

«Ему-то легко так говорить, – подумал про себя несчастный доктор, – Это не он только и делал, что боялся, на протяжении последних двух недель».

После этих слов спутник бывшего лейб-медика направился обратно к фургону.

– Постойте! – взмолился Мандт. – Не оставляйте меня одного!

– Тихо, – произнес кто-то на чистом немецком, закрыв за поздним посетителем дверь.

В темноте вспыхнула спичка, едва не ослепив Мандта.

– Он сказал правду, – продолжил тот же голос. – Здесь вам ничто не угрожает.

Глава 7
Ледяной дом

– Доброе утро! – поприветствовал Де Квинси и Эмили представительного вида мужчина, открывший дверь на их стук, не дожидаясь слуг. – Я Эдвард Ричмонд, муж Кэролайн.

Шестидесяти с лишним лет, с модной бородкой и усами, мужчина был одет в пошитый на заказ сюртук, белую сорочку со сборками и темно-синим галстуком, что говорило о финансовом благополучии, но не выглядело при этом вульгарно.

– Заходите, заходите. На улице ужасный ветер. Прошу вас, поставьте сюда свои саквояжи.

Он оставил без внимания и маленький рост Де Квинси, и блумерсы Эмили. Не выразил удивления и тем, что девушка пожала ему руку, вместо того чтобы сделать книксен.

Со своей стороны Эмили постаралась не удивляться роскошному вестибюлю, более богатому, чем в доме лорда Палмерстона. Лестница с блестящими бронзовыми перилами тоже производила внушительное впечатление, она была так широка, что по ней могла спокойно пройти женщина в самом пышном платье. Античные статуи и изящные пейзажи скорее говорили не о богатстве хозяев или желании поразить гостей, а, наоборот, свидетельствовали об их тонком вкусе.

– Моя жена сейчас спустится к нам. С тех пор как я вернулся из Манчестера, она только и говорит о своем неожиданном открытии, что вы остановились прямо за углом от нас, мистер Де Квинси.

– Прошу вас, зовите нас Томасом и Эмили, – попросил Любитель Опиума.

– С удовольствием, но тогда и вы называйте меня Эдвардом. Думаю, мы можем позволить себе такую вольность, учитывая вашу давнюю дружбу с Кэролайн. Когда вы виделись в последний раз? Около пятидесяти лет назад? Я почти приревновал, когда она рассказывала о том, как вы спали под одной попоной и защищались от крыс, которых она принимала за привидения.

– При помощи яда, который я сам изобрел, – прибавил Де Квинси и потянулся к карману за лауданумом.

– Не сейчас, отец, – остановила его Эмили.

Де Квинси с разочарованным видом опустил руку.

– Я смешал фосфор с сахаром, свиным жиром, мукой и бренди. Привлеченные светом, крысы должны были проглотить это подобие теста для печенья и умереть. Это был мой прощальный подарок ей, и…

– И он подействовал, – оборвал его объяснения женский голос.

Они обернулись к Кэролайн, грациозно спускавшейся по лестнице с небольшим чемоданчиком в руке. Синий дорожный костюм из тонкой шерсти необыкновенно шел ей, подчеркивая золотисто-каштановый цвет волос. Как и накануне, она надела шляпку того же цвета, что и платье со свободной юбкой вместо кринолина. Легкость, с которой она выговаривала слова, пока спускалась по лестнице, подсказывала, что она, как и Эмили, не носила корсета.

– Кэролайн до сих пор пользуется вашей смесью, – сообщил Эдвард. – Но теперь она предназначается для того, чтобы освещать по ночам дом. Компания, с которой я связан деловыми отношениями, собирается начать промышленное производство этой смеси. Поскольку идея принадлежит вам, возможно, мне удастся добиться небольших комиссионных для вас, когда товар выйдет на рынок.

Кэролайн наклонилась и поцеловала Де Квинси в щеку.

– Прекрасная мысль.

– Как все-таки хорошо, что я не ревнив, – шутливым тоном отозвался Эдвард.

– Доброе утро, Эмили, – сказала Кэролайн, обнимая девушку.

– Доброе утро.

– Надеюсь, вы не станете думать обо мне хуже, если я не пойду в церковь в воскресенье. Помочь моей дочери – а ее муж серьезно болен – для меня важнее, чем сидеть в молельне.

– Я велел слуге найти кеб, – сообщил Эдвард. – Хотя и не одобряю этой поездки, Кэролайн.

– Им не удастся сделать из меня затворницу.

– Им? – переспросила Эмили. – Случилось что-то еще?

– Вчера вечером произошел новый инцидент с поездом, выехавшим с Пэддингтонского вокзала, – объяснил Эдвард. – Начался пожар, составу пришлось остановиться, и тут в него врезался другой поезд. Несколько человек погибли.

– Боже милосердный!

– В поезде находилась лишь треть от обычного числа пассажиров. Иначе жертв было бы больше. Мой поезд приехал на Юстонский вокзал через час после катастрофы. Но за это короткое время слухи с

Пэддингтонского вокзала уже успели добраться туда и вызвали настоящую панику. Пассажиры, взявшие билет на следующий поезд, наотрез отказались садиться в него. Среди моих деловых партнеров есть и управляющие железнодорожными компаниями. Сегодня они пригласили меня на экстренное заседание в Королевской бирже.

– Вы сказали «пожар»? – В голубых глазах Де Квинси вспыхнули искры интереса. – Это был умышленный поджог или несчастный случай?

– Полиция еще не установила, но говорят, что это сделали чертовы русские. Простите за грубость, но завтра фондовый рынок ожидает катастрофа. Финансовый кризис затронет всех: и лавочников, и владельцев отелей, и бакалейщиков, и портных, и даже разносчиков пива в тавернах. Кэролайн, я не смогу сопровождать тебя из-за того совещания, о котором уже упомянул. Поэтому прошу тебя отложить поездку до тех пор, пока все не успокоится.

– Уступить своим страхам? Ну уж нет. Нашей дочери и так нелегко. Я обещала ей, что приеду сегодня, и не хочу обманывать ее надежды. Томас и Эмили, уверяю вас, я не обижусь, если вы останетесь в Лондоне, но…

– Остаться в Лондоне? – воскликнула Эмили. – И думать забудьте. Мы согласились ехать с вами и именно это и намереваемся сделать. Познакомимся с вашей дочерью, а также с доктором и его клиникой. Разве я не права, отец?

В обычные дни площадь возле Юстонского вокзала едва ли не целиком заполнялась кебами, но сегодня здесь стояло не больше пары экипажей. Порывы ветра гнали мусор и пыль в массивную римскую арку. Мимо пробежали две собаки, настолько отощавшие, что ребра выступали наружу. Кроме них, а также горстки жалких нищих в рваных солдатских мундирах, прошедших Крымскую войну, на огромном дворе никого не было.

Де Квинси, Эмили и Кэролайн выбрались из кеба и поспешили к вокзалу. Капли дождя забарабанили по их спинам.

Тишина, повисшая в главном вестибюле, казалась зловещей. Стук обитых медью дверей отразился эхом от колонн и гранитных лестниц, которых обычно не было видно за непрерывным потоком пассажиров.

Мужчина в билетной кассе ошеломленно взглянул на нежданных посетителей из-под очков.

– Три билета в первый класс до Седвик-Хилла, пожалуйста.

Кэролайн выложила монеты на прилавок.

– Вы уверены, сударыня? – удивленно спросил кассир.

– Да, – подтвердила Кэролайн. – Нам нужно в Седвик-Хилл.

– Я не это имел в виду. Вы уверены, что вообще хотите ехать?

– Почему вы задаете такие странные вопросы?

– Разве вы не слышали о вчерашнем происшествии?

– Слышали. И о том, что случилось в четверг вечером – тоже, – ответила Кэролайн. – Но это еще не значит, что и сегодня обязательно произойдет что-то плохое. Прошу вас, дайте нам билеты.

– Вы хотите сказать, что знаете обо всем и все равно собираетесь ехать на поезде?

– Дорогой мой, вы говорите так, будто сами не служите на железной дороге.

– Возможно, с завтрашнего утра уже не буду. Вы – первые пассажиры, которых я сегодня видел. Если так пойдет и дальше, я потеряю работу.

– Пассажиры вернутся, как только поймут, как глупо они себя вели, – успокоила его Кэролайн. – Дайте нам билеты, пожалуйста.

– С радостью, сударыня. Хотелось бы чаще встречать столь трезвомыслящих людей, как вы.

Втроем они направились по короткому темному коридору к турникету, где кондуктор – не менее удивленный, чем кассир, – проверил их билеты. За исключением поезда и скучающих без дела носильщиков, перрон под стеклянной крышей был пуст. Обычно здесь стоял оглушительный гвалт, но этим утром только пыхтение паровоза нарушало тишину.

Они подошли к открытой двери вагона первого класса. Кэролайн остановилась и долго вглядывалась в темноту небольшого купе, словно не решаясь зайти внутрь. Наконец она вздохнула и поднялась в вагон. Эмили и Де Квинси заняли места напротив нее.

Когда все устроились на мягких синих подушках, Кэролайн указала на пустое место рядом с собой.

– По крайней мере, мы можем не беспокоиться из-за того, что кто-нибудь подсядет к нам.

Как раз в тот момент, когда Де Квинси вытащил из кармана пальто бутылочку с лауданумом, к ним подошел кондуктор. Он с подозрением покосился на бутылочку и сказал:

– Все готово к отправлению.

Судя по тону, на самом деле он хотел спросить: «Вы действительно собираетесь ехать или все-таки передумаете?»

– Чем раньше мы отправимся, тем быстрее приедем, – ответила Кэролайн.

Кондуктор кивнул и запер дверь. Ключ в замке заскрежетал громче обычного. Сквозь решетку было видно, как кондуктор подошел к

следующему купе и закрыл и его тоже.

К удивлению Де Квинси и Эмили, Кэролайн достала из сумочки большой ключ, выглядевший точно так же, как и тот, что был у кондуктора.

– Где вы его взяли? – спросила Эмили.

– Прошлым летом Эдвард выпросил этот ключ у одного из своих клиентов, управляющего железной дорогой. Знаете, что он сказал в ответ Эдварду? «Отличная идея. Я сам никогда не сажусь в поезд без ключа». Если произойдет что-то непредвиденное, мы сможем поднять окно и открыть дверь.

Вагон качнулся, и поезд тронулся с места. Кэролайн сложила руки на коленях. Эмили опустила взгляд на коврик из кокосового волокна. Де Квинси глотнул из бутылочки лауданума.

– Уверен, что так скоро после вчерашнего происшествия никаких неприятностей не случится, – заявил он.

– Вот как? – удивилась Кэролайн. – Почему ты так думаешь?

– Потому что убийство как изящное искусство, помимо сострадания и страха, основано на тревоге. Что больше действует на публику: потрясение от увиденного или напряженное ожидание чего-то ужасного?

Поезд набрал скорость. Тучи опустились ниже. По оконному стеклу поползли капли дождя.

– Нет, – продолжил Де Квинси, – кто бы ни совершил эти преступления, он будет ждать, пока люди полностью не осознают их ужаса.

Поезд начал описывать дугу, и вагон опять покачнулся. Теперь уже Кэролайн и Эмили вместе смотрели на коврик у них под ногами.

– Кроме того, следующее происшествие не будет связано ни с Юстонским вокзалом, ни с Пэддингтонским, ни с вокзалом Ватерлоо, – добавил Де Квинси. – Чтобы парализовать всю страну, нужно совершить диверсии на других железнодорожных линиях. Кэролайн, долго ли нам ехать до Седвик-Хилла?

– Двадцать минут, – ответила она, вероятно обрадованная возможностью отвлечься.

– Тогда у нас есть время послушать твой рассказ.

– Какой рассказ?

– О том, что произошло с тобой после того, как я покинул этот проклятый дом на Греческой улице.

– Боже мой! – пробормотал Райан.

Полицейский фургон вез его и Беккера по дороге, параллельной железнодорожным путям. Казалось, этим свидетельствам катастрофы не

будет конца. Сброшенные с рельсов вагоны валялись повсюду: обгоревшие, перевернутые вверх колесами, искореженные. Паровоз, который врезался на полном ходу в остановившийся поезд, со взорванным котлом лежал на боку, за ним по обугленной земле тянулась глубокая борозда. Перепутанные провода обвились вокруг поваленных телеграфных столбов. Спасатели разыскивали пострадавших, грохочущие кареты скорой помощи увозили раненых. Вдали – возле первого паровоза – на земле разложили в ряд трупы погибших, накрытые простынями.

– Остановите здесь, – сказал вознице инспектор.

Они с Беккером спрыгнули и подошли ближе, широко раскрытыми глазами глядя на царивший кругом хаос.

– Я никогда не был на войне, но предполагаю, что это очень на нее похоже, – признался потрясенный сержант.

– Это гораздо хуже, – сказал окровавленный, перепачканный в грязи кондуктор. – Вы и есть детективы из Скотленд-Ярда?

Райан и Беккер показали ему свои жетоны.

– В Крыму я видел воронки от взрывов с торчавшими из земли руками и ногами. Много воронок, много… – Кондуктор махнул перевязанной рукой, словно пытаясь отогнать воспоминания. – Прошло время, и я к этому привык. Но здесь… в пяти милях от Лондона, среди английских лесов и лугов, где через месяц начнут пасти скот и где женщины и дети совсем не ожидали смерти… Нет, это гораздо хуже.

– Вы знаете, из-за чего мог возникнуть пожар? – спросил Беккер.

– Знаю, и без всяких «мог». Подойдите к этому вагону. Только не споткнитесь об этот острый кусок металла, торчащий из травы. Обойдите это колесо.

Пока Райан и Беккер пробирались сквозь обломки, раненых погрузили в еще одну карету скорой помощи.

– Вот здесь все и случилось.

Кондуктор указал на среднее купе вагона с разбитыми окнами, покореженными дверями, обгорелыми стенами и вздувшейся крышей.

Райан и Беккер подошли ближе.

– Поток горячего воздуха выбил запертую дверь, – продолжал кондуктор. – Видите кучу пепла на правом сиденье? Это был саквояж.

– Дверь точно была заперта? – уточнил Райан. – Тот, кто находился внутри, не мог убежать, но трупа я не вижу.

– Потому что в этом купе никого не было, – объяснил кондуктор. – Прежде чем запереть дверь, я убедился, что купе пустое. И я точно помню, что окна были опущены, так что пожар не мог начаться от искры,

залетевшей внутрь.

– В купе никого не было? – удивленно повторил Беккер. – Как же туда попал саквояж?

– Я и сам хотел бы это знать, – ответил кондуктор. – Насколько я понимаю, кто-то вошел в купе и оставил саквояж на багажной полке. Затем тот, кто это сделал, вышел из купе и либо сел в следующее, либо как-то ухитрился проскочить мимо охраны у входа на перрон. Охранники проверяют билеты, чтобы никто не смог бесплатно проехаться на поезде. Они наверняка поинтересовались бы, почему кто-то решил вернуться, хотя поезд еще не тронулся с места.

– Он мог сказать, что внезапно почувствовал себя плохо, – предположил Беккер. – Так случилось на вокзале Ватерлоо. Или что должен срочно вернуться домой, потому что вспомнил про незакрытый газовый вентиль.

Райан одобрительно кивнул своему коллеге:

– Если так, то охранники могли запомнить этого человека, и тогда мы узнаем, как он выглядел.

– Но что было в саквояже, из-за которого начался пожар? – задал новый вопрос Беккер. – Еще одна бомба с медленно горящим фитилем?

– Я не слышал взрыва, – возразил кондуктор. – Но даже если его заглушил шум паровоза, разве вы видите какие-то признаки того, что здесь что-то взорвалось?

– Нет, не видим, – согласился Райан.

– Возможно, фитиль соединялся с коробкой, в которую был насыпан порох, – предложил свое объяснение кондуктор. – Тогда он не взорвался бы, а просто вспыхнул.

– В пяти милях от Лондона. – Райан покачал головой. – Этот фитиль должен был гореть чертовски медленно.

Поезд въехал в тоннель, и внезапно наступившая темнота окутала Томаса, Эмили и Кэролайн. Паровоз зашумел громче. Де Квинси и его дочь уставились на дальнюю дверь купе.

– Что-то случилось? – забеспокоилась Кэролайн.

– Именно здесь труп Дэниела Харкурта сбросили с поезда, – объяснил Любитель Опиума.

– Когда поезд остановился, мы прибежали сюда, чтобы помочь ему, – добавила Эмили, продолжая глядеть в темное окно. – Но уже ничего не могли сделать.

Поезд выбрался из тоннеля навстречу дневному свету. Вместо пятен

крови, появившихся на окне в четверг вечером, по стеклу ползли капли дождя. Лишь минуту спустя Де Квинси и Эмили снова посмотрели на Кэролайн.

– Томас, ты хотел знать, что случилось со мной после твоего отъезда в Итон, – заговорила она. – Брунелл не появлялся дома трое суток. На четвертый день он вернулся испуганный до крайности. Я помогла ему собрать все документы из дальней комнаты и сложить их возле камина, а затем он велел мне наблюдать за улицей через щелку между портьерами и предупредить, если кто-нибудь подойдет к дому. Он сжег все бумаги и потащил меня за собой через черный ход.

– Вы не знаете, чего он так боялся? – поинтересовалась Эмили.

Кэролайн покачала головой.

– Он работал на ростовщиков. Возможно, кого-то из них разозлило, что Брунелл поручился за человека, занявшего большую сумму, а потом исчезнувшего, – предположил Де Квинси.

– Какой бы ни была причина, мы поспешно сели в почтовую карету и направились в Брайтон, – продолжила Кэролайн. – Когда мы туда приехали, то прошли по дороге еще несколько миль до постоялого двора. Наутро мы пешком добрались до соседнего города и снова сели в почтовую карету. Так повторялось много раз – пешком, в карете, снова пешком и опять в карете. Казалось, мы путешествуем без всякой цели. Через неделю мы прибыли в Бристоль, и там Брунелл продал меня.

– Что? – поразилась Эмили.

– В конце концов я выяснила, что Брунелл подыскивал для ростовщиков клиентов, желающих занять деньги под залог будущего наследства. В Бристоле он повстречался с человеком, который должен был унаследовать крупное состояние от отца, владеющего железнодорожной компанией.

– Что значит «должен был»? – спросил Де Квинси.

– Он был единственным сыном в семье, – пояснила Кэролайн. – К трем своим дочерям отец никогда не испытывал нежных чувств и не сильно горевал, когда они, одна за другой, умерли от различных болезней. Это было мрачное семейство, и сын сделал его еще мрачнее, когда влюбился в продавщицу из соседней лавки. Отец потребовал, чтобы он порвал с девушкой. Но вместо этого сын сбежал из дома и женился на своей возлюбленной, надеясь тем самым смягчить недовольство отца. Однако тот, напротив, разгневался еще сильнее и вычеркнул его имя из завещания, объявив наследником своего делового партнера. Вконец озлобившись, он ничего не оставил даже своей жене, опасаясь, что после его смерти она

простит сына.

Поезд качнулся на повороте, и Кэролайн ухватилась за поручень над головой.

– Однако его планам не суждено было сбыться, – сказала она. – С партнером произошел несчастный случай. Во время погрузки товара на корабль лопнул трос, и контейнер задавил его насмерть. За всеми последующими хлопотами – организацией похорон и переоформлением документов на компанию – отец позабыл изменить завещание и неделю спустя сам погиб в дорожном происшествии, когда его карета опрокинулась. Это случилось через десять лет после того, как он лишил сына наследства. Продавщица к тому времени уже умерла от холеры, после чего сын попытался вернуть расположение отца, но не добился успеха. Затем он решил взять ссуду у лондонских ростовщиков и обратился к Брунеллу. Тот ознакомился с копией завещания и предложил трактовать его так: поскольку наследник не назван, имущество должно перейти к вдове покойного.

Де Квинси озадаченно посмотрел на Кэролайн:

– Но разве у этого человека не было других родственников-мужчин – пусть даже самых дальних?

– Были, но Брунелл и не рассчитывал на победу в суде, – ответила Кэролайн. – Он хотел лишь припугнуть завещанием наследника – троюродного брата покойного – и надеялся, что тот предпочтет договориться с вдовой, а не истратить все состояние на судебные издержки в затянувшемся, как это часто случается, процессе.

– Но как это могло помочь сыну покойного? – не поняла Эмили. – Его лишили наследства, и он в любом случае ничего не получил бы.

– В этом и заключался блестящий план Брунелла. У сына покойного своих детей не было, и мне предстояло изображать его дочь. Понимаете? Вдова потеряла трех дочерей, муж ее был жестоким тираном, а сбежавший сын добавил ей новых страданий. Она уже не надеялась на счастливую старость, и вдруг выясняется, что у нее есть внучка.

– И план Брунелла увенчался успехом? – спросил Де Квинси.

Кэролайн кивнула:

– Ради меня, мнимой своей внучки, вдова приняла сына. Брунелл намекнул троюродному брату покойного, что суд может встать на сторону вдовы и ее внучки – девочки, которой пришлось жить в нищете из-за бессердечности собственного деда, – а не на сторону дальнего родственника. В обмен на отказ оспаривать завещание вдова получила солидный ежегодный доход, значительно превышающий ту сумму, что ей

мог бы выделить прижимистый деловой партнер мужа. Этого с лихвой хватало и ей, и ее сыну, и мне. Мы провели несчастную женщину, но обман не причинил никому вреда. На самом деле она была счастлива и обеспечила мне такую жизнь, о какой я не могла и мечтать. Она дала мне образование. Она поощряла во мне стремление к независимости, которой сама никогда не имела. Я подружилась с этим троюродным братом, унаследовавшим компанию, и упросила научить меня ведению финансовых дел. Когда я выросла, за мной ухаживали банкиры и юристы, и у них я тоже многому научилась. А потом я встретила Эдварда, чудесного человека, ставшего моим мужем, и у него достало мудрости понять, что независимость значит для меня больше, чем что-либо другое в этом мире. Мы с ним стали настоящими партнерами.

– А что случилось с Брунеллом? – спросила Эмили.

– Он так и продолжал жить, оглядываясь через плечо. Как только сын покойного выплатил ему комиссионные, Брунелл сел на пароход и уплыл в Соединенные Штаты.

Кэролайн внезапно нахмурилась.

– Вам не кажется, что поезд снижает скорость?

За окном показались дома.

– Ах, вот оно что. Не стоит беспокоиться, мы прибыли, – объявила Кэролайн.

По-прежнему моросил дождь. Они втроем поспешили к поджидавшему их крытому экипажу. Возница погрузил багаж и хлестнул лошадь. Эмили укрыла пледом отца, уставившегося в окно.

Седвик-Хилл – еще один городок, расположенный на значительном отдалении от Лондона, – стал благодаря железной дороге легкодостижим для столичных жителей. Они принялись скупать здесь дома, в которых могли по вечерам после службы насладиться цветущими садами, облагороженными местными жителями. Еще большее наслаждение приносил чистый воздух, так разительно отличавшийся от миазмов Лондона.

В противоположность тому городку, в котором Де Квинси и Эмили провели ночь после убийства Дэниела Харкурта, Седвик-Хилл казался процветающим. Улицы были вымощены булыжником, лавки сверкали свежей краской, как и множество других домов, очевидно построенных совсем недавно.

– Кэролайн, – обратился к спутнице Де Квинси, – в четверг ночью мы побывали в городке, в котором земельные спекулянты заложили больше

домов, чем потом сумели продать. Там повсюду попадались заброшенные, недостроенные здания. Местные жители были очень недовольны. Почему же Седвик-Хилл, более удаленный от Лондона, находится в лучшем состоянии?

– Это все из-за гидропатической клиники, которую мы с вами посетим завтра, – ответила Кэролайн. – Видишь там, впереди, холм, по которому городок получил свое название, а рядом с ним…

Экипаж приближался к обширному поместью. Дорога из белого гравия уводила вправо, к поросшей травой лужайке со скамейками и посаженным вдоль аллей кустарником. За ней на фоне холма вырисовывались три больших высоких здания. Разделенные деревьями и нехожеными дорожками, они напоминали роскошные отели. Многочисленные фронтоны делали пять этажей этих строений еще более впечатляющими.

Рядом с дорогой из белого гравия стоял указатель.

ДОКТОР ЭРНЕСТ УЭЙНРАЙТ ГИДРОПАТИЧЕСКАЯ КЛИНИКА

– В этих корпусах, должно быть, не меньше трехсот комнат, – потрясенно произнесла Эмили.

– И все они, как правило, заняты, – добавила Кэролайн. – Иногда на уик-энд, чаще на целую неделю, но обычно их заказывают сразу на месяц.

– На месяц? – удивилась Эмили.

– Те, кто обращается за помощью к доктору Уэйнрайту, страдают хроническими болезнями, такими как ревматизм и почечные камни. Требуется непрерывный уход, чтобы справиться с симптомами. Но многие к тому же испытывают и общую слабость, и таким пациентам требуется восстановить активность всего организма. Надо было сказать «гостям», а не «пациентам». Доктор Уэйнрайт называет своих клиентов именно так. Нетрудно догадаться, что такое крупное заведение не может работать без многочисленного обслуживающего персонала, в особенности для прачечной, кухни и обеденного зала. Разумеется, водные процедуры проводят опытные специалисты, но вся остальная прислуга набирается из жителей городка. Этим и объясняется различие между Седвик-Хиллом и тем городом, о котором ты говорил, – наличие рабочих мест. Местные жители благодарят Небеса за то, что в округе текут ручьи с такой чистой водой – возможно, самой чистой во всей Англии. Как любит говорить доктор Уэйнрайт, «не может быть чистой души без чистого тела, и ни того ни другого не может быть без чистой воды».

– Похоже, он философ, – заметил Де Квинси.

– Уверена, он будет рад побеседовать с тобой завтра, – сказала в ответ Кэролайн.

Заслышав шум проезжающего мимо экипажа, доктор Мандт отважился подойти к чердачному окну. Он осторожно раздвинул занавески. Капли дождя сползали по стеклу. Он перевел взгляд с лужайки и кустарника на дорогу, по которой к клинике подъезжал экипаж.

Верх экипажа был поднят, мешая доктору разглядеть пассажиров. Он представил себе русских с мрачными лицами, раздраженных затянувшейся погоней. Представил оружие, спрятанное в их карманах: наверняка ножи, а возможно, и револьверы. Представил, как повозка поворачивает на подъездную дорогу, останавливается перед одним из трех зданий и…

К облегчению Мандта, экипаж миновал поворот и направился в противоположную от клиники сторону.

Громкие голоса заставили бывшего лейб-медика пробраться между ящиками и старой мебелью к заднему окну и снова выглянуть из-за занавески. Из этого окна открывался вид на холм позади роскошных зданий. Вверх по склону, оживленно переговариваясь, бежали, торопливо шли и едва тащились какие-то люди. Молодые и старые, мужчины и женщины. Каждый из них держал в руке чашку, и, несмотря на холодный ветер, они как будто соревновались, кто первым доберется до грота, расположенного на полпути к вершине холма. Некоторым из тех, кто взбирался по склону, явно требовалась помощь. Достигнув цели, набрав в чашку воды из фонтана и залпом осушив ее, мужчины и женщины с радостным смехом спускались вниз мимо усердно продолжающих подъем и тяжело дышащих конкурентов.

Безумие.

В дверь трижды постучали костяшками пальцев. Мандт подождал. Снова трижды постучали. И только после того, как в дверь постучали в третий раз, он подошел к ней. Ему сказали, что тому, кто воспользуется таким условным сигналом, можно доверять. Дрожащей рукой бывший лейб-медик открыл маленькое оконце и посмотрел на верхнюю площадку узкой лестницы. Даже в темноте он легко углядел знакомые седые усы.

– Вода жизни, – сказал посетитель по-немецки, но с английским акцентом.

Как и условный стук, выражение тоже было сигналом, означающим, что ничего дурного не произошло. Эти слова успокоили Мандта, однако он, отодвинув засов на двери, опасливо отступил на шаг.

Тот, кого ему представили как доктора Уэйнрайта, принес с собой плетеную корзину.

– Guten morgen[8], – поздоровался он и продолжил все так же по-немецки: – Вам удалось поспать этой ночью?

– Совсем немного.

– Неудивительно. Вы, должно быть, переволновались по дороге сюда. Приношу свои извинения за обстановку.

Уэйнрайт показал рукой на заполнявший пыльный чердак хлам. Кушетка, на которой пытался уснуть доктор, пряталась в углу за ящиками.

– Что это за место? – спросил Мандт.

– Гидропатическая клиника.

– Водолечебница? Надеюсь, не такая, как в Греффенберге? – вспомнил бывший лейб-медик о сомнительном заведении в австрийских горах.

– Именно такая. Я два года проходил там обучение.

– Но тот, кто ее основал, был сыном простого крестьянина, не получившим ни унции медицинского образования.

– В отличие от него, я получил медицинское образование в Эдинбургском университете, – ответил Уэйнрайт, гордо выпрямившись.

– Приношу свои извинения, я не хотел вас обидеть.

– Пустяки. Ваши нервы на пределе. Возможно, короткий отдых поможет снять напряжение. – Уэйнрайт принялся доставать из корзины продукты. – Не знаю, к какой пище вы привыкли в Санкт-Петербурге, но думаю, немного хлеба, сыр и кусок вареного окорока не повредят вашему желудку. И выпейте вот это.

Он поставил на стол две бутылочки кеглеобразной формы.

– Что это такое?

– Я назвал этот напиток тонизирующей водой.

– Вода? Мне сейчас больше пригодился бы шнапс.

– Боюсь, вы здесь не найдете ничего спиртного, – сказал доктор Уэйнрайт. – Судя по цвету вашей кожи, вам нужна промывка организма.

– К черту вашу промывку! Сколько еще мне здесь торчать? Когда я смогу отплыть в Соединенные Штаты?

– Мы планировали завтра отвезти вас поездом в Бристоль и там посадить на пароход, но, возможно, вам придется задержаться на день-другой.

– Задержаться? Вы обещали, что никаких задержек не будет, – напомнил Мандт.

– К сожалению, недавно произошли неприятные случаи, связанные с поездами.

– Что еще за случаи?

Уэйнрайт поднял руку в успокаивающем жесте:

– Пожар и столкновение поездов. Ничего такого, что могло бы коснуться вас лично. Но пассажиров на железной дороге стало намного меньше. Мы не можем исключить того, что русские следят за вокзалами. Не имея возможности затеряться в толпе, вы рискуете быть узнанным. Мы решили принять дополнительные меры безопасности, и как только все придет в порядок, сопровождающие доставят вас в Ливерпуль вместо Бристоля. Он находится дальше от Лондона, и меньше вероятность, что вас будут там поджидать.

– Напрасно я на все это согласился, – простонал Мандт.

Небо сделалось совсем серым. Редкие капли дождя застучали по крыше экипажа, свернувшего к подъездной дорожке, обсаженной двумя рядами высоких деревьев с голыми ветвями.

– Обычно к этому времени на деревьях уже распускаются почки, но непривычно холодная погода… – Кэролайн не стала договаривать. – Это поместье принадлежит мужу моей дочери, лорду Кавендейлу.

Они подъехали к большому особняку, похожему на замок.

– Твоя дочь тоже удачно вышла замуж? – спросил Де Квинси. – Тебе есть чем гордиться.

– Этот брак получился не настолько счастливым, как может показаться. – Кэролайн посмотрела на свои руки. – Мою дочь зовут Стелла. Она часто встречала лорда Кавендейла – на ужинах, балах и фуршетах, а также на Хенлейской регате и скачках в Эпсоме, которые я устраиваю для клиентов моего мужа.

При небрежном упоминании самых значительных событий в светской жизни Лондона Де Квинси и Эмили переглянулись. Этот мир они даже вообразить себе не могли.

– Первая жена лорда Кавендейла пять лет назад утонула, когда перевернулась ее лодка, – продолжала Кэролайн. – Он уже два года был вдовцом, когда познакомился со Стеллой. Он был одинок, а Стелла, как вы скоро убедитесь сами, очень красива. Только разница в возрасте могла помешать этому браку.

– Разница в возрасте? – переспросила Эмили.

– Лорду Кавендейлу шестьдесят лет. Стелла вдвое моложе. На момент женитьбы у лорда Кавендейла было два взрослых сына, приблизительно того же возраста, что и Стелла. Я слышала, что сыновья не желали принимать мачеху, годившуюся им в сестры. Очевидно, лорд Кавендейл

сумел переубедить своих детей.

– Ты сказала, на момент женитьбы у него было два сына – в прошедшем времени, – заметил Де Квинси.

– Да, старший сын умер от брюшного тифа вскоре после того, как лорд Кавендейл и Стелла стали мужем и женой. Стелла делала все, от нее зависящее, чтобы утешить мужа, несмотря на враждебность покойного по отношению к ней. Само собой, эта смерть омрачила первые годы их брака.

– В самом деле печально, – согласился Де Квинси.

– Несчастья на этом не закончились. В положенный срок Стелла забеременела, но ребенок, девочка, умерла от лихорадки всего через неделю после рождения. Стелла родила и второго ребенка, но все время опасается, что с ним тоже произойдет что-нибудь ужасное. Она переживает из-за любого пустяка и… – Кэролайн покачала головой. – Мне начинает казаться, что я напрасно позвала тебя с собой, Томас. Не стоит перекладывать на тебя проблемы Стеллы. Но я надеялась, что ты сможешь развлечь ее. Твои друзья из журнала, с которым ты сотрудничаешь, признавались, что беседовать с тобой настолько увлекательно, что у них порой возникало искушение взять тебя в плен, держать под замком и выпускать лишь тогда, когда нужно оживить вечер.

– Боюсь, что в последнее время мои беседы потеряли былую оживленность, – признался Де Квинси, сжимая в руке бутылочку с лауданумом. – Но ради тебя я постараюсь.

– Я была бы тебе очень благодарна. Беды не оставляют нас, и когда заболел сам лорд Кавендейл…

Не успела Кэролайн закончить фразу, как экипаж остановился возле гранитных ступеней, ведущих к обрамленной колоннами двери особняка. Из нее вышел облаченный в ливрею слуга с зонтиком в руке. Другой слуга открыл дверцу кареты.

Продолжение дневника Эмили Де Квинси

Вопреки своему внушительному виду, это был самый мрачный дом из тех, в которые я когда-либо входила. Конечно, день был сырым и холодным, а темные тучи наполнили интерьер тенями, но каждый камин, что я видела, полыхал, каждая лампа горела, и все равно это место напоминало склеп.

Каменные стены были завешаны гобеленами, изображавшими

буколические сценки с пастухами и резвящимися нимфами, но полуодетые создания вызывали у меня сочувствие: как же, должно быть, холодно им здесь.

– Мама!

В голосе молодой женщины, которая спешила к нам из огромной гостиной справа, звучало облегчение.

– Когда наконец прибыла утренняя «Таймс» и я прочитала обо всех этих неприятностях с поездами, – она крепко обняла Кэролайн, – то испугалась, что ты не сможешь навестить меня сегодня.

– Ничто бы меня не остановило, – ответила Кэролайн. – Томас, Эмили, это моя дочь Стелла. Стелла, я привела тебе знаменитого гостя…

Отец выглядел смущенным.

– Томаса Де Квинси.

– Де Квинси… – Стелла, казалось, силилась вспомнить, откуда ей может быть знакомо это имя.

– «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум», – подсказала Кэролайн. – Он мой стародавний друг.

Стелла одарила отца восхищенной улыбкой и, казалось, даже не замечала его малого роста.

– Известный писатель. Такая честь. Надеюсь, вы не станете думать обо мне плохо, если я признаюсь, что не читала вашу «Исповедь». Конечно, я слышала о ней, как и все, но во времена моей юности мама считала, что это не подходящее для меня чтение.

– Ваша матушка была права, – сказал отец. – Моя «Исповедь» потрясла взрослых, и я не решаюсь представить, какое впечатление она могла произвести на ребенка.

– Но теперь я ее непременно прочту, – пообещала Стелла. – И с нетерпением жду возможности поговорить о ней с вами, как и обо всем вашем творчестве. Беседы здесь не слишком оживленные. И любая перемена доставит нам радость.

– Видишь, Томас? – спросила Кэролайн. – Я была права.

Кэролайн была права и кое в чем еще. Она не преувеличивала – ее дочь на самом деле была красивой, но несколько в ином смысле.

В отличие от материнских волос цвета корицы, у Стеллы были светлые волосы и светлая кожа отца, но тонкие – думаю, некоторые могли бы даже сказать «изящные» – черты лица делали ее по-своему блистательной. Зеленые глаза напоминали изумруды. Она словно бы вся сияла.

– Скорее входите, здесь теплее, – пригласила она нас в гостиную, где,

разгоняя холод, потрескивал огонь.

Кэролайн, отец и я встали перед каминной решеткой, протягивая руки к теплу.

– Слуги заберут вашу одежду.

Я настолько замерзла, что помешкала, прежде чем отдать свое пальто.

– Пожалуйста, присаживайтесь, – сказала нам Стелла. – Здесь, рядом с Робертом.

Я посмотрела туда, куда она указала, и впервые заметила мужчину в кресле-каталке.

Ничто в его лице не шевельнулось, даже глаза, хотя Стелла склонилась и обратилась непосредственно к нему. Он неподвижно смотрел перед собой, скорее сквозь, а не на нее.

– Посмотри, Роберт. Мама привезла гостей. Разве это не чудесно? Известный писатель, Томас Де Квинси. Ты знаком с его трудами? Ты читал его «Исповедь англичанина, употреблявшего опиум»? Сегодня вечером нас ждет увлекательная беседа.

«Может, и так, – подумала я, – но не с человеком в кресле-каталке».

С тем же успехом Стелла могла разговаривать с лампой. Человек в кресле-каталке просто продолжал смотреть сквозь нее. Кэролайн рассказала нам, что лорду Кавендейлу, которым, как я предполагала, и был этот мужчина, исполнилось шестьдесят лет, но ему могло быть и сто – настолько запавшими выглядели его щеки и глаза. Морщин на его лице было куда больше, чем у отца в его шестьдесят девять. Волосы походили на серую и безжизненную паутину.

Стелла подоткнула ему одеяло и повернулась к нам со словами:

– Пожалуйста, пожалуйста, садитесь. Роберт никак не реагирует на то, что мы говорим, но, возможно, он нас слышит. Возможно, его разум изголодался по общению. Возможно, мы скажем нечто, что наконец вызовет его ответ.

Тон ее голоса был жизнерадостным, но я не могла не заметить затаенную печаль – и даже отчаяние, – которые она, казалось, едва сдерживает.

– Представляю себе, какое беспокойство вы ощущали, отправляясь сюда, учитывая все беды с поездами, да еще и в такой тоскливый ветреный и дождливый день. – Стелла повернулась к слуге. – Принесите чай и печенье. – Она быстро оглянулась на нас и спросила: – Но, возможно, печенье вам не по нраву? Возможно, вы предпочтете…

– Стелла, – Кэролайн обняла ее, – почему бы тебе не присесть? Ты, должно быть, сама не замечаешь, что говоришь так же быстро, как мчатся упомянутые тобой поезда.

Стелла удивленно взглянула на нее:

– Разве я быстро говорю?

Она обратила свой вопрос к нам с отцом.

– Возможно, совсем чуть-чуть, – с улыбкой ответила я. – Но я привыкла к такому. Иногда мы подолгу ни с кем не разговариваем, пока прячемся от кредиторов. Поэтому я тоже иногда говорю слишком быстро.

– От кредиторов? – смущенно переспросила Стелла.

Про себя я порадовалась, что моя попытка отвлечь ее принесла успех.

– Да, жизнь писателя переменчива.

– Строчишь, строчишь… – Отец понял мою подсказку и замахал правой рукой, словно записывая что-то гусиным пером. – Я завишу от милости капризных редакторов. В один день им мало того, что я пишу. В другой они говорят, что я вышел из моды. Но я продолжаю работать, бросая за спину одну исписанную страницу за другой, пока пол не покрывается ими, будто снегом.

Стелла задумчиво изучала наши улыбки, а затем сказала как-то неопределенно:

– Вы, конечно, преувеличиваете.

– Однажды домовладелец год держал меня в плену, заставляя постоянно писать, пока я не заплатил свой огромный долг.

– Вас год держали в плену? Это не может быть правдой.

– К сожалению, это она и есть, – подтвердила я.

– Спасаясь от кредиторов, я однажды бежал через всю Шотландию – от Эдинбурга до Глазго, – продолжал отец. – Один знакомый позволил мне спрятаться в обсерватории Глазго. Какая это была радость – каждую ночь смотреть в бесконечное небо и понимать, что твои проблемы ничто по сравнению с необъятностью Вселенной.

Стелла обдумала его слова и кивнула:

– Действительно. Возможно, мне стоит чаще смотреть на звезды.

Она повернулась к мужу, поправила одеяло и платком вытерла слюну в уголке его рта.

– Полагаю, вы хотели бы узнать, что с ним, но слишком хорошо воспитаны, чтобы спрашивать, – произнесла она. – Два месяца назад с моим супругом произошел несчастный случай. Вместе со своим сыном он отправился на верховую прогулку в один из тех ясных, холодных, бодрящих

зимних дней, перед которыми мой муж никогда не мог устоять. Его сын прискакал обратно раньше времени, он был в ужасе и созывал слуг на помощь. Что-то напугало лошадь моего мужа. Гарольд думает, что какое-то животное пряталось в зарослях рядом с тропой.

– Гарольд? – спросила я.

– Сын моего мужа. То есть его взрослый сын, разумеется. Не Джереми, наш с Робертом малыш. Да, Гарольд думает, что в чаще прятался зверь или, возможно, с дерева неожиданно упала сухая ветка. Какой бы ни была причина, шум испугал лошадь моего мужа. – Она запнулась. – Та встала на дыбы. Земля промерзла. Роберт упал, ударился головой, и…

Стелла опустила глаза.

– Нет необходимости продолжать, – сказала я.

Кэролайн погладила Стеллу по плечу, взяв на себя бремя объяснений:

– С тех пор лорд Кавендейл пребывает в таком состоянии. – Она старалась не говорить о пэре с фамильярностью, которую ее дочь – супруга аристократа – могла себе позволить. – Единственный врач в Седвик-Хилле – это доктор Уэйнрайт. За ним сразу послали. Он заметил, что зрачки лорда Кавендейла расширены, и пришел к выводу, что тот получил сотрясение мозга, что внутри черепа скопилась кровь, из-за чего возросло давление.

Доктор Уэйнрайт считает, что практика применения пиявок для лечения скомпрометировала себя еще во времена Средневековья. Тем не менее он рекомендовал ее для этого случая, предположив, что пиявки могут спасти жизнь лорда Кавендейла, если приложить их к вискам. Так они поглотят избыток крови, который создавал давление на его мозг. Другим способом, говорил он, стало бы сверление черепа. Сын лорда Кавендейла и слышать об этом не желал, утверждая, что операция слишком опасна, а напряженный переезд до анатомического театра в Лондоне может убить его отца. Конечно же, без операции его светлость тоже мог бы умереть. Однако после трех дней лечения пиявками глаза его пришли в обычный вид. Давление, видимо, уменьшилось. Но, как видите, прежним он так и не стал.

– Мне очень жаль, – посочувствовала я Стелле.

Она внимательно присмотрелась к своему мужу:

– Ты нас слышишь, Роберт?

Он никак не откликнулся.

– Я должна верить, что он слышит нас, – сказала Стелла. – Я должна верить, что где-то внутри он осознает, что происходит, но не

может ответить мне. Я еще не сдалась. Три раза в неделю я хожу с ним в клинику доктора Уэйнрайта. Водные процедуры не позволяют мышцам Роберта ослабнуть.

Вошли двое слуг, один принес поднос со всем необходимым для приготовления чая, другой – богато украшенное блюдо с печеньем. Обычно я с нетерпением жду угощения, поскольку другой удобный случай поесть может представиться нескоро, но, учитывая обстоятельства, я могла лишь притворяться, что рада появлению закусок.

– Я побуду за хозяйку, – сказала Кэролайн.

Но едва она открыла серебряную чайницу и бросила ложечку чайных листьев в кипящую воду фарфорового чайника, как фигура в дверях отвлекла ее внимание.

Там стоял высокий, худощавый мужчина, которому на вид было около тридцати. Он был на редкость хорош собой, с густыми, темными волосами и напряженным взглядом. Его ботинки сверкали. Штрипки делали его брюки идеально прямыми. Он носил невероятно модные сюртук и галстук. Лишь одна вещь не соответствовала моде – отсутствие волос на лице. Я заподозрила, что это из тщеславия, поскольку линия скул была необычайно выразительной и подчеркивала его привлекательность. Агрессивную привлекательность, могла бы я добавить, а напряжение в его темных глазах было следствием гнева, который вскоре проявил себя.

– Гарольд, я не знала, что вы дома. Пожалуйста, присоединяйтесь к нам, – сказала Стелла.

Гарольд открыл табакерку из слоновой кости и вложил по щепотке измельченного табака в каждую ноздрю. А затем рассеянно смахнул пылинки со своего галстука.

– Я все слышал. Итак, вы с вашей матерью считаете, что мои суждения неверны и что отец полностью выздоровел бы, если бы его доставили для операции в Лондон?

– Я просто разъясняю нашим гостям всю серьезность несчастного случая, произошедшего с Робертом, – ответила Стелла.

– В самом деле, у вас гости. – Гарольд с сомнением разглядывал нас. – Я упустил их из виду.

– Меня зовут Томас Де Квинси, – почтительно кивнул отец. – А это моя дочь.

– Де Квинси? – нахмурился Гарольд. – Боже мой, надеюсь, это не тот самый Любитель Опиума? Стелла, неужели ты не могла найти людей приличнее, чтобы привести в дом?

Вместо дочери ответила Кэролайн:

– Они пришли по моему приглашению, Гарольд. Я думала, что они развлекут Стеллу.

Возможно, намереваясь позлить стоявшего в дверях молодого человека, отец вынул из кармана сюртука свою бутылочку с лауданумом и отпил из нее – единственный раз, когда я порадовалась, что он это сделал.

– О, ради всего святого!

С гримасой отвращения Гарольд вышел из гостиной и исчез в коридоре.

– Пожалуйста, простите его грубость, – попросила нас Стелла. – Он винит себя в том несчастном случае. В день, когда все произошло, он не переставал ругать себя, сокрушаясь, что если бы только он успел подхватить Роберта, когда тот начал падать…

– Хватит уныния, – сказал Кэролайн, помешивая чайные листья в чайничке. – Расскажи нам какую-нибудь забавную историю, Томас. Расскажи… – она задумалась на мгновение, – о поддельном романе сэра Вальтера Скотта, который ты написал.

– Ты знаешь об этом? – удивленно спросил отец.

– Видела упоминание о нем в журнале. Но заметка только раздразнила меня; она ничего не объясняла.

– «Валладмор», – начал рассказ отец. – Так назывался этот роман. Даже сейчас, произнося его название, я ощущаю нелепость сочетания этих звуков и едва сдерживаю смех. Тридцать лет назад сэр Вальтер был настолько популярен в Германии, что тамошний недобросовестный издатель решил заплатить наемному писаке, чтобы тот создал новый роман из серии «Уэверли». Имя немецкого мастера пера было Виллибальд Алексис, такое же смешное, как и название романа. Виллибальд Алексис, автор «Валладмора».

Я посмотрела на Стеллу и с радостью заметила улыбку на ее лице.

– Немецкий издатель разрекламировал роман как перевод последнего творения сэра Вальтера Скотта, – продолжал отец. – Таким образом Виллибальду удалось даже поместить свое имя на обложку.

Роман состоял из трех пузатых томов, полных контрабандистов, затонувших кораблей, потерянных наследников и демонов. Одним словом, все шло великолепно, пока сэр Вальтер не услышал о приписываемой ему загадочной книге. Он заказал себе экземпляр в одном из книжных магазинов Лондона. Между тем в журнале прознали об этой сомнительной публикации и попросили меня, памятуя о моем прекрасном знании немецкого, написать краткий пересказ романа для своего очередного выпуска.

Вопрос был в том, как заполучить текст. Единственный на всю Англию экземпляр хранился в том самом магазине, где его заказал сэр Вальтер. Я подкупил продавца, который рассказал мне, что сэр Вальтер собирается забрать роман через два дня. У меня оставалось очень мало времени на то, чтобы унести все три тома к себе, прочитать их, написать краткое изложение сюжета и вернуть книги назад, прежде чем прибудет сэр Вальтер, чтобы расплатиться за них.

– Это не может быть правдой, – сказала Стелла, и ее зеленые глаза заблестели.

– Клянусь вам. Следующая сложность, с которой я столкнулся, заключалась в том, что страницы всех трех томов были не разрезаны. Я не мог просто взять нож и разделить их, иначе сэр Вальтер заподозрил бы что-нибудь неладное, так что мне пришлось раздвигать страницы как можно сильнее и вглядываться в них, словно в трубу дымохода.

Отец притворился, что держит над головой цилиндр и пытается читать слова внутри его.

Стелла улыбнулась еще шире.

– Как и следовало ожидать, будучи не в состоянии прочитать текст по краям страниц, я поневоле упустил некоторые тонкости сюжета, но, по крайней мере, выполнил задание в срок, а сэр Вальтер приобрел книгу, не заподозрив подвоха. Когда в журнале появился мой пересказ сюжета, «Валладмор», – в тоне отца звучала насмешка над названием, – вызвал такой интерес, что теперь уже английский издатель предложил мне перевести полный текст. Постоянно нуждаясь в деньгах, я с радостью принял предложение, подумав, что это не слишком меня затруднит. В том, что роман написан на немецком языке, большой беды не было. Я перевожу так же быстро, как и пишу. К тому времени в Англию прибыл еще один экземпляр романа.

Получив весь комплект, я разрезал страницы, начал строчить перевод и лишь тогда, к своему ужасу, обнаружил, что мое недавнее подглядывание в дымоход привело даже к большим промашкам, чем я рассчитывал. Текст глубокоуважаемого Виллибальда был ужасен и включал в себя поистине нелепые сцены. Например, один из героев проплыл на спине из Бристоля до дальней оконечности Уэльса.

Я сказал издателю, что если уберу все скверные места, то смогу составить один вполне приемлемый том, но нет, издатель ответил, что заплатил мне за три тома и будь он проклят, но три тома и получит. Как это часто со мной случалось, то, что изначально казалось простой задачей и легкими деньгами, в итоге обернулось довольно тяжелой

работой.

В конце концов я был вынужден сотворить оригинальный роман в стиле Вальтера Скотта. На титульном листе под названием «Валладмор» я написал: «В вольном переводе с английского на немецкий язык и в обратном вольном переводе с немецкого на английский».

Стелла и Кэролайн рассмеялись в голос, и я тоже не смогла удержаться от смеха.

– Ситуация стала еще более нелепой, когда Виллибальду до того понравилось мое усовершенствование текста, что он снова перевел роман на немецкий, и вышло так, что его собственный вариант исчез из магазинов, уступив место моему.

Золовка Вордсворта случайно натолкнулась на сочиненный мной английский вариант и сказала, что сэр Вальтер никогда не писал ничего лучше.

Стелла всплеснула руками и повернулась к мужу, который оставался недвижим в своей каталке.

– Роберт, ты слышал что-нибудь смешнее?

Если и слышал, увы, он не смог поделиться этим с нами.

Гарольд снова появился в дверях и затолкнул очередную понюшку табаку в каждую из ноздрей. Сердито посмотрев на наше веселье, он удалился.

Глава 8
Гидропатическая клиника

Поезд начал плавный поворот. Инспектор Райан сидел на голой скамье в вагоне второго класса, уставившись в окно, по которому стекали капли дождя. Он был так погружен в себя, что не видел пейзажа за стеклом.

Мысли его все время возвращались к почти безлюдному Юстонскому вокзалу, с которого они с Беккером отправились в эту поездку сразу после того, как полицейский фургон доставил их в Лондон. Во всем поезде насчитывалось не больше десяти пассажиров, причем все они заранее убедились, что их отделяет от соседей по крайней мере одно пустое купе.

– Мы скоро подъедем к Седвик-Хиллу, – сказал Райан своему коллеге и вытащил из кармана хронометр Бенсона.

Он словно бы перестал замечать тряску поезда, стоило ему взглянуть на блестящий золотой корпус и искрящееся хрустальное стекло, что закрывало синий фарфоровый диск с двумя волшебными циферблатами. Хронометр показывал один час восемнадцать минут и двадцать секунд. С тех пор как часы попали в руки инспектору, он постоянно ловил себя на искушении открыть их и узнать точное время.

Он сам не мог бы сказать, что полезного было в этом знании, просто его завораживало непрерывное движение секундной стрелки, подчиняясь которому настоящее становится прошлым.

– Когда вам придется отдать эти часы, вы будете чувствовать себя так, будто вас обокрали, – заметил Беккер, сидевший напротив инспектора.

– Только когда все закончится. А сейчас это важная улика.

– Конечно, – согласился сержант.

– Я должен сберечь их. Как только я передам их кому-нибудь, они исчезнут.

– Непременно, – поддакнул Беккер.

– Ну хорошо, готов признать, что мне будет нелегко с ними расстаться, – сдался Райан. – Когда мои родители приехали сюда из Ирландии, мать каждое воскресенье водила меня на прогулку. Это был единственный день недели, когда она не работала на фабрике, и я удивлялся, почему она не отдыхает, пока есть возможность. Мы впятером снимали одно помещение в меблированных комнатах на Кинг-Кросс, и по воскресеньям после церкви мать отправлялась вместе со мной к модным

магазинам на Риджент-стрит. Она надевала свое лучшее платье, но на Риджент-стрит оно казалось лохмотьями, и констебли с подозрением косились на нас. Я решил, что она мечтает о том, как благодаря упорной работе и везению сможет когда-нибудь купить одно из этих прекрасных платьев, выставленных в витринах, или какое-то украшение из ювелирного магазина. Конечно же, это была глупая мечта.

Беккер пожал плечами:

– Но без мечты…

– Да, без мечты мы бы ничего не добились.

Райан подумал об Эмили и о своей глупой мечте быть вместе с ней.

Он знал, что и Беккер мечтает о том же, но сержанта не разделяла с Эмили такая разница в возрасте, так что и шансов на успех у него было больше.

Инспектор отогнал от себя мрачные мысли.

– В конце концов я понял, что моя мать хотела показать эти витрины мне. Возможно, она надеялась, что я когда-нибудь стану одним из постоянных посетителей этих модных магазинов. Ради достижения этой мечты она настояла на том, чтобы я скрывал ирландский акцент и прятал под кепи рыжие волосы. А еще она заплатила продавцу из книжной лавки, чтобы он научил меня читать, и только самые лучшие книги.

– Я часто удивлялся, как вам удается говорить по-английски ничуть не хуже комиссара, – признался Беккер.

– Никогда не бросай попыток сделаться лучше, часто повторяла мать. Пока ты пытаешься, у тебя остается шанс стать тем, кем ты хочешь.

– Хотелось бы верить, – вздохнул сержант.

– За три недели до того, как она умерла от переутомления, мать так же, как всегда, ходила со мной на Риджент-стрит. Если бы она была сейчас жива, я показал бы ей этот хронометр. Она смотрела бы на него не отрывая глаз.

– Она застала то время, когда вы уже были констеблем, а потом инспектором полиции? – спросил Беккер.

– Да.

– И она гордилась вами или считала, что вы еще не достигли той высоты, какую она для вас наметила?

– Она сказала мне: «Только постарайся никогда не смотреть на бедных свысока, как смотрели на нас констебли с Риджент-стрит». Мне кажется, она верила, что у моих детей появится возможность посещать магазины на Риджент-стрит, – сказал Райан и снова подумал об Эмили.

Справа за окном показались дома, а затем и табличка с надписью

«СЕДВИК-ХИЛЛ».

– Я по-прежнему считаю, что мы должны были рассказать комиссару Мэйну об этой поездке, – заявил Беккер.

Райан покачал головой:

– Ломбард-стрит уже закрыта для нас. И я не хочу, чтобы нам запретили появляться еще где-нибудь. Здесь что-то происходит, и по крайней мере один из влиятельных клиентов убитого поверенного не желает, чтобы мы об этом узнали. Все началось с того, что Харкурт внезапно решил отправиться сюда. Если мы выясним, почему он это сделал, то, возможно, поймем и все остальное.

Поезд с лязгом затормозил и остановился. Кондуктор открыл дверь, и Райан с Беккером оказались единственными пассажирами, вышедшими на этой станции.

Паровоз запыхтел, окутав их дымом, и двинулся дальше.

Дежурный по станции, удивленный появлением пассажиров, открыл окно.

– Как нам найти водолечебницу? – спросил у него Райан.

– На перекрестке поверните на восток и пройдите четверть мили. Ее нельзя не заметить.

Они двинулись по гравийной дороге. Капли дождя продолжали стучать по их плечам и кепи, стало еще холодней.

Станционный служащий не преувеличивал: гидропатическую клинику действительно нельзя было не заметить.

– Смотрите, какая громадина! – восхитился Беккер.

У подножия холма, давшего название всему городку, располагались три высоких здания с остроконечными крышами, окруженные парком. Ведущую к ним дорожку вымостили поразительно белым камнем. Стены самих зданий также сверкали белизной на фоне мрачного неба.

– Интересно, что там происходит, – проговорил Беккер.

– Именно это я и собираюсь выяснить, – ответил Райан.

Вдоль всего фасада центрального здания тянулась веранда, продолжающаяся и по боковым стенам.

Заслышав шум шагов, Райан и Беккер обернулись. Шестеро тучных, хорошо одетых джентльменов появились из-за правого угла. Они шли друг за другом с небольшим интервалом, чтобы не задевать соседей, и, тяжело дыша, то разводили руки в сторону, то прижимали к груди, словно изображали гребцов.

Чтобы не столкнуться с ними, детективы предпочли отступить под

дождь.

Шестеро мужчин прошли мимо и скрылись за другим углом.

Седьмой – такой же тучный и в такой же дорогой одежде – вышел из-за угла, точно так же разводя руками. Его лицо угрожающе раскраснелось.

Райан и Беккер снова зашли на веранду.

– Добрый день, – поздоровался с тучным мужчиной инспектор.

Тот оценивающе взглянул на скромные костюмы детективов. Возможно, в другой ситуации он не удостоил бы простолюдинов ответом, но сейчас, вероятно, обрадовался возможности ненадолго остановиться.

– Добрый день, – ответил он, продолжая разводить и сводить руки.

– Добрый, только очень холодный, – заметил Беккер.

– Доктор Уэйнрайт говорит, что при моей комплекции это полезно.

– Вы не подскажете, где нам его найти?

– Кабинет доктора в этом здании. – Мужчина утомленно вздохнул. – Рядом с вестибюлем. Но сам доктор может быть сейчас где угодно. Он даже по воскресеньям лично контролирует процедуры.

– А что это висит у вас на шее? – полюбопытствовал Райан.

На шее джентльмена висело кольцо из слоновой кости с выгравированными на нем цифрами.

– Это мой водный счетчик. Каждый раз, выпивая стакан воды, я поворачиваю его на одно деление, и поэтому всегда могу сказать, сколько еще нужно для того, чтобы выполнить задание.

– Выполнить задание? И сколько же там всего делений?

– Шестнадцать.

– Значит, вы выпиваете за день шестнадцать стаканов воды? – удивился Беккер.

– Вода выводит токсины, – объяснил джентльмен. – Когда я приехал сюда две недели назад, у меня их было в избытке. Но доктор Уэйнрайт сделал из меня нового человека.

Стук шагов по деревянному полу веранды предупредил о приближении еще одной группы тучных, богато одетых джентльменов, которые вышли из-за угла, все так же размахивая руками. У каждого из них висело на шее такое же кольцо.

– Доктор Уэйнрайт рассердится, если увидит, что я здесь стою, – испугался мужчина и пошел дальше, но тут же обернулся и добавил: – Если вы ищете работу, ступайте к заднему входу.

– К сожалению, у нас хватает своей работы, – пробормотал Райан и вышел под дождь, чтобы избежать встречи со второй группой упражняющихся.

Как только они исчезли за углом, инспектор вернулся на веранду и дернул за шнур, висевший рядом с покрытой голубой эмалью дверью.

Внутри зазвонил колокольчик.

Не дождавшись ответа, Райан проверил дверь, и та оказалась не заперта. Они с Беккером зашли в просторный вестибюль со сверкающим, несмотря на хмурый день, паркетом на полу. Лестница напротив двери тоже сверкала.

Влево и вправо от вестибюля уходили длинные коридоры. Перед каждой дверью стояли столы с табличками, на одной из которых было написано имя доктора Уэйнрайта. Стены украшали картины с различными водными пейзажами: родниками, ручьями, фонтанами и залитыми лунным светом озерами.

Прозвучали чьи-то шаги, и в правом коридоре появился облаченный во все белое мужчина со сверкающими серебристыми усами. Он направился было к одному из кабинетов, но заметил Райана и Беккера и повернулся в их сторону.

– Чем я могу вам помочь?

– Мы ищем доктора Уэйнрайта.

– Это я. – Вероятно, доктор был недоволен тем, что люди в простой одежде вошли через главный вход. Затем он разглядел рыжие волосы Райана и шрам на подбородке Беккера и помрачнел еще сильнее. – А вы кто такие?

– Я инспектор Райан из Скотленд-Ярда. А это сержант Беккер.

Они предъявили доктору свои жетоны.

Уэйнрайт если и удивился, то не выказал своих эмоций.

– Вы тоже по поводу того убийства в четверг вечером?

– Помимо всего прочего, – ответил Райан. – В пятницу к вам заходил констебль. Он спросил, не ожидали ли вы в четверг вечером какого-либо гостя, который так и не появился.

– Да, так и было. Я сказал ему, что все мои гости за последнюю неделю прибыли точно по расписанию.

– На следующий день констебль пришел еще раз и спросил, не знаете ли вы Дэниела Харкурта, – продолжил Райан.

– И я сказал ему, что это имя мне незнакомо. Не хочу показаться грубым, но кое у кого из моих гостей сейчас процедуры, и я должен проследить за их исполнением. Не согласитесь ли вы подождать в холле, пока процедуры не закончатся? Тогда я мог бы уделить вам достаточно времени, чтобы ответить на все ваши вопросы.

– Сколько всего у вас гостей? – спросил Беккер, словно не расслышав

его предложение.

– Триста пять, – не задумываясь ни на мгновение, ответил доктор Уэйнрайт.

– Так много? – Беккер обернулся к Райану. – Это займет продолжительное время.

– Что займет продолжительное время? – нахмурился доктор Уэйнрайт.

– Беседа со всеми вашими гостями, – объяснил Райан.

– Беседа… Но это невозможно!

– Мы правильно поняли, что в пятницу и субботу констебль не говорил ни с кем из них?

– Конечно же нет. Мои гости приезжают сюда с целью избавиться от гнета повседневных забот. Им запрещено читать газеты, получать письма и принимать гостей, чтобы они не знали о напряженной обстановке в мире. Многие из них находятся на таком сложном и важном этапе лечения, что разговор с полицией может пагубно сказаться на их состоянии.

Райан не счел нужным отвечать на его возражения.

– Нам понадобится полный список ваших гостей.

– Но это конфиденциальная информация!

– Доктор Уэйнрайт, выбирайте, с кем вы предпочли бы иметь дело: с нами или с министром внутренних дел, премьер-министром и даже, возможно, с ее величеством. Уверяю вас, общаться с нами гораздо приятнее.

Стелла осторожно открыла дверь, заглянула в комнату и жестом пригласила войти Кэролайн, Эмили и Де Квинси. Слуга покатил следом кресло лорда Кавендейла.

Это была детская. Рядом с ярко расцвеченной колыбелью, огороженной металлическими перилами, сидела служанка. Чуть раздвинутые занавески на окнах пропускали в комнату немного дневного света.

– Меня беспокоит, что Джереми так долго спал, – сказала Стелла служанке.

– Не волнуйтесь, миледи, как раз столько, сколько нужно. Он недавно проснулся.

– Он хорошо поел, перед тем как уснул? – задала новый вопрос Стелла.

– Хорошо, миледи. Все в порядке.

– Стелла, перестань все время переживать за него, – попросила Кэролайн и провела пальцем по щеке ребенка. – Посмотрите, как он вырос!

Она обернулась к Де Квинси и Эмили.

– Я уверяю мою дочь, что приезжаю сюда каждое воскресенье ради нее, но, по правде говоря, главная причина в том, что мне хочется увидеть маленького Джереми. Он растет не по дням, а по часам.

– Какой милый, – восхитилась Эмили. – Никогда не видела такого прелестного младенца.

– В самом деле? – оживилась Стелла. – По-вашему, он не выглядит болезненным? Три ночи назад он кашлял.

– Насколько я слышу, он дышит нормально, – заверила ее Эмили. – Можно я возьму его на руки? Доктор Сноу дал мне несколько уроков. Возможно, я смогу рассеять ваши тревоги.

– Доктор Сноу? – переспросила Кэролайн. – Королевский врач?

– Да, мы вместе с ним пережили не одно опасное приключение, – ответила Эмили. – Я подумываю о работе санитаром в госпитале.

– Санитаром? – удивилась Стелла. – Но разве это возможно? В санитары берут только мужчин.

– После того как мисс Найтингейл заботилась о наших раненых в Крыму, все изменилось.

Младенец беспокойно заерзал, когда Эмили взяла его на руки. Она сняла с него чепчик и потрогала лоб, затем приложила ухо к его груди, потом стянула с него чулки и провела ладонью по обеим ступням, проверяя, хорошо ли сгибаются пальцы. Ребенок снова дернулся, как от щекотки.

– Ну что ж, единственное, что с ним не так, – это то, что он слишком пухлый, – заключила Эмили.

– Что? – потрясенно воскликнула Стелла.

– Простите меня, я просто не смогла удержаться от глупой шутки.

Кэролайн рассмеялась, но Стелла даже не улыбнулась.

– Мальчик абсолютно здоров, – постаралась успокоить ее Эмили. – Уверена, что доктор Сноу согласился бы со мной.

– Возможно, я действительно излишне волнуюсь, – признала Стелла. – Просто наша бедная девочка… Когда Дженнифер начала кашлять, все тоже говорили мне, что не из-за чего беспокоиться, но ей становилось все хуже, и в конце концов она умерла от лихорадки… милая, дорогая моя Дженнифер!

– Сочувствую вам. – Эмили коснулась рукой плеча Стеллы. – После того, что случилось с вашей дочерью и вашим мужем, вы, наверное, решили, что над вами нависло какое-то проклятие.

Стелла глубоко вдохнула, стараясь справиться с волнением.

– Роберт, ты слышал, что сказала Эмили. Она никогда не видела такого прелестного и здорового ребенка. – Она поднесла ребенка к щеке мужа. – Чувствуешь, какая гладкая у него кожа? – Затем вложила ладошку младенца в руку супруга. – Чувствуешь, какие маленькие у него пальчики? Пожалуйста, поправляйся, и ты сможешь лучше узнать своего сына.

В дверном проеме снова появился Гарольд.

– Я тоже его сын.

– Разумеется, Гарольд, – раздраженно согласилась Стелла. – Зачем вы постоянно подчеркиваете это? Я стараюсь относиться к вам со всем возможным дружелюбием. Почему бы вам не попытаться поступить так же? Почему бы нам не попытаться стать одной семьей?

– С вами в роли мачехи?

– Я никогда не просила так меня называть.

– И со сводным братом, которого вы мне подарили? – добавил Гарольд, хмуро взглянул на младенца и вышел из комнаты.

– Я пока не встретил русских имен, – сообщил Райан.

Вместе с Беккером он сидел в кабинете доктора Уэйнрайта и изучал список гостей, занимавший несколько страниц.

– Насколько мне известно, здесь их и не может быть, – ответил ему доктор Уэйнрайт. – Идет война, и только безумец признается, что он русский. Вы подозреваете, что того человека в поезде убили русские?

– Это одна из многих рассматриваемых нами версий. Имя Дэниела Харкурта все еще не вспыхнуло в вашей памяти?

– Увы, нет.

– Сколько гостей! – Беккер поднял взгляд от списка. – У вас всегда так много работы?

– Всегда, – с грустью признал доктор. – Люди старательно разрушают свой организм чрезмерной работой и чрезмерным потаканием своему аппетиту. А потом они просят меня вернуть им здоровье, когда уже почти невозможно что-то исправить. В наше время слишком много заслуживающих лишь проклятия соблазнов.

– Совершенно верно, – согласился Райан. – Простите мое невежество, но я не вполне понимаю, чем вы здесь занимаетесь.

– Большая часть моих рекомендаций продиктована просто здравым смыслом. Если ко мне приезжает излишне тучный гость, ему полезно ограничить потребление жирного мяса. Если мой гость тяжело дышит от злоупотребления табаком и одурманен чрезмерным количеством спиртного, ему полезно отказаться от курения и выпивки. Физические упражнения

тоже пойдут на пользу – например, восхождение на тот холм, что сейчас у нас за спиной, к фонтану, расположенному у самой вершины. Но в первую очередь гостю будет полезно пить самую чистую в Англии воду. Она очистит его разум и выведет яды из организма. Но это самый простой случай. Некоторые мои гости страдают тяжелыми физическими и эмоциональными недугами, лечение которых требует сложных водных процедур, таких как душ и обертывание мокрыми простынями.

– Что значит «душ»? – поинтересовался Беккер.

– Эту процедуру проще показать, чем объяснить словами.

– В таком случае непременно покажите ее нам, – попросил Райан.

Где-то закричала женщина.

Райан бросился вниз по лестнице.

– Кому-то нужна помощь!

– Не беспокойтесь, – сказал доктор Уэйнрайт, спустившись в подвальный коридор. – Все в порядке.

Женщина снова закричала.

– В порядке? – в замешательстве произнес Беккер.

Коридор был выложен гранитными блоками и, судя по влажности, проходил над одним из здешних ручьев. По обе стороны от прохода располагались двери. Непрерывные крики доносились из-за первой слева.

Заметив окошко в двери, Райан подошел и заглянул внутрь.

Пол, потолок и стены комнаты были выложены белой плиткой, отражающей свет укрепленных в нишах потолка ламп. Посреди комнаты над сливным отверстием стояла женщина в купальном костюме, закрывающем все ее тело. Она наклонилась вперед, опираясь на металлические перила. Кричала она оттого, что служитель клиники в непромокаемом плаще поливал ее спину мощной струей из шланга.

– Честное слово, я ничего не понимаю, – пробормотал Райан.

– Эта женщина принимает душ для спины и плеч.

– Холодно! – вопила она. – Ой как холодно!

– Вот и хорошо, – заключил доктор Уэйнрайт и обернулся к Райану с Беккером. – Ее привез сюда муж, встревоженный общей вялостью и апатией своей супруги, продолжающейся уже больше года. Она перестала интересоваться своими детьми, как и всем прочим, а в особенности – своими общественными обязанностями как жены пэра.

– Но как ей может помочь вот это? – спросил Беккер.

– Напор холодной воды укрепляет ее кожу, стимулирует кровообращение и мышечную систему, заряжая энергией, которой ей так

недоставало, когда она приехала сюда. Кроме того, процедуры отвлекают ее от мрачных мыслей, вызвавших апатию.

Доктор Уэйнрайт открыл дверь и проговорил максимально громко, чтобы шум воды не заглушил его слова:

– Достаточно, Рик.

Служитель повернул рычаг и выключил воду.

По комнате поплыл влажный, благоуханный аромат.

– Вы почувствовали бодрость, миледи? – поинтересовался доктор Уэйнрайт.

На вид женщине было около тридцати пяти лет. Влажные волосы прилипли к ее лбу и плечам. Промокший от воротника до лодыжек купальный костюм облепил тело. Она обхватила себя руками, пытаясь согреться.

– Моя кровь циркулирует с бешеной скоростью, доктор.

– Превосходно. Мы почти закончили на сегодня. Остался только контрастный душ. Уверен, что после него вы почувствуете еще больший прилив сил. Рик, переходите к следующей процедуре.

Доктор закрыл дверь. Райан и Беккер смотрели через окно, как женщина подошла к металлической кабинке с множеством маленьких отверстий, достаточно широкой, чтобы там можно было сесть.

Служитель повернул вентиль на стене, и через отверстия в кабинку хлынула вода. Сначала ее почти не было заметно, но постепенно уровень начал увеличиваться.

– На этот раз вода теплая, – объяснил доктор Уэйнрайт. – Создается контраст, обеспечивающий добавочную стимуляцию организма.

Сначала женщина продолжала сидеть, обхватив себя руками, но вода поднималась все выше и, видимо, становилась теплей, и она медленно опустила руки, а затем вцепилась в перегородки и наклонила голову.

– Кажется, к ней возвращается… как вы это назвали?.. апатия, – заметил Беккер.

Уровень воды продолжал повышаться, и женщина все крепче держалась за перегородки, при этом она выглядела такой вялой, что едва не засыпала.

Внезапно она задрожала, подняла голову и открыла рот.

Дрожь постепенно усилилась и вдруг прекратилась. Женщина вздохнула и прислонилась спиной к стене.

Доктор Уэйнрайт открыл дверь и крикнул служителю:

– Можно отключать воду. Полагаю, миледи, на сегодня достаточно. Вы ощущаете бодрость?

– Еще какую.

– Завтра у нас по расписанию консультация. Мы обсудим ваши успехи.

– Не знаю, как вас благодарить, доктор.

– Укрепление вашего здоровья станет для меня лучшей наградой. Прошу вас, Рик, проводите нашу гостью в ее комнату.

Доктор Уэйнрайт закрыл дверь, но Райан разглядел сквозь окно, как служитель взял женщину под руку и повел к металлической лестнице у дальней стены комнаты.

– Каждый недуг требует особого лечения, – пояснил доктор Уэйнрайт. – Погружающие ванны. Паровые ванны. Кислородные ванны. У нас даже есть комната со сжатым воздухом для страдающих астмой и другими бронхиальными заболеваниями.

– И сколько же ваши пациенты… то есть, я хотел сказать, гости… платят за это? – спросил Беккер.

– Шесть фунтов в неделю.

– Шесть фунтов?

Райан постарался не выдать своего удивления. Они с Беккером получали чуть больше фунта в неделю каждый. Триста пять гостей по шесть фунтов – Райан быстро сосчитал в уме – это около тысячи восьмисот фунтов в неделю. А если умножить на пятьдесят две недели… провести такие вычисления без листка бумаги и карандаша было слишком сложно, но по приближенным подсчетам выходило, что годовой доход клиники превышал восемьдесят тысяч фунтов. Потрясающая сумма.

– Сюда, разумеется, входят лечение, консультации, проживание и питание, – уточнил доктор Уэйнрайт.

– Разумеется. Ваши гости питаются все вместе? – спросил Райан.

– Да, в обеденном зале, в две смены. Первая будет обедать в четыре часа.

– Это самая удобная возможность побеседовать со всеми.

Обстановка в обеденном зале была роскошной. Безупречно белые скатерти покрывали двадцать столов, рассчитанных на восемь человек каждый. Под потолком висели четыре люстры – сейчас не зажженные, – их дополняли масляные лампы на стенах. Широкие окна пропускали достаточно света, чтобы паркетный пол сверкал даже в такой пасмурный день. По сторонам зала росла герань, стебли с алыми цветами, оплетая решетки, поднимались вверх.

Женщины в белых передниках расставляли на столах тарелки и серебряные приборы.

– Вы можете поговорить и с персоналом, – сказал доктор Уэйнрайт детективам и жестом подозвал прислугу. – Эти господа – из полиции.

Женщины попятились.

– Не пугайтесь. От вас требуется лишь правдиво ответить на их вопросы, и все будет хорошо. – Доктор обернулся к Райану и Беккеру. – Я должен проконтролировать процедуры для других гостей. Когда закончите здесь, можете поговорить с поварами на кухне. Хочу, чтобы вы убедились, что в моем заведении вам не чинят никаких препятствий.

С отчаянно бьющимся сердцем доктор Уэйнрайт вышел из столовой и, пройдя по коридору, остановился возле пейзажа с бурлящим ручьем. Вытащив из кармана блокнот и карандаш, он склонился над столиком у стены и торопливо написал записку. Затем спустился по покрытой ковром лестнице туда, где раздавался плеск воды.

Он распахнул дверь в просторное помещение, большую часть которого занимал прямоугольный бассейн со спускающимися к воде ступеньками с каждой стороны. На них сидели около пятидесяти мужчин, одетых лишь в набедренные повязки. Время от времени кто-то из них нырял в бассейн с головой.

Бисеринки пара скапливались на отделанных плиткой стенах. Эхо разносило по всему помещению голоса гостей.

– Пока я нахожусь здесь, мой племянник пустит дело под откос, – пожаловался мужчина с необъятной талией.

– Поменьше думайте об этом. Мы потому здесь и оказались, что слишком беспокоились о делах, – напомнил ему собеседник.

Уэйнрайт огляделся и заметил Рика, того служителя, с которым беседовал чуть раньше. Вероятно, он уже проводил гостью и вернулся к работе. Сменив непромокаемый плащ на белый жакет, он разносил гостям воду в стаканах.

Доктор продолжал улавливать обрывки разговоров.

– Я приехал сюда из-за камней в почках, но с тех пор выпил столько воды, что мои почки, должно быть, утонули. Я бы что угодно отдал за стаканчик бренди с содовой.

– …на будущий год собираются протянуть новую железнодорожную ветку от Брайтона…

– …участок идеально подходит для загородного дома…

Одежда доктора Уэйнрайта отяжелела от влаги. Он подошел к Рику и отвел его в сторону. Отражающийся от плиточных стен шум голосов надежно защищал их разговор от подслушивания.

– Вы слышали, что говорят про Брайтон и новую железнодорожную ветку? – спросил Рик.

– Мне сейчас не до этого. К нам заявились два полицейских из Лондона.

– Что?

– Они хотят побеседовать со всеми гостями. – Уэйнрайт передал Рику записку. – Ближайший поезд на Лондон отправляется через полчаса. Садитесь на него и отвезите это сообщение. Они пугали меня гневом премьер-министра. Посмотрим, как им понравится, когда эта угроза обернется против них.

В столовой Де Квинси с трудом взобрался на стул. Его короткие ноги не доставали до пола. Горящий камин не в силах был разогнать холод.

– Надеюсь, Томас, меню тебе понравится, – сказала Кэролайн, когда служанка поставила на стол блюдо, от которого поднимался пар. – В одной из твоих книг я прочитала, что ты, при всех проблемах с желудком, любишь вареный картофель с тонко нарезанной говядиной.

– Это правда, если мясо нарезано наискось, а не продольно.

– Наискось? – удивился Гарольд.

– Поперек волокон, – пояснила Эмили.

– Отчего же он так прямо не сказал? – Не одобряя пристрастия Де Квинси к лаудануму, Гарольд не видел ничего дурного в вине, которое потреблял за обедом в неумеренном количестве. Он сделал большой глоток и оглядел стол. – Что у нас тут? Тарелка с сыром? И все? Какой же это обед?

– Обед, который понравится нашим гостям, – ответила Стелла. – Особенно Томасу.

– Это ваши гости, а не мои.

– Гарольд, если вам не нравится обедать с нами, вы можете поесть у себя в комнате.

– И пропустить все то, что вы скажете обо мне?

Гарольд ткнул вилкой в кусок говядины и отхлебнул еще вина.

Стелла плеснула немного воды в картофель, размяла его, превратив в пюре, и поднесла ложку к губам мужа. Он несколько секунд подержал пищу на языке, а затем проглотил.

– Невероятно, – воскликнул Де Квинси.

– Доктор Уэйнрайт говорит, что некоторые движения мы совершаем рефлекторно, как, например, дыхание. Видимо, в случае с моим мужем и глотание происходит точно так же. Не знаю, как бы иначе я поддерживала в

нем жизнь.

– Было бы лучше, если бы он умер, – заявил Гарольд.

– Как можно говорить такое о собственном отце? – укорила его Стелла.

– Посмотрите на него. Он же все равно что мертвый. Он не способен думать, не способен говорить, не способен слышать.

– Мы не можем знать наверняка, – возразила Стелла. Свет от канделябра мерцал на ее изящном лице и белокурых локонах. Зеленые глаза казались глубокими, как океан. – А что, если он все-таки слышит? – Она обернулась к Де Квинси и Эмили. – Я каждое утро читаю для него вслух не меньше часа.

– Вы можете читать хоть на санскрите, и вся разница будет в том…

– Гарольд, с вашего позволения, я хотел бы сказать, что сожалею о смерти вашего брата, – перебил его Де Квинси.

– Какого еще брата?

– Вероятно, старшего. Кэролайн рассказала мне о нем. Полагаю, он умер несколько лет назад, но мне по личному опыту известно, как тяжело переносить такое горе. Примите мои соболезнования.

– Благодарю вас.

– Если я правильно понял, он умер от брюшного тифа. Думаю, причина заключалась в грязной воде.

– Это случилось в Германии. Учитывая обстоятельства, этого и следовало ожидать, – сказал Гарольд. – Просто чудо, что я сам не заболел вместе с ним.

– Я всегда мечтал совершить путешествие в Германию, – признался Де Квинси. – Там есть одна гора под названием Броккен, на которой мне очень хотелось бы побывать. Люди наблюдали там гигантский призрак, но оказалось, что это была просто тень, которую наблюдатель отбрасывал на туман. И это невольно наводит на размышления, рождается ли действительность в нашем сознании или же существует независимо от него.

Гарольд смутился:

– Броккен? Никогда не слышал этого названия. Мы с братом жили в Хомбурге.

– Да, там есть казино и минеральный источник.

Гарольд открыл свою табакерку.

– Казино там действительно было.

– Вам знакомо имя Дэниел Харкурт? – спросил у него Де Квинси.

– Только из-за того, что вчера к нам приходил констебль и спрашивал о нем. Однако констебль не сказал, что особенного в этом человеке.

– Дэниел Харкурт – тот самый человек, которого убили в поезде в четверг вечером, – объяснил Де Квинси.

– По милости констебля мне пришлось дожидаться утренней газеты, чтобы найти там это имя. Ужасное происшествие. Скоро совсем не останется мест, где мы сможем чувствовать себя в безопасности.

– Полиция предполагает, что Харкурт направлялся в Седвик-Хилл, чтобы передать кому-то важные документы, – продолжал Де Квинси. – Вы не ожидали в тот день никаких гостей?

– Об этом констебль меня тоже спрашивал. Нет, я никого не ждал.

– Возможно, вы знакомы с человеком по имени Джон Солтрем? – не унимался Де Квинси.

– Почему вы об этом спрашиваете? Совсем как констебль, что приходил сюда.

– Томаса привлекают убийства, – сказала Кэролайн. – Можно сказать, что он эксперт в этом вопросе.

– Вот как? – Гарольд посмотрел на него. – Что ж, меня это не удивляет.

– Да? И почему же?

– Судя по тому, как часто вы пьете лауданум, большую часть времени вы не отдаете себе отчета в своих поступках. Не будет ли бестактно с моей стороны спросить, сколько человек вы убили?

Рельсы терялись во мгле. Холодный дождь барабанил по спине охранника, но он все равно продолжал осмотр. Два часа назад его высадили здесь, в нескольких милях от Лондона, а поезд поехал дальше, чтобы развезти остальных охранников на другие участки железной дороги. Поначалу его охватили охотничий азарт и мечты о том, что он сделает с наградой в два соверена, обещанной тому, кто обнаружит неполадки, но теперь охранник думал лишь о том, сколько еще ему терпеть эту ужасную погоду, до того как прибудет смена. Он двигался между рельсами, стараясь не споткнуться о шпалы, и водил взад-вперед фонарем, всматриваясь в темноту в поисках бомбы или поврежденного рельса – всего, что могло привести к новой катастрофе.

Впереди из сумрака выступил мост. Охранник взбежал на него и услышал, как что-то скребет по деревянной балке у него под ногами.

Он вздрогнул, и на этот раз вовсе от дождя, стекавшего ему за шиворот.

Снова послышался скребущий звук. Охранник резко бросился на колени и опустил фонарь ниже.

Под мостом мелькнула чья-то тень.

– Стой! – крикнул охранник. – Кто здесь?

Кто-то шумно спускался вниз.

– Стой, кому говорю!

Тень побежала быстрее.

Охранник бросился за ней по грязному склону, но поскользнулся и упал на спину. Подняв фонарь над головой, он вонзил каблуки в землю, отчаянно пытаясь не сползти вниз. Холодная грязь пробралась ему под брюки и пальто.

Он ударился о камень и застонал.

Под мостом вспыхнула спичка.

Затем загорелось еще что-то – фитиль!

– Нет!

Размахивая фонарем, охранник с трудом поднялся на ноги, но темная фигура уже с громким плеском перебежала через ручей.

Охранник метнулся к мосту, ухватился за фитиль, выдернул его из чего-то, прикрепленного к балке, и бросил в воду.

Фитиль зашипел.

Охранник поспешил туда, где скрылся неизвестный. Звук шлепающих по грязи сапог привел его от ручья к насыпи. Пробиваясь сквозь высокую пожухлую траву, он поднялся на насыпь, но тут фонарь в его руке внезапно разбился, и осколки разлетелись во все стороны.

Свет погас, но охранник успел разглядеть силуэт человека, замахнувшегося на него дубинкой.

Он бросился на землю, дубинка со свистом рассекла воздух у него над головой.

Растянувшись на мокрой траве, охранник взбрыкнул обеими ногами в направлении смутно возвышающегося над ним силуэта и почувствовал, что попал противнику по ноге. Услышав стон, он повторил пинок, а затем откатился в сторону и закричал:

– На помощь! На помощь!

Через мгновение дубинка ударила по траве рядом с ним.

– Смилуйся надо мной, Святая Дева! – запричитал охранник.

– Кто там? – послышался внезапно со стороны моста голос другого охранника. – Джо, это ты?

– Он убьет меня!

– Джо?

Охранник снова взбрыкнул ногами.

– Ради бога, останови его! – отчаянно крикнул он, уворачиваясь от дубинки, едва не проломившей ему череп. – Скорей!

– Держись, Джо! Я уже бегу!

Охранник снова лягнул противника и опять откатился в сторону, как вдруг незнакомец бросился прочь и пропал в темноте.

Охранник лежал на спине, капли холодного дождя стекали по его лицу. Он изо всех сил сдерживал дрожь. Мысленно он все еще видел, как незнакомец набрасывается на него, размахивая дубинкой, которая разбила фонарь.

– Джо, ты где?

– Здесь я, здесь!

Кто-то взял его за руку и поднял.

– Ты не ранен? Что случилось, разрази меня гром?

– Там, под мостом, бомба.

– Что?

От страха у охранника пересохло во рту, язык шевелился с трудом.

– Этот человек поджег фитиль. Но я выдернул его и бросил в воду.

– А где он сам?

– Убежал. Туда.

– Ты успел его разглядеть?

– Только мельком, до того как он разбил мой фонарь. Но думаю, мне померещилось.

– Ты это о чем?

– О его одежде.

– Ничего не понимаю.

– Он был одет как солдат.

– Солдат пытался взорвать железнодорожный мост?

– Не совсем солдат. Я видел его лишь одно мгновение, так что мне могло только показаться. Но я уверен, что он был одет в лохмотья.

– Что еще за лохмотья?

– Его мундир превратился в лохмотья, какие носят нищие на вокзалах, те, что недавно вернулись с войны.

– Нищий пытался взорвать железнодорожный мост?

Во время спешно собранного совещания на Даунинг-стрит лорд Палмерстон расхаживал по кабинету, слушая доклады министра внутренних дел и комиссара Мэйна.

– Премьер-министр, это не просто нищий, а участник Крымской войны, – поправил комиссар. – Он был одет в изодранный мундир.

– Вы хотите сказать, что за этими железнодорожными инцидентами стоят не русские, а наши соотечественники, ожесточившиеся после войны?

Тогда как вы объясните то, что человек, ехавший в одном купе с Дэниелом Харкуртом, был одет как джентльмен?

– Изодранный мундир мог оказаться просто маскировкой, – предположил Мэйн.

– В таком случае то, как он был одет сегодня, не поможет вам отыскать его. Он просто будет и дальше менять внешность.

– Возможно, что и не будет. Эта маскировка слишком удобна, чтобы от нее отказаться.

– В каком смысле «слишком удобна»?

– В Лондоне тысячи бывших участников войны, просящих милостыню на улицах. Они появляются и исчезают, когда им заблагорассудится. Никто не задает им никаких вопросов. Большинство горожан их попросту не замечает. И любой из этих неприметных нищих может оказаться шпионом.

Выходя из своей резиденции на Даунинг-стрит, премьер-министр заметил маленькую отметку красным мелом на уличном столбе.

– На сегодняшний вечер вы мне не нужны, – сказал он своему личному секретарю.

– Но… – попытался возразить тот, однако лорд Палмерстон уже сел в поджидавший его кеб.

– Отвести вас домой, премьер-министр? – спросил возница.

– Нет, на Роттен-Роу.

– В такое время, ваша светлость? В такую погоду?

– Едем.

На Роттен-Роу – дорожке для верховой езды в южной части Гайд-парка – обычно собиралось высшее лондонское общество, чтобы продемонстрировать великолепных лошадей и модные прогулочные костюмы.

– Остановитесь у въезда, – крикнул лорд Палмерстон кебмену.

Из-за дождя движение здесь было свободным. Минуту спустя рядом остановился еще один экипаж с поднятым верхом.

– Оставайтесь здесь, – велел лорд Палмерстон вознице.

Внутри кареты было темно. Лорд Палмерстон вышел из своего кеба и пересел в другой экипаж. Аромат сандалового дерева окружил его, и карета тронулась с места.

– Я видел отметку на столбе, – проговорил лорд Палмерстон. – Что, черт побери, случилось?

Прозвучавший в ответ голос принадлежал женщине, с которой он встречался недавно в Гигантском глобусе Уайльда. Но сейчас он звучал

иначе, и это не могло не тревожить.

– Вы знаете полицейского инспектора Райана?

– Да.

– А сержанта Беккера?

– Говорите.

– Они сейчас в Седвик-Хилле.

– Что?

– Они собираются допросить всех пациентов в клинике.

– Черт бы их всех побрал!

– Ты уверен, что это – то самое место? – спросил мужчина с русским акцентом.

Дождь стучал по парусиновой крыше фургона. Русский откинул полог и посмотрел на три больших здания, видневшихся в дальнем конце дорожки из белого гравия. Почти во всех окнах горел свет.

– Матерью клянусь, я привел его сюда, – простонал чей-то голос в углу фургона.

Русский обернулся к дрожавшему пленнику:

– Если ты соврал, мой приятель отрежет тебе остальные пальцы. В какой дом ты доставил доктора Мандта?

– В средний.

Русский ткнул ножом в окровавленную повязку на правой руке несчастного.

– В какую дверь?

Пленник задохнулся от боли и прошипел сквозь стиснутые зубы:

– В правую боковую.

– И ты не знаешь, где может прятаться Мандт?

– Я никогда там не был, – всхлипнув, ответил пленник.

Русский посмотрел на среднее здание.

Загорелся еще один огонь – в чердачном окне под покатой крышей. Свет еле пробивался сквозь занавеску.

Русский продолжал наблюдать.

Скорчившись за ящиками, Мандт с замиранием сердца прислушивался к стуку в дверь.

Даже убедившись, что условный сигнал воспроизведен правильно, он так и не почувствовал облегчения. Мандт на ощупь пробрался к двери, сквозь щель в которой пробивался слабый свет фонаря.

– Откройте, – произнес Уэйнрайт по-немецки.

– Пароль, – недоверчиво ответил Мандт. – Я не слышал пароля.

– Ох, простите. Вода жизни.

Дрожащей рукой Мандт отодвинул засов.

Уэйнрайт не мешкая юркнул внутрь.

– У меня очень мало времени. К нам приехали двое полицейских из Скотленд-Ярда.

– Что?

– Это никак не связано с вами, – торопливо объяснил Уэйнрайт. – Недавно произошло убийство адвоката, ехавшего в вечернем поезде из Лондона в Седвик-Хилл. Полиция думает, что он вез документы кому-то, кто находится в моей клинике.

– Убийство? Но вы же говорили только о столкновении и пожаре!

– Уверяю, вас это никак не коснется.

Мандту отчаянно хотелось в это поверить.

– Полицейские хотят побеседовать со всеми, – продолжал Уэйнрайт. – И если я долго буду отсутствовать, они заинтересуются, куда я пропал. Вот пища и вода. Вам что-нибудь еще нужно?

– Мой ночной горшок…

– Этим пусть займется прислуга. Я не могу больше с вами оставаться. – Уэйнрайт вышел на лестницу. – Если я не зайду к вам завтра утром, это будет означать, что полицейские все еще здесь.

– Но…

– Не беспокойтесь. Скоро мы переправим вас в Ливерпуль.

– В Ливерпуль, а не в Бристоль? Все настолько плохо, что мне придется ехать обходным путем?

Ничего не ответив, Уэйнрайт закрыл дверь, оставив Мандта в темноте.

«Попробуй тут не волноваться», – подумал Мандт, поспешно задвигая засов. Возможно, он и успокоился бы, если бы не расширенные зрачки Уэйнрайта.

Снаружи, в покрытом парусиной фургоне, русский по-прежнему следил за чердачным окном. Не прошло и минуты, как свет в нем погас.

Русский задумался о том, что можно делать на чердаке в такое позднее время и так недолго.

Глава 9
Ночные ужасы

Продолжение дневника Эмили Де Квинси

Меня разбудил крик. Сначала я подумала, что это часть моего ночного кошмара, в котором звук дождя, бившего в мое окно, превращался в стук пальцев. Тук, тук, тук.

Вопль становился все отчаяннее.

Я узнал голос женщины – это была Стелла:

– Он умер!

Дом был таким холодным, его мрачность настолько угнетала, что я не переоделась в сорочку, что привезла с собой. Все еще в том же наряде, который был на мне, когда мы приехали, я отбросила полог кровати и побежала к двери.

– Роберт умер! – вопила Стелла.

Я выскочила в коридор и увидела отца – он тоже до сих пор не снял дорожной одежды, – спешившего на крик из своей комнаты. Кэролайн в домашнем халате была уже на месте.

– Умер!

Крики раздавались этажом ниже. Стелла, должно быть, услышала, как мы бросились в сторону дрожащего света лампы. Едва мы миновали лестницу, она подбежала к нам. Ее лицо было бледным, а в глазах стоял ужас.

– Я не могла уснуть. И пошла проверить, как там Роберт. Я… с ним что-то случилось. Он не…

Мы устремились вслед за ней. Открытая дверь зияла, словно пропасть.

Гарольд появился из своей комнаты, что располагалась дальше по коридору. На ходу он завязывал свой халат.

– Что, черт возьми, стряслось? Что за крики?

– Это Роберт! Он…

– Он что? – потребовал ответа Гарольд. – Ради бога, объяснитесь!

– Я видела вас, – сказала ему Стелла.

– Видели меня?

– Выходящим из комнаты Роберта.

– Черт возьми, что вы такое говорите?

– Минуту назад я видела вас! – настаивала Стелла.

– Это безумие.

Пока они спорили, я взяла у Стеллы лампу и поспешила в темную спальню лорда Кавендейла, как я и полагала, обставленную весьма сдержанно.

Ветер выл за окном, а дождь бил в стекло, точно галька. Полог кровати был приоткрыт. Приблизившись, я увидела лежавшего под одеялом пэра.

– Стелла, вы говорите, что он…

– Я сразу заметила неладное!

Остальные последовали за мной в комнату. Я поднесла лампу ближе, разгоняя тени. Мне не приходилось видеть, чтобы лорд Кавендейл шевелился, поэтому я не удивилась, что крики Стеллы и наше внезапное появление не вызвали у него никакой реакции.

– Умер? Нет, этого не может быть, – сказал Гарольд. – Он не выказывал недомогания за ужином. Глотал пищу. Дышал без труда.

– Я видела, как вы выходили отсюда, – повторила Стелла.

Кэролайн подошла ко мне:

– Эмили, вы говорили, что получили медицинскую подготовку у доктора Сноу. Нельзя ли попросить вас…

– В таком случае будьте добры, подержите, пожалуйста, лампу для меня.

– Конечно. Все, что угодно, – сказала Кэролайн.

– Держите ее повыше, пожалуйста.

У входа в спальню собрались слуги, их свечи давали больше света.

– Не подходите! – велел им Гарольд. – Возвращайтесь в свои комнаты!

Наклонившись к лорду Кавендейлу, я вспомнила ночь четверга, когда точно так же присела над изувеченным телом Дэниела Харкурта и попыталась нащупать пульс. Тогда потребовалась вся моя решимость, чтобы сделать то, чему научил меня доктор Сноу, но теперь я исполняла свой долг почти без колебаний. И не только потому, что тело лорда Кавендейла не было так изувечено, но потому, да помогут мне Небеса, что я научилась проверять пульс.

Два месяца в кресле-каталке сделали свое дело; запястье лорда Кавендейла было тонким и слабым.

– Вы чувствуете что-нибудь? – с отчаянием спросила Стелла.

В спертом воздухе, который накопился под пологом, я склонилась ниже. Прежде чем прижать ухо к груди хозяина дома, я заметила нечто странное, что заставило меня остановиться.

– Кэролайн, пожалуйста, поднимите лампу выше.

Иной угол освещения позволил мне рассмотреть голубое одеяло, которое покрывало грудь лорда Кавендейла. Мое внимание привлекли какие-то коричневые крупинки.

– Отец, – позвала я.

Когда он наклонился ко мне, я указала на крупинки. Он взял одну из них и растер между большим и указательным пальцами.

– Его сердце. Вы слышите что-нибудь? – умоляла Стелла за моей спиной.

Я приложила ухо к левой стороне груди, которая ни разу не поднялась и не опала. Мне не удалось расслышать даже малейшего движения сердца.

– На туалетном столике есть зеркало? – спросила я.

Стелла бросилась за ним.

Я поднесла зеркало к ноздрям лорда Кавендейла. На стекле не осталось даже намека на пар.

Глаза хозяина дома были открыты и смотрели в никуда. Его взгляд не был осмысленным и в первую нашу встречу, поэтому само по себе это ни о чем не говорило. Однако даже тогда, когда я передвинула руку Кэролайн так, что лампа оказалась рядом с его тусклыми карими глазами, он не моргнул и зрачки не сузились.

Я подняла одеяло и прикоснулась к его ногам.

– Уже остыли. Холод поднялся выше щиколоток.

«В жизни своей не чувствовала ничего холоднее», – подумала я, но вслух сказала только:

– Стелла, мне очень жаль. Ваш муж действительно мертв.

Ее словно парализовало. Слезы потекли по бледным щекам. Она смотрела сквозь них на неподвижную фигуру в постели. Потом вздрогнула и повернулась к Гарольду:

– Это сделали вы!

– Что?!

– Когда заходили сюда.

– Вы продолжаете повторять это. Но меня здесь не было.

Стелла обернулась к кровати, увидела подушку рядом с лордом Кавендейлом и подняла ее:

– Вы его задушили? Это было бы проще всего.

Она рассмотрела подушку и развернула ее, показывая вмятину на

обратной стороне:

– Вот как вы это сделали: прижали подушку к его лицу. Дыхание Роберта было таким слабым, что много усилий и не потребовалось.

– Вы бредите! – рявкнул Гарольд.

– Эмили, что вы с отцом заметили на одеяле лорда Кавендейла? – спросила Кэролайн.

Когда ни один из нас не ответил, она наклонилась между приоткрытыми занавесями и разглядела те же коричневые крупинки, что и я. Кэролайн потерла их между пальцами, как сделал отец, и ощутила резкий запах.

– Табак, – пробормотала она.

– Это немыслимо, – заявил Гарольд и непроизвольно вскинул правую руку к ноздрям.

– Вы говорили, что для него было бы лучше умереть, – напомнила ему Стелла.

– Я просто выразил сочувствие его горькому существованию.

– Нет, Гарольд. Это звучало так, будто вы действительно хотели его убить, – упорствовала Стелла.

– И почему же я должен хотеть, чтобы отец… – Внезапно его лицо озарила догадка. – Вы думаете, я желал его смерти, чтобы получить наследство?

– Вы, конечно, никогда не забывали указать на то, что я на самом деле не являюсь частью вашей семьи, как и мой малыш, которого вы пренебрежительно называли сводным братом.

– Я не обязан выслушивать этот бред.

Разъяренный Гарольд бросился к двери, но вдруг обернулся.

В свете лампы было видно, как лицо его исказилось от ярости.

– Как вы дерзко мне напомнили, я теперь владею поместьем. Я для вас больше не Гарольд. Я лорд Кавендейл, и я хочу, чтобы вы убрались из этого дома.

– С радостью; мы уедем завтра утром, – сказала Кэролайн.

– Нет, вы не понимаете. Я не говорю про утро. Я хочу, чтобы вы все убирались отсюда… немедленно.

– Вы же это не серьезно, – только и сказала Кэролайн.

– Спускайтесь вниз, надевайте пальто и шляпы и выметайтесь, к дьяволу, из моего дома!

В комнате дальше по коридору заплакал ребенок.

– И отродье свое забирайте! – приказал Гарольд. – Думаете, я поверю, что он на самом деле сын моего отца?

– Какой ужас! – воскликнула потрясенная Стелла.

– Отец был нездоров еще до несчастного случая. Моя мать однажды намекнула на причину, по которой они произвели на свет лишь моего брата и меня. Я не верю, что отец был способен зачать еще одного ребенка!

Я никогда не чувствовал себя столь смущенной семейной размолвкой. Мы с отцом взглянули друг на друга в изумлении, словно стали свидетелями настоящей драки.

Из коридора продолжал доноситься детский плач.

– Вы не слышите меня? Уймите своего паршивца! – потребовал Гарольд. – Мне надоело слушать его ночь за ночью! – Он повернулся к нам с отцом. – Берите пальто и шляпы и убирайтесь! – Он подошел ближе к отцу. – Любитель Опиума, – бросил он с презрением. – Ваше присутствие в моем доме оскорбительно!

Жестокость в его голосе потрясала меня настолько, что я не могла сдвинуться с места.

– Нет? – спросил Гарольд, и в глазах его полыхнул огонь. – Никто не желает меня слушать? Что ж, черт подери, я с этим разберусь!

Он вылетел из комнаты, расталкивая слуг, которые, несмотря на приказ своего хозяина, задержались в коридоре.

– Стелла, мне очень жаль, – повторила я.

Дождь продолжал барабанить в окно, но его звук изменился, приобретя мощь града.

– Я, пожалуй, соберу кое-какую одежду, – сказала Кэролайн, свободной рукой сильнее запахнув свой халат.

– Малыш, – пробормотала Стелла и окликнула слугу в дверях. – Мы должны позаботиться о нем.

– Разумеется, Гарольд вовсе не намерен вытолкать нас из дома посреди ночи, – сказал отец. – В такую бурю.

В коридоре застучали шаги.

– С дороги! – прикрикнул Гарольд на слуг.

Он ворвался в комнату.

– Вы все еще здесь? Никто не слышал, что я сказал? Ну, может быть, вы послушаетесь этого.

Я уставилась на хлыст в руке. Гарольд рассек им воздух. Раздался резкий свистящий звук.

– Вон! – приказал Гарольд. – Вниз! Прочь! Вы! – крикнул он отцу, увидев, как тот вытаскивает бутылочку с лауданумом из кармана. – Ваше поведение отвратительно! Прочь с глаз моих!

Он взмахнул хлыстом, ударил по бутылочке и выбил ее из рук отца.

Она упала, и рубиновая жидкость разлилась по полу.

– Нет! – воскликнул отец, опускаясь на колени и хватая бутылочку.

Гарольд несколько раз ударил хлыстом по спине отца:

– Прочь! Прочь! Прочь!

Я шагнула вперед, чтобы остановить его, и хлыст ужалил мою протянутую руку.

– Прочь! Прочь!

Он сделал короткий взмах, и внезапно моя щека словно вспыхнула огнем. Пораженная, я прикоснулась к лицу и ахнула, почувствовав кровь.

– Вы меня ранили! – сказала я в недоумении.

– Прочь! Прочь! Вон! Вон! – Теперь Гарольд стегал кнутом Кэролайн. – Вы думаете, я не разгадал вашу игру? Пытаетесь строить из себя благородную леди, а на деле вы всего лишь ростовщица. Чтобы подняться повыше, вы с дочерью сговорились обмануть моего отца.

Кровь продолжала струиться по моей щеке, которая с каждой минутой распухала все больше. Никому из нас не хватило бы силы, чтобы противостоять Гарольду.

Я боялась, что скоро он ранит кого-нибудь из нас более серьезно.

– Отец, мы должны уйти.

– Да! Наконец хоть кто-то меня понял! Убирайтесь! Все вы! – Гарольд ударил кнутом по левой руке Стеллы. – Прочь! Не надейтесь упаковать свои сумки! Будьте благодарны, что позволяю вам забрать шляпы и пальто! Вон! Вон!

Стелла развернулась на каблуках, вылетела из комнаты и вместе со слугой бросилась в ту сторону, где надрывался ребенок.

Отец, Кэролайн и я отступали перед яростью Гарольда. Он теснил нас, взмахами хлыста выгоняя из комнаты.

Свет от лампы в руке Кэролайн отбрасывал гротескные тени на стены коридора. Мы с отцом добрались до лестницы, по которой он хотел подняться наверх, наверное в свою комнату.

– Нет! – Гарольд стегнул хлыстом по перилам. – Идите в холл!

– Но в моей комнате… я…

Отец сжимал в руке почти пустую бутылочку опиума, и я догадалась, что он хотел взять из своей сумки другую, полную, пока его не выставили из дома.

Гарольд ударил его по плечу:

– Я знаю, что вам там нужно! Но я не позволю! Убирайтесь из моего дома!

Под шквалом ударов, что Гарольд наносил отцу, он едва не

споткнулся.

– Не трогайте его! – закричала я, попятившись.

Гарольд толкнул меня. Я попыталась сохранить равновесие и потянулась к перилам, но не успела схватиться за них и упала. Со стоном я покатилась вниз и остановилась лишь потому, что мое тело развернулось и столкнулось с каменной балюстрадой.

– Эмили! – Отец поспешил поднять меня на ноги. Он посмотрел на мою щеку. – У тебя кровь.

– Прочь! – кричал Гарольд. Его ярость теперь была направлена на Стеллу, которая появилась на лестнице, укачивая на руках маленького сына.

Он едва не столкнул ее так же, как и меня, но что-то заставило его остановиться. Вместо этого он ударил хлыстом по бронзовым перилам, сгоняя всех нас – отца, меня, Кэролайн и Стеллу с ребенком на руках – вниз, в тускло освещенный холл.

– Отдайте им шляпы и пальто! – приказал Гарольд слуге. – Бросьте их прямо здесь!

Град ударил в окна.

– На нас со Стеллой только халаты и домашние туфли! – взмолилась Кэролайн.

– Клиника меньше чем в полумиле отсюда. Никто из вас не замерзнет до смерти!

– Но ребенок…

– К черту младенца, к черту всех вас. Не желаю вас больше видеть!

Слуга бросил шляпы и пальто к нашим ногам с извиняющимся видом и сочувственно покачал головой, когда заметил кровь на моем лице.

Гарольд отпер входную дверь, и через нее в особняк тут же ворвался холодный ветер. Даже в темноте было видно, как град сыпался на дорогу. Трудно было разобрать, что у нас под ногами – гравий или ледяные осколки.

– Гарольд, – позвала Кэролайн.

– Для вас лорд Кавендейл!

– Вы пожалеете об этом, – выпрямившись, произнесла Кэролайн.

Меня поразило то, каким решительным стало ее лицо: оно больше не было красивым, его исказила клокочущая ярость.

– Пожалею? Напротив.

Он едва не рассмеялся.

– Ваши карточные долги почти разорили поместье. С презрением вы называли меня ростовщицей, но ваш отец продолжал владеть особняком

только потому, что я давала ему деньги в долг. Очень большие деньги. И ни одной выплаты так и не дождалась. Завтра я вернусь в Лондон и отзову эти кредиты. Ваши друзья-картежники внезапно станут вашими врагами. Когда они потребуют деньги по вашим долгам, которые до сих пор я исправно оплачивала, они примчатся к вам со своими хлыстами, которые несомненно страшнее вашего. Ваш портной, ваш мясник, ваш торговец вином – все, от кого зависит ваша праздная, никчемная жизнь, тоже потребуют возврата долгов. Когда вы не сможете платить своим слугам, они бросят вас. Вы даже не сможете купить масло для ламп и уголь для каминов. Вы будете сидеть здесь, оборванный, замерзший и голодный, во мраке.

– Это вы так думаете. Через несколько месяцев у меня будет доход с урожая.

– Нет, если урожай не будет собран. Инвентарь, повозки, скот – все отдано мне в заклад. Даже ваша мебель. Завтра я завладею всем.

– Я солгал, – заявил Гарольд с еще большей яростью.

– Солгали? О чем?

– Я знал Дэниела Харкурта. Я нанял его навести справки о вас и вашей бесстыжей дочери.

– Не будьте смешным. Мы с Дэниелом были деловыми партнерами.

– Он ненавидел вас! Он презирал вас за происхождение и то высокомерие, которое вы на себя напускали. Он был в восторге от возможности разоблачить вас и вашу дочь и заставить всех осознать, что вы обе – шарлатанки! Должно быть, он спешил сюда в четверг вечером с доказательством того, что сопливый паршивец вашей дочери – не сын моего отца. Но это больше не имеет значения. Теперь я лорд Кавендейл. Ни вашей дочери, ни ее ублюдку здесь не место! Прочь! Вон!

Резкий свист хлыста выгнал нас через парадную дверь, вниз по гранитным ступеням, в самую бурю.

Град налетел на меня справа, ударил по плечу, засыпал шляпу, ужалил мою раненую щеку. Ребенок продолжал кричать под халатом Стеллы.

– Позвольте мне помочь, – предложила я, подхватывая ее под руку, когда домашние туфли Стеллы заскользили на ледяной крошке.

– Нет, я сама этим займусь, – сказала Кэролайн, поспешно обхватив дочь рукой. – Позаботьтесь о Томасе.

Поддерживая отца, я оглянулась на дом и открытую дверь, откуда за нами со свирепым видом наблюдал Гарольд. Неожиданно свет лампы исчез, когда он ступил внутрь и захлопнул створку с грохотом, сильным, как выстрел.

Град подгонял нас. Плач малыша усилился, вынудив Стеллу сказать:

– Тише, Джереми, все будет хорошо. Не бойся. Ты скоро будешь там, где тепло.

Это должно было случиться не так уж и скоро. Пока град жалил меня, я ощущала, как холод проникает сквозь подошвы ботинок, и не могла даже вообразить, что чувствовали Стелла и Кэролайн, обутые в домашние туфли.

– Гарольд ненавидит меня так сильно, что нанял кого-то наводить справки? – возмущенно спросила Стелла. – Он не верит, что Джереми – ребенок его отца? – Ее голос сорвался. – Неужели он не верил и в то, что милая Дженнифер была ребенком его отца?

– Возненавидь его в ответ, Стелла, – настаивала Кэролайн. – Клянусь, что мы его накажем. Не думай ни о чем другом. Пусть жажда мести согреет твое тело.

Мы брели по каменистой дороге, а потом свернули направо, едва разглядев путь, что вел в клинику. Град сменил направление и бил теперь прямо в лицо. Я опустила голову. Ледяная крупа хлестала мой незащищенный затылок. Лед таял, стекая под пальто и дальше вниз по спине, и я никак не могла унять дрожь.

– Гарольд пожалеет, что не умер вместо своего старшего брата, – пообещала Кэролайн. – Бог мне свидетель, я заставлю его заплатить. Старайся думать так же, Стелла. Мы заставим его страдать. А когда покончим с ним, он окажется на самом дне и будет ползать там, словно гадюка. Подпитывай свой гнев. Жар ненависти согреет твое тело и сохранит ребенка в тепле.

Отец поскользнулся на ледяном крошеве, которое покрывало дорогу. Мне удалось подхватить его, прежде чем он упал. Внезапно дорога свернула, и я поняла, что под градом, покрывшим гравий, ее совсем не видно. Мы сбились с пути.

– Мы идем прямо в канаву! – предостерегла я, подхватывая Стеллу и Кэролайн, чтобы они не упали вместе с ребенком. – Держитесь левее! Я останусь здесь и попытаюсь определить, где ее край.

Нам пришлось идти медленнее, пока я без конца нашаривала правой ногой дорогу, стараясь почувствовать, где начинается уклон. Град казался похожим на камни, что швыряют в нищих уличные мальчишки.

Отец снова потерял равновесие и на этот раз упал. Кряхтя, он сумел подняться:

– Я не пострадал. Не останавливайтесь. Вперед. Кажется, я что-то вижу там, слева. Если только это не…

– Нет, отец, это не из-за опиума. Там вырисовывается холм на горизонте.

– Клиника находится у его подножия, – дрогнувшим голосом произнесла Стелла и обратилась к своему малышу: – Джереми, мы почти пришли. Скоро будет тепло.

Мокрая и продрогшая, я шла с такой быстротой, на какую только отваживалась, все время нащупывая край канавы правым ботинком. Холм сделался темнее и выше. Я разглядела очертания трех больших зданий у его основания. В столь поздний час ни в одном из них не горел свет.

– Я вижу тропинку! – воскликнула Кэролайн.

Когда мы торопливо свернули налево, я заметила какой-то силуэт дальше по дороге, с которой свернула. В такой темноте, когда град застилал глаза, я не была вполне уверена, что это, но объект показался мне похожим на крытую парусиной повозку, стоявшую без движения. Я невольно задумалась, что может делать повозка в таком месте и в такой поздний час.

Кто-то барабанил в парадную дверь.

– Помогите! Помогите! – послышался женский голос.

Райан, лежавший на диване в кабинете доктора Уэйнрайта, медленно поднял голову. С помощью Беккера он постарался опросить как можно больше гостей клиники, а когда те разошлись по своим комнатам, вернулся в кабинет доктора, чтобы изучить список пациентов и краткие сведения о них. Часть гостей приехали из Лондона (или, по крайней мере, так заявили), а другие прибыли из таких дальних краев, как Шотландия и Ирландия. Райан не мог определить, сколько из них действительно нуждались в лечении, а сколько оказались в клинике, потому что она стала модной в состоятельных кругах. Пока ни сам инспектор, ни сержант не почувствовали, что кто-то из гостей лжет, заявляя, что никогда не слышал о Дэниеле Харкурте или же слышал, но никогда не имел с ним никаких дел. Инспектор начал подозревать, что напрасно тратит здесь время.

В дверь стучали все настойчивей.

– Помогите! – снова закричала женщина.

Райан резко встал с дивана, на котором уснул, когда документы доктора Уэйнрайта уже начали расплываться перед глазами. Он чиркнул спичкой и зажег лампу.

Невероятно, но голос кричавшей как будто принадлежал Эмили.

Схватив лампу, Райан выбежал из кабинета доктора Уэйнрайта и бросился к вестибюлю. Беккер, дремавший на диване в приемной,

поспешил за ним.

Инспектор посветил фонарем, а сержант отодвинул запор и дернул ручку двери.

В вестибюль вбежали четверо.

– Благодарение Господу, – воскликнула одна из них.

Райан раскрыл рот от удивления. Это и в самом деле была Эмили. Ее отец съежился за спиной у дочери, двух других женщин инспектор никогда прежде не встречал. Крупинки града падали с их одежды на пол. Они промокли насквозь и дрожали от холода.

– Шон? Джозеф? – изумленно произнесла Эмили, словно испугавшись, что у нее начались галлюцинации.

– Мы пытаемся выяснить, не знает ли кто-нибудь здесь Дэниела Харкурта, – растерянно начал оправдываться Райан. – Но что вы и ваш отец…

Он не договорил, заметив, что две другие женщины одеты в ночные рубашки, подолы которых выглядывали из-под пальто. На ногах у обеих были промокшие домашние тапочки. Но самым поразительным было то, что младшая из женщин – с красивым, но бледным, как и ее соломенные волосы, лицом – прятала под пальто младенца.

– Помогите согреть его, – умоляющим голосом сказала она.

– Идите скорее сюда. – Беккер показал на камин. – Угли еще горячие. Сейчас я подсыплю еще.

– Одеяла, – сообразил Райан. – Нам нужны одеяла. И горячий чай. Нужно разбудить…

– Что тут за шум? – раздался новый голос.

По лестнице с лампой в руке спускался доктор Уэйнрайт.

– Я пока еще сам не понял, – ответил Райан. – Двое из этих людей – мои друзья. Не знаю, как они здесь оказались, и…

Райан обернулся к Эмили и с испугом посмотрел на ее левую щеку. В вестибюле было темно, и сначала он подумал, что это просто тень, но затем понял, что это было на самом деле.

– Боже милостивый, Эмили, у вас кровь!

Ее пальто тоже все было в крови.

– Стелла! – воскликнул доктор Уэйнрайт. – Кэролайн! Ради всего святого, что…

По лестнице уже спешили слуги со свечами, и в вестибюле становилось все светлее.

– Принесите одеяла и сухую одежду! – распорядился доктор Уэйнрайт и жестом пригласил всех четверых беженцев к камину.

Беккер подсыпал свежих углей из стоявшего рядом ведра, затем схватил со стены каминные мехи и принялся раздувать огонь.

– Помогите мне снять с них мокрую одежду! – попросил доктор Уэйнрайт инспектора.

Очнувшись от оцепенения, вызванного кровоточащей раной на щеке Эмили, Райан помог девушке снять шляпу и пальто и поразился тому, как они потяжелели от влаги.

– Эмили, что с вами случилось?

– Это все Гарольд, – ответила женщина, прижимавшая к груди ребенка, она сидела возле самого камина, но продолжала дрожать.

Слуги принесли одеяла.

– Гарольд? – повторил Райан. – А кто он…

– Пасынок леди Кавендейл, – объяснил доктор Уэйнрайт.

– Мой муж умер, – сказала женщина с ребенком.

– Как? – изумился доктор Уэйнрайт. – Лорд Кавендейл…

– Гарольд задушил его сегодня ночью.

– Задушил? – переспросил Райан.

– Лорд Кавендейл – инвалид, – вставил доктор Уэйнрайт. – Два месяца назад он упал с лошади и…

– Сегодня ночью, – продолжала женщина с ребенком, – Гарольд, полагая, что все уже спят, прокрался в комнату моего мужа. Но я видела, как он выходил оттуда. А когда сама заглянула к супругу, он был уже мертв.

– Леди Кавендейл, миссис Ричмонд, эти двое мужчин – детективы из Скотленд-Ярда, – сообщил доктор Уэйнрайт. – Если действительно случилось неладное, уверен, они смогут установить причину смерти.

– Вот как? Детективы? – отозвалась миссис Ричмонд.

Она была старше другой женщины, но сохранила следы привлекательности. Седые пряди только подчеркивали пламенную яркость ее каштановых волос.

– Вы уверены, что он мертв? – задал новый вопрос Райан.

Обе женщины оглянулись на закутавшуюся в одеяло Эмили.

– Я проверила всеми способами, которым научил меня доктор Сноу, – ответила она. – Не может быть никаких сомнений.

– Но доктор Уэйнрайт сказал, что лорд Кавендейл стал инвалидом в результате несчастного случая, – заметил Беккер. – Возможно, он умер естественной смертью.

– Его сын нюхает табак, – объяснила женщина с ребенком. – На груди моего мужа были крошки табака. А рядом лежала подушка, измятая так, как будто ее прижимали к лицу мужа.

– Крошки табака? – уточнил Райан.

– Их обнаружили Эмили и ее отец.

– Это правда, – подтвердил Де Квинси.

От холода его лицо сморщилось и стало похоже на старую тарелку, покрытую тонкими трещинами и в любую минуту готовую расколоться.

– Я тоже видела эти крошки, – добавила старшая женщина. – И даже почувствовала запах. Это точно был табак.

– Пока мы добирались сюда, я думала о том несчастном случае с моим мужем, – сказала младшая женщина. – Когда это произошло, рядом был только Гарольд. Может быть, мой муж упал не случайно. Вечером, за ужином, Гарольд обмолвился даже, что было бы лучше, если бы его отец умер. У Гарольда множество карточных долгов. Возможно, ему надоело ждать, когда он сможет унаследовать владения отца?

Доктор Уэйнрайт осмотрел щеку Эмили.

– Вашу рану необходимо зашить.

– Зашить? – потрясенно повторил Райан. – Ради бога, объясните кто-нибудь, что произошло?

– Гарольд ударил отца Эмили хлыстом, – начала женщина с ребенком.

– Ударил хлыстом? – Райан едва сдерживал ярость.

– А когда Эмили попыталась защитить отца, Гарольд хлестнул ее по лицу.

Дождь, что стучал по крыше чердака, мешая доктору Мандту уснуть, сменился градом, отчего шум сделался еще громче. Бывший лейб-медик уселся на койке, поморщившись от зловония ночного горшка.

Он нашарил спички, зажег фитиль лампы и пробрался сквозь лабиринт ящиков, скрывавший его от посторонних глаз. Подойдя к окну, он поставил лампу на ближайший ящик, раздвинул занавески и открыл створку.

Свежий воздух рассеял отвратительный запах. Град косо хлестал в открытое окно, но Мандт не обращал на него внимания.

Призывы о помощи заставили его насторожиться. Кричала женщина, где-то под окном.

Мандт вытянул шею и посмотрел вниз. Четверо людей собрались у входа в здание.

– Помогите! – снова прокричала женщина.

Даже сквозь шум града Мандт отчетливо расслышал ее стуки в парадную дверь. Судя по тому, что стук прекратился, им открыли. Хотя град продолжал жалить его, Мандт высунулся в окно еще дальше. Видимо, шум разбудил и остальных обитателей дома, поскольку во многих окнах

также зажегся свет.

Русский продолжал, прячась внутри фургона, наблюдать за зданием. Обернувшись на шум, он увидел двух своих товарищей, забравшихся под парусиновый навес. Вода ручьем лилась с их одежды, но они ни единым словом не выразили недовольства.

– Все в порядке? – спросил русский.

– В полном, – ответил один из его товарищей. – Мы нашли канаву в поле за фургоном и забросали труп землей. Пройдет не одна неделя, прежде чем его найдут.

Русский кивнул и снова сосредоточил внимание на чердачном окне.

– Мы слышали голоса, – сообщил один из помощников. – Кто это был?

– Четверо – из них три женщины – подошли по дорожке к дому и постучали в дверь, прося о помощи. Должно быть, их выставили за порог во время грозы. Я боялся, что придется разбираться и с ними, если они заметят наш фургон.

На самом деле его беспокоила вовсе не необходимость убийства, а трудности, связанные с тем, что придется спрятать еще четыре трупа.

– Посмотрите на чердачное окно, – сказал он. – Там горит слабый свет. Из-за града трудно что-либо разобрать, но мне показалось, что кто-то открыл окно и высунулся из него.

– Кто мог оказаться ночью на чердаке? – удивился один из помощников. – Может быть, там спят слуги?

– Нет. Тогда бы я заметил больше двигающихся фигур. Там только один человек.

Внезапно входная дверь распахнулась, и из нее выскочил мужчина. За ним следом бросился другой.

– Шон! – закричал второй. – Стойте! Успокойтесь, ради бога!

Первый, не слушая его, побежал по дорожке прочь от клиники и скрылся в темноте.

Град снова сменился дождем, и Беккер прибавил шагу, шлепая по грязным лужам и отчаянно пытаясь остановить Райана.

Из темноты показались очертания высокого дома.

– Шон, вам нужно взять себя в руки! Не делайте того, о чем потом пожалеете!

Но инспектор вбежал на крыльцо, перепрыгивая через ступеньку, стиснул в руке дверной молоточек и ударил им с такой силой, что дверь задрожала.

– Гарольд, я хочу поговорить с вами! Откройте эту чертову дверь, Гарольд.

Райан продолжал стучать все сильнее и громче.

Беккер поднялся по крыльцу и обхватил инспектора за плечи, но тот оттолкнул помощника и снова заколотил в дверь.

Кто-то изнутри со скрежетом отодвинул засов. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в освещенном проеме показалось встревоженное лицо слуги.

– Лорд Кавендейл отдыхает. Уходите, иначе я вызову полицию.

– Я и есть полиция, – ответил Райан.

Навалившись плечом на дверь, он отодвинул слугу, вошел внутрь и бросил на мраморный пол просторного вестибюля свою промокшую шляпу, от которой во все стороны разлетелись брызги.

– Гарольд, где вы? Я хочу поговорить с вами! Вы ударили хлыстом дорогую мне девушку и поранили ее!

На лестнице появился широкоплечий мужчина в бархатном халате. Лампа в руке освещала его надменное лицо.

– Для вас я лорд Кавендейл. И как уже предупредил мой слуга, если вы не уйдете, я пошлю в город за констеблем.

Райан шагнул к лестнице и оттолкнул метнувшегося следом Беккера так сильно, что тот упал.

– Вы рассекли ей щеку, Гарольд! – воскликнул инспектор. – А теперь я…

Он потянулся к чему-то, спрятанному под брюками на правой лодыжке, но Беккер набросился на него и сбил с ног. Завязалась борьба.

– Уйдите! – проревел Райан.

У сержанта все поплыло перед глазами. Он пошатнулся и не сразу понял, что его ударили по лицу. Преодолевая боль, он одной рукой вытер кровь с губы, а второй оттащил инспектора от хозяина дома.

– Не будьте идиотом, Шон! Если вы его хоть пальцем тронете, премьер-министр накажет вас в назидание всем остальным. Вас уволят за нападение на пэра, что бы ни говорил комиссар Мэйн в вашу защиту.

Райан пытался вырваться.

– Но это еще не самое плохое, – продолжал уговаривать его Беккер. – Мы с вами – простые люди. Что сделают с сыном плотника, посмевшим ударить аристократа? Вы попадете в тюрьму. Даже если все улики будут против этого человека, судить его наверняка будут лорды. И они не забудут, что вы напали на одного из них. Вы сами лишаете нас шанса наказать его!

Грудь Райана яростно вздымалась и опадала. Таким ожесточенным

Беккер никогда прежде его не видел.

– Эмили, – проговорил инспектор.

– Да, Эмили, – повторил сержант. – Послушайте меня. Уверен, она сказала бы вам то же самое. Будьте благоразумны. Не совершайте ничего, что помешало бы правосудию наказать его.

Райан с яростью посмотрел на мужчину, стоявшего на лестнице.

– Правосудие накажет меня? – усмехнулся тот. – За что? За то, что я ударил простолюдинку, отказавшуюся покинуть мой дом? Меня никто не осудит, если я ударю даже вас, поскольку вы ворвались ко мне среди ночи. Убирайтесь немедленно!

– Что это у вас в руке? – спросил Райан.

Беккер только сейчас заметил, что Гарольд держит хлыст.

Инспектор бросился вверх по лестнице.

– Шон! – взмолился Беккер.

Райан показал Гарольду свой жетон.

– Я инспектор полиции Райан. Где ваш отец?

– Вы не имеете права…

– Гарольд, если вы не проводите нас к своему отцу, мы обыщем весь особняк, комнату за комнатой, пока не найдем его.

– Приказываю вам немедленно покинуть мой дом.

Гарольд замахнулся хлыстом, но Райан неуловимым движением перехватил его руку, отобрал стек и собирался уже нанести ответный удар…

Гарольд съежился.

Рука Райана дрогнула. Точнее, все его тело содрогнулось. Резким движением он отшвырнул стек.

Пока хозяин дома стоял с открытым от изумления ртом, Райан и Беккер поднялись по лестнице.

На первом этаже за этой сценой изумленно наблюдала служанка.

– Где мы можем найти отца Гарольда? – потребовал ответа инспектор.

Девушка испуганно подняла взгляд на верхнюю площадку лестницы.

Райан забрал у нее лампу и вместе с Беккером поднялся на второй этаж.

– Вы не имеете права! – крикнул Гарольд, устремившись следом.

На верхнем этаже Райан с Беккером разделились. Света лампы в руке у инспектора едва хватало, чтобы разглядеть что-то за дверьми, которые они распахивали одну за другой.

– Здесь, – определил сержант.

Они зашли в спальню и направились к кровати, за полураскрытым

занавесом которой угадывалась неподвижная фигура.

Когда они приблизились, лампа осветила изможденное лицо пожилого человека. Открытые глаза были тусклыми и безжизненными.

– Оставайтесь здесь, – велел Райан Беккеру. – Не подходите ближе. Будем действовать как обычно.

– Немедленно выйдите из комнаты! – настаивал Гарольд.

Райан передал Беккеру лампу и осторожно шагнул вперед, тщательно осматривая кровать. Он наклонился и проверил пульс, но мутные глаза мужчины не оставляли сомнения в том, что он был мертв.

Инспектор поднял лежавшую рядом подушку. Жена покойного заявила, что на подушке была вмятина, повторяющая форму его лица, словно он был задушен ею.

Но сейчас на подушке не осталось никаких вмятин.

– Вы трогали эту подушку? – задал Райан вопрос Гарольду.

– Даже не прикасался.

Инспектор всмотрелся в лицо мертвеца и заметил засохшую корку слюны в уголках губ. Он снова посмотрел на подушку. Там было пятно, напоминающее след слюны.

– Глаза вашего отца открыты, – отметил Райан.

– Не понимаю, почему это заслуживает отдельного упоминания, – сказал Гарольд. – Полагаю, многие люди умирают с открытыми глазами.

– Но не во сне, – возразил Райан. – Что могло разбудить вашего отца? Может быть, прижатая к лицу подушка? Мне рассказывали, что он был парализован. Открытые в ужасе глаза могут оказаться единственным свидетельством борьбы.

– Моя так называемая мачеха все еще обвиняет меня в том, что я задушил собственного отца?

Райан склонился к синему одеялу в поисках крупиц табака, о которых рассказывали жена покойного и отец Эмили.

Но там ничего не было. Задумавшись на мгновение, инспектор обратился к Беккеру:

– Поднесите лампу к полу.

– Что вы делаете? – удивился Гарольд.

Райан внимательно обследовал ковер возле кровати, затем провел по нему пальцем.

– Вы не имеет права это делать! – воскликнул новоиспеченный лорд Кавендейл.

Инспектор нащупал на полу какие-то крошки. Некоторые из них прилипли к указательному пальцу. Он поднес палец к лицу и принюхался.

– Табак.

– Не может быть! – заявил Гарольд.

Райан подошел к нему и заметил крупинки табака под носом молодого человека и на отворотах его халата.

– Вы разгладили подушку, чтобы на ней не сохранился отпечаток лица убитого, но не заметили капли слюны, которую он оставил на ней, когда вы прижимали подушку к его рту. Затем, после того как Эмили и ее отец обнаружили крошки табака на одеяле, вы вернулись сюда и смахнули их. Но вам следовало убрать и те, что упали на ковер. Вы арестованы за убийство вашего отца!

Глава 10
Гидропатия

– У нас нет свободных комнат, – сказал доктор Уэйнрайт дрожавшим от холода гостям. – Но я распоряжусь, чтобы койки поставили в смотровых кабинетах. Вот сухая одежда. Приношу свои извинения, платья прислуги – это, конечно же, не то, к чему вы привыкли, – обратился он к Кэролайн и Стелле, но затем, бросив взгляд на блумерсы Эмили, решил, что поторопился с выводами на ее счет. – Но в них вы, по крайней мере, сможете согреться, пока мы не высушим вашу одежду.

Уэйнрайт указал на молодого человека в форменном белом жакете клиники.

– Моего ассистента зовут Рик. Он позаботится о вас.

– Чай, – напомнила Эмили. – Не мог бы кто-нибудь принести нам горячий чай?

– Чай и кофе в моей клинике запрещены, – объяснил ей доктор Уэйнрайт. – Как и прочие стимулирующие средства. Но вам сейчас принесут с кухни горячую воду с медом.

Эмили прижала к кровоточащей щеке носовой платок.

– Боюсь, из меня плохой хирург, мисс Де Квинси. Меня не учили накладывать швы.

Она кивнула, прекрасно зная, как врачи брезговали прикасаться к своим пациентам и только хирурги, стоящие ниже их в медицинской иерархии, имели дело с ранами и кровью.

– Если у вас найдутся необходимые инструменты, я смогу сделать все сама.

Кэролайн и Стелла изумленно посмотрели на нее, а доктор Уэйнрайт, казалось, лишился дара речи.

– Что ж, инструменты у меня действительно есть, но вы же не собираетесь…

– У меня нет выбора. Покажите, где лежат инструменты.

Уэйнрайт отвел ее в смотровой кабинет, куда также проследовал все еще дрожавший Де Квинси.

Доктор открыл ящик и показал, где лежат искривленные иглы и кишечная нить для накладывания швов.

– Еще мне понадобится белый купорос, чтобы промыть и очистить

рану. И маленькое зеркальце, – добавила Эмили, а затем с беспокойством потрогала лоб Де Квинси. – Отец, ты весь дрожишь. У тебя лихорадка.

– Мне нужно принять мое лекарство.

– Я не держу здесь лекарств, – заявил доктор Уэйнрайт, протягивая Эмили купорос и зеркальце. – Половина тех людей, что обращаются ко мне за помощью, заболели оттого, что принимали прописанные врачами пилюли, которые на самом деле представляют собой растертую в порошок капусту, смешанную с крахмалом или мелом, с добавлением лакрицы.

– Вот какое лекарство мне нужно. – Де Квинси показал на пустую бутылочку из-под лауданума. – Гарольд выбил ее у меня из рук, и все содержимое вылилось на пол. У меня в комнате хранилась запасная, но молодой человек не позволил мне…

Де Квинси задрожал еще сильнее.

– Такие лекарства я в особенности не одобряю. Вот что вам на самом деле нужно.

Доктор Уэйнрайт налил в стакан воду из кувшина и передал Де Квинси.

– Если бы это могло помочь.

Де Квинси взял стакан трясущимися руками и сделал глоток.

Эмили наполнила чашку купоросом и опустила туда иглу и кишечную нить.

– Доктор Сноу помог моему отцу уменьшить ежедневную дозу лауданума.

– Вы знакомы с королевским врачом? – изумленно спросил Уэйнрайт.

– Мы снизили ее до восьми унций.

Эмили нашла в ящике чистый лоскут ткани, смочила его в купоросе и, вздрогнув от боли, протерла края раны.

– Я считал, что репутация вашего отца сильно преувеличена, но очевидно это не так! – воскликнул Уэйнрайт. – Обычный человек может умереть, выпив лишь одну столовую ложку лауданума.

– Мои привычки складывались долго и мучительно.

Лицо Де Квинси покрылось бисеринками пота.

Эмили взяла одной рукой зеркальце, а другой – иглу с капающим с нее раствором.

– Господи, сделай так, чтобы не осталось шрама.

Она вдела нить в иголку. Когда кровь вспенилась, она выдохнула, проткнула щеку иглой и, поморщившись, протянула нить.

– Это мне должны были зашивать рану, а не тебе, Эмили, – произнес Де Квинси.

– Я благодарна Небу, что этого не случилось, отец.

– Но вам действительно необходимо лечение, – напомнил доктор Уэйнрайт, глядя на то, как Де Квинси сжимает и разжимает кулаки.

– Утром, как только откроются магазины, – начал Де Квинси, – нужно будет послать кого-то в город, чтобы купить…

– Я не могу на это согласиться, – перебил его Уэйнрайт. – Кроме того, до утра еще несколько часов. А помощь вам нужна немедленно. Поскольку методы доктора Сноу не привели к успеху, возможно, вы согласитесь попробовать мои.

Пол процедурного кабинета был выложен белой плиткой и снабжен сливным отверстием. Двое служителей держали в руках плотные простыни, пропитанные водой.

– Это называется «метод влажного обертывания», – объяснил доктор Уэйнрайт.

– Все, что угодно, лишь бы унять дрожь, – ответил Де Квинси.

– С его помощью мы справимся и с вашей лихорадкой. Можете сложить одежду сюда. Она все равно промокла бы насквозь.

– Доктор Уэйнрайт, вы никогда не задумывались о том, что термин «гидропатия» состоит из слов, означающих «вода» и «страдание»? – спросила Эмили.

Ее щека покраснела и распухла, два темных шва протянулись поперек раны.

– Очень остроумно. Но это название можно трактовать и как избавление от страданий с помощью воды.

– Давайте не будем говорить о страдании, – попросил Де Квинси.

Доктор жестом приказал помощникам обернуть Любителя Опиума мокрыми простынями. Тот какое-то время еще продолжал дрожать. Но вскоре его руки и ноги были обездвижены. Не считая открытого лица, он напоминал теперь мумию из Британского музея.

Помощники уложили Де Квинси спиной на стол, установили металлические ограждения, чтобы он не скатился на пол, а затем полили обвивающее его простыни водой из ведра.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовался доктор Уэйнрайт.

– Холодно, – ответил Де Квинси все еще дрожащим голосом.

– Это ненадолго. Тепло вашего тела должно нагреть воздух под простынями.

Помощники принесли мокрые полотенца и накрыли ими простыни.

– Да, – согласился Де Квинси. – Я чувствую, что начинаю согреваться.

– Скоро все токсины выйдут наружу, – заявил доктор Уэйнрайт. – Все яды, скопившиеся в вашем организме, и в особенности лауданум, будут обезврежены.

– Я вспотел.

– Превосходно! Мы сделаем из вас нового человека всего за несколько часов!

– Доктор Уэйнрайт, – спросила Эмили. – Как долго вы занимаетесь гидропатией?

– Сразу после получения диплома врача в Эдинбургском университете я отправился в Греффенберг, чтобы изучить методы Винценца Присница в его лечебнице.

– А когда вы открыли свою клинику?

– Два с половиной года назад. Кое-кто из пэров убедил меня сделать это, уверяя, что нуждается в моем лечении. А почему вы спрашиваете?

– Я просто пытаюсь отвлечь отца. Как тебе там, под этими простынями, отец?

– Тепло. Очень тепло.

– Вот и чудесно, – подтвердил доктор Уэйнрайт. – Все токсины будут выведены.

– Я и в самом деле чувствую, что они выводятся, – отозвался Де Квинси, запеленатый в тугой кокон из мокрых простыней и полотенец.

– Доктор, миссис Ричмонд собиралась познакомить нас с вами завтра, то есть теперь уже сегодня, – сказала Эмили. – Джентльмен, у которого мы остановились в Лондоне, владеет прекрасной библиотекой. Узнав, что нас удостоят чести познакомиться с вами, я прочитала кое-какие книги о гидропатии.

– Я восхищен вашей любознательностью, мисс Де Квинси.

– Меня озадачило то, что мистер Присниц, строго соблюдавший принципы гидропатии, скончался в возрасте всего пятидесяти одного года, в то время как моему отцу, порой выпивавшему по шестнадцать унций лауданума в день, сейчас шестьдесят девять лет и он ежедневно проходит пешком не меньше пятнадцати миль.

– Вчера я совсем не гулял, – в отчаянии проговорил Де Квинси. – Может быть, именно поэтому и случился такой тяжелый приступ.

– У некоторых людей более крепкий организм, чем у других, – отметил доктор Уэйнрайт. – Вы настоящий медицинский феномен, мистер Де Квинси.

– Возможно, меня защищает лауданум. Мне ужасно хочется пошевелить руками или ногами.

– Через три часа мои помощники распеленают вас.

– Крысы, – пробормотал Де Квинси.

– Что? – не понял доктор.

– Крысы грызут мои внутренности.

– Уверяю, метод влажного обертывания истребит всех крыс.

Де Квинси застонал, его лицо скривилось, и тонкие морщины словно бы стали глубже.

– Который теперь час? Скоро ли откроются магазины? Эмили, когда ты купишь мне…

Доктор Уэйнрайт в протестующем жесте поднял руки:

– Полагаю, мы не станем так быстро сдаваться. У нас в запасе еще несколько часов, что плохого в том, чтобы продолжить процедуры?

– Мне очень жарко под вашими простынями.

– Вот и прекрасно!

Не обращая внимания на дождь, русский остановился у боковой двери среднего здания. Большинство замков можно открыть одним из полудюжины типовых ключей. Он добился успеха с третьей попытки.

Осторожно приоткрыв дверь, он заглянул внутрь, но там его поджидала только темнота. Два его помощника прижались к стене, чтобы их кто-нибудь случайно не заметил. Русский зашел внутрь.

– Наденьте пальто, Гарольд, – приказал Райан. – Вы пойдете вместе с нами в клинику.

– Я никуда не пойду.

– Поймите, теперь, когда я арестовал вас, наше положение изменилось, – объяснил Райан. – Да, вы пэр, а я простой человек, но если вы будете сопротивляться, я заявлю, что вы пытались бежать. Мой помощник подтвердит это. Правда ведь, сержант Беккер?

– Абсолютная правда, инспектор Райан. Он пытался сбежать.

– Мало того что все мои действия будут оправданы, но попытка к бегству убедит всех, что вы действительно виновны, Гарольд.

– Но я не убивал своего отца!

– Разумеется. Каждый, кто отправляется на виселицу, клянется в своей невиновности.

– На виселицу? Подождите! Хорошо, я признаюсь, что разгладил подушку и смахнул табачные крошки, но я сделал это для того, чтобы меня не заподозрили в убийстве.

– Вы добились лишь того, что теперь вас будут подозревать еще

сильней.

– Клянусь, меня не было в комнате, когда умер мой отец! – воскликнул Гарольд. – Должно быть, она украла немного моего табака и… Это сделала она.

– Она?

– Стелла. Это она убила моего отца.

– Зачем ей это могло понадобиться? Имущество вашего отца было в доверительном управлении?

Райан имел в виду общепринятую практику составления договора, согласно которому все имущество переходит старшему наследнику по мужской линии, не позволяя ему при этом продать наследство. Новый владелец может, в свою очередь, составить такой же договор, не позволяющий уже своему наследнику продать землю.

– Да, имущество в доверительном управлении.

– В таком случае только вам как единственному наследнику была выгодна смерть вашего отца, – продолжал Райан. – Чего добилась бы леди Кавендейл? Ничего. Как и любая вдова, она всецело зависела бы от милости наследника, а нам известно, как вы к ней относитесь. Вы выставили ее из дома под дождь с градом.

По лестнице торопливо спустился слуга с двумя саквояжами в руках.

– Мистер Де Квинси и его дочь оставили свои вещи, когда уходили.

– Благодарю вас, – сказал Беккер.

Райан открыл саквояж, подписанный именем Де Квинси.

– Что вы делаете? – спросил Беккер, потрясенный таким неуважением к чужой собственности.

– Просто хочу убедиться, что все на месте. – Инспектор показал бутылочку с лауданумом. – Могли бы вы три месяца назад предположить, что я буду беспокоиться о том, чтобы отец Эмили получил свой опиум?

– Да, с тех пор многое изменилось, – усмехнулся сержант, но тут же поморщился и коснулся рукой окровавленной губы.

– Простите меня за то, что ударил вас, Джозеф. Вы были правы. Я все-таки сделал то, о чем потом буду жалеть.

– Пусть уж лучше вы пожалеете об этом, а не о чем-нибудь гораздо худшем.

Беккер бросил взгляд на едва заметный под брючиной бугорок на правой щиколотке Райана, где инспектор прятал нож.

– Спасибо за вашу дружбу, – сказал Райан.

Выражение дружеских чувств излишне затянулось, и инспектор обернулся к Гарольду.

– Наденьте пальто и шляпу.

– Но… на улице дождь, – запротестовал тот.

– Кто бы мог подумать!

– И возьмите один из этих саквояжей.

– Что? Для этого есть слуги.

– С саквояжем в руке вам будет труднее убежать. Возьмите-ка, пожалуй, оба, – решил Райан. Он приоткрыл дверь и вгляделся в темное, дождливое небо. – Прекрасная ночь для прогулки, вы согласны со мной, Гарольд?

Закрыв дверь, русский постоял в темноте, прислушиваясь, но не услышал ничего, кроме шума дождя. Он достал из-под пальто фонарь, чиркнул спичкой и зажег его, осветив пыльную деревянную лестницу с хорошо различимыми отпечатками ног. Русский вытащил из кармана револьвер и начал подниматься.

Де Квинси лежал на столе, чувствуя тяжесть мокрых простыней. Его руки были плотно прижаты к бокам, ноги сдвинуты вместе, не оставляя ему никакой свободы движений. Он не мог даже пошевелить пальцами.

– Я словно оказался в коконе, – пожаловался он.

– Из которого появится новый человек, – заверил его доктор Уэйнрайт. – Метод влажного обертывания не требует моего постоянного присутствия. Позвольте оставить вас ненадолго и посмотреть, не требуется ли помощь леди Кавендейл и миссис Ричмонд.

Он вышел из кабинета и закрыл дверь.

Эмили посмотрела на металлические ограждения стола.

– Тебе стало теплее, отец?

– Значительно теплее.

Поначалу Де Квинси буквально трясся от холода. Но его так плотно завернули в простыни, что он не мог даже дрожать. Словно бы ему ввели какой-то препарат, парализовавший его. А вскоре для дрожи не осталось никаких причин, поскольку тепло, выделяемое его телом, не выходило наружу. Какое-то время Де Квинси чувствовал себя комфортно, но затем жар стал почти невыносимым. Пот стекал по лбу и заливал ему глаза.

– Эмили, будь добра, вытри мне лицо.

Она выполнила просьбу, но тут же нахмурилась:

– Ты очень горячий.

– Это вода в том кувшине на столе?

Эмили налила воды в стакан, приподняла голову Де Квинси и он смог

сделать несколько глотков.

– Когда все это закончится, тебе нужно взять за правило пить больше воды, – заявила она.

– Но пока крысы в моем животе требуют чего-то большего, чем простая вода.

– Скоро рассветет, и откроются магазины, – успокоила его Эмили. – Никогда не думала, что буду так радоваться, покупая тебе лауданум.

– До этого еще долго ждать. Щека сильно болит? Эти швы придают тебе очень страдающий вид.

– Нет, она просто онемела.

– Что ж, иногда это все, на что мы можем рассчитывать.

– Отец, ты заметил одну странность? Когда доктор Уэйнрайт спустился по лестнице и увидел, в каком состоянии находятся Кэролайн и Стелла, то обратился к ним по именам. Но минуту спустя, как и сейчас, он уже называл их «леди Кавендейл» и «миссис Ричмонд».

Простыни все сильнее сдавливали тело Де Квинси, пропитавшись его потом.

– Да, он знаком с Кэролайн и Стеллой намного ближе, чем хочет нам показать. – Де Квинси тяжело вздохнул. – У тебя еще остались деньги из тех, что выслал мне издатель?

– Я расходую их очень экономно.

– Значит, ты сможешь, когда пойдешь в город за лауданумом, отправить телеграмму.

– Какую телеграмму?

Сморгнув с глаз пот, Де Квинси объяснил, куда и какое именно нужно отправить сообщение.

– К полудню мы должны получить ответ, – добавил он.

Эмили коснулась его шеи, и ее пальцы были так освежающе прохладны, что Де Квинси поначалу решил, будто дочь пытается облегчить его страдания. Но затем понял, что Эмили нащупывает его пульс.

– Отец, ты можешь медленно досчитать до шестидесяти? Примерно с такой скоростью: тысяча один, тысяча два и так далее.

– Да, могу.

– Тогда начинай.

Сосредоточившись на счете, Де Квинси ненадолго отвлекся от удушающих объятий простыней.

– Шестьдесят, – закончил он.

Эмили убрала руку с его шеи.

– Твое сердце бьется с частотой сто сорок ударов в минуту.

– Судя по твоему лицу, это не очень хорошее число.

Стучавший по крыше чердака дождь начал стихать. Доктор Мандт лежал на койке, надеясь все-таки уснуть в наступившей тишине.

«Думай о том, как сядешь в самый скорый поезд до Ливерпуля, – мысленно приказывал он себе. – Думай о том, как окажешься на самом быстроходном корабле, следующем в Америку, не на парусном судне, а на пароходе, способном всего за шестнадцать дней доплыть из Англии в Соединенные Штаты. Думай о деньгах, что дожидаются тебя в Нью-Йоркском банке. Думай…»

За дверью скрипнули деревянные ступени.

Русский добрался до верхней площадки узкой лестницы. Он поднимался медленно, осторожно заглядывая в дверь на каждом этаже, прислушиваясь и лишь затем продолжая подъем. Он старался шуметь как можно меньше, но, несмотря на все предосторожности, нестроганые доски скрипели под его тяжестью.

Русский приложил ухо к последней двери, но ничего не услышал. Затем аккуратно отодвинул запор и надавил на дверь, но она не поддалась. Он начал подбирать ключ к замку, и один из тех ключей, что он принес с собой, подошел. Русский попытался повернуть его и понял, что замок уже открыт. Это могло означать лишь одно: кто-то запер дверь изнутри.

Когда скрип шагов затих, обеспокоенный доктор Мандт поднялся с койки, сосредоточив все внимание на двери. Он не смог бы разглядеть ее в темноте, но сквозь щели пробивался свет фонаря.

Он нащупал корзину, в которой ему принесли ужин: хлеб, сыр и кусок вареного окорока, давно уже съеденные, и бутылки с напитком, который доктор Уэйнрайт называл тонизирующей водой, давно уже выпитым. Мандт взял одну из пустых бутылок на случай, если придется защищаться. Затем его дрожащие пальцы коснулись какого-то другого предмета, лежавшего на дне корзины, и перепуганный Мандт решил положиться именно на него.

Его сердце бешено застучало, когда кто-то поскреб по двери.

– Доктор Мандт, – прошептал по-немецки мужской голос. Однако в нем слышался русский акцент, очень хорошо запомнившийся Мандту за то время, что он провел в России, заботясь о здоровье царя. – Я знаю, что вы здесь.

Грудь Мандта словно бы сдавило невидимыми пальцами.

– Доктор. – Русский старался говорить как можно тише, так, чтобы его было едва слышно. – Не нужно ухудшать свое положение.

Он снова поскреб по двери. Очень тихо, так, чтобы звук мог уловить только тот, кто находился на чердаке.

– Не стоит все усложнять, – шептал русский. – Вы попытались сбежать, но мы нашли вас. Пора признать поражение.

Он помолчал, но не дождался ответа. Тогда он расстегнул пальто, чтобы еще плотнее прижаться к двери.

– Доктор, я обещаю, что вам не причинят вреда. Мы заинтересованы в том, чтобы оберегать вас. Мне приказано доставить вас в Россию, где вы расскажете всевозможным иностранным послам и газетным репортерам обо всех подробностях британского заговора против русского царя, в том числе и о деньгах, заплаченных вам правительством королевы Виктории за то, чтобы вы его отравили. Ничего плохого с вами не случится. В конце концов, кто поверит вашим признаниям, если возникнет хоть малейшее подозрение в том, что они сделаны по нашему принуждению? Вам предоставят отличное жилье, прекрасное питание, все, что вы только пожелаете. Когда вы убедите весь мир в том, что британцы совершили ужасное преступление против Бога и всего сущего, мы позволим вам жить дальше. Не в богатстве, которое вам, несомненно, было обещано, но в разумном достатке.

Он снова подождал ответа.

– Доктор, поверьте, не стоит все усложнять.

У Мандта закружилась голова, и он внезапно понял, что все это время задерживал дыхание. Он ухватился за ящик и глубоко вдохнул, стараясь успокоить сердцебиение.

«Он говорит серьезно?» – задумался Мандт.

– Доктор, недалеко от клиники ждет фургон, – шептал голос из-за двери. – К сожалению, три часа езды до Лондона будут не слишком удобными, но мы не можем ждать утреннего поезда. Когда мы доберемся до столицы, то сразу же сядем на поезд в Дувр, а оттуда отплывем во Францию еще до того, как британское правительство поймет, что вы исчезли. Хочу подчеркнуть, что с вами будут обращаться со всем возможным почтением. Вы очень нужны нам.

Мандт не сомневался, что нужен русским.

«Но позволят ли мне жить в разумном достатке, после того как я сделаю признание? – спрашивал он себя. – А британцы? Как отреагируют

они на мое предательство? Позволят ли они мне жить в разумном достатке?»

Дрожа от страха, Мандт подошел к двери, из-под которой пробивался свет фонаря, и отодвинул защелку.

– Вы приняли мудрое решение, – похвалил его тот же голос.

За дверью стоял высокий широкоплечий усатый мужчина в расстегнутом пальто. Когда он, держа в левой руке фонарь, с улыбкой шагнул внутрь, Мандт заметил в его правой руке револьвер.

Тем предметом, который Мандт нашел на дне корзины, был нож.

Движимый паникой и отчаянием, он вонзил нож в живот русского.

Тот согнулся, словно от удара кулаком, а затем, судорожно хватая воздух ртом, попытался выпрямиться. Мандт отдернул руку, чувствуя теплую кровь на пальцах.

Револьвер с грохотом упал на пол. Русский прижал руку к животу, пытаясь остановить кровь, и повалился на спину. Падая, он выронил и фонарь.

Стеклянный колпак разбился, и горящий фитиль соприкоснулся с деревянной ступенькой.

– Ты весь горишь, – встревоженно сказала Эмили, убирая руку со лба Де Квинси. – Нужно раскрутить эти простыни.

– Точнее было бы сказать «раскрутить меня», – пробормотал он.

Она наклонилась над ограждением стола. Уходя, служители положили поверх простыней влажные полотенца. Эмили отбросила их и попыталась отыскать край первой простыни, но тщетно.

– Мне придется перевернуть тебя, отец.

Ее голос эхом отразился от сверкающих плиток, которыми был выложен кабинет.

Эмили с усилием перекатила отца на правый бок, а затем на живот. Наконец она нашла край мокрой простыни и потянула за него.

– Извини, отец, если доставляю тебе дискомфорт.

– Как раз то, что нужно, – ответил Де Квинси, лежа лицом вниз. – Толчки отвлекут меня от крыс, грызущих мой живот.

– Может быть, я сумею лучше отвлечь тебя, – возразила Эмили, дергая еще сильнее. – Как нам быть с заявлением Гарольда о том, что это он нанял Дэниела Харкурта? Он сказал правду или просто разгорячился и решил побольнее уколоть Кэролайн?

– Прошу тебя, Эмили, не упоминай сейчас о горячем.

Капли пота падали с лица Де Квинси на стол, пока Эмили

переворачивала его на другой бок, а затем на спину.

– Если Гарольд решил оклеветать свою мачеху, то это вполне соответствует его ужасному характеру, – продолжил Де Квинси, охнув от толчка. – Готов допустить, что он действительно нанял адвоката. Как сказал сам Гарольд, он хотел доказать, что Стелла изменяет его отцу. Но мог ли страх перед изгнанием из дома стать достаточно серьезной причиной для Стеллы или даже для Кэролайн, отчаянно защищающей свою дочь, чтобы организовать убийство Харкурта?

Эмили продолжала тянуть за простыню, еще раз перекатив отца сначала на правый бок, а затем на живот.

– Не могу в это поверить, – заявил он, и еще одна капля пота упала на стол. – Разоблачения Гарольда привели бы к тому, что Стеллу выгнали бы из дома лорда Кавендейла. – Де Квинси вздрогнул, когда Эмили снова перевернула его. – Однако Кэролайн настолько богата, что могла бы содержать дочь и внука в куда большей роскоши, чем то, на что они могли надеяться в этом ужасном доме. – Любитель Опиума застонал от очередного толчка. – Единственное существенное наказание заключалось бы в том, что Стелла больше не могла бы носить имя леди Кавендейл, но стоил ли страх перед этой потерей риска оказаться на виселице? Нет, не могу в это поверить.

– Должно быть, тебе трудно так говорить о человеке, который столь важен для тебя, отец.

– Единственный человек, который для меня по-настоящему важен, – это ты, – ответил Де Квинси и тут же поморщился, когда Эмили перевернула его на левый бок.

– Как и ты для меня, отец.

– Ты уже не раз доказала это. Спасибо тебе за твое самопожертвование. Ни у кого не было такой любящей дочери, как у меня. Я знаю о твоих нежных чувствах к сержанту Беккеру и инспектору Райану. При других обстоятельствах ты могла бы выбрать одного из них себе в…

– Не может быть никаких других обстоятельств, отец, – резко возразила Эмили, пытаясь переменить тему разговора. – Есть только здесь и сейчас, только ты и я. Только об этом мы должны думать.

– Да, ты права, здесь и сейчас.

– Я размотала ее, – ликующе воскликнула Эмили, отбрасывая мокрую простыню и хватаясь за край следующей. – Тебе уже не так жарко, отец?

Он не ответил.

– Отец?

– Рассвет уже скоро? – поинтересовался Де Квинси. – Уверен, я

почувствовал бы себя намного лучше, если бы у меня был лауданум.

– Теперь твое сердце бьется медленнее?

– Боюсь, оно лишь ускорило свой ритм, как ни жаль мне признавать это.

Эмили неистово продолжала стаскивать вторую из множества простыней, спеленавших ее отца.

Мандт в панике смотрел на разбившийся фонарь, лежавший несколькими ступенями ниже тела русского. Масло вытекало из отверстия, в которое был вставлен фитиль. Пламя распространялось все дальше по лестнице.

Мандт вспомнил о простыне, которой была накрыта корзина, схватил ее и уже готов был ринуться вниз, чтобы сбить пламя.

Но поперек лестницы, преграждая дорогу, лежал русский, и он все еще был жив. Он стонал и держался обеими руками за живот, из которого торчала рукоять ножа. Мандт испугался, что русский поймает его за ногу и повалит на пол, а потом, напрягая последние силы, вытащит нож из раны и нанесет ответный удар.

Пламя на лестнице поднималось все выше и уже касалось стены.

Мандт выронил простыню, спустился на две ступеньки, ухватил русского за лодыжки и потащил наверх.

Голова русского билась о ступеньки. С каждым ударом он издавал новый стон.

Увидев, что стена уже загорелась, Мандт напряг все силы и наконец затащил русского на чердак, бросив там истекать кровью.

Уже поднимая простыню, он вдруг вспомнил про револьвер. Прежде чем русский успел доползти до него, Мандт подобрал оружие и засунул за пояс, зацепив рукоять за одну из подтяжек.

Он быстро спустился к разгорающемуся все сильнее пламени.

Бывший лейб-медик заметил, что шум его шагов стал громче. Дождь за окном совсем перестал. Но теперь появился новый звук, похожий на шипение. Оно доносилось из опрокинутого фонаря, лежавшего в самом центре пламени. Шипение становилось все пронзительнее, напоминая свист закипевшего чайника.

Мандт внезапно понял, что сейчас произойдет. Развернувшись, он стремглав взбежал по ступенькам и упал лицом вниз.

Мгновением позже давление нагретого масла в резервуаре фонаря стало таким высоким, что металлический корпус не выдержал.

Фонарь взорвался, масло и осколки корпуса разлетелись в разные

стороны. Ступеньки, стены, потолок – все охватило пламя.

– Леди Кавендейл, миссис Ричмонд. – Доктор Уэйнрайт остановился в дверях смотрового кабинета. Стелла и Кэролайн сидели на койках, завернувшись в одеяла. Стелла укачивала младенца. – Могу я быть вам чем-то полезным?

Он произнес их официальные имена довольно громко, так что их мог услышать любой, кто окажется в коридоре, хотя волнение уже улеглось и большинство слуг и гостей снова отправились спать.

Удостоверившись, что никто за ним не наблюдает, доктор вошел в кабинет.

– Что делают в клинике полицейские? – задала вопрос Кэролайн.

– Они сомневаются в том, что всех здесь подробно расспросили о Дэниеле Харкурте, и хотят убедиться, что никто не вел с ним никаких дел, – ответил Уэйнрайт.

– Харкурт, – произнесла Кэролайн, глядя в пол. – Я и представить себе не могла, что он меня так ненавидел. Я думала, что он с пренебрежением относится ко всем женщинам, занимающимся финансовыми вопросами, но, оказывается, Харкурт презирал именно меня.

Наконец она подняла голову.

– Как неудачно, что полицейские оказались здесь в самое неподходящее время. Доктор Мандт уже приехал?

– Он прячется на чердаке. Предполагалось, что он отправится в Соединенные Штаты завтра вечером, но со всеми этими происшествиями на железной дороге есть вероятность, что его опознают среди немногочисленных пассажиров. В ближайшее время ему нельзя трогаться с места.

– Я хотела завтра привести сюда моего друга Томаса, – сказала Кэролайн. – Знаменитый Любитель Опиума отвлек бы внимание на себя, и никто даже не заподозрил бы, что здесь находится доктор Мандт. Увы, наше появление отвлекло всех даже сильнее, чем я ожидала.

– Полицейские точно отвлеклись, особенно один из них, – заметил Уэйнрайт. – Только Богу известно, что этот инспектор-ирландец сделает с Гарольдом. Они еще не вернулись. Стелла, во всей этой суматохе у меня не было возможности выразить свои соболезнования. Весьма сожалею о кончине вашего мужа.

– Благодарю вас, – ответила Стелла, печально глядя на младенца. Ее зеленые глаза наполнились слезами. – Я делала все возможное, чтобы Роберт оправился от этого несчастного случая, или, возможно, следовало

бы сказать «мнимого несчастного случая». Чем больше я думаю о том, что делал Гарольд после того, как прискакал домой с криком об ужасном несчастье, тем сильнее убеждаюсь, что это был вовсе не несчастный случай. Думаю, Гарольд испугался, что его отец поправится настолько, что сможет рассказать нам о том, что произошло на самом деле.

– Суд во всем разберется, – заверил ее доктор Уэйнрайт. – Если только инспектор не покарает его раньше, чем присяжные. Очевидно, дочь Любителя Опиума многое для него значит. Мне редко доводилось видеть человека в такой ярости.

– Я ей завидую, – призналась Кэролайн.

– Простите, не понял.

– Завидую, что ее любят так сильно, – объяснила Кэролайн.

Казалось, она внезапно постарела. Под глазами появились морщины, седые пряди в волосах стали заметнее.

Жар от огня заставил Мандта отступить на чердак. Ему удалось не споткнуться о русского, глаза которого были закрыты от боли, а грудь тяжело вздымалась и опускалась.

В отчаянии Мандт обернулся к чердачному окну, но быстро отказался от этой идеи. Он не смог бы пролезть в такое узкое отверстие, а если бы даже и смог, то не выжил бы после падения с такой высоты.

Мандт бросился назад, к лестнице, навстречу ревущему все громче пламени.

Он глубоко вдохнул, прикрыл лицо руками и ринулся вниз, прямо в огонь. Пламя опалило ему волосы и обожгло кожу на руках. Тяжело топая по ступенькам, Мандт уже почти проскочил сквозь пламя, но потерял равновесие и упал. Он больно ударился о ступеньку, застонал и скорее соскользнул, чем скатился вниз по узкой лестнице.

На лестничной площадке он попытался руками сбить огонь с брюк и пальто.

Шум, заставивший Мандта вздрогнуть, донесся не с пылающей огнем лестницы, а из темного коридора. Тучный бородатый мужчина в халате и со свечой в руке открыл дверь и потрясенно посмотрел на разверзшийся перед ним ад, а затем на лежавшего неподалеку от него Мандта.

Мужчина что-то прокричал и пустился бежать по коридору, стуча во все двери. Мандт знал английский довольно плохо и не смог определить, что именно кричит мужчина, но, по всей вероятности, это было что-то типа: «Спасайтесь! Пожар!»

Превозмогая боль, бывший лейб-медик поднялся, едва не подвернув

правую ногу. Ствол револьвера, засунутого за пояс, больно вдавился в бедро, но у Мандта не было времени на то, чтобы осмотреть повреждения. Преследуемый огнем, он помчался вниз. Однако, сделав поворот, он внезапно оказался в темноте. Протянув вперед обожженную руку, он нащупал стену и осторожно продолжил спуск.

За спиной у него раздались новые крики, рев пожара усиливался.

Воздух на темной лестнице становился прохладным. Мандт добрался до еще одной площадки, повернул и продолжил спускаться.

После очередного поворота ступеньки закончились. Мандт нащупал перед собой только дверь. Открыв ее, Мандт увидел гранитный коридор, освещенный настенными лампами. Запахло водой.

«Я в подвале!» – догадался он.

Из соседнего помещения послышались голоса – пожилой мужчина и молодая женщина что-то взволнованно обсуждали.

Мандт поспешно развернулся и помчался по темной лестнице наверх.

Поднявшись на следующую площадку, он нащупал дверь, ведущую, по его предположению, на улицу. При каждом прикосновении обожженные руки вспыхивали болью.

Доктор осторожно открыл дверь и вдохнул аромат ночи. Дождь прекратился. Из-за облаков выглянула луна.

Внезапно от стены отделился темный силуэт и спросил по-русски:

– Ты нашел его, Владимир?

Мандт попятился.

Из темноты вышел еще один мужчина.

– Это он! Мандт!

Продолжая пятиться, бывший лейб-медик вытащил из-за пояса револьвер. Сам он никогда не имел дела с огнестрельным оружием, но видел, как с ним обращаются другие, и знал достаточно, чтобы взвести курок.

Когда русский протянул к нему руки, Мандт нажал на спуск. Вспышка ослепила его. От выстрела зазвенело в ушах. От дыма стало еще темнее. Еще не зная, попал ли он в цель, Мандт бросился назад, захлопнул дверь, умоляя Небеса, чтобы она оказалась с засовом.

Но так и не смог отыскать его. За спиной была другая дверь. Мандт открыл ее, чтобы создалось впечатление, будто он побежал в ту сторону, а сам со всей возможной в темноте скоростью помчался вверх и, оказавшись на следующей лестничной площадке, повернул в коридор. Из комнат навстречу ему выбегали люди в ночных рубашках, держа в дрожащих руках свечи.

– Жаль, что дождь прекратился, Гарольд, – сказал Райан, с трудом продвигаясь по грязной дороге, освещаемой лишь фонарем в руке Беккера. – Я надеялся, что снова пойдет град. Тогда вы смогли бы в полной мере насладиться той же погодой, какую по вашей вине пришлось испытать на себе моим друзьям.

– Вы не имеете права так обращаться с пэром! – возмутился Гарольд, изнемогая под тяжестью саквояжей Эмили и ее отца. – Я поговорю с вашим начальством, и вас накажут за дерзкое самоуправство.

– С нетерпением жду момента, когда вы поговорите с моим начальством, – ответил Райан. – Вам, случайно, не тяжело нести эти сумки, Гарольд?

– Перестаньте называть меня по имени!

– Не припомню, чтобы кого-то из пэров отправляли на виселицу. Сержант Беккер, вы не знаете, случались ли когда-нибудь подобные вещи?

– А того графа сто лет назад? – отозвался Беккер.

– Да, точно! Значит, пэра действительно можно повесить. Соберется огромная толпа, по меньшей мере двадцать тысяч человек, – с энтузиазмом продолжал Райан. – Уличные торговцы заработают много денег, продавая гнилые овощи, которыми зрители будут забрасывать вас, Гарольд.

– Прекратите эти разговоры! Я не убивал своего отца!

– Конечно нет. Вы просто сделали все возможное, чтобы подозрения пали на вас. Что ж, в таком случае вас повесят за вашу глупость.

– Не смейте так разговаривать с лордом! Я добьюсь, чтобы вас уволили из полиции!

– Шон, который сейчас час? – вмешался в их беседу Беккер.

– Сейчас? Середина ночи.

– Точнее, если можно, – настаивал сержант.

Немного смутившись, инспектор достал из кармана хронометр Бенсона, открыл крышку и поднес к фонарю Беккера.

– С каких это пор полицейские носят золотые часы? – поинтересовался Гарольд.

– Это вещественное доказательство, которое мне доверили охранять. – Райан взглянул на оба циферблата и сообщил коллеге: – Точное время: три часа семнадцать минут и пятнадцать секунд.

– Слишком рано для рассвета. Тем более что мы идем на запад, а не на восток.

– О чем это вы? – спросил Райан.

– Видите, там, впереди. Рядом с холмом. Если бы времени было чуть

больше и мы бы шли на восток, я бы сказал, что это заря.

– Свет зари ровный, а этот колеблется, – встревоженно заметил Райан.

Беккер рванулся вперед.

– Это горит клиника!

Глава 11
В глубины

Кто-то отчаянно звонил в пожарный колокол. Вспомнив про револьвер, Мандт спрятал его за пояс и бросился в суматоху выскакивающих из комнат людей. Некоторые пытались натянуть халаты, но большинство оставались в ночных рубашках. Голоса звучали неразборчиво, но Мандт догадывался, что они кричат что-то типа «На помощь! Пожар!».

Беспорядочная толпа добралась до лестницы, по которой уже спускались десятки обитателей верхних этажей. Сталкиваясь друг с другом, все слились в сплошной поток, торопливо стекавший в вестибюль, откуда слышались громкие разговоры.

Мандт постарался оказаться в самом центре этого безумия, надеясь, что преследователи не отважатся показаться на глаза такому количеству свидетелей и никто не узнает его в толпе перепуганных людей.

– Успокойтесь! – крикнул на весь вестибюль доктор Уэйнрайт, взобравшись на стул. – Все под контролем! Нет причин для паники!

– Дом горит! – завопил кто-то из задних рядов. – И вы говорите, что все под контролем?

– Если возникнет необходимость, вы сможете укрыться в двух других зданиях, – ответил Уэйнрайт. – Но пожар ограничен одной лестничной клеткой. Вы в безопасности.

– Неужели вы не чувствуете запах дыма? По-вашему, это значит, что мы в безопасности?

Сквозь толпу к Уэйнрайту пробирался помощник. Его некогда белая одежда была испачкана сажей. Он знаком попросил доктора наклониться.

– Весь чердак охвачен огнем, – сообщил Рик, стараясь говорить как можно тише.

«Чердак? – мысленно ужаснулся Уэйнрайт. – Но ведь там же Мандт!»

– Пожар перекинулся на третий этаж, – продолжал Рик. – Я слышал негромкие хлопки, думаю, это взорвались масляные лампы на стенах. Значит, пожар разгорится еще сильнее и скоро достигнет второго этажа.

Доктор подумал, что взорваться могут не только лампы. На каждом этаже у горничных были кладовые, где держали различные припасы, в том числе и емкости для масла, чтобы проще было подливать его в лампы. Если

огонь доберется до этих емкостей, то…

Уэйнрайт кивнул, стараясь не показать испуга. Он выпрямился на стуле и повернулся к толпе.

– Что он вам сказал? – потребовал ответа какой-то солидный джентльмен.

– Только то, что персонал клиники держит ситуацию под контролем. Но было бы благоразумно на всякий случай перейти в другое здание.

– А как же моя одежда? – возмутилась одна из женщин.

– А мои драгоценности? – воскликнула вторая.

– Когда опасность минует, мы найдем ваши драгоценности, – заверил ее Уэйнрайт.

– Теперь он признается, что опасность существует! – крикнул какой-то мужчина.

На верхнем этаже что-то взорвалось.

Толпа хлынула к парадной двери.

Мандт едва не побежал за ними, но побоялся, что его легко различат в этой толпе, поскольку он был в верхней одежде, в отличие от большинства остальных.

Почувствовав что-то липкое на бедре, он осмотрел себя и увидел, что левая брючина пропиталась кровью. Ствол револьвера оцарапал его при падении на лестнице сильнее, чем он думал. Было удивительно, что в такой суматохе никто не заметил крови и он не привлек к себе внимания. А если бы выяснилось, что он не говорит по-английски, что он вовсе не гость клиники…

Мандт попятился назад. Пока все думали лишь о том, чтобы вырваться из здания, он спустился по лестнице в подвал.

Там могли оказаться русские, но Мандт решил, что это маловероятно. Столкнувшись с обезумевшей толпой у входа, они наверняка решили спрятаться и дождаться более удобной возможности поймать его.

Прихрамывая, Мандт двинулся по подвальному коридору. Дым пожара еще не добрался сюда, но не приходилось сомневаться, что это скоро произойдет. У него не было времени искать другой выход из здания.

Запах затхлой воды снова ударил ему в нос. По обоим торцам коридора располагались двери, и Мандт направился к противоположной от той, где наткнулся на русских. Но затем передумал и повернул в другую сторону. Вряд ли русские ожидали, что он снова воспользуется тем же выходом.

Он прошел мимо двери, за которой различил голоса пожилого

мужчины и молодой женщины. Внезапно в конце коридора показался свет. Мандт остановился, а затем рванулся туда, откуда раздавались голоса.

При его появлении пожилой мужчина, лежавший на столе, удивленно замолк на полуслове. На вид ему было далеко за шестьдесят, но из-за невысокого роста он издали напоминал мальчишку. Женщина, довольно красивая, несмотря на два свежих шва на щеке, по-видимому, проводила какую-то процедуру, но теперь тоже замерла. Одежда мужчины была насквозь мокрой. Вокруг него были разбросаны влажные простыни.

Мандт прикрыл дверь и приложил указательный палец к губам с просьбой не поднимать шум.

Женщина что-то спросила по-английски.

Он снова жестом попросил соблюдать тишину, уже настойчивее.

Женщина заговорила снова, показывая на кровь на его правой ноге.

Мандт вытащил из-под пальто револьвер, и она наконец замолчала.

Свет ламп отражался от белой плитки, которой были выложены стены и потолок. Мандт заметил ширму в углу и спрятался за нее, по-прежнему нацелив револьвер на женщину.

– Bitte, helfen Sie mir[9], – сказал он, надеясь, что его слова поймут.

Низкорослый мужчина неожиданно ответил по-немецки:

– Чем мы можем вам помочь?

Мандт удивленно раскрыл рот:

– Вы говорите по-немецки?

Мужчина кивнул, не вставая со стола. Его раскрасневшееся лицо покрывали капли пота.

– Меня разыскивают двое мужчин. Если они зайдут и спросят, видели ли вы кого-нибудь, пожалуйста, скажите, что не видели.

– Кто они такие?

– Это русские.

– Русские?

– Не спрашивайте меня ни о чем. Сделайте вид, будто, кроме вас, здесь никого нет.

Мандт отступил глубже за ширму, но так, чтобы мужчина и женщина видели его револьвер.

Послышался скрип открываемой двери. Мандт сжал оружие обеими руками.

Вошедший что-то сказал по-английски с русским акцентом.

Женщина ответила тоже на английском.

Вошедший спросил еще что-то.

На этот раз ему ответил пожилой мужчина.

Дверь захлопнулась, из коридора донеслись торопливые шаги и звук следующей открываемой двери.

Мандт выглянул из-за ширмы.

«Должно быть, русские наблюдали за вестибюлем через окно, – решил Мандт. – Они видели, как я направился к лестнице, ведущей в подвал».

– Благодарю вас, – произнес он по-немецки так мягко, как только смог.

– К нам заходил только один, – заметил пожилой мужчина, приподнявшись и опираясь локтем о стол.

– Значит, второй остался снаружи.

«Или мне удалось ранить его? – задумался Мандт. – Нет, не могу поверить, что выстрел получился настолько удачным».

– Что им нужно? – спросил пожилой мужчина.

– Не могу вам сказать.

– Уверен, что должно быть какое-то объяснение, почему эти двое русских разыскивают вас.

Мандт не ответил.

– Стало быть, вы просто не решаетесь мне рассказать, – заключил мужчина, и Мандт заметил, что его собеседник дрожит.

– Вы плохо себе чувствуете? – осведомился бывший лейб-медик.

– Мне нужно принять лекарство.

– Я врач. Возможно, я сумею вам помочь. Какой недуг мучает вас?

– Лауданум, – ответил пожилой мужчина, держась за стол. – Мой недуг называется лауданум.

– В таком случае вам помочь может только Господь.

В коридоре снова раздались торопливые шаги.

Женщина показала на плитку, на которой стоял Мандт. Он озадаченно посмотрел вниз и с ужасом увидел, что кровь из раны на бедре стекает на пол.

Женщина схватила влажную простыню и бросила ее Мандту. Тот прикрыл тканью пятно крови на полу и снова отступил за ширму.

Дверь тут же опять открылась.

На этот раз пожилой человек говорил раздраженно, очевидно спрашивая, почему его снова потревожили.

Вошедший что-то проворчал и закрыл дверь. Его шаги скоро затихли.

– Проверьте, ушел ли он, – сказал Мандт. – Нам тоже нужно уходить. В здании начался пожар.

– Пожар? – встревоженно переспросил низкорослый мужчина. – Почему же вы сразу не сказали?

– Вы бы тогда убежали и не помогли мне, – объяснил Мандт и

властным тоном остановил женщину, подошедшую к двери. – Нет, подождите. Пока рано.

Из коридора послышались крики.

Гарольд тащился позади, а Райан и Беккер, свернув на дорожку к клинике, ускорили шаг.

Огонь уже добрался до крыши. Окна на третьем и четвертом этажах полопались от жара. Люди в нижнем белье с громкими криками выбегали из дверей и разбегались с веранды к тому или другому уцелевшему зданию. Многие из них поскальзывались в грязи и падали, но в поднявшейся суматохе никто не останавливался, чтобы помочь им.

Доктор Уэйнрайт вывел из дома двух женщин, закутанных в одеяла и не отводивших взглядов от того, что держала в руках одна из них.

Райан узнал леди Кавендейл и миссис Ричмонд. Лицо первой побледнело еще больше, но сияло от нежности к ребенку.

– Где начался пожар? – спросил Райан, подбежав к Уэйнрайту.

– Не знаю, – ответил доктор дрогнувшим голосом. – Все погибло. Погибло.

– Но здесь же столько воды, неужели вы не можете потушить пожар? У вас есть пожарная помпа?

– Помпа? Нет.

– А ведра? Можно выстроить ваших сотрудников в цепочку и…

– Ведер тоже нет, – в отчаянии пробормотал Уэйнрайт.

– Но ваши сотрудники хотя бы проверили комнаты гостей?

Уэйнрайт непонимающе посмотрел на него.

Райан выругался и обернулся к Беккеру:

– Нужно проверить, не остался ли кто-нибудь в доме.

– Гарольд! – воскликнула женщина с ребенком, увидев, как новоиспеченный лорд Кавендейл, тяжело переставляя ноги, подошел к ним и опустил саквояжи на землю. – Уведите его отсюда!

Они с миссис Ричмонд отпрянули в сторону, и леди Кавендейл повернулась боком, прикрывая ребенка.

– Даю слово, он ничего вам не сделает, – пообещал Беккер.

– Зачем же вы здесь стоите? – обратился Райан к Уэйнрайту, повысив голос, чтобы его было слышно за ревом пожара. – Проводите женщин и ребенка в безопасное место. Идите же!

Женщины уже побежали по грязи к левому зданию.

– А как же я? – заволновался Гарольд.

– Вы поможете нам отыскать тех, кто мог остаться внутри.

– Предлагаете мне отправиться туда?

– Не беспокойтесь, Гарольд, кажется, я нашел для вас более удобное место.

Инспектор указал на констебля, который спешил к ним по дорожке, прикрывая глаза от блеска пламени.

– Чем я могу вам помочь? – спросил констебль, тяжело дыша.

Райан предъявил ему свой жетон.

– У вас в участке есть камера для арестованных?

– Есть, но мы редко ею пользуемся.

– Сегодня как раз тот редкий случай. Этот человек арестован за убийство.

– Вы арестовали сына лорда Кавендейла? Этого не может быть!

– Он убил своего отца.

– Спаси нас Господь, – пробормотал констебль.

– Это ложь! – вмешался Гарольд.

– Замолчите, Гарольд! – прикрикнул на него Райан и снова повернулся к констеблю. – Пусть он посидит в камере, пока я не организую его перевозку в Лондон.

– Подождите! – крикнул Беккер доктору Уэйнрайту. – А где же Эмили и ее отец?

Уэйнрайт оглянулся на него с таким видом, словно не понимал, о ком идет речь. Затем до него дошло.

– Они в подвале.

– Что?

– Они в процедурном кабинете, в подвале.

– В подва… О боже мой! – охнул Райан.

Они бросились в открытую дверь, задыхаясь от дыма, клубившегося под потолком. Сквозь рев пожара донесся стук падения чего-то тяжелого этажом выше.

Путь наверх преграждал огонь.

– Если кто-то остался там, мы ничем им уже не поможем, – заключил Беккер.

Райан кивнул:

– Да, единственные, кого мы еще можем попытаться спасти, – это Эмили и ее отец.

Они сбежали по лестнице в тускло освещенный подвальный коридор.

– Эмили! – позвал сержант. – Мистер Де Квинси! Вы здесь?

По лестнице в подвал заползал дым.

– Возможно, они почувствовали запах дыма и выбежали из дома, – с надеждой сказал Беккер.

– А может быть, и нет. Проверьте все комнаты с той стороны, а я с этой. Эмили! Мистер Де Квинси!

Инспектор открыл первую дверь, но увидел за ней лишь темноту.

Открыл вторую. Запах теплой воды ударил в ноздри с сокрушающей силой.

Справа от себя он уловил какое-то движение и обернулся.

Беккер заглянул в комнату и поднял руки, словно кто-то угрожал ему оружием, а затем, очевидно подчиняясь приказу, зашел внутрь.

Мандт держал револьвер обеими руками, но тот все равно дрожал.

Молодой мужчина со шрамом на подбородке, достаточно высокий и сильный, чтобы представлять опасность, поднял руки и вошел в комнату. Он что-то сказал женщине и пожилому мужчине. Спасло его только то, что он, судя по всему, обратился к ним по именам и говорил по-английски без русского акцента.

– Это наш друг, – объяснил пожилой мужчина по-немецки. – Он поможет вам спастись от русских.

– Каким образом?

– Он полицейский.

– Нет!

– Клянусь, он вас защитит!

Мужчина со шрамом обернулся и позвал кого-то из коридора.

Мандт встревожился еще сильнее, когда появился другой мужчина, рыжеволосый, лет сорока. Вошедший показал полицейский жетон, и вслед за ним в комнату ворвались клубы дыма.

– Мы больше не можем оставаться здесь, – напомнил Мандту низкорослый пожилой мужчина, опираясь на руку женщины. – Доверьтесь им. Нам нужно уходить.

Шум пожара напомнил Райану грохот приближающегося поезда.

Они подошли к лестнице, но проход наверх застилал густой дым.

– Возможно, это только дым, – сказал инспектор и закашлялся. – Возможно, огонь еще не добрался сюда.

Он начал подниматься по лестнице.

– Подождите, – остановил его Беккер.

Он кинулся назад в кабинет и вернулся с охапкой влажных простыней, разбросанных там по всему полу. Протянул одну из них Райану, другую –

немцу, затем накинул остальные на головы Эмили, ее отцу и себе самому.

Инспектор первым двинулся по лестнице, размахивая руками перед собой в попытках разогнать дым и увидеть, что скрывается за ним.

На пол упал кусок горящей балки с такой силой, что Райана отбросило назад.

Он заставил себе сделать еще один шаг в обжигающую волну пламени, нахлынувшую на него.

– Здесь нам ни за что не пройти! – крикнул Беккер.

Им пришлось вернуться в подвал. С обеих сторон коридор заканчивался дверьми. Райан бросился было к одной из них, но тут же сообразил, что отец Эмили слишком устал и не поспевает за ним. Тогда он поднял Де Квинси на руки, поражаясь легкости его тела, и едва ли не бегом двинулся к дальнему концу коридора.

Но, подойдя к двери, сразу заметил, как сквозь щель пробивается дым.

Беккер обогнал его.

– Ручка могла нагреться! – предупредил инспектор.

Но сержант уже и сам подумал об этом. Он обмотал руку краем влажной простыни и покрутил ручку.

От мокрой ткани повалил пар.

Беккер отворил дверь и тут же отпрянул от метнувшихся к нему языков пламени. Немец упал, но сержант быстро поднял его.

– Эмили, с вами все в порядке? – спросил Беккер.

– Да.

Они побежали в другой конец коридора, но и там из-под двери тоже валил дым, а доносившийся снаружи треск не оставлял сомнений в том, что нет ни малейшей надежды выбраться из дома этим путем.

На потолке, скрытом завесой дыма, тоже заплясал огонь.

Немец простонал.

– За мной! – крикнул Райан, по-прежнему несший Де Квинси на руках.

– Куда? Здесь нет другого выхода, – отозвался Беккер.

– Быстрее!

Райан вспомнил про дверь, за которой ощутил сильный запах стоячей воды. Тогда он не успел зайти в комнату, потому что увидел, как Беккер поднял руки. Но теперь он навалился плечом на дверь и распахнул ее. В помещении было темно, но, судя по эху, оно оказалось огромным, и свет из коридора отразился на поверхности большого бассейна, размером приблизительно сорок на сорок футов.

Дым опускался с потолка, и Де Квинси закашлялся. Горячие угли с шипением падали в воду. Эмили и немец спустились по ступенькам в

бассейн. Вода доставала девушке до талии.

Райан передал ей с рук на руки Де Квинси и оглянулся на металлический стол, стоявший рядом с бассейном.

– Беккер, помогите мне!

Вдвоем они подтянули стол к краю бассейна и наклонили его так, что две ножки остались на полу, а две другие опустились в воду, образовав некое подобие навеса.

Проделав то же самое со вторым столом, они зашли в воду и присели. Одежда Райана тут же намокла, стесняя движения. Вода была теплой, очевидно, ее нагревали в котельной. Но инспектор понимал, что скоро тут станет еще жарче.

Потолок разгорался все сильнее, и в отблесках пламени инспектор разглядел, как дрожит Де Квинси.

Державшая отца на руках Эмили потрогала его лоб.

– Мистер Де Квинси, у меня есть с собой ваше лекарство, – вспомнил Райан.

Эмили и ее отец изумленно посмотрели на него.

– Я взял на себя смелость забрать его из вашего саквояжа.

Он вытащил из кармана бутылочку, и Де Квинси тут же ухватился за нее.

– Только не пейте много сразу, – предупредил Райан.

Он вытащил пробку из бутылочки, затем приподнял одной рукой дрожащего Де Квинси, поддерживая его голову над водой, а другой поднес бутылочку к его губам.

Обломок обгоревшей балки с плеском упал в дальний конец бассейна, подняв облако шипящего пара.

– Как все изменилось с прошлого декабря. – Райан забрал бутылочку у Де Квинси, после того как тот сделал один глоток. – Три месяца назад я осуждал вас за эту привычку, а теперь сам принес вам лауданум.

Он опустил Де Квинси так, чтобы тот лежал на спине на поверхности воды, и вспомнил, как леди Кавендейл защищала своего ребенка.

Дым опустился ниже, и Эмили закашлялась.

– Дышите через влажную простыню, – посоветовал ей Беккер.

Еще один кусок балки рухнул с потолка в бассейн, подняв высокую волну.

– Прячьтесь под столами, – распорядился Райан. – Там хватит места, чтобы держать голову над водой.

Инспектор пригнулся и затащил отца Эмили под навес.

– Сделайте еще глоток, – сказал он, поднося бутылку к губам Де

Квинси.

Горящая балка, падая, чуть не задела стол и обдала всех фонтаном брызг.

– Держите бутылку крепче, – заволновался Де Квинси. – Не пролейте.

– Обещаю сберечь ее, – ответил Райан.

Пелена дыма уже почти касалась их.

– Накройте головы простынями, – посоветовал Беккер.

Райан одной простыней прикрыл и себя, и Де Квинси. Сквозь ткань пробивалось немного света, и инспектор заметил, что лицо отца Эмили уже не выражало прежнего страдания.

– Еще, – попросил Де Квинси.

– Только один глоток, – настоял Райан. – Потом вам придется подождать какое-то время.

– Да, да. Один глоток.

Инспектор протянул ему бутылочку, а затем забрал обратно, заткнул пробкой и положил в карман.

Несмотря на защиту влажной простыни, дым обжигал горло Райана. Он снова закашлялся, и Де Квинси следом за ним.

А также Эмили, Беккер и немец.

Горящие обломки со звоном бились о поверхность стола и шлепались в бассейн.

– Немец сказал, что его преследуют двое русских, – сообщил Де Квинси инспектору. – А еще он назвался врачом. Это все, что я узнал от него.

– Зачем русским понадобился немецкий врач? – удивился инспектор.

– Вот именно. – Де Квинси опять кашлянул. – Еще один глоток, пожалуйста.

– Не раньше чем через полчаса.

Райан чувствовал себя строгим отцом, разговаривающим с маленьким сыном.

Обломки продолжали сыпаться с потолка и с шипением погружаться в воду. Волны, поднятые их падением, накатывались одна за другой.

– Мне тяжело дышать, – пожаловался Де Квинси.

– Мне тоже, – признался Райан.

– Как ты себя чувствуешь, отец?

Голос девушки из-под простыни, накрывшей ее голову, звучал приглушенно.

– Теперь намного лучше, ведь у меня есть лекарство. А ты, Эмили?

– Что бы ты хотел сделать больше всего, если мы выберемся отсюда

живыми?

Де Квинси снова кашлянул.

– Еще раз сходить в тот ресторанчик в Сохо, в котором нам так и не удалось поужинать в четверг вечером.

– Значит, мы так и сделаем, – вступил в разговор Беккер.

Лавина обломков обрушилась в бассейн, с оглушительным грохотом ударяя по одному из столов и едва не опрокинув его в воду.

Справившись с приступом кашля, Де Квинси что-то произнес по-немецки.

Человек, которого они пытались спасти, ответил на том же языке.

– О чем вы его спросили? – поинтересовался Райан.

– Я хотел узнать, куда его отвести, если мы переживем все это.

– И что он ответил?

– Он сказал, что это знает доктор Уэйнрайт. Еще глоток, пожалуйста.

Полчаса еще не прошли, но вокруг становилось все жарче, и Райан подумал: «Какое все это теперь имеет значение? Мы в любом случае погибнем».

Укрытый вместе с Де Квинси одной простыней, он откупорил бутылочку и протянул отцу Эмили.

Подумав о времени, Райан вспомнил о хронометре Бенсона в своем кармане. Представив, с каким восхищением смотрела бы на чудесные часы его мать, инспектор с грустью подумал, что теперь они наверняка испортятся.

Де Квинси что-то пробормотал.

– Простите, я не расслышал, – сказал Райан.

– Лорд Палмерстон.

– Что с ним?

– Немецкий врач. Русские.

– Я все еще не…

– Это как-то связано с войной.

Крупный обломок упал в бассейн, и поднявшаяся волна едва не накрыла Райана с головой. Он с трудом удержал Де Квинси над водой.

Дым и жара стали невыносимыми.

– Эмили, с вами все в порядке? – приглушенно спросил Беккер.

Она не отозвалась.

– Эмили?

– Я… я засыпаю.

– Ткните пальцем в шов на щеке, – посоветовал Беккер.

Она ничего не ответила.

– Ткните как можно сильней. Боль не даст вам уснуть.

И опять никакого ответа.

– Эмили? – с еще большим беспокойством окликнул ее сержант.

Райан услышал всплеск и приподнял простыню. Сквозь дым он с трудом разглядел, как Эмили погружается в воду.

Беккер успел подхватить ее.

– Дышите, Эмили!

«Ум лишен способности забывать, – писал когда-то Любитель Опиума. – Тысячи случайных событий могут создавать пелену между нашим сознанием и тайными письменами памяти, письмена те вечны; они подобны звездам, которые скрываются перед обычным светом дня и ждут, чтоб проявиться вновь, покуда затмевающий их день не сокроется сам».

Лежа на спине и поддерживаемый на плаву Райаном, чувствуя, как лауданум расходится по его венам, Де Квинси непроизвольно шевелил ногами, как раньше, целую жизнь назад, когда он лежал рядом с десятилетней Кэролайн под одной попоной в мрачном, заброшенном доме в Сохо.

Голодный и замерзший, он засыпал, просыпался и снова засыпал, порой не чувствуя разницы между этими двумя состояниями. Точно так же, как и теперь, он считал, что все случившееся – всего лишь опийный кошмар, который мучает его дома, в Эдинбурге: и поездка в Лондон в декабре, и события трех прошедших месяцев в действительности никогда не происходили.

Или, быть может, этот опийный кошмар был частью другого кошмара, того, что терзал его, когда он лежал вместе с Кэролайн под одной попоной и стонал во сне, мучаясь от голода и холода. Может быть, вся дальнейшая жизнь существовала лишь в его воображении, и он все еще оставался семнадцатилетним попрошайкой, пытавшимся уснуть на голом холодном полу рядом с Кэролайн, которую пугали крысы и привидения.

Слой за слоем. Может быть, все это случилось по окончании того удивительно холодного дня, когда он и его возлюбленная Энн безуспешно просили милостыню на Оксфорд-стрит. У него сильно кружилась голова, желудок отказывался принимать пищу, и, с трудом добредя до угла Сохо-сквер, он сел на крыльцо и положил голову на грудь Энн, а затем выскользнул из ее рук и упал на ступеньки, уверенный, что умирает. Закричав от ужаса, Энн побежала на Оксфорд-стрит и вернулась со стаканом глинтвейна, купленным на последние пенни. Вино прибавило ему сил, и девушка сумела поднять его на ноги и отвести в жалкий дом на

Греческой улице, где Кэролайн испуганно вскрикнула, увидев, как он, пошатываясь, зашел в дверь.

Кэролайн и Энн ухаживали за ним, и в конце концов здоровье его восстановилось, насколько это было возможно.

Может быть, он все еще лежит на ступеньках возле Сохо-сквер, так и не придя в сознание, после того как его голова соскользнула с груди Энн.

Что-то толкнуло его, и Де Квинси уловил слабые голоса: «Вода нагревается», «Жарко, как в печи», «Не могу…».

– Дышите, Эмили! – в отчаянии воскликнул Беккер, когда девушка выплюнула воду и попыталась вдохнуть.

Еще один крупный горящий обломок свалился в бассейн, поднявшаяся волна накрыла Райана и Де Квинси. Инспектор чуть не захлебнулся теплой, перемешанной с песком водой.

Рядом Беккер, зашедшийся в мучительном кашле, держал простыню над собой и Эмили.

Дым немного рассеялся, открыв взгляду дверь в дальней стене.

«Вероятно, это котельная, – решил Райан. – Она должна располагаться близко к бассейну. Котельная. Что там может быть еще? Насос. Думай. Там есть насос. Откуда поступает вода?»

Продолжая держать на руках Де Квинси, Райан выбрался из-под навеса и поднялся по ступеням. Вода стекала с него ручьями, в лицо дохнуло почти нестерпимым жаром.

– Беккер, ведите за мной Эмили и немца.

– Куда вы собрались?

– Это наш единственный шанс! – ответил Райан, стараясь перекричать рев пожара.

Прямо перед ним на покрытый плиткой пол упал горящий кусок балки. Райан перешагнул через него, вздрогнув от жара, проникшего под одежду, и отшвырнул ногой обломки, скопившиеся у двери.

– Беккер, где же вы? – Руки инспектора были заняты, и он не мог сам повернуть ручку двери. – Нужно…

Сержант рванулся вперед, обмотал ручку краем влажной простыни и повернул ее, но дверь не открылась.

– Что-то прижимает ее с той стороны!

Беккер пнул дверь ногой, затем еще раз. Дверь приоткрылась ровно настолько, что в нее смогла протиснуться Эмили. Следом за ней боком прошел Райан, по-прежнему несший на руках Де Квинси, затем сам Беккер и немец.

В тот момент, когда они вошли в котельную, за спиной обрушилась боковая опора, подняв волну жара и обжигающих искр.

– Шон, ваши брюки! – воскликнул Беккер и обернул простыней ноги Райана, не позволяя одежде загореться. Вверх поднялось облачко пара.

В отблесках пламени инспектор разглядел котел и насос, раздавленный упавшей балкой.

– Сюда! – позвал он.

За котлом находился узкий тоннель, сложенный из каменных блоков. По нему тянулись несколько труб, подававших воду в здание.

– Придется выбираться ползком. Мистер Де Квинси, вы сможете ползти?

– Я превосходно ползаю.

Райан поставил Де Квинси на пол, сам опустился на четвереньки и залез в темное отверстие. Из него резко пахло сыростью и плесенью. Правым плечом инспектор то и дело задевал трубы, а спиной касался свода тоннеля.

Под руками хлюпала просочившаяся из труб вода.

Позади слышалось тяжелое дыхание Беккера, Де Квинси, Эмили и немца. Тоннель постепенно становился все ниже и уже. Райан не мог больше вдохнуть полной грудью.

– Шон, – с усилием проговорил Беккер, – если тоннель еще немного сузится…

Райан не ответил, продолжая продвигаться в темноте. Его брюки порвались на правом колене, зацепившись за шершавый камень.

– Отец, как ты себя чувствуешь? – спросила Эмили.

– Мне доводилось переживать и более страшные опийные кошмары, – успокоил ее Де Квинси.

Райан ударился обо что-то головой.

«Тупик», – в панике подумал он, но тут же нащупал перед собой каменные ступени.

– Почему вы остановились, Шон? – забеспокоилась Эмили. Ее голос гулким эхом отразился от близко подступающих каменных стен.

Инспектор пошарил рукой справа от себя и нащупал трубы, поднимавшиеся из-под пола. Видимо, там протекал ручей. Он вскарабкался по ступенькам, обнаружил крышку люка, но не смог поднять ее.

Сдерживая дыхание, он уперся в крышку спиной и попытался выпрямиться, но так и не сумел сдвинуть ее с места.

Что-то загремело с наружной стороны люка.

«Замок!» – догадался Райан.

Он провел ладонью по краю крышки и нащупал два штыря, на которых держались петли. Вытащив нож из-под правой брючины, инспектор вставил лезвие под верхний штырь и попытался раскачать его.

Дерево размякло от сырости и понемногу начало поддаваться.

– Что там у вас, Шон? – поинтересовался Беккер.

Райан не ответил и, затаив дыхание, надавил еще сильней. С огромным облегчением он услышал, как выпавший штырь загремел по ступенькам.

Он вставил нож в нижнюю петлю и принялся водить лезвием. Если бы у Райана оставался воздух в легких, он зашелся бы ликующим криком, когда и второй штырь полетел вниз.

Он снова уперся спиной в крышку, распрямился, и она с резким треском открылась.

Жадно глотая воздух, он выбрался наружу, вытянул за собой Де Квинси и повалился на холодную, мокрую землю. Следом поднялись Эмили и Беккер. Яркий свет полыхающего поблизости ада ослепил Райана.

Затем из люка показалась голова немца, но Райан тут же затолкал его обратно.

Немец испуганно вскрикнул.

– Что вы делаете, Шон? – изумился Беккер.

– Русские могут быть где-то рядом. Чтобы они не увязались за нами, нужно убедить их в том, что немец погиб. Мистер Де Квинси, скажите ему, чтобы не высовывался из тоннеля, пока я не придумаю, как обмануть русских.

Де Квинси выполнил просьбу и перевел на немецкий слова инспектора.

Часть стены горящего здания обрушилась внутрь, и Райана обдало волной жара.

– Мистер Де Квинси, скажите немцу, чтобы лежал совершенно неподвижно. Беккер, помогите мне вытащить его, как будто он тяжело ранен и, вероятно, умирает.

Де Квинси перевел, и Райан ухватил немца за правую руку, а Беккер за левую. Вдвоем они вытащили его из люка.

– Эмили, притворитесь, будто бы ищете его пульс. Действуйте так же, как если бы действительно хотели проверить, жив ли он.

Девушка незамедлительно выполнила его инструкции. Она коснулась запястья и шеи немца, приложила ухо к груди, затем подержала руку перед ноздрями и заглянула в глаза. Последнее ее действие озадачило Райана. Эмили закатала брючину немца и потрогала его ноги.

– Теперь встаньте, покачайте головой и разведите руками, словно

хотите сказать, что ему уже ничем не поможешь, – подсказал инспектор.

Она проделала и это.

К ним кто-то подбежал, и Райан уже приготовился защищаться, но это оказался доктор Уэйнрайт.

– Слава богу, с вами ничего не случилось, – начал он и осекся, увидев лежавшего на земле человека.

– Что вы о нем знаете? – задал вопрос инспектор. – Это немецкий врач, прятавшийся в вашей клинике.

– Немецкий врач? Понятия не имею, что он…

– Не пытайтесь меня обмануть, только сами запутаетесь, – прервал его Райан. – Этот человек сказал нам, что вы знаете, куда его доставить, если он выживет.

– Я… Боже мой, но ведь он, кажется, умер.

– Вы действительно знаете, куда его нужно отправить?

– Да, – ответил Уэйнрайт после недолгого колебания. – Но какая теперь разница, если он умер?

– Он не умер, но мы хотим, чтобы русские так и подумали.

– Значит, вы знаете и про русских?

– Притворитесь, будто бы осматриваете его. Эмили уже сделала это и всем своим видом показала, что ему уже не помочь. Теперь ваша очередь его осмотреть.

– Осмотреть?

– Да, именно так я и сказал. Если русские наблюдают за нами, у них не должно остаться никаких сомнений.

Уэйнрайт подчинился, но действовал с куда меньшей уверенностью, чем Эмили, он даже не поднес руку к носу немца и не осмотрел его зрачки.

– Вы не собираетесь проверять его лодыжки? – спросила Эмили.

– Зачем мне это делать?

– У покойника быстро холодеют ноги, это один из первых признаков смерти.

Уэйнрайт явно смутился.

– Видимо, тебе уже не стоит отправлять ту телеграмму, о которой мы говорили, Эмили, – решил Де Квинси.

– Ты прав, отец.

– Что еще за телеграмма? – заинтересовался Беккер.

– Этот человек не разбирается в том, что он делает, – объяснила Эмили. – Мы с отцом решили послать телеграмму в Эдинбургский университет, чтобы узнать, есть ли у них сведения о том, что мистер Уэйнрайт изучал там медицину. Но теперь мы можем сберечь наши

скудные средства. Даже самый неопытный врач знает, как определить, что человек умер.

– Кто вы такой? – потребовал ответа у мнимого доктора Райан.

– Никто, – после недолгого молчания дрогнувшим голосом проговорил тот. Его серебристые усы больше не сверкали. – С сегодняшнего дня я никто.

Еще одна часть стены обрушилась внутрь здания.

– Мистер Де Квинси, скажите немцу, чтобы он не сопротивлялся, когда мы понесем его так, как обычно переносят трупы, – дал новое указание Райан.

Де Квинси так и сделал.

– Инспектор, можно мне опять принять лекарство? – добавил он уже по-английски.

Райан вытащил бутылочку из промокшего кармана и передал ему. Затем взял немца за подмышки, а Беккер за ноги, и они вдвоем понесли его, согнувшись в неудобных позах, словно под тяжестью окоченевшего тела.

К счастью, когда они отошли немного в сторону от пожара, стало прохладнее.

– Эмили, мы принесли ваши саквояжи из дома лорда Кавендейла, – вспомнил Беккер.

– Отец, ты слышал? – обрадовалась девушка. – Скоро мы сможем переодеться в сухое.

Но Де Квинси все еще стоял рядом с Уэйнрайтом, с безнадежностью в глазах смотревшим на горящую клинику.

– Мистер Уэйнрайт. – Де Квинси намеренно не назвал его доктором. – Вы сказали, что некие аристократы нуждались в лечении и побудили вас основать эту клинику.

Уэйнрайт потрясенно уставился на пылающий ад, отблески огня освещали его лицо, подчеркивая всю глубину отчаяния этого человека.

– Я прав, предполагая, что это Кэролайн поощрила вас в ваших намерениях и что на самом деле клиникой владеет она? – спросил Де Квинси.

– Да, Кэролайн, – ответил Уэйнрайт.

– Вероятно, я не ошибся и в том, что это она велела вам спрятать немца по просьбе лорда Палмерстона? – продолжил Де Квинси.

– Все погибло.

– У нас мало времени, – поторопил Уэйнрайта Де Квинси. – Мы должны увезти отсюда немца как можно скорее.

Глава 12
Крестьянин и гадюка

В половину седьмого утра комиссар Мэйн сел на первый поезд из Лондона. Накануне поздним вечером посыльный настойчиво постучал в дверь его дома на Честер-сквер в Белгравии.

Проснувшись, Мэйн быстро оделся и в сопровождении посыльного направился в резиденцию премьер-министра, где ему приказали съездить в Седвик-Хилл и незамедлительно потребовать отчета о своих действиях от Райана и Беккера.

Никаких объяснений он не дождался. Однако, поразмыслив, Мэйн пришел к выводу, что удивляться не стоит, памятуя о том, как лорд Палмерстон и министр внутренних дел приняли все меры, чтобы документы Дэниела Харкурта пропали, прежде чем полиция смогла ими воспользоваться в расследовании убийства. Похоже, теперь премьер-министр преисполнен решимости помешать еще одному направлению поисков.

Пассажиров в поезде оказалось даже меньше, чем можно было ожидать. Когда кондуктор открыл купе, в котором Мэйн ехал в одиночестве, комиссар вышел на пустой перрон и увидел темное облако дыма, клубящееся где-то за пределами городка.

– Это, случайно, не клиника дымит там, вдалеке? – спросил Мэйн железнодорожного кассира.

– Самая страшная беда, какая могла с нами случиться. Многие теперь потеряют работу.

– Где мне найти экипаж, чтобы доехать туда?

– Нигде. Все экипажи уже наняты.

– Кажется, они начинают возвращаться.

К станции с грохотом подъезжали фургоны и двуколки. Десятки мужчин и женщин – некоторые без багажа и в пальто поверх ночных рубашек – выскочили из них и, к удивлению кассира, бросились покупать билеты на ближайший поезд либо в Лондон, либо в Манчестер, либо куда-то еще.

Мэйн нанял один из фургонов и направился к источнику дыма, где встретил еще больше рассерженных и нетерпеливых людей, желающих как можно скорее попасть на железнодорожную станцию.

Картина разрушений поражала. Огонь полностью уничтожил самое большое из трех зданий. Тлеющие обломки лежали на пепелище огромной беспорядочной кучей, вся трава вокруг выгорела. В воздухе висел горький запах дыма.

Мэйн поинтересовался у садящихся в фургон пассажиров, где он может найти Райана и Беккера, но никто ничего не знал о находящихся в клинике полицейских. При этом многие добавляли, что человека, заведовавшего клиникой, нужно немедленно посадить в тюрьму за то, что он заманил столько людей в огненный капкан.

– Комиссар! – крикнул кто-то.

Мэйн обернулся и увидел спешащего к нему от левого здания Райана. Лицо инспектора осунулось, щеки были перепачканы в саже. Одет он был в белые брюки и жакет, словно служащий клиники.

– Единственная сухая одежда, какую мне удалось найти, – объяснил Райан.

Вскоре Мэйн уже знал все о тревожных событиях минувшей ночи: убийство лорда Кавендейла, нападение на Эмили, пожар.

– Мир сошел с ума, – заключил комиссар. – А где сейчас леди Кавендейл?

– Они вместе с матерью вернулись в дом лорда Кавендейла, – ответил Райан. – А после поедут в Лондон и займутся организацией похорон. Леди Кавендейл заявила, что проведет весь траурный год в доме своей матери на Парк-лейн.

Не прекращая разговора, они дошли до левого здания.

Из дверей торопливо вышли взволнованные люди с дорожными сумками в руках.

– Остановитесь! – Райан показал свой жетон. – Мне нужно поговорить с вами. Возможно, вы заметили что-нибудь странное…

Но бывшие гости клиники, не слушая его, поспешили дальше.

В холле Мэйн увидел Де Квинси и Эмили.

– Мне очень жаль, Эмили, – покачал головой комиссар, увидев свежие швы на ее щеке. – Воистину, мир сошел с ума.

К ним подошел Беккер, тоже в форменной белой одежде клиники.

– Я спрашивал у всех гостей, не знают ли они, как начался пожар. Большинство в ответ говорили: «Вы хотя бы понимаете, кто я такой?» – и проходили мимо.

– Думаю, нам и самим известно, как начался пожар, – заметил Райан.

– Да, из-за того человека, что прятался на чердаке, – согласился Де Квинси.

– Здесь кто-то прятался? – заинтересовался Мэйн.

Разговор пришлось прервать, пока четверо мужчин проносили через холл гроб.

– Да, это был нищий, – продолжил Райан. – Похоже, он забрался в дом, чтобы укрыться от непогоды. Бедняга задохнулся от дыма. Врач, возглавляющий клинику, не узнал в нем никого из гостей, за которых он несет ответственность. Мы подозреваем, что этот человек опрокинул зажженную свечу, из-за чего и начался пожар.

– Нужно провести расследование, – сказал комиссар.

– Разумеется. Но в городе столько нищих, что вряд ли кто-то его опознает.

– Обычно вы так просто не сдаетесь, Райан.

– У меня была очень тяжелая ночь, сэр.

– Это заметно.

– Комиссар, если вы не знали о пожаре, то зачем приехали сюда? – решил сменить тему разговора Беккер.

– Лорд Палмерстон хочет, чтобы вы немедленно вернулись в Лондон и явились к нему для отчета.

– Немедленно? Но мы еще не закончили свои дела здесь, – возразил Беккер. – Он не сказал вам, зачем ему понадобился наш отчет?

– Кажется, он очень недоволен вами.

– Еще одно направление расследования, которому премьер-министр преисполнен решимости помешать? – спросил Де Квинси. – Возможно, я сумею решить эту проблему, если сам побеседую с его светлостью.

– Несомненно, панихида должна пройти в Вестминстерском аббатстве, – сказала Кэролайн своей дочери. – Лорд Кавендейл заслужил это знатностью своего рода и многолетней службой на благо государства. Затем гроб с телом привезут поездом обратно и поместят в фамильном склепе, рядом с его родителями и крошкой Дженнифер.

Они были одни в комнате Стеллы. Кэролайн вместо служанки помогала дочери надеть траурное платье из черного крепа.

– Обещаю тебе, похороны получатся образцовыми. – Несмотря на усталость, Кэролайн нашла в себе силы затянуть завязки на корсете Стеллы. – Никто из аристократов не сможет сказать о них ничего дурного. Мы докажем, что обладаем ничуть не менее изысканным вкусом, чем они.

Левое колено Кэролайн чуть не подвернулось, но она удержала равновесие и увенчала голову Стеллы траурной шляпкой, затем опустила черную вуаль на бледное, но сияющее лицо дочери.

– Никогда не переставай ненавидеть их, – наставляла ее Кэролайн. – Они привыкли смотреть на нас свысока, но на самом деле ничем не лучше нас, за исключением случайной удачи родиться в благородной семье. Ненависть придаст нам сил, и мы добьемся того, чтобы никто, за исключением королевы и принца, не посмел смотреть на нас свысока.

Левая нога Кэролайн снова подогнулась.

– Ты совсем выбилась из сил, – заметила Стелла. – Тебе нужно отдохнуть.

– Ты тоже не отдыхала.

– Но мне не шестьдесят лет.

– Мы отдохнем, когда доберемся до Парк-лейн. Тем временем мою телеграмму уже должны доставить домой. Эдвард не станет даром терять время и сразу же сообщит кредиторам, что я не намерена больше оплачивать долги Гарольда. К вечеру сюда приедут фургоны и заберут всю мебель из дома и весь инвентарь из амбаров и кладовых. Гарольд узнает, каково это – остаться без единого пенни.

– Тебе в самом деле нужно присесть.

Кэролайн придирчиво осмотрела траурное платье Стеллы и покачала головой:

– Не раньше, чем мы доберемся до Парк-лейн. Друзья лорда Кавендейла осудят нас, если узнают в твоем траурном платье то, что ты надевала два года назад на похороны Дженнифер. Я пошлю в Лондон за самым лучшим портным. Он приедет на черной карете с вороными лошадьми. Ни один из наших соседей не сможет сказать, что мы не соблюли все надлежащим образом. Твое траурное платье будет самым прекрасным из всех, что видели в жизни эти аристократы, потому что ни у кого из них не было необходимых средств, чтобы пошить что-либо подобное.

Ее отвлек стук в дверь.

– Да? В чем дело?

– Маленький Джереми проснулся, – послышался из-за двери голос служанки.

Стелла торопливо открыла дверь.

Служанка старалась не замечать траурный цвет платья Стеллы.

– Ему нездоровится? – забеспокоилась Стелла. – Он кашляет? Прошлой ночью дождь едва не погубил его.

– Нет, леди Кавендейл, маленький Джереми выглядит совершенно здоровым.

– Он взял грудь кормилицы?

– Да, миледи.

Кэролайн посмотрела вслед выходящей из комнаты Стелле и только после этого шагнула к стулу у окна. Над руинами клиники нависла мрачная пелена дыма.

Это был тяжелый удар, но Кэролайн напомнила себе, что вся ее жизнь была наполнена такими ударами, которые лишь делали ее сильнее.

Не успела она присесть, как в дверях возник слуга.

– Пришел здешний гробовщик, миссис Ричмонд. Он привез свой лучший гроб и ждет вас в гостиной.

Кэролайн кивнула и вышла из комнаты.

«Свой лучший гроб? – мысленно повторила она. – Я куплю его, но только для того, чтобы перевезти тело лорда Кавендейла в Лондон. Для похорон я приобрету самый дорогой гроб самого известного гробовщика во всем городе. Нет, во всей стране».

Провожавший ее вниз по лестнице слуга добавил:

– А еще какой-то мужчина хочет поговорить с леди Кавендейл.

– Кто он такой?

– Какой-то служащий клиники.

– Доктор Уэйнрайт?

– Нет, госпожа. Я его никогда прежде не видел.

– Скажите гробовщику, что я приму его через минуту.

Слуга направился в гостиную, а Кэролайн зашагала к прихожей, изо всех сил стараясь не прихрамывать на левую ногу.

– Сходите в кухню и выпейте чего-нибудь освежающего, – велела она лакею у дверей.

– Благодарю вас, госпожа.

Как только лакей исчез из виду, Кэролайн открыла дверь.

Там стоял мужчина в фирменной белой одежде клиники.

– Мне нужно поговорить с вами и со Стеллой.

– Вы с ума сошли, если решились прийти сюда.

– У меня не было иного выбора.

– В полночь, – сказала ему Кэролайн. – В доме в Блумсбери.

– Третьим классом? – возмутился Гарольд.

– Будьте довольны тем, что не пойдете пешком, – ответил Райан.

Гарольд разинув рот смотрел на вагон третьего класса, который не имел купе, а представлял собой большое помещение, напоминающее загон для скота.

Обычно здесь стояли одни лишь простолюдины, но этим утром так

много гостей клиники захотели срочно вернуться в Лондон, что, когда все места первого и второго класса уже были заняты, кое-кто из них скрепя сердце согласился ехать в тесноте, испытывая унижение от постоянных толчков соседей.

Возможно, они ворчали бы меньше, если бы в клинике им позволяли читать газеты. Тогда эти джентльмены узнали бы об убийстве Дэниела Харкурта и других происшествиях, связанных с поездами. Возможно, они даже решили бы вообще не садиться в поезд. Вместо того чтобы рисковать жизнью второй раз за сутки, они, возможно, с радостью наняли бы экипаж и спокойно доехали туда, куда им было нужно.

Беккер стоял рядом с Райаном и всматривался в толпу.

Он заметил, как в багажный вагон погрузили гроб. Вероятно, один из русских тоже сейчас наблюдал за этим.

Сержант перевел взгляд на многочисленных пассажиров, спешивших к вагонам второго класса. Поскольку он знал, кого нужно искать, то сразу увидел согбенную годами женщину в шляпе с вуалью. Ей потребовалась помощь, чтобы войти в купе.

Мужчина, любезно предложивший ей эту помощь, был одет в мешковатое пальто коммивояжера и плоскую шляпу. Без серебристых усов и надменной манеры держаться узнать Уэйнрайта было довольно трудно.

Беккер оглянулся на Райана:

– В купе комиссара достаточно места.

– Я и мысли не могу допустить, чтобы Эмили ехала вместе с человеком, ударившим ее, – сказал Райан.

– Комиссара полиции? – воспрянул духом Гарольд. – Отведите меня к нему. Он прикажет снять с меня наручники.

– Садитесь в этот чертов вагон, Гарольд!

Райан подтолкнул его к переполненному вагону третьего класса, а Беккер направился вдоль состава к голове поезда. Он вошел в купе, где сидели Эмили, ее отец и комиссар Мэйн. Несмотря на ажиотаж, комиссар настоял на том, чтобы в его купе никого больше не подсаживали.

– У всех вас измученный вид, – заметил Мэйн. – И я не обижусь, если вы будете спать всю дорогу до Лондона.

– Нам еще очень многое нужно обсудить, – возразил Де Квинси, перебирая пальцами по бутылочке с лауданумом. – Эмили, ты проследила за тем, чтобы все мои телеграммы отправили немедленно?

– Разве я когда-нибудь тебя подводила, отец?

– Вот и хорошо. К вечеру ответы должны прислать в особняк лорда Палмерстона. Комиссар, мне понадобятся полдюжины констеблей в

гражданской одежде.

– Непременно в гражданской?

– А сержант Беккер должен рассказать мне о пожаре, случившемся в поезде в субботу вечером, – добавил Де Квинси.

Лорд Палмерстон сидел за накрытым к завтраку столом и уныло смотрел на чай, тосты с маслом и мармеладом, бекон и яйцо всмятку.

– Милорд, вам не нравится завтрак? – встревожился слуга.

– Похоже, у меня сегодня нет аппетита, – ответил премьер-министр и попробовал отхлебнуть чая, но с трудом заставил себя сделать глоток.

– Может быть, овсяная каша больше придется вам по вкусу, – предложил слуга:

– Нет, прошу вас, унесите все это.

В столовую вошел другой слуга:

– Милорд, прибыл тот, за кем вы посылали.

«Наконец-то!» – мысленно обрадовался лорд Палмерстон.

Он положил на стол вышитую салфетку, поднялся и подождал, когда слуга отодвинет стул. Затем расправил плечи и выпятил грудь, стараясь выглядеть моложе своих лет.

Однако, пройдя по коридору в холл, он увидел лишь одного Эдварда Ричмонда, без Кэролайн. Костюм Ричмонда, его бородка и трость выглядели безукоризненно, как всегда. Единственным отличием было отсутствие обычной для пэра обаятельной улыбки.

– Доброе утро, премьер-министр.

– Ричмонд? – Лорд Палмерстон попытался скрыть разочарование. – Я думал, Кэролайн приедет вместе с вами.

– Она должна скоро вернуться из Седвик-Хилла. Только что я получил от нее телеграмму с печальными известиями.

Лорд Палмерстон внутренне собрался. После едва не удавшейся попытки взорвать мост минувшей ночью он меньше всего нуждался в новых дурных новостях.

– С прискорбием должен сообщить, что лорд Кавендейл убит вчера вечером, – продолжил Эдвард.

– Убит?

– Собственным сыном.

Сообщение потрясло лорда Палмерстона. Он не был близко знаком с лордом Кавендейлом, но это не имело никакого значения. Смерть одного из пэров была ударом для каждого из них, напоминанием о том, что, несмотря на высокое положение, дарованное Господом, все они смертны.

– Наверное, я не расслышал. Его убил собственный сын?

– Чтобы получить наследство и расплатиться с карточными долгами, – объяснил Эдвард. – Но боюсь, что вторая новость, которую сообщила мне Кэролайн, не менее печальна.

– Как, есть еще и вторая?

– Гидропатическая клиника доктора Уэйнрайта уничтожена пожаром минувшей ночью.

Лорд Палмерстон попытался сохранить спокойствие.

«Доктор Мандт, – подумал он. – Что с доктором Мандтом?»

– Вы плохо себя чувствуете, милорд? – забеспокоился Эдвард.

– Из-за продолжающейся войны мне пришлось провести в эти выходные несколько важных ночных встреч.

– Не сомневаюсь, что государственные дела отнимают у вас очень много сил. Если вы окажете мне любезность и объясните, зачем посылали за мной, я постараюсь не злоупотреблять вашим временем.

– Давайте поговорим наверху.

– Ваш посыльный указал на некие важные причины, по которым я должен зайти к вам через черный ход, – произнес Эдвард, поднимаясь по ступенькам. – Признаться, меня весьма заинтриговали мотивы такого поведения.

– Учитывая экономические трудности, вызванные недавними нападениями на железной дороге, я подумал, что это было бы недальновидно, если бы вы открыто навестили меня здесь или на Даунинг-стрит или же меня заметили бы входящим в ваш дом на Парк-лейн. Обыватели задумались бы, почему я решил проконсультироваться с финансовым экспертом, не связанным с правительством, а не с канцлером казначейства. Это могли расценить как недоверие к нему.

– Канцер казначейства действительно самый подходящий человек для консультаций по финансовым вопросам, – заметил Эдвард.

– Но то, что я хочу с вами обсудить, никак не связано с правительством.

Они добрались до верхнего этажа. Напротив танцевального зала располагалась уютная библиотека. Лорд Палмерстон прикрыл дверь, предложил гостю сесть и сам устроился лицом к нему.

– Прошу вас, объясните, в чем суть вопроса, – первым заговорил Эдвард.

– Хотя Фондовая биржа сегодня еще не открылась, мне бы хотелось узнать, слышали ли вы какие-то прогнозы относительно железнодорожных акций, – начал лорд Палмерстон.

– Все сходятся на том, что они упадут еще на двадцать процентов. Не только железнодорожные, но и акции всех связанных с ними предприятий в таких отраслях, как горное дело, мануфактурное производство и морские перевозки.

У лорда Палмерстона перехватило дыхание.

– Это неизбежно, – добавил Эдвард. – Рынку требуется время, чтобы приспособиться к новым условиям.

– Сколько времени это может занять?

– Трудно предсказать заранее, но уверяю вас, что рынок справится с недавними потрясениями. Так происходит всегда. В любом случае сейчас самый удобный момент.

– Не понял, что вы имели в виду.

– Чтобы скупать акции, – объяснил Эдвард.

– У меня были противоположные намерения.

Эдвард нахмурился:

– Вы хотите сказать, что испытываете финансовое давление, вынуждающее вас продать акции?

– В Ирландии выдалась на редкость суровая зима, и мои арендаторы не в состоянии заплатить обычную ренту. А без этого дохода…

– Насколько неотложны ваши долги?

– Выплаты по закладной на этот дом нужно сделать через три дня. В прежние времена это не составило бы труда, даже без учета земельной ренты. Но обязанности премьер-министра оказались куда многочисленнее, чем я ожидал. За те шесть недель, что я занимаю этот пост, мои запасы иссякли. Сегодня я собирался продать часть железнодорожных акций, но принял это решение до того, как все произошло. А теперь, когда акции резко упали…

– Я бы не рекомендовал вам продавать их.

– Но у меня нет выбора.

– Краткосрочный заем – вот лучшее решение, – сказал Эдвард лорду Палмерстону. – Когда акции снова пойдут вверх, а они обязательно поднимутся в цене, вы сможете продать их без убытка для себя. Процент по ссуде окажется сущим пустяком в сравнении с той болью, которую вы испытаете, узнав, что продали акции по мизерной части их стоимости. Каков размер ваших долговых обязательств?

– Десять тысяч фунтов.

Эдвард задумался, услышав такую серьезную сумму.

– Если я немедленно отправлюсь в Сити, то смогу подготовить заем к исходу дня.

– Но кредиторы не должны знать, кто получит эти деньги, – предупредил лорд Палмерстон. – Если поползут слухи, что премьер-министр испытывает финансовые затруднения, Фондовая биржа расценит это как еще один знак того, что страна находится на краю гибели.

– Я могу обставить дело так, чтобы никто не узнал, кому предназначены эти деньги, – заверил его Эдвард. – Но заимодавцы потребуют залога.

– Как вы думаете, они согласятся принять в качестве залога мои акции?

– Поскольку эти акции значительно упали в цене, они могут потребовать также ваши акции шахт, фабрик и пароходных компаний. Может быть…

– Что вы задумали?

– Чтобы никто ничего не узнал, я сам предоставлю вам этот заем.

В полицейском участке Уайтхолла седой дежурный с большим интересом слушал объяснения Райана, снимавшего наручники с Гарольда.

– Задушили собственного отца, значит? – переспросил морщинистый полицейский. – А потом ударили вдову и ее мать, чтобы уж наверняка?

– Хорошо, я признаю, что ударил их, – сдался Гарольд. – Но я не имею никакого отношения…

– Он также ударил дорогого мне друга, – добавил Райан. – И рассек ей лицо.

– Вот уж точно наверняка, – заключил дежурный.

– Это какое-то безумие! Подождите, министр внутренних дел еще узнает, как вы со мной обращались! – возмутился Гарольд.

– Я позабочусь, чтобы сэру Джорджу обо всем доложили, – пообещал Райан. – Ему будет интересно узнать и о вашем брате.

– При чем здесь мой брат?

– Два года назад вы с братом уехали в Германию, чтобы посетить там казино, но, как мне рассказали, домой вернулись только вы. По вашему утверждению, ваш брат умер от брюшного тифа, однако вы так и не предоставили свидетельства о его смерти.

– Свидетельство лежало в саквояже, который украли из квартиры, в которой я останавливался, – ответил Гарольд.

– Что ж, я надеюсь, что телеграмма от германской полиции подтвердит причину смерти, – сказал Райан. – Но если этого не случится, присяжные могут прийти к заключению, что вы убили своего старшего брата, чтобы стать вместо него наследником состояния вашего отца. А вчера вечером,

после двух лет ожидания, окончательно потеряли терпение и убили также и отца. Почему бы вам не облегчить совесть чистосердечным признанием, Гарольд?

– Прекратите называть меня Гарольдом! Я лорд Кавендейл!

Дежурный оскалил в усмешке щербатый рот:

– Мы здесь не привыкли общаться с пэрами, милорд. Но у меня найдется для вас особая камера. Идите за мной. До конца коридора и направо. Особая она потому, что там никогда не бывает сквозняков.

– Сквозняков? – удивился Гарольд.

– Да, потому что там нет окна. Если вы спросите мое мнение, то лучше сидеть в темноте, чем на сквозняке.

– Я хочу встретиться со своим адвокатом!

– Вашего адвоката недавно убили, – напомнил Райан.

– Тогда пошлите за кем-нибудь из его конторы!

Дежурный почесал лысую макушку:

– Вы где-нибудь видите посыльных, которые только и ждут, чтобы их отправили с поручением?

– Хорошо, я сам найду посыльного, – заявил вдруг Беккер, который все это время стоял поодаль и прислушивался к разговору.

Райан изумленно обернулся к нему.

– Если мы предоставим ему все полагающиеся условия, наши доказательства будут выглядеть еще убедительнее.

– Доказательства, которые он, по его же собственному признанию, пытался уничтожить, – подчеркнул Райан.

– Так вы пытались уничтожить доказательства, милорд? – спросил дежурный, ведя Гарольда по коридору с тюремными камерами. – И куда катится этот мир…

История дома номер 10 по Даунинг-стрит восходила к началу семнадцатого века, когда сэр Ричард Даунинг построил несколько небольших особняков рядом со зданием Парламента. Три из них объединили в лабиринт из сотни комнат, включающий в себя канцелярии правительства и жилые помещения, но никто из премьер-министров не проживал там постоянно, поскольку грунт был слишком мягким, из-за чего полы просели, стены накренились, а камины плохо растапливались.

Сидя за столом в своем кабинете, лорд Палмерстон мрачно уставился на трещину в обшивке стены. Казалось, трещина стала шире с тех пор, как он занял пост премьер-министра.

Раздался стук в дверь.

– Войдите, – устало произнес лорд Палмерстон.

В кабинет вошел секретарь:

– Премьер-министр, двое полицейских из Скотленд-Ярда хотят видеть вас. Они говорят, что вы их ждете.

– Позовите их.

– С ними еще двое, милорд.

– Еще двое?

– Невысокий пожилой мужчина и женщина, носящая под юбкой нечто напоминающее шаровары.

Лорд Палмерстон простонал:

– Позовите и их тоже.

– Прошу прощения, премьер-министр, но мужчина заявил, что будет лучше, если сначала он поговорит с вами наедине.

Лорд Палмерстон снова посмотрел на трещину в обшивке, и теперь она показалась ему еще более широкой.

Он вздохнул и кивнул.

В кабинет вошел Де Квинси, зажав в руке бутылочку с лауданумом, словно амулет.

– Благодарю вас, милорд, за то…

Что-то рядом со столом лорда Палмерстона привлекло его внимание, он замолк на полуслове и подошел к стене.

– Что-то случилось? – спросил лорд Палмерстон.

– Эта картина. Она чуть накренилась.

Пожилой человек поправил раму.

– И эта тоже. И эта.

Де Квинси прошел вдоль стены, поправляя картины.

– Бесполезно, – сказал ему лорд Палмерстон. – Стены дома покосились из-за мягкого грунта. Я уже несколько раз пытался выправить эти картины, после того как стал премьер-министром.

– Если все картины будут висеть под углом, мой разум может решить, что это я стою под углом, – заключил Де Квинси. – И я бы, сам не сознавая этого, начал наклоняться в сторону, чтобы соответствовать положению картин.

– Да, да. Так что вы хотели со мной обсудить?

– Милорд, один немецкий врач прославился тем, что спас жизнь простому крестьянину.

– Не сомневаюсь, что это увлекательнейшая история, но не могли бы вы перейти…

– Крестьянин работал в поле, но к полудню почувствовал, что устал, и

прилег на траву немного вздремнуть. Из-за повреждения носа ему приходилось дышать через рот. И пока он спал с открытым ртом, туда проскользнула гадюка. Когда друзья подошли к нему, чтобы разбудить, они увидели, как хвост змеи исчез у него во рту.

Лорд Палмерстон постарался не показывать, какое беспокойство вызвала у него эта история, и отнюдь не из-за змеи.

– Разумеется, они подняли крик, – продолжал Де Квинси. – Некоторые из них побежали в деревню, рассказывая всем встречным о том, какое ужасное бедствие постигло их друга. Они опасались того, что произойдет, когда гадюка поймет, что оказалась в желудке крестьянина. Несомненно, она попытается выбраться тем же путем, каким и заползла, но наткнется на препятствие, о котором не подозревала, – желудочный клапан, закрывающий выход. От злости или страха она могла бы вонзить свои клыки в эту преграду. И тогда бедному крестьянину не прожить и нескольких минут.

Лорд Палмерстон сидел как на иголках, уже зная, чем закончится эта история.

– Это произошло в одном из немецких государств. По воле судьбы, в деревню как раз приехал врач. Он поспешил сначала в аптеку, а затем в поле к крестьянину, который к тому времени уже проснулся и обливался холодным потом от ужаса. Оставшиеся с ним друзья предупредили несчастного, чтобы он не шевелился и не тревожил змею, свернувшуюся в кольцо у него в желудке. Он лежал неподвижно, затаив дыхание. Змея шевельнулась, пощекотав стенки желудка. Во рту у бедняги пересохло, но он не решался утолить ужасную жажду.

Врач удивил всех, заявив: «Как раз это вам и нужно сделать. Пейте». Он открыл бутылочку, приобретенную у аптекаря, и дал крестьянину сделать несколько глотков.

«Что в этой бутылке?» – спросил кто-то.

«Лауданум», – ответил доктор.

«Как – лауданум? Вы заставили его выпить столько, что это убьет его!» – возмутились друзья несчастного.

«Или убьет змею», – спокойно возразил врач.

Он приподнял крестьянину голову и вынудил сделать еще несколько глотков. Наконец тот застонал, уткнулся лицом в траву и потерял сознание. Когда его тело замерло и он перестал дышать, друзья решили, что он умер. И принялись оплакивать несчастного, ропща на Господа, создавшего мир, населенный змеями. Не забыли они и о том, что змей олицетворяет сатану. И о докторе тоже не забыли. Огорченные смертью своего друга, крестьяне

грозились избить его, если не еще хуже, но доктор убедил их довериться его опыту. Солнце уже село. Сгустились сумерки. Они накрыли своего бедного друга одеялом, а сами разожгли костер и уселись вокруг.

«Доверьтесь моему опыту», – повторил врач.

Солнце поднялось. Крестьянин продолжал лежать неподвижно. «Пошлите в соседнюю деревню за священником, – сквозь слезы сказала его жена. – И позовите гробовщика». Но в этот миг крестьянин снова застонал. Пальцы его зашевелились. Веки затрепетали. Его грудь приподнялась, и он глубоко вдохнул.

«Просто чудеса!» – воскликнула его жена.

«Да, чудеса медицины», – согласился врач.

Следующие два дня крестьянин не мог работать в поле. Жена приготовила ему любимое жаркое и настаивала, чтобы он съел хотя бы немного, но он жаловался на ужасную тяжесть в желудке, словно только что вернулся с обильного обеда. Это, разумеется, была мертвая змея, которую он изверг из кишечника к исходу второго дня.

Де Квинси отпил лауданума из бутылочки.

– Не вижу никакого смысла в вашей истории, – заметил лорд Палмерстон. – Если только вы не хотели сказать, что лауданум сделал вас неуязвимым для змей.

– Этого врача звали Мартин Вильгельм Мандт, – добавил Де Квинси.

– Мандт? – Лорд Палмерстон сделал вид, будто напрягает память. – Не думаю, что когда-либо слышал…

– Этот случай прославил доктора Мандта по всей Германии, и о нем сообщили во многих газетах, некоторые из них я имел обыкновение прочитывать, поскольку жил в Эдинбурге по соседству с небольшой немецкой общиной и старался сохранить навык беглого разговора на немецком.

– У меня нет времени читать немецкие газеты, – возразил лорд Палмерстон, вставая со стула.

– Уделите мне еще одно мгновение, милорд. Связь скоро станет очевидной. Это происшествие прославило Мандта и за пределами Германии, в особенности в России, где царь Николай настолько восхитился его способностями, что пригласил Мандта ко двору в Санкт-Петербург и попросил исполнять обязанности своего личного врача.

При упоминании царя Николая лорд Палмерстон почувствовал, как пол под ним покачнулся.

– Вчера вечером в клинике Седвик-Хилла моя дочь и я случайно столкнулись с немецким врачом, – сказал Де Квинси.

Лорд Палмерстон снова опустился на стул.

– Его также видели инспектор Райан и сержант Беккер. Немецкий врач был сильно напуган. Его разыскивали двое русских – фактически охотились за ним.

– Русские, – пробормотал лорд Палмерстон.

– Был еще третий русский, но доктор позже рассказал, что нанес ему удар ножом, когда тот обнаружил его укрытие на чердаке клиники.

Лорду Палмерстону едва не сделалось дурно.

– Во время драки разбился фонарь и начался пожар, – продолжал Де Квинси.

Лорду Палмерстону почудилось, будто бы он тоже проглотил змею.

– Я слышал о пожаре.

– Доктор говорил только по-немецки, – подчеркнул Де Квинси. – Ни Эмили, ни инспектор Райан, ни сержант Беккер не владеют этим языком, поэтому в нашей компании только я был в состоянии общаться с ним. И кое-что из сказанного им я не стал переводить остальным.

– Что именно?

– Его имя.

Лорд Палмерстон протяжно вздохнул.

– Эмили, инспектор Райан и сержант Беккер не знают, кто он такой. Они не догадываются о том, что он был лейб-медиком царя Николая, пока тот не скончался с месяц назад. Я могу дать только одно объяснение тому, почему русские настолько обозлились на него, что преследовали до самой Англии, и настолько напугали, что доктору пришлось прятаться. Но эта догадка не из тех, что я осмелюсь произнести вслух, даже в приватной беседе в вашем кабинете.

Лорд Палмерстон сделал все возможное, чтобы его голос прозвучал спокойно и уверенно.

– И где сейчас доктор Мандт?

– Чтобы помешать охотившимся за ним русским, инспектор Райан и сержант Беккер обставили все так, будто бы Мандт погиб во время пожара. Райан распорядился, чтобы к руинам клиники доставили гроб. Затем гроб перевезли в контору местного гробовщика. В скором времени оттуда вывезли два других гроба: один – к поезду, следующему в Лондон, другой – в дом лорда Кавендейла. Живой или мертвый, Мандт мог отправиться в разных направлениях, так что у русских не было никакой возможности проследить за всем. Тем временем Уэйнрайт и доктор Мандт загримировались и исчезли.

– Вы имели в виду доктора Уэйнрайта?

– Он такой же доктор, как уличный разносчик газет. Но у него, очевидно, имеются другие достоинства. В какой-то момент доктор Мандт сказал мне, что Уэйнрайт знает, куда его нужно доставить, если он переживет эту ночь.

После долгого колебания, лорд Палмерстон наконец произнес:

– Да, это правда.

– Милорд, я пришел сюда, чтобы уверить вас, что ни я, ни Эмили, ни инспектор Райан, ни сержант Беккер никогда не выскажем вслух наши подозрения о том, что произошло вчера вечером в гидропатической клинике. На самом деле детективы лишь способствовали вашему намерению как можно скорее отправить в путь доктора Мандта. Комиссар Мэйн пребывает в полном неведении касательно всего этого. Он полагает, что в гроб положили неопознанного нищего, который решил укрыться в клинике от непогоды и по неосторожности поджег дом. Вашей тайне ничто не угрожает. В свою очередь я надеюсь, что моей дочери и всем остальным тоже ничто не грозит.

– Вы намекаете, что я мог бы причинить вред кому-то из них, чтобы скрыть…

– Мир накренился, милорд, как и эти картины.

Лорд Палмерстон снова взглянул на трещину в обшивке.

– Даю слово, что никому из вас не причинят вреда.

– Благодарю вас, милорд. Осмелюсь спросить, привела ли ваша тактика к успеху?

– Вы бесстрашный человек.

– Я боюсь только за свою дочь и своих друзей, премьер-министр. Что касается меня, то шесть недель назад я уже говорил вам, что я единственный человек из всех, кого вы когда-либо встречали, который настолько мало заботится о себе, что рискует говорить вам чистую правду.

Лорд Палмерстон смерил Любителя Опиума долгим взглядом и наконец кивнул:

– Новый царь не испытывает такой жажды продолжать войну, какой отличался его отец. Появились признаки того, что его больше беспокоит растущее недовольство подданных из-за нехватки продовольствия, вызванной войной. Мы планируем новое наступление. Могу предположить, что военные действия прекратятся к весне следующего года.

– Но вы не выглядите триумфатором, милорд.

– Мне вспомнилась еще одна фраза, сказанная вами шесть недель назад.

– Какая именно?

– Неограниченная власть может стать невыносимым бременем.

– Дэниел Харкурт был вашим поверенным, милорд. Когда вы не позволили полиции получить доступ к его документам, это было связано с тем, что Харкурт помогал вам в деле, о котором не должен узнать ни один из членов правительства?

– Я не могу ответить на этот вопрос.

– Тогда, может быть, вы ответите на другой? Ваше желание держать инспектора Райана и сержанта Беккера подальше от гидропатической клиники было вызвано только опасениями, что они узнают о докторе Мандте?

– А чем еще оно может быть вызвано?

– Возможно, вы догадываетесь, кто убил Дэниела Харкурта, и хотите защитить убийцу.

– Защитить… Бог мой, Дэниел был моим другом! Мне было невыносимо больно мешать расследованию.

– Значит, теперь, когда доктор Мандт отправился в безопасное место, вы больше не будете препятствовать следствию? – спросил Де Квинси. – Инспектор Райан, сержант Беккер, Эмили и я вольны использовать все возможности, чтобы найти убийцу?

– Если вы поймаете его – кем бы он ни был, – я сам готов исполнить работу палача.

По темному коридору шли сразу два адвоката, а не один – и солиситор, и барристер. Гарольд порывисто вскочил с койки.

– Скиффингтон и Лавери, спасибо, что пришли! – Гарольд знал их не только как адвокатов, но и как партнеров по карточной игре и поэтому обратился к ним по-дружески. – Я уже начал отчаиваться!

– Нам рассказали о ваших трудностях с законом, – отозвался тот из двоих, кто выглядел более солидно.

– Значит, вы понимаете, насколько нелепы эти обвинения. Подготовьте любые документы, какие только понадобятся. Вытащите меня из этого отвратительного места.

Оба адвоката смущенно посмотрели на него.

– Мы решили оказать вам любезность и прийти лично, – произнес более худой из них.

– Я вижу! А теперь сделайте все необходимое, чтобы вытащить меня отсюда.

– Есть некоторые затруднения, – сказал один из адвокатов.

– О чем это вы?

– Нас наняли не для того, чтобы защищать вас в суде.

– А для чего же?

– Обычно мы не называем имя нанимателя, но на этот раз мы получили распоряжение сообщить вам, что нас наняла миссис Ричмонд.

– Что?

– Миссис Ричмонд наняла не только нас, – добавил барристер. – Но даже если не принимать это во внимание, не могу представить, чтобы какие-то уважаемые адвокаты взялись за ваше дело. Их поднимут на смех, если они попытаются так поступить.

– Поднимут на смех?

– Попробуйте взглянуть на факты с точки зрения присяжных, – предложил барристер.

– Да, разумеется! И сразу же станет ясно, что это нелепая ошибка!

– Вы обвиняете вашу мачеху в убийстве вашего отца.

– Не называйте ее моей мачехой! Ненавижу это слово!

– Очевидно, вы ненавидите ее саму, поскольку она заняла место вашей покойной матери. Неудивительно, что вы пытаетесь возложить вину именно на нее. У вас имеются крупные карточные долги, не так ли? – продолжал барристер.

– Вам прекрасно известно о моих долгах. Кое-что я задолжал и вам.

– Вы признались, что пытались уничтожить улики, доказывающие вашу вину.

– Я просто не хотел, чтобы кто-нибудь подумал, будто бы я…

– Гарольд, я еще раз прошу вас посмотреть на факты с точки зрения присяжных. Со смертью вашего старшего брата – весьма подозрительной смертью, которую обвиняющая сторона, несомненно, тщательно расследует, – вы стали старшим мужчиной в роду и, согласно закону, должны были унаследовать имущество вашего отца. Его вдова не имеет никаких прав. Она целиком зависит от великодушия наследника, и вы продемонстрировали свою власть над ней, выставив ее из дома под ливень. А теперь ответьте мне, Гарольд, какой мотив мог быть у вашей мачехи для убийства вашего отца? Она ничего от этого не выиграла бы.

– Какой мотив? Ну хорошо, я… если вы дадите мне время…

– Единственный человек, которому была выгодна смерть вашего отца, – это вы сами.

Когда Де Квинси и Эмили зашли в магазин, зазвенел колокольчик и атлетического вида мужчина, занятый раскладыванием пистолетов на витрине, поднял голову. Всевозможное огнестрельное оружие – с коротким

и длинным стволом, с револьверными барабанами и без – было повсюду, металл и полированное дерево сверкали почти так же ярко, как украшения в ювелирном магазине.

Продавец окинул оценивающим взглядом странную одежду Эмили, а потом указал на швы на ее щеке.

– Вам, должно быть, очень больно, мисс?

– Уже не очень, спасибо.

– Рад это слышать. – Продавец уперся руками в прилавок. – Могу я чем-то помочь вам? Простите мою откровенность, но вы не похожи на людей, желающих приобрести охотничье оружие для джентльменов.

– Будьте любезны, прочтите вот это, – ответил Де Квинси и вытащил из кармана письмо.

Продавец хмуро посмотрел на бросающуюся в глаза правительственную печать в верхней части листа.

– Похоже, это от премьер-министра.

– Именно так. Как видите, в письме содержится просьба оказать нам всяческое содействие в вопросах, связанных с работой полиции, которой мы помогаем.

– Мы с отцом обошли много оружейных магазинов, – прибавила Эмили. – Но самыми лучшими называют два магазина на Риджент-стрит и ваш, на Оксфорд-стрит.

– Конечно же, в Лондоне много оружейных магазинов, – согласился продавец, – но если клиент не хочет, чтобы у его ружья при малейшей ошибке в расчете порохового заряда разнесло ствол, то ему нужно обращаться в наш магазин либо в те два, о которых вы сказали.

– Нас особенно интересует порох, о котором вы упомянули, – отметила Эмили.

Продавец недоверчиво посмотрел на нее:

– Вот уж не думал, что когда-нибудь мне придется говорить о порохе с женщиной.

– Сначала в ствол засыпают порох, а потом забивают пулю и пыж, правильно? – спросила Эмили.

– Да, – удивленно подтвердил продавец.

– А в каких емкостях продается порох? – задала она новый вопрос.

– В десятифунтовых деревянных бочонках вроде этого. – Продавец открыл дверцу шкафа и поднял с полки бочонок. – Наш порох куда лучше, чем тот, что продают в маленьких магазинах. Там его разбавляют размолотым в порошок углем, чтобы из двух бочонков получилось три. От такого пороха не дождешься ничего, кроме шипения.

Де Квинси подумал о бомбе, что взорвалась на вокзале Ватерлоо, и вступил в разговор:

– К вам заходил констебль, интересующийся, не покупал ли здесь кто-нибудь порох в пятницу днем или в субботу утром?

– Да, и я сказал ему, что несколько человек действительно покупали у меня порох.

– И как он воспринял ваши слова?

– Похоже, он не придал им особого значения.

– Ах вот как? А почему? – спросила Эмили.

– По правде, он спросил, не покупал ли порох какой-нибудь подозрительный тип. А я заверил его, что мы не обслуживаем подозрительных типов. Это ведь Мейфэр, в конце концов.

– Совершенно верно, – согласилась Эмили. – Но когда порох покупали внушающие доверие клиенты, вы ничего необычного не заметили?

– Большинство джентльменов приходят со своими егерями, которые могут помочь советом, какое оружие лучше купить. Иногда джентльмены приезжают в одиночку, просто чтобы посмотреть на оружие, а потом заказать порох и пули. В таких случаях они оставляют адреса, чтобы покупки доставили в их поместья.

Продавец на мгновение замолчал.

– Вы что-то вспомнили, да? – поторопила его Эмили.

– В пятницу днем к нам заходил один егерь. Он объяснил, что его хозяин, лорд Эшли, желает приобрести штуцер для охоты на оленей в Шотландии. Затем осмотрел несколько образцов и обещал передать свои рекомендации его светлости. Заодно он купил пули и бочонок пороха, и поскольку я не мог гарантировать, что доставлю покупки раньше понедельника, лесничий попросил упаковать товар так, чтобы его можно было забрать с собой. По его словам, он возвращался в поместье лорда Эшли и решил сам отвезти порох, чтобы его светлости не пришлось скучать в субботу и воскресенье.

– А как вы узнали, что этот человек егерь? – поинтересовался Де Квинси.

– По деревенской одежде и шляпе и еще по обветренному лицу.

– Вы записали его имя?

– Раз уж мне не пришлось самому доставлять бочонок, то я и не стал спрашивать ни его имени, ни названия поместья лорда Эшли.

– Но может быть, вы запомнили еще какие-то особенности его внешности? – спросила Эмили.

Беккер остановился на шумном пересечении шести улиц, где, по словам Райана, находился центр мира. Он осмотрел необъятный Английский банк и восемь массивных колонн Королевской биржи.

Немного сбитый с толку, он рассудил, что ему следует зайти именно на Королевскую биржу, но оказалось, что здесь на самом деле расположены страховые компании. Тогда сержант остановил мужчину, с обреченным видом прижимавшего к груди папку с бумагами, и спросил:

– Не подскажете ли вы, где здесь покупают и продают акции?

– За углом, но помоги вам Бог, если вы туда собрались.

Беккер прошел мимо экипажей, пассажиры которых смотрели на него так, будто готовы были перерезать ему горло. Он зашел в другой дворец с колоннами и увидел внутри сотни отчаявшихся мужчин, непрерывно выкрикивающих названия, количество и цены акций.

«Сумасшедший дом», – подумал Беккер.

Он остановил еще одного обреченно выглядевшего человека и, повысив голос, чтобы перекричать шум, поинтересовался:

– С кем можно переговорить насчет железнодорожных акций?

– Помоги вам Господь, если вы решили их продать.

– Но с кем мне поговорить?

– Там. Все там.

И побледневший мужчина вышел из здания.

Беккер направился в ту сторону, куда показал этот несчастный, с трудом протискиваясь сквозь бурлящую толпу.

Чуть в стороне, с отвращением глядя на всю эту картину, стоял круглолицый широкоплечий мужчина.

Беккер быстро показал ему свой жетон так, чтобы мужчина понял, что перед ним полицейский, но не успел прочитать, что он служит в Столичной полиции, не имеющей полномочий в этом районе города.

– Я хотел бы поговорить о железнодорожных акциях, – сказал Беккер.

– Никогда не слышал о полицейском, который мог бы позволить себе покупать акции.

– И который был бы настолько глуп, чтобы так поступить?

Мужчина еще раз взглянул на Беккера и рассмеялся:

– В первый раз за весь день меня что-то развеселило. Так что вы хотите?

– Здесь найдется какое-нибудь тихое местечко?

– Дальше по коридору. Там у меня кабинет.

Мужчина проводил его внутрь, закрыл дверь и жестом предложил сесть.

– Так почему полиция заинтересовалась железнодорожными акциями?

– Она сегодня упали в цене?

– Как камень в воду. А вместе с ними акции морских перевозок, шахт и фабрик. Сегодня рухнуло благополучие многих людей. Русские все-таки нашли способ победить нас.

– Может быть, это сделали не русские.

– Что вы хотите этим сказать?

– Расскажите мне, как все это работает.

Мужчина пожал плечами:

– Допустим, кто-то решил основать компанию. Но у него не хватает денег, и он продает акции тем людям, кто хочет владеть частью этой компании. Если она работает с прибылью, акционеры получают процент. Но когда все акции уже проданы, другие люди тоже могут захотеть стать акционерами, и тогда они покупают акции у тех, кто ими владеет. Если спрос велик, то владельцы акций просят за них больше денег, чем заплатили сами. Фондовая биржа – это место, где встречаются продавцы и покупатели. А посредники, организующие покупку или продажу, получают свои комиссионные.

– Похоже, что тот, кто находится посередине, устроился лучше всех.

Широкоплечий мужчина снова рассмеялся.

– Как вас зовут?

– Сержант Беккер.

– А меня – Стивен Кори.

Они обменялись рукопожатиями.

– Я просто хочу удостовериться, что все понял правильно, – сказал Беккер. – Когда дела у компании идут плохо, люди начинают беспокоиться и продают акции. Цена на них падает, потому что вряд ли кто-то рискнет купить акции компании, которая близка к разорению.

– Все верно. Возможно, вам стоило бы сменить профессию. Если вас это заинтересует, я мог бы поговорить кое с кем и вы получили бы работу здесь, – предложил Кори.

– Я видел здесь много несчастных людей.

Кори опять рассмеялся:

– Жаль, что вы не появились здесь три часа назад.

– Значит, те, кто покупает акции, уверены, что компания справится с трудностями и цена снова возрастет.

– В этом вся суть.

– А как мне узнать, кто покупает железнодорожные акции?

В окне конторы на Риджент-стрит были выставлены изображения самых роскошных домов в Мейфэре. Когда Райан открыл дверь, сидевший за столом мужчина присмотрелся к нему, но решил, что он не похож на потенциального клиента, и снова уткнулся в бумаги.

Инспектор предъявил ему свой жетон:

– Не сочтите за труд ответить на несколько моих вопросов.

Теперь мужчина готов быть уделить Райану все свое внимание.

– Мы стараемся поддерживать хорошие отношения с полицией.

– Мне нужна кое-какая информация о недвижимости.

Он назвал адрес, и мужчина тут же заявил:

– Ничего лучше вы не найдете.

– Я мог бы сам покопаться в публичных архивах, но вы избавите меня от потери времени, если согласитесь рассказать, кто и когда купил этот дом.

Де Квинси и Эмили открыли дверь еще одного магазина. Пожилой мужчина с лысиной на макушке и седыми бакенбардами насыпал голубой порошок на чашку весов. Однако он тут же отвлекся от своего занятия и посмотрел на посетителей поверх очков.

– Добрый день. Чем могу вам помочь?

– Мы с дочерью обошли множество аптек в Мейфэре, – объяснил Де Квинси, – и выяснили, что у вас продаются самые чистые и безопасные лекарства во всем городе.

– Вне всяких сомнений. Наши конкуренты в Сохо и других восточных районах часто подделывают товар, так что он не принесет никакой пользы и может даже навредить вашему здоровью.

Де Квинси с любопытством огляделся:

– Ваш магазин всегда располагался на этом месте? Помнится, больше пятидесяти лет назад я заходил сюда и в первый раз купил лауданум, чтобы избавиться от зубной боли.

Пожилой аптекарь улыбнулся:

– В то время магазином владел мой отец. Вы сказали «лауданум»?

– Да, – с сокрушенным видом ответил Де Квинси, стараясь не смотреть на Эмили.

Пока аптекарь доставал бутылочку с полки, Любитель Опиума допил остатки из своей.

– Шесть пенсов, – сказал аптекарь и нахмурился, увидев пустую бутылочку на прилавке.

Де Квинси убрал новую бутылочку в карман пальто, а Эмили со вздохом положила на прилавок серебряную монету.

– Взгляните, пожалуйста, на это письмо, – обратился к аптекарю Де Квинси.

Тот внимательно осмотрел правительственную печать:

– Лорд Палмерстон, да? Не понимаю, как жители нашего района могли проголосовать за него.

– Но вы выполните его просьбу и поможете нам? – спросила Эмили.

– Разумеется. Могу я предложить лекарство для раны на вашей щеке, мисс? Она выглядит очень болезненной.

– Возможно, белый купорос поможет снять опухоль.

– На самом деле то средство, что я дал вашему спутнику, может оказаться намного эффективней. По крайней мере, оно снимет боль.

– Да, но я надеюсь, что белый купорос более безопасен.

Аптекарь передал ей маленькую бутылочку:

– Это бесплатно. Больно видеть рану на лице такой симпатичной девушки.

– Спасибо. Если белый купорос подействует, возможно, от нее ничего не останется, – заметила Эмили.

– Надеюсь, что так, мисс. Так какую информацию просил предоставить вам лорд Палмерстон?

– К вам заходил констебль с вопросом, не покупал ли какой-нибудь подозрительный тип красный пищевой краситель в вашем магазине?

– Да, именно так он и спросил. Подозрительный тип. Не могу представить, почему столичная полиция заинтересовалась пищевым красителем. В любом случае я сказал, что никто подозрительный не покупал у меня ни краситель, ни что-либо другое.

Подумав о человеке, который притворился, будто бы его стошнило красной жидкостью на вокзале Ватерлоо, отвлекая внимание пассажиров от оставленного им саквояжа с бомбой внутри, Де Квинси поинтересовался:

– Но вы ведь действительно продавали кому-то красный пищевой краситель в пятницу днем или в субботу утром?

– Это весьма популярный товар. Его часто используют кондитеры, чтобы придать своим сластям более привлекательный вид.

При упоминании о сластях в животе у Эмили заурчало.

Пожилой аптекарь сделал вид, будто бы ничего не заметил.

Де Квинси еще раз оглядел магазин и указал на белое вещество в банке с водой:

– Тот, кто купил у вас краситель, приобрел еще и это?

– По правде говоря, да. Странное сочетание. У этих товаров нет ничего общего.

– Но сам покупатель не выглядел подозрительным?
– Как раз наоборот.
– В каком смысле?
– На нем был белый воротничок пастора.

Глава 13
Дом в Блумсбери

За полчаса до полуночи карета с крытым верхом подъехала к затянутому туманом дому на Парк-лейн. Мужчина и две женщины, одна из которых носила траурную одежду, а вторая тяжело опиралась на трость, вышли из особняка и сели в экипаж.

Карета направилась на север, повернула на восток по пустынной Оксфорд-стрит, затем на север по Тоттенхэм-Корт-роуд и снова на восток по Фрэнсис-стрит. Мимо бесчисленных площадей Блумсбери она подъехала к одному из особняков, отделенному узким переулком от обычных домов. Двухэтажное здание отличалось от прочих еще и тем, что его закругленные углы напоминали приземистые башенки.

Занавески на окнах были задернуты, но сквозь щель пробивался свет нескольких ламп.

– Он приехал раньше, – сказал Эдвард Ричмонд.

– Посмотрим, что он захочет в этот раз, – отозвалась Кэролайн.

– В последний раз, – поправила Стелла.

Насколько они могли различить в тусклом свете прячущихся за туманом фонарей, окна во всех прочих домах были темными.

– Возвращайтесь через час, – велел Эдвард вознице.

Они покинули карету, открыли ворота, прошли мимо лишенного листвы кустарника, росшего по обеим сторонам дорожки, и поднялись по деревянным ступеням на крытое крыльцо.

Кэролайн достала из сумочки ключ, но он ей не понадобился. Когда все трое вошли внутрь, она заперла дверь. В темной прихожей стоял стол с вазой без цветов. Дом был богато обставлен, но производил неприятное впечатление, усиленное затхлым запахом, какой бывает в помещениях, где никто не живет постоянно.

Они прошли налево в гостиную.

Высокий худощавый молодой человек поднялся с мягкого кресла возле камина, в котором потрескивали угольки. Он больше не носил белую форменную одежду сотрудника гидропатической клиники. На нем был костюм джентльмена, в котором все трое узнали вещи из гардероба в спальне на верхнем этаже.

– В доме очень холодно, – пожаловался молодой человек. – Не вижу

смысла в том, чтобы дрожать во время беседы.

Но выражение лица троих его собеседников было даже не холодным. Оно было ледяным.

– Это последняя наша встреча, Рик, – заявил Эдвард.

– Не думаю, – ответил молодой человек.

– Мы немало заплатили вам и за оказанные услуги, и за молчание, – напомнила Кэролайн. – Все условия договора выполнены. Но мы готовы предоставить вам компенсацию за потерянную работу в клинике.

– Да, это будет справедливо, – согласился Эдвард. – Вы исправно служили нам, пересказывая разговоры о возможных инвестициях, которые вели гости клиники. В качестве прощального жеста мы выплатим вам премию.

– Мне обещали больше, чем просто деньги, – возразил Рик.

– Больше, чем деньги? – изумилась Кэролайн. – О чем это вы говорите?

– О ней.

Рик указал на Стеллу.

– Я тоже не понимаю, о чем он говорит, – произнесла девушка из-под вдовьей вуали. – Моего мужа убили. Неужели в вас нет ни капли порядочности? Дайте мне спокойно соблюсти траур.

– Мы поняли друг друга.

– Но я действительно не понимаю, о чем…

– О том, что я должен жениться на тебе.

– Жениться? – повторила Стелла. – Я не давала вам никаких оснований…

– Разве зачать от меня двух детей – это не достаточное основание?

Хотя такие темы не принято обсуждать в приличном обществе, ни Кэролайн, ни Эдвард не выглядели потрясенными – или даже просто удивленными – этим заявлением.

– Мы сделали вам деловое предложение, Рик, – вмешалась Кэролайн. – И вы его приняли. Почему же теперь, спустя два года, вы требуете его пересмотра?

– Потому что обстоятельства изменились. Теперь, когда лорд Кавендейл умер, Стелла может выйти за меня. Учтите, я вовсе не ожидаю, что это произойдет немедленно. Стелла должна соблюсти приличия и год пребывать в трауре.

– Но я не хочу снова выходить замуж, – возмутилась Стелла.

– Почему бы нам не обсудить все это с глазу на глаз?

Рик указал на дальнюю половину гостиной.

– Я не допущу, чтобы вы остались со мной наедине.

– Ты не говорила такого, когда нуждалась в моей помощи. В те времена мы частенько оставались наедине.

– Стелла, быть может, вы сможете говорить более свободно без нас с Эдвардом? – предложила Кэролайн.

– Я могу говорить свободно, когда хочу этого, – ответила девушка. – Неужели вы думаете, что я соглашусь выйти за него, чтобы купить его молчание?

– Сказано немного грубовато, – отметил Рик. – Но для вашего душевного спокойствия лучше быть уверенным, что о настоящем отце маленького Джереми никто никогда не узнает.

– А если я откажусь?

– Предположим, я сообщу об этом газетчикам. Предположим, что я буду стоять возле здания Парламента и рассказывать правду каждому пэру, выходящему из палаты лордов. Чем это может грозить мне? Всего лишь новыми лишениями. Но ты, – Рик обернулся к Стелле, – и вы, – он перевел взгляд на Кэролайн, – потеряете шанс превратить члена вашей семьи в пэра, который сможет передать свой титул по наследству. Когда Гарольда повесят за убийство отца, маленький Джереми станет новым лордом Кавендейлом. Разве не к этому вы стремились, Кэролайн? Добиться такого положения, когда никто не сможет смотреть на вас свысока. Знать, что потомки Стеллы будут носить титул лорда. Какой триумф! Но если вы не согласитесь на мои условия, я разрушу ваши планы в тот момент, когда остается всего один шаг до их осуществления.

– Мы дадим вам пятьдесят тысяч фунтов, – пообещал Эдвард.

Это была огромная сумма, но Рик лишь покачал головой:

– Если я женюсь на Стелле, то получу и ее, и пятьдесят тысяч фунтов, и даже больше на самом деле. Почему вы отказываетесь? Может быть, вы боитесь, что я скомпрометирую вас? Но разве я не выгляжу достойным джентльменом в той элегантной одежде, что вы предоставили мне? Когда я приезжаю в Лондон и посещаю лучшие театры и рестораны, никто не смеет сказать, что я выгляжу не таким респектабельным, как они. Официанты обращаются ко мне «сэр». Женившись на Стелле, я тоже стану членом семьи пэра – приемным отцом лорда. Хотя, разумеется, я его настоящий отец.

Угли в камине разбрасывали искры во все стороны.

– Стелла, я полагаю, что предложение твоей матери разумно. Давай обсудим это наедине.

Он снова указал на дальнюю часть гостиной.

Стелла посмотрела на Кэролайн, а затем на Рика.

– Хорошо, – решила она. – Мы уладим это раз и навсегда.

Она отошла в дальний угол, Рик зажег от спички газовую лампу. К нише стены крепилась раздвижная перегородка. Проходя мимо, он закрыл ее.

– Стелла, неужели я тебе настолько противен? – спросил Рик, когда они остались одни. – Ты не вела себя так, когда мы вместе лежали в постели в спальне наверху.

Девушка поежилась:

– Я должна была сделать так, чтобы вы почувствовали себя счастливым.

– И ты этого добилась. Уверен, когда мы поженимся, я буду счастлив ничуть не меньше.

– Это не подходящая тема для разговора.

– Почему ты вдруг стала такой застенчивой после всего, что мы пережили вместе? – продолжал допытываться Рик.

– Мама говорила, что, если мужчина испытывает настоящую страсть, зачатый им ребенок вырастет сильным и здоровым.

– Ты говоришь о нас, словно о животных, которых случили, чтобы получить здоровое потомство, – возмутился Рик. – Но ведь это была не просто случка. Я уже доказал, что достоин быть твоим мужем. Ты даже представить не можешь, что я совершил ради тебя.

Рик попытался взять ее за руку, но Стелла отшатнулась от него:

– Что значит «доказал, что достоин быть моим мужем»?

– На прошлой неделе ты приехала ко мне в этот дом, – напомнил молодой человек.

– Вы не оставили мне выбора. Когда я привезла мужа в клинику, вы вели себя со мной так развязно, что я согласилась на встречу только для того, чтобы остановить вас.

– Когда ты уезжала в карете, я посмотрел в окно и заметил человека, который наблюдал за тобой, укрывшись в тени, – продолжил Рик. – Это был мужчина крепкого телосложения и, судя по одежде простолюдина, не из этого района. Внезапно я понял, что видел этого незнакомца прежде. В гидропатической клинике, на железнодорожных станциях и на улицах Лондона. Он следил за тобой или за мной, а может быть, и за нами обоими. Я погасил лампу, вышел из дома и направился на юг мимо притихшего Британского музея, слыша шаги в темноте за спиной. Я вырос на этих улицах, я знаю здесь все лазейки. Когда мы подошли к Оксфорд-стрит,

уличный шум и оживленное движение немного отвлекли его, и я успел завернуть за угол, затем юркнуть в переулок и вернуться на ту же улицу, по которой только что проходил, но теперь уже я оказался за спиной у незнакомца. Теперь я следил за ним.

Он понял, что я удрал от него, и долго пытался меня найти, но наконец сдался. Я продолжал красться за ним, пока он не вернулся, как я понял, в свою квартиру в Саутворке. Я нашел гостиницу и снял комнату, окна которой выходили на улицу, где жил незнакомец. Утром он вышел из дома, и я продолжил следить за ним. К вечеру он привел меня на Ломбард-стрит. К этому времени район почти опустел. Поскольку я был в одежде джентльмена, констебль даже не спросил, что я здесь делаю. Я поднялся за незнакомцем на второй этаж какого-то здания и подслушал из-за двери его разговор с тем, кого он называл «мистер Харкурт». Мне показалось, что это была адвокатская контора.

– Дэниел Харкурт?

Стелла вскинула руки к вуали, закрывавшей ее лицо.

– Я слышал, как незнакомец все рассказал Харкурту о нас. Как выяснилось, это был частный детектив. Он упомянул мой портрет, который сделал для него уличный художник. Когда их разговор закончился, я осторожно спустился по лестнице на темную улицу. Незнакомец ушел, а вскоре появился тот человек, которого называли Харкуртом, и направился к стоянке кебов. Он прижимал к груди папку с документами так бережно, словно там лежали драгоценности. Я проследил за ним до Юстонского вокзала. Он купил билет первого класса до Седвик-Хилла, и я не смог найти этому никакого другого объяснения, кроме того, что он направляется в поместье лорда Кавендейла, чтобы предъявить твоему приемному сыну доказательства твоей измены мужу. Когда я вошел в купе, адвокат сидел там в одиночестве.

– Вы убили Дэниела Харкурта? – потрясенно спросила Стелла.

– Я еще много раз доказывал, что достоин тебя. Частный детектив тоже знал о твоей измене, как и его жена, которая писала вместо него то сообщение, что он передал Харкурту.

– Вы их тоже убили?

– И кебмена, и сборщика пошлины на заставе, которые могли опознать меня.

– Боже милостивый, неужели всех?

– Почему тебя это так удивляет, Стелла? Думаешь, я хоть на мгновение усомнился в том, что это ты убила своего мужа? У Гарольда не хватило бы фантазии так спланировать преступление.

– Я тут ни при чем! У Гарольда были огромные карточные долги! Ему надоело ждать, когда он сможет унаследовать состояние отца.

– Уверен, что полиция поверила этой истории, но не оскорбляй ею меня. Ты украла немного табака у Гарольда и разложила крошки на груди своего мужа, а потом задушила его, представив дело так, будто бы это Гарольд зажал ему рот подушкой.

– Нет!

– Ты надеялась, что Любитель Опиума обнаружит крошки табака и согласится с твоими обвинениями.

– Это неправда!

– Привлекать к делу Любителя Опиума и его дочь было рискованно, но, кажется, твой смелый ход привел к успеху. Те двое полицейских с уважением относятся к его мнению. И когда Гарольда повесят, твой сын станет лордом Кавендейлом. Блестяще! Ты все устроила так, чтобы за тебя все сделал палач. Ты не хотела погрязнуть в убийствах, как я, но разница только в количестве трупов. Мы с тобой одного поля ягоды, Стелла. И мы заслужили право быть вместе.

– Не смейте сравнивать себя со мной! – воскликнула она. – Вы всего лишь обычный…

– Ты пошла на все, чтобы добиться того, о чем мечтала, и я пошел на все, чтобы помочь тебе. Да, мы с тобой очень похожи. Кто сможет полюбить тебя сильнее, чем я?

Он снова коснулся ее руки.

– Не смейте!

– Раньше ты против этого не возражала.

– У меня не было выбора.

– У тебя и сейчас его нет.

– Перестаньте. Честное слово, это невыносимо. Вы…

– Что я?

– Вы мне отвратительны. Если бы это не было необходимо, думаете, я позволила бы лапать меня так, как мужчины у меня на глазах лапали мою мать, когда я была еще маленькой?

– Не понимаю.

Стелла оттолкнула его:

– Вы мне отвратительны, как и все мужчины! Я ненавидела каждую секунду, когда лежала под вами, чувствуя, как ваш вес не дает мне вдохнуть, как вы прижимаетесь ко мне.

– На самом деле ты чувствовала отвращение к себе самой, – сказал Рик.

– Даже не представляю, что вы…

– Подними вуаль. Позволь мне посмотреть в твои глаза. Посмотри на меня и скажи честно: когда ты, говоря твоими же словами, старалась сделать меня счастливым, разве ты сама не была счастлива? Разве ты, вопреки самой себе, не испытывала наслаждения? Вот почему ты чувствуешь отвращение.

– Не хочу даже говорить об этом.

– Думаешь, я настолько наивен, что не могу отличить женщину, которая наслаждается моими ласками, от той, что просто притворяется? – не отступал Рик.

– Да, разумеется, я притворялась. Вы были всего лишь племенным быком, необходимым для получения потомства. Так что возьмите деньги, которые вам предлагают, и убирайтесь прочь!

– Хорошо.

– Как? Вы согласны?

– Я возьму деньги и уйду. – Рик помедлил мгновение. – Но при одном условии.

– Каком еще условии? – с подозрением спросил она.

– Подними вуаль.

– Чтобы вы увидели мои глаза? Вы об этом уже просили минуту назад.

– Нет, чтобы я мог поцеловать тебя. Докажи, что не испытываешь при этом наслаждения.

Он шагнул к ней, и Стелла снова отодвинулась. Но позади стоял стол, и отступать больше было некуда.

– Докажи мне, – продолжал Рик. – Докажи, что все эти дни и вечера, что мы провели наверху, нужны были лишь для того, чтобы зачать наследника. Неделю назад ты приезжала сюда не из-за этого.

– Я же объясняла вам, что согласилась только для того, чтобы избежать скандала.

– Заставь меня поверить, что причина только в этом. Позволь поцеловать тебя. Докажи, что не получаешь наслаждения. Если окажется, что я не прав, я уйду и ты больше никогда меня не увидишь.

Стелла замерла в нерешительности.

Рик подошел ближе. Он коснулся ее вуали, медленно приподнял и отбросил на черную шляпку, вглядываясь в ее блестящие зеленые глаза.

– Как ты прекрасна! – Правой рукой он погладил ее по щеке. – Не нужно ненавидеть себя за то, что ты чувствуешь.

Она вздрогнула.

– Это самое естественное, что есть в мире, – убеждал ее он.

Левую руку он поднес к другой щеке, осторожно удерживая ее лицо в своих ладонях, наклонился и коснулся губами ее губ, нежно, словно в поцелуе бабочки.

Затем чуть отстранился, любуясь ею.

И поцеловал снова, так же нежно, едва касаясь ее губ и чувствуя, как между ними пробежала дрожь.

– Как ты прекрасна! – повторил он.

Целуя ее в третий раз, он ощутил, как губы ее слегка приоткрылись.

Она всхлипнула и прижалась к нему.

Крик был настолько громким, настолько наполненным болью и ужасом, что Кэролайн вздрогнула. Услышав приглушенные звуки ударов, они с Эдвардом тут же раздвинули перегородку.

Рик лежал на полу, а Стелла склонилась над ним и раз за разом била каким-то зазубренным осколком по его обезображенному лицу. Другие осколки были разбросаны по всему полу, и по керамической ручке на одном из них Кэролайн догадалась, что это разбитая ваза. За вторую ручку Стелла держала свое зазубренное оружие, продолжая молотить им по превратившемуся в кровавое месиво лицу Рика.

– Стелла! – воскликнула Кэролайн.

– Остановись! – закричал Эдвард и протянул руку.

Девушка отмахнулась осколком, и муж Кэролайн отскочил назад, но недостаточно быстро. На руке выступила кровь.

Он застонал и попятился, но споткнулся о стул, потерял равновесие и упал.

– Не трогай меня! – завопила Стелла. – Я больше не позволю мужчинам трогать меня! Никогда!

Вуаль, ставшая мокрой от крови, съехала набок. В крови было и лицо Стеллы, и ее траурное платье из черного крепа.

– Я не позволю мужчинам лапать меня, как они лапали тебя! – крикнула она Кэролайн.

Кто-то громко постучал в парадную дверь. Кэролайн обернулась ко входу в гостиную и посмотрела в коридор. Дверь дрожала под ударами.

Наконец она распахнулась, и двое мужчин ворвались в дом. Когда они появились на пороге освещенной гостиной, Кэролайн узнала двух полицейских, которых видела в клинике. Вслед за ними появились еще два силуэта.

– Томас! Эмили!

Продолжение дневника Эмили Де Квинси

В поезде отец попросил у комиссара Мэйна выделить в его распоряжение шестерых констеблей в гражданской одежде. Они должны были посменно наблюдать за особняком Кэролайн на Парк-лейн. После долгого дня расспросов в разных магазинах мы с отцом наконец смогли отдохнуть в доме лорда Палмерстона вместе с Шоном и Джозефом, которые присоединились к нам после такого же изнурительного дня, полного разговоров.

Мы ждали того, что, по мнению отца, непременно случится, – по крайней мере один человек из дома Кэролайн должен уехать с наступлением темноты. К половине двенадцатого мы начали сомневаться в его словах. Но один из констеблей, пробежав небольшое расстояние от Парк-лейн до Пикадилли, в самом деле вдруг объявился перед дверью дома лорда Палмерстона и сообщил, что не один, а целых три человека уехали в экипаже.

Полицейский фургон ждал на подъездной дорожке. Мы поспешили на север, вдоль Парк-лейн к другому наблюдателю, который крикнул:

– Карета повернула направо, на Оксфорд-стрит!

Среди чада от миллионов лондонских печных труб мы мчались так быстро, как только могли. Карета в столь поздний час привлекла внимание патрульных, которые направили нас дальше по Оксфорд-стрит. Затем другие констебли сообщили, что экипаж поехал вдоль Тоттенхэм-Корт-роуд на восток по Фрэнсис-стрит.

В то время как у нас были причины торопиться, пассажирам в экипаже спешить, видимо, было некуда. На Фрэнсис-стрит мы догнали их и расслышали перестук колес. Но у нашей добычи было меньше шансов обнаружить нас, поскольку отец посоветовал применить разбойничью уловку, которую описывал в одном из своих эссе об убийстве: копыта наших лошадей обмотали мягкими джутовыми мешками, чтобы приглушить их стук.

Когда звуки кареты затихли, наш возница тоже остановился. Мы выбрались в холодный туман и, лишь только карета впереди вновь загрохотала по мостовой, спокойно прошлись вдоль улицы, пока наконец не обнаружили единственные освещенные окна, скрытые за портьерами, в частном доме, каждый угол которого украшала приземистая башенка.

Мы разделились и встали под окнами, прислушиваясь к разговору.

Когда раздался жуткий крик, мы вслед за Шоном и Джозефом

ворвались в дом и столкнулись с безумием, которое я никогда не смогу изгнать из памяти. Общая картина ошеломляла: размозженное лицо неподвижного человека на полу, забрызганное алым траурное платье Стеллы, кровь, капающая с осколка разбитой вазы, который она сжимала в руке, рана на руке Эдварда и выражение ужаса на лице Кэролайн.

Шон шагнул к Стелле и потянулся за ее оружием.

– Не подходите! Не прикасайтесь ко мне!

Он сказал что-то так тихо, что я не смогла его услышать.

– Говорите громче! – велела Стелла.

– Успокойтесь, – прошептал Шон.

Я поняла его замысел: заставить ее прислушиваться, наклониться поближе, и тогда он сможет вырвать зазубренный осколок вазы у нее из рук.

Но когда он сделал еще один шаг, она замахнулась. Если бы Шон вовремя не отпрянул, его руки оказались бы изрезаны точно так же, как у Эдварда.

Не отводя взгляда от сверкающих глаз Стеллы, я прокралась к Эдварду и сорвала с него шейный платок.

– Замотайте свои раны. И плотно прижмите, – велела я ему, не переставая сосредоточенно наблюдать за чудовищно искаженным лицом Стеллы.

– Это все ее вина, – сказала она, указывая с ненавистью на Кэролайн.

– Успокойтесь, – мягко повторил Шон.

Джозеф медленно сдвинулся в сторону, очевидно надеясь схватить Стеллу за руку, пока Шон отвлекает ее.

– Она заставила меня это сделать, – заявила Стелла.

– Что вас заставила сделать ваша мать? – спросил, приблизившись, мой отец.

– Не подходите! – крикнула Стелла Джозефу.

– Мне нужно узнать, жив ли человек на полу, – ответил тот. – Дайте мне пройти мимо вас, чтобы я попытался ему помочь.

– Он уже в аду. Никто ему не поможет.

– Стелла, что ваша мать заставила вас сделать? – повторил отец.

– Нет, – взмолилась Кэролайн. – Пожалуйста.

– Она велела, чтобы я позволила этому человеку лапать меня. Точно так же, как сама позволяла мужчинам лапать ее своими грязными руками, – объяснила Стелла.

– Довольно! – прикрикнула я на всех. – Эта бедная женщина – единственная, кому нужна помощь.

Стелла посмотрела на меня с отчаянием.

Я шагнула ей навстречу.

– Вы позволите женщине прикоснуться к вам? – спросила я.

Выражение ее лица изменилось на крайне озадаченное.

– Мужчины этого не поймут, – сказала я. – Позвольте мне помочь.

– Никогда не поймут, – пробормотала Стелла.

Я сделала еще один шаг. Она ткнула в мою сторону осколком фарфора, но не дотянулась, а я не отступила.

– Напротив окна стоит диван. Вы устали. Давайте присядем.

Я сделала следующий шаг и, оказавшись рядом с ней, осторожно коснулась той ее руки, в которой не было осколка.

– Идемте со мной, – произнесла я, ведя ее в переднюю часть гостиной. – Вы порезались.

Я бережно усадила ее на диван, а сама устроилась рядом.

– Порезалась?

– Посмотрите на свою руку. Отдайте мне этот осколок вазы. Никто вас не обидит.

Так мягко, как только могла, я забрала осколок. Ее руки были исцарапаны. Я стянула расшитый чехол с подлокотника кресла и наложила его на рану. Затем развернула руку Стеллы другой стороной и туго затянула ткань.

Пока я это делала, Шон и Джозеф прошли в заднюю часть гостиной и опустились на колени возле мужчины, проверяя, жив ли он.

Выражение их лиц ясно дало понять, что бедняге уже ничто не поможет.

– Через окно я слышал, как он признавался в убийстве Дэниела Харкурта и других людей, – сообщил Джозеф. – Но кто это такой?

Лицо мужчины настолько сильно пострадало, что, будь он даже одним из наших близких друзей, мы не сумели бы его опознать.

– Он работал в клинике, – устало начала Кэролайн. – И заметил Стеллу, когда она привозила туда мужа несколько раз в неделю для лечения. Со временем у него развилось нездоровое влечение к ней.

– Она лжет! – воскликнула Стелла с неожиданной яростью. – Она наняла его, чтобы он лапал меня! Она наняла его, чтобы… – Стелла принялась заламывать окровавленные руки. – Не прикасайтесь ко мне! Нет ничего хуже, чем быть женщиной. Лапают, лапают.

– Моей дочери довелось пережить жестокое нападение, – сказала Кэролайн. – Она была вынуждена сражаться за свою жизнь. Очевидно, она настолько потрясена, что не понимает, о чем говорит.

– Что вы все здесь делаете в полночь? – спросил Джозеф.

– Хуже всего быть женщиной, – продолжала Стелла. – Лапают, лапают. Никогда бы не позволила…

– Что не позволили? – спросила я в замешательстве.

– Милая Дженнифер.

– Да, ваша маленькая дочь, – сказала я.

– Никогда бы…

Несмотря на горящие угли в камине, дом внезапно пронзило лютым холодом.

– …не позволила ей вырасти. Чтобы ее тоже лапали. Милая, маленькая… она мирно спит. Никогда не будет…

В доме стало еще холоднее, но меня охватила дрожь совсем по другой причине.

Кэролайн застонала – это был звук самого глубокого отчаяния, который я когда-либо слышала:

– Стелла, что ты наделала?

Кэролайн попыталась шагнуть к дочери, но что-то случилось с ее левой ногой. Та подогнулась, и пожилой женщине пришлось ухватиться за спинку кресла.

– Ты хотела наследника! – закричала Стелла в ярости. – Ты говорила, что только это имеет значение! Наследника, который стал бы лордом, чтобы больше никто не смотрел на нас свысока! – От гнева на шее Стеллы натянулись жилы. – Но ты не объяснила, как, во имя всего святого, маленький Джереми станет лордом, пока жив Гарольд! Может быть, ты надеялась, что Гарольд напьется так сильно, что упадет с лестницы и сломает себе шею до того, как мой муж умрет от своего недуга? О нет, ты не говорила, что мне делать, но я знала, что́ ты считаешь нужным!

По щекам Кэролайн потекли слезы, губы задрожали.

– Что ты наделала? Что ты наделала?!

Я погладила руку Стеллы:

– Все закончилось. Теперь вам ничто не угрожает. Ни один мужчина не прикоснется к вам снова.

Стелла продолжала сжимать и разжимать свои окровавленные руки.

– Лапают, лапают. Милой Дженнифер никогда не придется…

– «Ужасы, что сводят с ума, горесть, что точит сердце»[10]*, – процитировал отец одно из своих эссе.*

– Она не в себе, – прошептал Джозеф.

– Но с точки зрения закона только отчасти, – заметил отец. –

Чтобы избежать виселицы, придется убедить судью и присяжных, что она не ведала, что творила, и не понимала, что совершает злодеяние, когда убивала свою маленькую дочь и мужа. Она явно все понимала, но не считала, что это неправильно. Дело будет трудное.

– Она не сможет вынести ужасы Ньюгейтской тюрьмы в ожидании суда, – решил Джозеф. – Возможно, судья позволит ей остаться в Бедламе, прежде чем она предстанет перед присяжными.

– Я найму лучших адвокатов, – поклялась Кэролайн.

– К сожалению, у вас будет много причин обратиться к ним за помощью, – ответил ей Шон и повернулся к дверному проему гостиной и к разбитой парадной двери. – Констебль, пожалуйста, приведите их.

Шон и Джозеф были не единственными, кто ждал вместе с нами в доме лорда Палмерстона. Продавец из оружейного магазина и аптекарь тоже находились там.

Когда они заметили кровавую бойню на полу, то отвернулись в ужасе.

Шон закрыл перегородку в задней части комнаты, спрятав труп от посторонних глаз.

– Я знаю, что это нелегко, – сказал он. – Но важно, чтобы вы исполнили свой долг. Кто-нибудь из присутствующих появлялся у вас в магазине в пятницу и в субботу?

– Вот этот человек. – Продавец из оружейного магазина указал на Эдварда. – Он купил десятифунтовый бочонок пороха. На нем была одежда егеря. И лицо у него было обветренное. Но я его узнал.

– Это какая-то нелепость, – заявил Эдвард.

– А вы? – спросил Райан у аптекаря.

– На нем был воротничок пастора, когда он покупал у меня красный пищевой краситель и фосфор.

– Я никогда в жизни вас не видел, – возмутился Эдвард.

– Красный пищевой краситель? Фосфор? – спросила Кэролайн. – Ничего не понимаю.

– Человека, который взорвал бомбу на вокзале Ватерлоо, вырвало красной жидкостью на железнодорожном перроне, – объяснил ей отец. – Пассажиры были так потрясены, что не заметили, как он оставил свою сумку на платформе, прежде чем отправился к врачу. В сумке была бомба с медленно горящим фитилем, давшим ему достаточно времени, чтобы убежать еще до того, как порох взорвался.

– Я не имею с этим ничего общего! – настаивал Эдвард.

– Фосфор? – повторила Кэролайн в еще большем смятении.

– Пожар в поезде произошел через пять минут после отправления с

Пэддингтонского вокзала, – объяснил отец. – Кто-то оставил саквояж на багажной полке купе, но сам в поезд не сел. Сержант Беккер сказал мне, что их с инспектором Райаном сбило с толку то, как даже самый медленно горящий фитиль мог тлеть так долго. Мне показалось, что фитиль и порох не были причиной пожара.

Отец повернулся к Эдварду.

– Когда мы с вами впервые встретились в воскресенье утром, то беседовали о фосфоре и том продукте, который вы проверяли, – фосфорной смеси, светящейся в темноте. Как вы сами признали, рецепт ее был моим. Это был крысиный яд, который я приносил Кэролайн. Я бы не вспомнил наш разговор, не скажи вы, что попытаетесь получить для меня небольшой гонорар, если продукт начнет продаваться в магазинах. Несмотря на показное дружелюбие, я заметил в вашем голосе высокомерие и самодовольство человека, уверенного, что ему все сойдет с рук. Фосфор, конечно, вспыхивает при контакте с воздухом, – продолжил отец. – Он безопасен, если его с чем-нибудь смешать, но обычно фосфор хранят в банке с водой. Все, что вам нужно было, – это поставить сосуд с фосфором и водой в саквояж. На вокзале перед отправлением поезда вы посетили уборную, где вылили воду из банки и бросили фосфор в сумку. Затем, поставив саквояж на багажную полку в купе, вы под предлогом дурного самочувствия покинули вокзал. Заранее проверив, сколько времени понадобится, чтобы вода окончательно испарилась из фосфора, вы знали, что поезд отправится в путь еще до начала пожара.

– Это всего лишь безумные предположения вашего пропитанного опиумом мозга! – воскликнул Эдвард.

Шон повернулся к аптекарю:

– Вы абсолютно уверены, что именно этот человек купил у вас фосфор?

– Да.

– Он ошибается…

– Мистер Ричмонд, я провел весь день на Лондонской фондовой бирже, – прервал его Джозеф.

– Что?

– Из-за войны все говорили, что это русские виновны в нападениях на железную дорогу, – пояснил Джозеф. – Но по совету мистера Де Квинси я задумался, а не была ли здесь иная причина. Что, если кто-то использует нападения для снижения цен на железнодорожные акции? Потом атаки прекратятся, акции вырастут до их первоначальной цены или даже выше. И кто-то получит огромную прибыль.

– Таков принцип фондового рынка! Покупать дешево и продавать дорого! – упорствовал Эдвард. – Я многим рекомендовал покупать акции, пока цена на них снизилась!

– И конечно, сами последовали собственной рекомендации, – добавил Джозеф.

– Что за чертовщина?

– Именно чертовщина. – Джозеф вынул из кармана листок бумаги и сверился со списком. – Крупнейшие пакеты акций были приобретены «Железнодорожным инвестиционным товариществом», «Совместной финансовой компанией» и «Компанией укрупненных капиталовложений». Я решил выяснить, кто владеет этими предприятиями, и обнаружил, что все они управляются фирмой под названием «Объединенный капитал». – Джозеф указал на список. – В правлении значатся шесть членов. Пятерых из них никогда не существовало. Шестой – это вы. Эдвард Ричмонд, вы арестованы.

– Это возмутительно! Когда премьер-министр узнает об этом… Кэролайн, свяжись с нашими адвокатами! Отправляйся к лорду Палмерстону! Эти идиоты заслуживают того, чтобы их выгнали с работы!

Но Кэролайн лишь молча смотрела на него. Выражение недоумения на ее лице было таким же, как у человека, заплутавшего в темном лесу без компаса. Казалось, в ее волосах прибавилось седины.

– Что ты натворил? – пробормотала она Эдварду, а затем и Стелле: – Что вы оба натворили?

– Инспектор, подъехал экипаж, – доложил констебль.

– Это для мамы, Эдварда и меня, – заявила Стелла, не обращая внимания на кровь на своем лице, руках и траурном платье. Она продолжала сжимать и разжимать окрашенные в алый цвет ладони. – Теперь мы можем вернуться на Парк-лейн?

Я заботливо помогла ей встать.

– Мы с вами уедем в карете, – сказала я ей и, наклонившись к Шону, прошептала: – Отвезти ее в Бедлам?

Я говорила, конечно, о лондонской лечебнице для душевнобольных, в одном из корпусов которой содержали сумасшедших преступников.

Он грустно кивнул.

– Я поеду с вами, – вызвался Джозеф.

– Нет! – воскликнула Стелла, едва он приблизился. – Не подходите! Меня никогда больше не будут лапать! Никто не будет лапать!

– Со мной ничего не случится, – заверила я Джозефа.

– Констебль, – сказал Шон, – чуть западнее по этой улице вы найдете ожидающий нас полицейский фургон. Мы перевезем Эдварда Ричмонда в полицейский участок Уайтхолла.

– Я вас предупреждаю! Когда премьер-министр узнает об этом…

– Замолчите, Эдвард, – отрезал Шон.

– А как насчет… – Констебль кивнул в сторону Кэролайн.

– Мы с моей давней приятельницей подождем, пока кто-нибудь не вернется за нами в экипаже, – решил отец. – Нам с ней многое нужно обсудить.

– Кэролайн, здесь почти так же холодно, как в доме лорда Кавендейла, – сказал Де Квинси, когда все остальные уехали. – Прошу тебя, сядь рядом со мной возле камина.

Он показал на обитое тканью кресло напротив себя. Опускаясь на свое место, Любитель Опиума заметил, как подогнулась нога Кэролайн, когда она садилась.

– Что с твоей ногой? – спросил он.

– Точно не знаю, но с самого утра она начала подводить меня.

– Нужно попросить доктора Сноу, чтобы он осмотрел ее.

– Да.

– Ты выглядишь очень усталой.

– Да.

Де Квинси отпил из бутылочки с лауданумом. Его короткие ноги не доставали до пыльного ковра на полу.

– Кэролайн, сегодня утром я послал несколько телеграмм в Бристоль. В полицию, в ведущие местные газеты и в суд.

Она потерянно посмотрела на него. Ее блестящие волосы цвета корицы стали совсем безжизненными.

– Я запросил там сведения о событиях, что произошли приблизительно в тысяча восемьсот втором или третьем году, когда ты вместе с Брунеллом исчезла из Лондона. Мои вопросы основывались на том, что ты мне рассказала о своей дальнейшей жизни. Я искал упоминания о процветающем коммерсанте, который погиб в результате несчастного случая, и о его деловом партнере, в скором времени также погибшем в результате несчастного случая, после чего дела предприятия пришли в упадок. И еще о его двоюродном брате, который унаследовал предприятие, но не обделил при этом и вдову коммерсанта. И об изгнанном когда-то из дома сыне, вернувшемся назад с десятилетней дочкой, о которой стала заботиться вдова.

Кэролайн отвернулась к горящим углям в камине.

– В ответ на телеграммы мне сообщили, что никаких записей о чем-либо подобном в архивах не сохранилось, – продолжил Де Квинси. – Так же как и записей об Эдварде Ричмонде, коммерсанте из Бристоля, или о предполагаемом заключении брака между вами.

– Стелла и Эдвард, – снова пробормотала Кэролайн, не отводя взгляда от камина. – Что же вы наделали?

– Я правильно понимаю, что все это выдумка? – спросил Де Квинси.

Кэролайн как будто собралась с силами для ответа, но в конце концов лишь пожала плечами.

– Сегодня инспектор Райан навел справки о покупке дома на Парк-лейн, – сказал Де Квинси. – Это произошло семь лет назад, в сорок восьмом году. Никто понятия не имел, откуда вы приехали, но все были потрясены тем, что вы с мужем в состоянии купить дом на такой фешенебельной улице.

– Это действительно было потрясающе, когда мы купили этот дом, – задумчиво произнесла Кэролайн.

Де Квинси посмотрел на свою бутылочку с лауданумом так, словно пытался расшифровать тайны Вселенной, записанные на этикетке.

– Большинству людей сорок восьмой год запомнился как год революций. В различных странах Европы вспыхнул пожар, и бунтующие толпы свергли с престолов своих монархов. Сама Англия едва избежала такого пожара, когда сто пятьдесят тысяч рабочих прошли по Лондону, требуя от парламента признания своих прав. Только ужасная погода и значительные силы полиции положили конец кризису. Случайно ли совпало, что именно в том году вы приехали в Лондон?

Кэролайн продолжала молча смотреть на горящие угли.

– Ты сбежала из какой-то европейской столицы, находиться в которой было небезопасно? – предположил Де Квинси.

– Я могла бы рассказать тебе другую выдумку, но подозреваю, что ты не остановишься, пока не докопаешься до истины, – устало произнесла Кэролайн. – Да, я сбежала из Европы, не дожидаясь, когда революционеры отнимут все мое имущество.

– Значит, в тысяча восемьсот третьем году, когда я уехал из Лондона, вы с Брунеллом сбежали не в Бристоль, а в Европу?

Кэролайн кивнула с подавленным видом.

– Почему вы сбежали?

– Ты ведь знаешь, что Брунелл вечно кого-то боялся и никогда не ночевал дважды подряд в одном и том же доме.

– Да, я чувствовал его страх, – согласился Де Квинси.

– Тот, кого он боялся, в конце концов нашел его. Однажды, когда ты уже уехал в Итон, Брунелл ворвался в тот мрачный дом на Греческой улице и заявил, что мы должны уехать.

– Он же не признавал тебя своей дочерью, – заметил Де Квинси. – Почему же он взял тебя с собой, несмотря на спешку?

– Ты ничего не слышишь?

Кэролайн перевела взгляд к перегородке, скрывавшей труп в задней части гостиной.

– Это просто сам дом скрипит от холода, – ответил Де Квинси.

– Да, от холода.

Кэролайн обхватила себя руками.

– Так куда же вы уехали?

– В Париж.

– Почему он взял тебя с собой? – повторил вопрос Де Квинси.

Кэролайн вздрогнула:

– Поскольку он не имел права работать адвокатом во французских судах, ему пришлось выискивать другие пути, чтобы заработать на пропитание.

– Другие пути?

– Он нашел пристанище в одном из парижских борделей. И зарабатывал тем, что предлагал меня посетителям.

На мгновение Де Квинси лишился дара речи.

– Мое сердце разрывается от боли за тебя, Кэролайн.

Он махнула рукой, демонстрируя пренебрежение к прошлому.

– Брунелл был тупицей, у него начисто отсутствовало воображение. Плача по утрам после еще одной отвратительной ночи, я отчаянно пыталась придумать, как спасти себя. Наконец я поняла, как он может заработать денег больше, чем просто предлагая меня… – Кэролайн зябко повела плечами. – Для этого требовался устрашающего вида помощник, а сами мы должны были выглядеть более прилично. На последние деньги Брунелл отвел меня в общественные бани. Там было больше чистой воды, чем я могла представить в самых смелых своих мечтах. Брунелл купил нам обоим опрятную одежду. Потом он отвел меня в одну из таверн, в которых так называемые респектабельные люди ищут приключений. Брунелл предлагал меня кому-нибудь из них, а потом, когда я с клиентом оказывалась в специально снятой для этого комнате, наш помощник врывался в дверь и требовал ответа, чем это собирается заняться джентльмен с его дочерью. Угрожая дубинкой, он предлагал клиенту

выбор: либо тот будет жестоко избит, либо выложит щедрую компенсацию за попытку надругаться над ребенком.

Иногда за ночь мы зарабатывали фунтов сто, если не больше. Мы приобрели более добротную одежду и могли теперь заманить к себе более богатых джентльменов, ищущих развлечений, которые не одобрили бы их жены и дети. В конце концов нам пришлось сменить Париж на другие французские города, где нас еще никто не знал. Затем мы побывали в Португалии, Испании, Италии – повсюду, где путешествуют богатые англичане в поисках тайных развлечений.

Кэролайн обернулась к перегородке, отделявшей ее и Де Квинси от трупа.

– Ты точно ничего не слышишь?

– Только то, как скрипит дом, – заверил ее Де Квинси.

– Ты не слышишь, как скребутся крысы? Нужно принести блюдца с фосфорной смесью и поставить в каждой комнате.

– Расскажи мне о Европе, Кэролайн.

Она медленно отвела взгляд от перегородки.

– В конечном итоге я слишком выросла, чтобы играть роль маленькой невинной девочки. Наша схема изменилась, я стала девушкой, которую Брунелл якобы обманом увез из родного дома в Кенте. А устрашающего вида помощник изображал моего брата, разыскивающего меня. Эта схема тоже хорошо работала, но не вызывала у наших жертв такого же страха и смущения, как прежняя, – и, соответственно, не приносила таких денег.

Вскоре я придумала план получше. Брунелл предлагал меня очередному джентльмену, мы уединялись в комнате, а потом в нее врывался наш помощник, теперь уже изображая моего мужа и держа на руках плачущего ребенка. Он отдавал ребенка мне и обещал избить до полусмерти джентльмена, лишившего бедную крошку материнской заботы. Используя эту уловку, мы зарабатывали неплохие деньги, но дети были плохими актерами. Они начинали плакать, когда не нужно, и предательски молчали, когда нам требовался их плач, и со временем мы вернулись к первоначальной схеме, когда джентльмена, оказавшегося наедине с девочкой шести, восьми или десяти лет, заставал на месте преступления устрашающего вида человек с дубинкой в руке. Как я уже сказала, мы зарабатывали неплохие деньги. Брунелл и нанятые нами помощники все пропивали или проигрывали в карты, но я сохранила свою долю.

Кэролайн гордо кивнула.

– А как ты встретила Эдварда?

– Брунелл умер от тифа. Один из его знакомых, Эдвард – хотя это не

настоящее его имя, – когда-то был актером. Он на редкость талантливо изображал человека из общества и умел вызывать доверие, поэтому я решила, что он идеально подойдет на роль человека, предлагающего маленьких девочек богатым джентльменам.

– И в конце концов ты вышла за него замуж.

– После всего того, что я тебе рассказала? – с отвращением воскликнула Кэролайн. – Благодарение Господу, я не собиралась связывать себя браком.

– Кто же тогда отец Стеллы?

– Не имею ни малейшего понятия. Она была одной из тех младенцев, что я использовала в своих схемах. В отличие от других детей, Стелла каким-то образом поняла, в чем заключалась ее роль. Я назвалась ее матерью и воспитала ее, научила всему необходимому. Иногда требовалось, чтобы за занавеской комнаты, в которой уединялись мы с джентльменом, висела колыбель. Стелла была восхитительна. Когда врывался помощник, изображавший моего мужа, она кричала так громко, что еще больше смущала нашу жертву.

– Значит, тогда она и видела, как мужчины тебя «лапали».

Кэролайн раз за разом оглядывалась на перегородку, скрывающую труп.

– Я в самом деле не слышу там ничего необычного, – снова успокоил ее Де Квинси. – Расскажи мне, что с тобой случилось в сорок восьмом году.

Кэролайн опустошенно вздохнула:

– К тому времени я приобрела прекрасные дома и поместья в различных городах, где Эдвард, я и Стелла продолжали работать по нашим схемам. Но мне уже стало ясно, что богатые ведут себя слишком высокомерно и бедные скоро взбунтуются. Не дожидаясь, когда вся Европа взорвется, я продала все, чем владела. Предложенная мной цена была так заманчива, что я без труда убедила этих глупцов купить мои дома и поместья. Три месяца спустя все это запылало огнем. Но Эдвард, я и Стелла уже добрались до Лондона, изображая почтенное семейство, которому удалось вырваться из кошмара. Я решила, что придуманная мной фамилия Ричмонд очень удачно объединяет английское слово «богатство» и французское слово «мир». Лондон настолько боялся революции, что никто не усомнился в нашей истории. А если даже кто-то что-либо и заподозрил, то не стал проверять из-за охватившего континент хаоса. Эдвард открыл контору в деловом районе города и сначала занимался кредитами, а потом стал финансовым консультантом. Владелец дома на Парк-лейн не мог не вызывать доверия клиентов. К нам обращалось все

больше людей, включая премьер-министра и членов его кабинета.

Разумеется, всеми финансовыми вопросами занималась я. У Эдварда были изысканные манеры, но особым умом он не отличался. Однако он был необходим мне, поскольку инвесторы никогда не станут доверять женщине в той же степени, что и мужчине.

– Уэйнрайт сказал мне, что сотрудничал с тобой и на самом деле это ты владела гидропатической клиникой.

Кэролайн ответила не сразу.

– Теперь все разрушено. Почему бы и не признаться тебе? Уэйнрайт был моим давним помощником, еще по Европе. Мне понадобилось время, чтобы придумать, как его использовать. Он подслушивал, как богатые пациенты клиники обсуждали возможности для инвестиций, а потом пересказывал эти разговоры нам.

– Лорд Палмерстон говорил мне, что доверял тебе настолько, что даже посвящал в правительственные секреты. Например, ты спрятала доктора Мандта в своей клинике.

Кэролайн хмуро взглянула на Де Квинси:

– Значит, ты задавал вопросы даже премьер-министру?

– У нас с ним необычные отношения.

– Я тоже полагала, что у нас с ним были необычные отношения. Но теперь уже нет. – Кэролайн снова и снова оглядывалась на перегородку, за которой лежал труп. – Я всю жизнь шла к своему невообразимому положению. И едва не поднялась еще выше. Сделать своего внука лордом – что может быть лучше этого? Но я все потеряла за одну ночь.

С улицы донесся грохот подъезжающего экипажа, который остановился перед домом.

– Это за нами, – сказал Де Квинси. – Я провожу тебя до Парк-лейн.

– Томас, почему ты не поверил мне?

– Меня с самого начала встревожило твое внезапное появление возле дома лорда Палмерстона тем субботним утром. Ты следила за моими успехами и прочла все мои книги. Ты узнала из них многие подробности моей жизни. Но ни разу не попыталась связаться со мной, хотя было совсем не трудно послать запрос в журналы, для которых я писал, или издателям, публиковавшим мои сочинения. – Де Квинси посмотрел на бутылочку с лауданумом. – Видишь ли, я так мало забочусь о себе, что не жду, чтобы кто-то другой стал обо мне заботиться. Меня самого поражает преданность Эмили в ущерб своему собственному счастью. Поэтому я не мог не удивиться твоему внезапному желанию встретиться со мной. Может быть, тебе что-то от меня нужно? Вот что я подумал.

С гулким топотом констебль прошел по коридору и остановился у двери гостиной:

– Карета к вашим услугам, мистер Де Квинси.

– Одну минуту, – ответил ему Любитель Опиума. – Не могли бы вы подождать нас снаружи?

– Хорошо.

– Так что же ты хотела от меня, Кэролайн? – спросил Де Квинси.

– Как ты верно подметил, доктор Мандт прятался в гидропатической клинике. Убийство Дэниела Харкурта, направлявшегося в Седвик-Хилл, привлекло к ней внимание газет и полиции… а возможно, и русских. Я подумала: если привезти тебя в клинику, появление такого знаменитого человека настолько всех заинтересует, что доктор Мандт сможет незаметно уехать.

– В конце концов твой план удался. Уэйнрайт доставит его туда, где Мандту нечего будет опасаться. Скажи, Кэролайн, ты точно привезла меня в Седвик-Хилл не для того, чтобы, после того как Стелла убьет своего мужа, я обнаружил улики, позволяющие обвинить в этом убийстве Гарольда?

– Я ничего об этом не знала.

Де Квинси обдумал ее слова и кивнул:

– Разреши мне проводить тебя к карете. Обопрись на меня, чтобы не перетруждать больную ногу.

Она приняла его руку и поднялась с кресла с помощью трости. Кэролайн была так высока ростом, что рядом с ней Де Квинси казался еще меньше, чем был на самом деле. И все же он сумел поддержать ее.

– Томас, в субботу ты спросил меня, есть ли что-то, что я хотела бы изменить в своей жизни?

– Да, такой момент, который меняет все. Если бы что-то не случилось или случилось бы иначе, то все могло бы сложиться по-другому.

Кэролайн крепче оперлась на его руку.

– Мне хотелось бы, чтобы ты не уезжал в Итон. Мне хотелось бы, чтобы ты остался со мной в том ужасном доме на Греческой улице. Когда Брунелл ворвался в дом и с испуганным видом заявил, что мы должны срочно уехать, ты мог бы сказать ему, что не отпустишь меня с ним, а будешь сам обо мне заботиться.

– Да. Мы могли бы стать одной семьей, – согласился Любитель Опиума. – Ты, я и Энн.

С помощью Де Квинси и своей трости Кэролайн доковыляла до парадной двери.

– Как все могло бы измениться, – вздохнула она.

– Слишком сильно измениться, – ответил Де Квинси. – Тогда у меня не было бы Эмили.

Увидев, как Райан ведет Эдварда Ричмонда по темному коридору полицейского участка, Гарольд вскочил с койки.

– Эдвард! – воскликнул он. – Благодарение Небесам, вы пришли, чтобы вызволить меня отсюда!

– Он займет ваше место, – объявил инспектор.

– Что?

Звеня ключами, седой дежурный открыл дверь в камеру.

– Живее, живее. Освободите место для нового гостя.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Гарольд, выходя из-за решетки.

Райан снял с Эдварда наручники и втолкнул в камеру.

– Лучшая из тех, что у нас есть, – сказал дежурный Эдварду, поворачивая ключ в замке. – Никаких сквозняков, потому что нет окна. Надеюсь, вы не боитесь темноты.

– Я недолго здесь пробуду, – крикнул Эдвард. – Кэролайн скоро пришлет адвокатов.

– Вам они очень понадобятся, – бросил через плечо инспектор, уводя за собой Гарольда.

Оказавшись на улице в холодном тумане Уайтхолла, молодой человек обхватил себя руками, борясь с ознобом.

– Что все это значит? – спросил он.

– Лорд Кавендейл, вы свободны.

– Как, вы называете меня по титулу? – Уличный фонарь осветил удивленное лицо Гарольда. – Вы больше не считаете меня виновным в смерти моего отца?

– Мы узнали, кто это сделал. Приношу вам свои извинения за арест, милорд.

– Вы в самом деле обращаетесь ко мне «милорд»? – поразился Гарольд. – Кто же тогда виновен?

– Ваша мачеха.

– Я ведь говорил вам, что это она!

– Да, но все улики были против вас.

– Так что же изменилось, разрази меня гром?

– Мы слышали, как она во всем призналась.

Райан кивком показал на Беккера, стоявшего неподалеку.

– Призналась? – с ошеломленным видом повторил Гарольд.

– Да, милорд, и, как я уже сказал, вы свободны.

– Но куда же я пойду? У меня нет денег, чтобы взять кеб, не говоря уже о том, чтобы снять комнату.

– Уверен, что дежурный разрешит вам переночевать в свободной камере.

– В камере? Я вдоволь на нее насмотрелся. – Гарольд подошел к уличному фонарю. – Возможно, меня пустят в клуб, хотя я и не заплатил членский взнос.

– Лорд Кавендейл! – окликнул его Райан.

Гарольд обернулся:

– В чем дело?

– Если я когда-нибудь услышу, что вы снова ударили женщину…

Несколько долгих мгновений Гарольд молча смотрел на него.

– Я понял. Даю вам слово, что это не повторится, – сказал он наконец и скрылся в тумане.

Райан обернулся к Беккеру:

– Вы были не настолько уверены в его вине, как я. Поэтому и послали от его имени за адвокатами.

– Улики определенно говорили против него.

– Тогда что же вас насторожило? – удивился Райан.

– Мы готовы были отправить его на виселицу за то, что он ударил Эмили, – ответил Беккер. – Вы едва не убили его в ночь ареста.

– И я еще раз хочу поблагодарить вас за то, что остановили меня.

– Это суд должен решать, должны его повесить или нет, – продолжил Беккер. – Если бы вы не так разгневались из-за того, как он обошелся с Эмили, то могли бы взглянуть на улики с другой стороны.

Райан опустил голову, обдумывая сказанное Беккером, а затем кивнул:

– Похоже, я уже научил вас всему, чему мог.

Карета выбралась из тумана и остановилась возле дома Кэролайн на Парк-лейн. Де Квинси помог ей подняться по каменным ступеням к огромным двойным дверям.

– Не забудь завтра обратиться к доктору Сноу по поводу своей хромоты, – посоветовал он.

– Вероятно, он просто скажет, что мне необходим отдых.

– Прекрасная идея, – согласился Де Квинси. – Надеюсь, ты сможешь уснуть. Утром я вернусь, чтобы узнать, не могу ли я чем-нибудь тебе помочь.

– Помочь? – переспросила Кэролайн, словно столкнулась с

незнакомым словом. Затем наклонилась и поцеловала его в щеку. – Спасибо, Томас. Ах, если бы мы тогда не расстались!

Она проследила за тем, как Де Квинси вышел на улицу и отпустил карету. Он повернул налево, к Пикадилли и дому лорда Палмерстона. Звуки шагов затихли в окутавшем его тумане.

Она достала из кармана ключ и отперла замок. Затем, прихрамывая, вошла в прихожую и захлопнула дверь. Эхо, казалось, прозвучало громче, чем обычно. Она отметила, что слуги не забыли установить блюдце с фосфорной смесью у подножия лестницы.

Подойдя к резному столику у стены, она зажгла от спички фитиль серебряной лампы. Никогда еще вестибюль не казался ей таким огромным, хрустальная люстра под потолком – такой изящной, черно-белые мраморные плиты на полу – такими величественными, а картины и древнеримские скульптуры на постаментах – такими изысканными.

«Как далеко мне удалось уйти от ужасного, наполненного крысами и призраками дома на Греческой улице», – подумала она.

Взяв лампу, она проковыляла мимо сияющего зеленым огнем блюдца со смесью. Засунув за пояс платья трость, она ухватилась свободной рукой за блестящие бронзовые перила и начала подниматься по ступенькам, хотя, вероятно, точнее было бы сказать «подтягивать себя вверх».

Восхищаясь изящным изгибом перил, установленных так, чтобы по лестнице могли подняться дамы в самых широких кринолинах, она подумала о роскошных ужинах и приемах, что устраивала для гостей на верхнем этаже.

Там стояло второе блюдце, освещая ей дорогу. Кэролайн вошла в просторную гостиную слева и поставила лампу на длинный стол. Несколько дней назад его украшали сервизы с экзотическим чаем и разнообразными сластями, приготовленными для карточного вечера, куда два раза в месяц так стремились попасть жены самых богатых и облеченных властью людей в Лондоне, чтобы послушать ее рассказы о последних новинках моды и финансовые советы.

Она прошла по причудливым красно-зеленым узорам восхитительного персидского ковра к застекленной двери на просторный балкон. В отличие от большинства хозяев богатых домов, не желающих, чтобы посторонние наблюдали за их частной жизнью, Кэролайн велела слугам не задергивать занавески, гордясь окружающей ее роскошью и радуясь, что ее может увидеть кто-то еще.

Туман, как обычно, не позволял рассмотреть раскинувшийся по другую сторону улицы Гайд-парк с рядами деревьев и дорожками для

верховой езды, создающими иллюзию загородного поместья. Но Кэролайн и так прекрасно представляла эту несравненную картину, скрытую от нее в темноте ночи. Если бы тогда, когда она была голодной десятилетней девочкой с Греческой улицы, какой-нибудь предсказатель поведал ей о том, какая судьба ее ожидает, Кэролайн решила бы, что он не только шарлатан, но вдобавок еще и сумасшедший.

Посмотрев на свое отражение в застекленной двери, Кэролайн сначала не узнала стоявшую перед ней бледную женщину, а затем решила, что это призрак, слишком хорошо ей знакомый.

Она отмахнулась от мрачных мыслей и окинула взглядом комнату, где самые сливки британского общества наслаждались ее вечерами. Ей слышались голоса гостей: «О, как это тонко подмечено, миссис Ричмонд… Ради всего святого, где вы отыскали такое восхитительное платье, миссис Ричмонд… Кто сделал этот превосходный фарфоровый сервиз, миссис Ричмонд… О, миссис Ричмонд… миссис Ричмонд».

Потом она услышала голос Томаса, спрашивающего, не было ли в ее жизни момента, который она хотела бы изменить.

Шкряб-шкряб.

Она подняла трость, готовясь защищаться от крыс.

Где же они? На полу? Нет, их когти не смогли бы так пронзительно скрести по ковру. Значит, они за стеной.

Она прислушалась, но не услышала ничего, кроме тиканья часов в вестибюле, таким огромным и пустым казался теперь ее дом.

Взяв лампу, она похромала по лестнице к еще одному блюдцу с зеленым огнем, что стояло этажом выше.

Кэролайн снова засунула трость за пояс и ухватилась за перила, чтобы подняться по ступенькам.

Она подошла к соседней с ее спальней комнате и открыла дверь. Балдахин окружал детскую кроватку с металлическими ограждениями, не позволявшими ребенку упасть. Кэролайн раздвинула занавес и посмотрела на спящего маленького Джереми.

Из тени внезапно появился чей-то силуэт.

Кэролайн подняла трость, готовясь защищаться от привидения.

– Кто здесь? – послышался сонный голос. – Ах, это вы, миссис Ричмонд.

Кэролайн опустила трость.

– Я просто зашла проведать маленького Джереми, – прошептала она служанке.

Та кивнула головой, показывая, что будет лучше, если они поговорят в

коридоре.

Выйдя из комнаты, служанка нахмурилась:

– Простите мое любопытство, миссис Ричмонд, вы, случайно, не заболели? Вы очень бледны.

– Просто устала. Но благодарю вас за заботу, Мэрибет. Маленький Джереми взял грудь кормилицы, которую я прислала?

– Да, он очень проголодался, – с улыбкой ответила Мэрибет.

– Это хорошо. Мы ведь хотим, чтобы он вырос большим и сильным.

– Совершенно верно, госпожа.

– Вам нравится ухаживать за ребенком? Может так случиться, что его матери придется уехать.

– Уехать, госпожа?

– Да, и надолго, очень надолго. Так вам нравится ухаживать за ребенком?

– Я присматривала за своим младшим братиком, когда мне было десять лет, а потом за сестренкой, когда мне было четырнадцать, – снова улыбнулась Мэрибет.

– Значит, в девятнадцать лет у вас не должно возникнуть трудностей.

– Никаких, миссис Ричмонд. А почему мать Джереми должна уехать?

– Скоро вы обо всем узнаете. А теперь отдохните. Я хочу, чтобы вы хорошенько выспались. С этой минуты главной и единственной вашей обязанностью будет забота о маленьком Джереми.

– Это большая честь для меня. Благодарю вас за доверие.

Шкряб-шкряб.

Кэролайн обернулась.

– Что-то случилось, миссис Ричмонд?

– Вы не слышите?

– Что я должна услышать?

Шкряб-шкряб.

– Они скребутся под полом.

– Кто такие «они», миссис Ричмонд?

– Крысы. Разве вы их не слышите?

Шкряб-шкряб.

– Нет, госпожа, я ничего не слышу.

Шкряб-шкряб.

Кэролайн ударила тростью по ковру на полу.

– Пошли прочь, проклятые! Пошли прочь!

Она ударила еще раз, уже сильнее.

В спальне захныкал маленький Джереми.

– Прошу вас, миссис Ричмонд! Не пугайте его.

– Что?

– Вы испугали маленького Джереми.

– Испугала…

Кэролайн посмотрела на свою трость, затем оглянулась на приоткрытую дверь в спальню, где плакал Джереми.

Звуки затихли.

– Хорошо, не будем шуметь и пугать его, – согласилась Кэролайн, опуская трость.

По лестнице с верхнего этажа спустились двое слуг со свечами в руках.

– Все в порядке, миссис Ричмонд? – спросил один из них.

– Принесите больше блюдец со светящейся смесью, – распорядилась она.

– Да, госпожа. Сию минуту.

Кэролайн обернулась к Мэрибет:

– Пожалуйста, возвращайтесь в комнату Джереми.

Она направилась к лестнице.

– Вы хромаете, миссис Ричмонд. С вами точно все в порядке?

– Устала. Я просто устала.

Кэролайн снова засунула трость за пояс платья. Держа лампу в одной руке, она ухватилась другой за перила и тяжело заковыляла вниз по ступенькам.

На нижнем этаже Кэролайн вошла в библиотеку, поставила лампу на стол и остановилась возле шкафа, на полках которого стояли книги одного и того же автора. Она открыла дверцу, сняла с полки том, и он сам собой открылся на той странице, что Кэролайн перечитывала бесчисленное множество раз и теперь захотела прочитать снова.

Она опустилась на стул, вздохнула и мысленно вернулась к тому моменту, когда семнадцатилетний Томас впервые появился в доме на Греческой улице.

Она снова слышала голос молодого Любителя Опиума: *«…в огромном и пустом доме. Называя его пустым, я имею в виду, что там не было никакой мебели. Однако я неожиданно нашел в нем еще одного обитателя – бедную, всеми брошенную девочку лет десяти. Я выяснил, что она уже давно живет здесь в совершенном одиночестве, и бедняжка несказанно обрадовалась, узнав, что отныне я буду делить с нею страшные ночные часы. Из-за полного отсутствия мебели пустынные лестницы наполнялись гулким эхом крысиной возни. И бедное дитя, терпевшее телесные муки*

недоедания и холода, вообразило, будто бы дом населен привидениями, отчего страдало еще сильнее. Мы спали на полу, а покрывалом служило нам нечто вроде конской попоны. Несчастная девочка прижималась ко мне, спасаясь от холода и призрачных врагов своих. Я обнимал бедняжку…»

Затем книга, как будто по собственному желанию, открылась на другой много раз перечитанной странице.

Голос юного Томаса снова зазвучал в голове Кэролайн, но теперь он рассказывал о том вечере, когда молодой человек покинул дом на Греческой улице, направляясь к другу своей семьи, который мог бы вытащить его из нищеты.

Он пообещал вернуться через пять дней.

«В сопровождении Энн я отправился в сторону Пикадилли, намереваясь добраться оттуда до Итона на почтовой карете, идущей в Бристоль. Путь наш лежал через ту часть города, коей более не существует, но, кажется, там проходила некогда Своллоу-стрит. Имея времени в достатке, мы присели на углу, не желая прощаться среди суеты и блеска Пикадилли. Я заранее посвятил Энн в задуманное дело и вот вновь уверял, что, ежели повезет мне, разделит она мое счастье и, покуда хватит сил и средств, я не оставлю ее. Я любил Энн. Я вдруг обрел благостный покой и надежду. Энн же, напротив, была так грустна, что, когда, прощаясь, я поцеловал ее, она обвила мою шею руками и зарыдала, не в силах промолвить ни слова».

Кэролайн подошла к письменному столу, взяла из ящика листок бумаги, обмакнула медное перо в чернильницу и принялась торопливо писать.

Шкряб-шкряб.

Она остановилась и окинула взглядом комнату.

Шум не повторился, и она вернулась к письму.

Шкряб-шкряб.

Кэролайн снова остановилась и прислушалась к тишине дома.

«Это перо скрипит по бумаге», – решила она.

Пытаясь поверить в это объяснение, она заводила пером еще быстрее и больше не прерывалась, хотя скрежет становился все громче, торопясь запечатлеть на бумаге те слова, что всю жизнь не давали ей покоя.

Она закончила письмо, промокнула написанное, свернула листок и запечатала воском. Рядом с печатью она вывела всего одно слово: «Томасу». Затем она составила еще один документ и положила на стол, чтобы любой мог его прочитать.

Кэролайн отодвинула в сторону книжную полку, и за ней оказался сейф с самым сложным замком, какой только можно было приобрести за деньги. Достав ключ из потайного кармана платья, она открыла сейф и выложила его содержимое на стол.

Глава 14
Опустошенное сердце

– Миссис Ричмонд нет дома, – заявил на следующее утро лакей, открывая дверь.

Он должен был всем своим видом выражать удовлетворение от службы в одном из самых богатых домов Лондона, но на самом деле выглядел смущенным и даже испуганным.

– Ее может не быть дома для всех остальных, – сказал Де Квинси. – Но нас она наверняка ждет. Прошу вас, передайте ей, что пришли Томас и Эмили.

– Она оставила на столе запечатанное письмо, адресованное Томасу. Возможно, это для вас. Но самой миссис Ричмонд действительно нет дома.

– Вы выглядите так, словно произошло что-то странное, – заметила Эмили. – Что именно?

– Когда церковные колокола пробили пять часов утра, кухарка застала миссис Ричмонд на кухне. Миссис Ричмонд топила печь. Это очень странно, ведь, если бы она проголодалась, достаточно было просто разбудить кухарку. Миссис Ричмонд была в уличной одежде. Она прихрамывала и опиралась на трость. Мало того, она еще оставила на столе огромную сумму денег и записку, которая не может не вызвать тревоги.

Не дожидаясь приглашения, Любитель Опиума зашел внутрь.

– Покажите ее нам.

Лакей, довольный тем, что кто-то снял с него ответственность, проводил их в библиотеку.

На столе лежала увесистая пачка двадцатифунтовых банкнот. Эмили провела по ней пальцем, пытаясь приблизительно оценить сумму.

– Здесь не меньше десяти тысяч фунтов, – потрясенно произнесла она.

Лакей передал Де Квинси листок бумаги:

– Хотя в записке миссис Ричмонд сказано, что эти деньги нужно разделить между слугами, готов поклясться, что мы к ним даже не прикасались. Мы боимся, что нас обвинят в воровстве.

Любитель Опиума прочитал записку.

– Это поправки к завещанию Кэролайн, – с удивленным лицом объяснил он Эмили. – Она желает, чтобы слуги разделили эти деньги между собой. И чтобы служанка по имени Мэрибет позаботилась о ее

внуке. Мальчик унаследует все деньги, за исключением тех средств, что потребуются для защиты Стеллы в суде и на содержание ее в лечебнице для умалишенных. Эдварду она не оставляет ничего, кроме своего презрения.

– Посмотри сюда, отец, – показала Эмили на раскрытый томик его «Исповеди», лежавший на столе.

Де Квинси взглянул на страницу:

– Здесь описывается тот вечер, когда я уезжал в Итон и прощался с Энн.

Он взял письмо, адресованное Томасу, и дрожащей рукой взломал восковую печать. Чем дальше он читал, тем сильнее билось его сердце и кружилась голова.

– Что там сказано, отец?

– Нет времени рассказывать. – Де Квинси обернулся к лакею. – Проводите нас на кухню.

Кухня располагалась на нижнем этаже. Там стояла самая большая печь, какую Де Квинси видел в своей жизни.

– Значит, вы застали миссис Ричмонд здесь на рассвете? – спросил он у кухарки.

Круглолицая женщина растерянно закивала:

– Она растопила печь так жарко, как делаю я, когда готовлю ужин.

– И что она делала? – задала вопрос Эмили.

– Пекла печенье.

– Печенье, – повторил Де Квинси, и голос его прозвучал, словно стон.

– Самое странное печенье из всех, что я знаю, – добавила кухарка. – Бренди, свиной жир, сахар, мука и…

– И что-то белое, что лежало в банке с водой, – закончил за нее Любитель Опиума.

Кухарка кивнула.

– Не знаю, что это, но один слуга делает из него зеленую светящуюся смесь, которую выставляют в блюдцах на лестнице. Я понятия не имела, что это съедобно.

– А потом она вышла из дома? – торопливо уточнил Де Квинси. – Так нам сказал лакей.

– Я пыталась отговорить ее, – оправдывалась кухарка. – Левая нога у нее совсем ослабла. И левая рука тоже выглядела неважно. Но она ничего не хотела слушать. Она ведь моя хозяйка, как же я могла остановить ее? Она положила печенье в карман пальто и ушла, опираясь на трость.

– Она не говорила, куда отправилась? – спросила Эмили.

– Нет. Она только сказала: «Спасибо, что столько лет помогали мне. Я

кое-что оставила для вас и других слуг в библиотеке». Во имя Господа, что происходит?

– Это вовсе не во имя Господа, – произнес в ответ Де Квинси. – Эмили, нам надо спешить. Возможно, мы уже опоздали.

Они выбежали в парадную дверь и увидели Райана и Беккера, заходивших в ворота.

– Слуга лорда Палмерстона сказал нам, где можно вас найти, – заговорил инспектор. – Мы решили, что вы захотите присутствовать при нашем разговоре с Эдвардом Ричмондом и…

– Нужно как можно скорее разыскать Кэролайн, – перебил его Де Квинси.

Они поспешили к ближайшей стоянке кебов на Гайд-Парк-Корнер. Целый день экипажи то подъезжали, то уезжали снова, и только мальчишка-мойщик постоянно находился здесь, ухаживая за лошадьми и помогая пассажирам забраться в салон.

– Когда ты сегодня начал работать? – спросил его Беккер.

– В пять утра.

– А хромающая женщина не брала кеб приблизительно в это же время?

– А еще она с трудом шевелила рукой. Она дала мне вот это за то, что я ей помог.

Сам не веря своей удаче, мальчишка показал двадцатифунтовую банкноту. Это было больше, чем он мог заработать за год.

– Ты помнишь, куда она велела себя отвезти? – спросил Райан.

– Да, на…

– …Греческую улицу возле Сохо-сквер, – ответил за него Де Квинси.

– Верно. Но как вы узнали? – удивился мальчишка.

– Больше она никуда и не могла поехать.

Пожилой человек быстро забрался в четырехместный кеб. Эмили, Райан и Беккер поднялись в салон вслед за ним.

Пока возница мчал их по шумным, забитым экипажами улицам, Де Квинси показал своим спутникам письмо, которое оставила для него Кэролайн.

Эмили плакала, читая его. Когда к ней вернулась способность говорить, она повторила ту фразу, что сказал ее отец, слушая откровения Стеллы прошлой ночью:

– «Ужасы, что сводят с ума, горесть, что точит сердце».

Кеб выбрался на Греческую улицу и направился в сторону Сохо-сквер.

– Какой номер дома? – крикнул сверху возница.

– Пустое место между домами, – ответил Любитель Опиума.

У деревянного ограждения собрались люди, тревожно указывая на что-то, находящееся ниже мостовой.

– Мы опоздали, – простонал Де Квинси.

Он спрыгнул еще до того, как кеб остановился. Эмили, Райан и Беккер с трудом протиснулись сквозь толпу.

Де Квинси был так мал ростом, что ему пришлось встать на цыпочки, чтобы заглянуть за ограждения и осмотреть каменный пол бывшей кухни нижнего этажа.

Кэролайн лежала лицом вниз на одной из каменных плит.

Райан и Беккер отодвинули одну секцию ограждения, за которой располагались ступеньки, ведущие на нижний этаж. Они помчались вниз, но Любитель Опиума, несмотря на свой рост, первым оказался рядом с Кэролайн.

Она лежала неподвижно. Он бережно перевернул ее на спину и всхлипнул. Она пугающе постарела. Еще недавно гладкая кожа приобрела оловянный оттенок и покрылась морщинами. Волосы словно присыпало пылью.

– Эмили, помоги ей, если сможешь, – попросил Де Квинси.

– У нее в руке кусок печенья, – заметила Эмили. – И крошки в уголках рта.

Она попыталась нащупать пульс. Приподняла веки Кэролайн и осмотрела ее глаза. Затем проверила ее дыхание и наконец коснулась лодыжек.

– Холодные. Совсем холодные. Яд был слишком сильным. Она умерла, отец.

Де Квинси опустился на колени, сжимая в руке письмо Кэролайн. Он никогда не сможет забыть ни одного слова из этого письма.

> Дорогой мой Томас,
>
> воспоминания действительно подобны звездам, которые исчезают днем и снова появляются в темноте… точно так же, как кошмары и призраки.
>
> В особенности один из них.
>
> В тот вечер, когда ты отправился в Итон, чтобы попросить друга твоей семьи вытащить тебя из нищеты, я не могла остаться дома одна, без тебя.
>
> Я пошла следом за тобой и видела, как ты встретился с Энн, поджидавшей тебя чуть дальше по Греческой улице.

Я не могла понять, почему ты не взял меня с собой. Если ты разрешил Энн проводить тебя до почтовой кареты, то почему не разрешил мне? Я прокралась за вами на Своллоу-стрит, где вы присели на скамью.

Очевидно, вы строили планы на будущее. Я видела, как она обняла тебя, а ты поцеловал ее.

После ты уехал, и я подошла к Энн, сидевшей на скамье. Она плакала. Потом она заметила меня, мы обнялись и заплакали вместе. Я попросила ее вернуться со мной в тот проклятый дом на Греческой улице, чтобы мы могли утешить друг друга.

Я сказала Энн, что ты оставил мне рецепт для печенья. Угли в камине еще не остыли, я раздула их и добавила остатки угля, который ты принес перед отъездом. Потом нашла старую сковороду в одном из пыльных шкафов и приготовила печенье.

Томас, я часто представляла тебя и Энн моими родителями и мечтала, что вы всегда будете заботиться обо мне.

Но иногда я представляла тебя не отцом, а моим мужем.

И когда я увидела, как вы с Энн строите планы на будущее без меня… когда я увидела, как ты поцеловал ее…

В прошлую субботу мы сидели в ресторанчике, и ты рассказал мне, что в доме на Греческой улице ужасно воняло, когда ты вернулся туда через пять дней. Я объяснила, что это были крысы, убитые твоим ядом.

Но на самом деле воняли не только крысы. Вот почему Брунелл решил сбежать вместе со мной. Он боялся, что его враг узнает о том, что я сделала, и обвинит во всем его самого. В итоге я ничего не добилась.

Жалею ли я о чем-то в своей жизни? Да, я жалею, что пошла в тот вечер за тобой. Я жалею, что привела Энн домой. Я жалею, что не смогла…

Возможно, мы трое стали бы одной семьей и вы с Энн заботились бы обо мне. Я даже представить не могу, как это было бы прекрасно. Но тогда, как ты мне уже говорил, у тебя не было бы Эмили.

Вечно твоя,

Кэролайн

Де Квинси упал на каменную плиту рядом с Кэролайн и зарыдал.

– Инспектор Райан, – произнес он наконец.

– Да?

– Сделайте мне одолжение.

– Конечно.

– Я заметил чуть дальше по улице рабочих. Не могли бы вы попросить у них какую-нибудь жердь, которой можно было бы пользоваться как рычагом?

Райан удивленно посмотрел на него, но повторил:

– Конечно.

– Отец, я…

Не находя слов, Эмили опустилась на колени рядом с ним и обняла.

– Сержант Беккер, – позвал Де Квинси.

– Да?

– Пожалуйста, помогите мне передвинуть тело Кэролайн.

Эмили тоже вызвалась помочь. Втроем они осторожно перенесли труп к ступенькам.

Райан вернулся с жердью, и Любитель Опиума указал на каменную плиту, на которой только что лежала лицом вниз Кэролайн.

– Пожалуйста, поднимите эту плиту, – попросил он.

Инспектор просунул конец жерди в щель между плитами и навалился всем весом на рычаг. Когда плита приподнялась, сержант отодвинул ее в сторону и с громким стуком сбросил в угол.

На земле под плитой лежал скелет со сложенными на груди руками.

– Энн, – дрогнувшим голосом сказал Де Квинси. – Наконец-то я тебя нашел.

– Могу я сделать что-то, что заставит вас передумать? – спросил лорд Палмерстон.

Вместе с комиссаром Мэйном, Райаном и Беккером он пришел на вокзал проводить Эмили и ее отца. Манчестерский поезд нетерпеливо запыхтел.

– Я жаловался на ваши полуночные прогулки. Но неожиданно понял, что лишаюсь общества единственного во всей Англии человека, который настолько мало заботится о себе, что не боится говорить мне правду.

– Милорд, для меня было большой честью воспользоваться вашим гостеприимством и восхититься вашим величием, – начал Де Квинси, но лорд Палмерстон с усмешкой перебил его:

– Я даже готов не обращать внимания на ваш сарказм.

– Здесь на меня слишком сильно действуют воспоминания, – объяснил Любитель Опиума. – В декабре меня выманили в Лондон из Эдинбурга, пообещав рассказать, что случилось с Энн. То обещание оказалось жестоким обманом, но теперь я наконец узнал, что случилось с девушкой, и цель моего путешествия в Лондон достигнута.

Если я останусь здесь, то состояние мое будет лишь ухудшаться, сокрушенное теми воспоминаниями, которые станут вызывать у меня Оксфорд-стрит, Сохо-сквер и Греческая улица. Хотя ум лишен способности забывать, это еще не означает, что я должен подвергать себя пыткам из-за этих ярких воспоминаний. Вдали от столь памятных мест я попытаюсь еще раз снизить ежедневную дозу лауданума.

– Желаю вам успеха в этих попытках, – произнес комиссар Мэйн. – И куда вы с Эмили теперь направитесь?

– В Грасмер в Озерном крае, – ответил Де Квинси. – В юности я провел там немало счастливых лет. Мы с Эмили собираемся довести до конца путешествие, начатое в четверг вечером. Возможно, некоторые из моих книг уцелели после аукциона.

– Не знаю, как Лондон будет обходиться без вас, – заявил комиссар, – когда случится новое необъяснимое убийство…

– Инспектор Райан и сержант Беккер вполне способны с этим справиться, – с улыбкой отозвался Де Квинси. – Если будут и дальше придерживаться учения Иммануила Канта.

Комиссар рассмеялся.

– Мы были рады изучать изящное искусство смерти под вашим руководством, – сказал Беккер.

Мимо них торопливо проходили пассажиры и рассаживались по вагонам поезда. После похорон Энн и Кэролайн – последнюю, как самоубийцу, погребли в неосвященной земле – газеты опубликовали множество репортажей, заверяющих читателей в том, что человек, организовавший нападения на поезда, арестован полицией и теперь не осталось никаких причин, чтобы опасаться железных дорог. С каждым днем число пассажиров увеличивалось.

– Королева и принц находятся сейчас в Виндзорском замке, – сообщил премьер-министр. – Известие о вашем отъезде дошло до них слишком поздно, и они никак не успевали вернуться в Лондон, чтобы попрощаться с вами. Но они просили меня передать, что будут скучать по вам. А Эмили они желают больших успехов на медицинском поприще, если она решит посвятить себя этому занятию. Еще они просили оказать вам некоторую финансовую помощь для предстоящего путешествия. Возможно, она также

избавит вас на время от ваших кредиторов.

Лорд Палмерстон вручил Де Квинси пачку банкнот, туго перетянутых голубой лентой.

– Здесь триста фунтов, – с удивлением отметил Де Квинси. – Я не могу принять такую сумму.

– На самом деле можешь, отец.

Эмили забрала у него банкноты и положила себе в карман.

Де Квинси обменялся рукопожатиями с Райаном и Беккером.

– Спасибо вам за вашу дружбу, – сказал он.

Пронзительно завопил паровозный свисток.

– Мы отъезжаем, – предупредил кондуктор, проходя мимо. – Вам следует подняться в купе.

– Благодарю вас. Я оставлю Эмили попрощаться.

Когда он скрылся в купе, девушка поцеловала в щеку лорда Палмерстона.

– Неужели вы способны краснеть, премьер-министр? – поинтересовалась она.

Он уклонился от ответа и указал на рану на ее лице:

– Опухоль и покраснение уже прошли. Рискну предположить, что шрама не останется.

– Вы знаете, какие слова нужно говорить женщинам, – признала Эмили.

Она подошла к комиссару Мэйну и также поцеловала его в щеку.

– Я буду скучать по тем приключениям, что пережила вместе с вами.

– Прошедшие три месяца были весьма ценным опытом, – ответил он, краснея вслед за лордом Палмерстоном.

Следующим она поцеловала в щеку Беккера, а за ним и Райана.

– И конечно же, я буду скучать по вам обоим. Мне не хочется с вами расставаться, но отец пропадет без меня.

– Возможно, когда-нибудь вы вернетесь в Лондон, – предположил Беккер. – Мы будем необыкновенно рады вашему возвращению.

– Да, возможно. Когда-нибудь, – с сожалением повторила она.

Паровозный свисток раздался вновь.

– Я напишу вам, – пообещала Эмили и, утирая слезы, зашла в купе.

Кондуктор закрыл дверь и помахал машинисту. Паровоз тяжело запыхтел, и поезд тронулся с места.

– Комиссар Мэйн, мне нужно решить с вами два вопроса, – заявил Райан.

Он вытащил из кармана хронометр Бенсона. Золото потускнело от

воды во время ночного пожара.

– Эти часы перестали показывать точное время. Но, возможно, мистер Бенсон сумеет наладить их. Что же касается второго вопроса…

Он протянул комиссару свой жетон.

– Шон, что вы делаете? – изумился Беккер.

– Из-за своих чувств к Эмили я едва не убил человека, поранившего ее лицо, – сознался Райан. – А затем едва не позволил палачу убить его, раз уж это не удалось мне.

– Иногда эмоции берут над нами верх, – попытался переубедить его сержант.

– Над нами? Вы готовы убить ради Эмили?

– Я… нет.

– Скажите честно, чего вы хотите от нее?

– Чего я хочу? – Беккер смутился, помня о том, что их разговор слышат лорд Палмерстон и комиссар Мэйн. – Я хочу жениться на ней и завести детей.

– Сначала и я хотел того же. Но теперь все, чего я хочу, – это быть рядом и защищать ее.

Райан шагнул к отъезжающему поезду.

– Я на пятнадцать лет старше вас, – сказал он, обернувшись к своему коллеге. – И всего несколько раз в жизни испытывал подобные чувства. И всегда упускал свой шанс. На этот раз я его не упущу.

Он ускорил шаг.

– Комиссар, рекомендую вам назначить инспектором вместо меня моего друга, – крикнул он через плечо. – Возможно, я и не успел его чему-то научить, но понятия не имею, чему именно!

Райан перешел на бег.

– Все купе закрыты! – прокричал кондуктор. – Вам придется подождать следующего поезда.

– И навсегда потерять ее? Ни за что!

Райан подпрыгнул, вцепился в решетку окна и повис на ней, почти касаясь гравия подошвами ботинок. Напрягая все силы, он подтянулся и сумел поставить ноги на металлическую подножку перед дверью.

«Возможно, машинист оглянется назад и увидит, что я повис на оконной решетке, – подумал он. Ветер сорвал с его головы кепи, обнажив рыжие волосы. – Возможно, машинист остановит поезд».

Но даже если этого не случится, Райан готов был цепляться за решетку, пока поезд не доедет до следующей станции, как бы далеко та ни находилась.

Или даже провисеть так всю жизнь.

Через окно он видел, как Эмили удивилась его внезапному появлению. Она прикоснулась рукой к оконному стеклу.

И улыбнулась.

Благодарности

Все семь лет работы над романом «Властелин ночи», а также его предшественниками, «Изящным искусством смерти» и «Инспектором мертвых», я ощущал себя путешественником во времени. Это путешествие оказалось возможным благодаря многим людям. Я очень благодарен Роберту Моррисону, автору книги «Англичанин, употреблявший опиум: биография Томаса Де Квинси», и Гревелу Линдопу, автору «Любителя Опиума», за их дружескую поддержку.

Еще одним моим другом стала специалист по Викторианской эпохе Джудит Фландерс. Ее книги «Викторианский город», «Викторианский дом изнутри» и «Изобретение убийства: как англичане полюбили смерть и полицейские расследования и создали современный детектив» занимают видное место на полках в моем кабинете. Она также написала серию захватывающих детективных романов («Убийство сорок», «Постель скорпионов» и «Облик стервятников»), где в роли сыщика-любителя выступает лондонский литературный редактор, чувством юмора подозрительно напоминающий саму Джудит.

Первое убийство в английском поезде на самом деле произошло в 1864-м, а не в 1855 году, но его детали в основном совпадают с теми, что приведены в моем романе. Я приспособил их для своих целей, в действительности события развивались в ином направлении; Кейт Колкухоун описала это происшествие в книге «Смерть в вагоне первого класса: первое убийство на викторианских железных дорогах».

Это убийство нанесло удар в самое сердце того, что принесло величие Британии, усилив беспокойство, зародившееся с тех пор, как железнодорожная эра вынудила страну перемещаться с невообразимой скоростью пятьдесят миль в час. Вольфганг Шивельбуш в книге «Железнодорожное путешествие: индустриализация пространства и времени в девятнадцатом веке» описывает тревогу пассажиров, сидевших в запертых купе, почти не обращая внимания на пейзажи, мимо которых они проносились, а больше беспокоясь о своей безопасности и стараясь не глядеть на незнакомцев, вместе с которыми им приходилось путешествовать.

Гидропатия быстро превратилась в повальное увлечение, после того как Винценц Присниц – сын крестьянина, не имевший никакого медицинского образования, – основал водолечебную клинику в

австрийском горном городке Греффенберг, ныне являющемся территорией Чешской Республики. Клиника пользовалась таким успехом, что вскоре британские врачи открыли подобное заведение в городе Малверн-Хилл, расположенном в западной части Центральных графств. Мой Седвик-Хилл является точной копией Малверн-Хилла, но в интересах сюжета мне пришлось перенести его в окрестности Лондона. Я ничего не выдумал и не преувеличил, описывая метод влажного обертывания, с помощью которого доктор Уэйнрайт пытался избавить Де Квинси от опиумной зависимости. Душ и погружающие ванны также имели широкое применение. Не кто иной, как Эдвард Бульвер-Литтон (получивший известность благодаря своей неоднократно спародированной фразе «Стояла темная ненастная ночь»), стал ярым поклонником гидропатии и написал статью, название которой – «Исповедь пациента гидропатической клиники» – перекликается с «Исповедью англичанина, употребляющего опиум» Де Квинси. Подробнее об этом увлечении можно прочитать у Кейт Саммерскейл в «Бесчестии миссис Робинсон» и у Эрнеста Шеквила Тёрнера в «Принимая процедуры».

Доктор Мандт и подозрения касательно его личности тоже не выдуманы. Я узнал о нем из подробнейшей книги Орландо Фиджеса «Крымская война: история». Рассказ Де Квинси о крестьянине и гадюке представляет собой часть легенды о Мандте.

Медицинские познания Эмили (например, оздоровляющий эффект от вдыхания испарений сосновой смолы) взяты из «Полезных советов обо всем», популярного справочника Викторианской эпохи, изданного в 1856 году. Описания улиц Лондона, в особенности Лудгейт-хилл, основаны на ярких иллюстрациях повседневной жизни города работы Гюстава Доре, опубликованных в книге «Лондон: паломничество» (1872).

Гигантский глобус Уайльда с горами и океанами на внутренней поверхности в 50-е годы XIX века привлекал внимание миллионов лондонцев, но в 1862 году, после конфликта из-за аренды участка на Лестер-сквер, здание было снесено. В отличие от него Кембридж-Хаус лорда Палмерстона сохранился до настоящего времени. Это величественное сооружение – один из немногих особняков на Пикадилли, построенных в отдалении от дороги, – располагается напротив Грин-парка, южнее Парк-лейн. В XX веке здесь размещался Военно-морской клуб, более известный под названием «Въезд и выезд» из-за двух табличек на воротах, указывающих направление движения по подъездной дорожке, но он закрылся много лет назад, и теперь зданием владеют два русских инвестора, надеющиеся превратить его в самую дорогую частную

резиденцию в Лондоне. На моем веб-сайте www.davidmorrell.net, на странице, посвященной роману «Властелин ночи», можно найти снабженные фотографиями очерки о Гигантском глобусе, Кембридж-Хаусе, Юстонском вокзале и гидропатической клинике в Малверн-Хилле, а также увидеть, как могли выглядеть Де Квинси и Эмили в 1855 году.

Комиссар Мэйн существовал в действительности, так же как Джеймс Уильям Бенсон и его легендарный золотой хронометр. Это лишь немногие из очаровательных персонажей, с которыми я познакомился по перечисленным ниже книгам:

Питер Акройд «Лондон: биография»;

Питер Акройд «Уилки Коллинз»;

Ричард Олтик «Люди и мысли Викторианской эпохи»;

Энн-Мэри Беллер «Мэри Элизабет Брэддон: подвижница детективной литературы»;

Альфред Рослинг Беннетт «Лондон и лондонцы в 1850–1860-х годах (воспоминания)»;

Иан Бондесон «Преследователь королевы Виктории: странная история мальчика Джонса»;

Марк Бостридж «Флоренс Найтингейл»;

Дэвид Браун «Палмерстон: биография»;

Дженнифер Кэрнелл «Литературные жизни Мэри Элизабет Брэддон»;

Белтон Кобб «Первые детективы и начало карьеры комиссара полиции Ричарда Мэйна»;

Тим Пэт Куган «Заговор голода: роль Англии в величайшей трагедии Ирландии»;

Хезер Криэйтон «Викторианские дневники: повседневная жизнь викторианских мужчин и женщин»;

Розалинд Кроун «Жестокие викторианцы»;

Элисон Гернсхайм «Мода времен Виктории и Эдуарда: фотообзор»;

Хорас Эйнсуорт Итон «Томас Де Квинси»;

Джудит Фландерс «Страсть к потреблению: досуг и развлечения в викторианской Англии»;

Джиллиан Джилл «Мы двое: Виктория и Альберт. Правители, партнеры, соперники»;

Рут Гудмен «Как быть викторианцем»;

Кейт Хаббард «Слуги Виктории: жизнь в королевском дворце»;

Уинфред Хьюз «Маньяк в подвале: сенсационные романы 1860-х годов»;

Стивен Джонсон «Карта призраков: история самой страшной

лондонской эпидемии»;

Петрус де Йон «Возлюбленные Де Квинси»;

Генри Мейхью «Труженики и бедняки Лондона» (издание 1861–1862 годов);

Салли Митчелл «Повседневная жизнь викторианской Англии»;

Пол Томас Мёрфи «Выстрелы в королеву Викторию: безумие, хаос и возрождение британской монархии»;

Кэтрин Питерс «Король фантазий: жизнь Уилки Коллинза»;

Лайза Пикард «Викторианский Лондон»;

Дэниел Пул «Что ела Джейн Остин и что знал Чарльз Диккенс»;

Эдвард Сэквилл-Уэст «Томас Де Квинси»;

Чарльз Мэнби Смит «Достопримечательности Лондона» (издание 1853 года);

Литтон Стрейчи «Выдающиеся викторианцы» и «Королева Виктория»;

Джудит Саммерс «Сохо: история самого колоритного района Лондона»;

Кейт Саммерскейл «Подозрения мистера Уичера, или Убийство на Роуд-хилл»;

Мэттью Свит «Изобретение викторианцев»;

Ф. М. Л. Томпсон «Подъем респектабельного общества. История викторианской Британии в 1830–1900 годах»;

Дж. Дж. Тобайас «Преступники и полицейские в Англии с 1700 по 1900 год»;

Тамара Вагнер «Финансовые спекуляции в викторианской литературе: денежные схемы и новый жанр»;

Ивонна Уард «Королева Виктория после цензуры: как два господина отредактировали королеву и создали икону»;

Эндрю Норман Уилсон «Выдающиеся викторианцы», «Виктория» и «Викторианцы».

Многие важнейшие труды Де Квинси включены в следующие сборники: «Об убийстве», «„Исповедь англичанина, употреблявшего опиум“ и другие сочинения» и «Томас Де Квинси: Оксфордские авторы двадцать первого века», редактором которых был Роберт Моррисон. Чтобы полностью погрузиться в творчество Томаса Де Квинси, возьмите собрание его сочинений в двадцати одном томе под общей редакцией Гревела Линдопа (каким-то образом Гревел ухитрился найти время еще и на то, чтобы написать о другом очаровательном авторе в книге «Чарльз Уильямс: третий инклинг»). Роман «Валладмор» обычно не включается в собрания сочинений Де Квинси, однако он действительно сочинил эту подделку под

сэра Вальтера Скотта при тех комических обстоятельствах, которые я описываю.

О названии «Властелин ночи». Когда американский эссеист Ральф Уолдо Эмерсон приехал в Британию, он особенно хотел познакомиться с Томасом Де Квинси. Они четырежды встречались в Эдинбурге, причем ради одной из этих встреч Де Квинси прошел шесть миль под дождем и был ограблен по дороге двумя мальчишками. Эмерсона так воодушевило присутствие Де Квинси на его лекции о трансцендентализме, что он не смог удержаться от ликующей записи в дневнике: «На мою лекцию! Д. К. пришел на мою лекцию!» Они долго говорили об опиумной зависимости Де Квинси и о сделанном им на основе своих кошмаров выводе о «темных безднах, лежащих глубже известных нам бездн», заключенных в человеческом разуме. Позже Де Квинси рассказывал, что Эмерсон, в связи с этими кошмарами, назвал его «властелином ночи».

Загадочный Брунелл, кишащий крысами дом на Греческой улице, десятилетняя девочка, вместе с которой семнадцатилетний Де Квинси укрывался одной попоной, его возлюбленная Энн – пятнадцатилетняя проститутка, спасшая ему жизнь, – все это самые яркие фрагменты «Исповеди англичанина, употреблявшего опиум». Де Квинси никогда не переставал искать эту девочку, так же как никогда не переставал искать Энн. В моем романе он наконец-то нашел обеих.

Я благодарен за дружескую помощь Джейн Дистел и Мириэм Гоудрич, а также всем замечательным людям из литературного агентства «Дистел и Гоудрич», в особенности Лорен Абрэмо, Майку Хуглэнду, Шерон Пеллетье и Эмми Бишоп.

Также я признателен великолепной команде из «Малхолланд букс/Литтл, Браун/Хакетт». Особенно хочу отметить (в алфавитном порядке) Памелу Браун, Джоша Кендалла, Уэса Миллера, Майкла Нуна, Трэйси Роу и Рут Тросс.

Моя жена Донна, являясь моим первым читателем, как обычно давала мне прекрасные советы. Жена писателя должна обладать особыми качествами. Она понимает, насколько деспотичными бывают установленные издательством сроки, и любит рассказывать о том, чем я занимаюсь. Уже не одно десятилетие она наполняет мою жизнь своим дружеским участием и мудростью.

---

notes

Примечания

1

Шекспир У. Буря. Перевод М. Донского.

2

Лудгейт (*англ*. Ludgate) – буквально «ворота Луда». Улица названа в честь легендарного короля бриттов Луда, якобы основавшего Лондон.

3

«Бычий глаз» – масляный фонарь с толстой выпуклой линзой, фокусирующей свет.

4

Чаттертон Томас. Смерть Нику.

5

Де Квинси Томас. Исповедь англичанина, употреблявшего опиум.

6

Я римский гражданин *(лат.)*.

7

Диспепсия – расстройство пищеварения.

8

Доброе утро *(нем.)*.

9

Пожалуйста, помогите мне *(нем.)*.

10

Де Квинси Томас. Suspiria De Profundis.